

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАЙ
ИЮНЬ **N3(99)**

МОСКВА 2015

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2015. № 3. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев;
член-корр. РАН Р.С. Гринберг; к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. В.М. Кульков; академик РАН В.Л. Макаров; д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский, к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. Л.А. Тутов; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора,
д.э.н., проф. В.М. Юрьев (Тамбов)

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина);
д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада; д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль);
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия);
д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина, О.Б. Лемешонок*

Перевод на англ. язык — *О.Б. Лемешонок*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
С.С. Нина, Т.С. Сухина*

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий**

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайм: <http://www.philh.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/flhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2015 г.

Содержание

Раздел I

Философия хозяйства

Ю.М. Осипов

Межчеловеческая мировая мистерия (размышления перед глобальческим итогом) 9

Н.Б. Шулевский

Феномен теории в парадигме философии хозяйства 20

А.А. Погребняк

София и кризис (к истокам антикризисного мышления)..... 30

П.С. Лемеценок, А.М. Сидорова

Экономическая ментальность как основа интеграционных процессов стран Таможенного союза и Украины..... 43

И.Р. Бугаян

Государственное и частное предпринимательство в России: соотношение и необходимая для вырыва к развитию мера 52

С.С. Мерзляков

Элита как субъект экономического действия 62

Раздел II

Экономическая теория

А.З. Новак, К. Рычъ

Станет ли еврозона для Польши сказочной Аркадией?..... 73

М.Л. Хазин

О масштабе и последствиях мирового кризиса 86

С.Г. Ковалев, В.Е. Сабинин

Макетирование процессов глобализации..... 90

О.В. Андреева

Концептуальные основы новой промышленной политики: проблемы и противоречия 105

И.В. Щербаков

Мотивация экономической деятельности в процессе эволюции хозяйственных систем 112

Раздел III

Актуальная философия

Н.Н. Ростова

Феномен смерти Бога в современной культуре с точки зрения философской антропологии 123

А.Р. Геворкян

Философия истории К. Маркса как перевернутая форма теологического сознания 149

Д.Л. Родзинский

Страдания как механизм перехода бытийственного состояния человека в небытийственную справедливость 158

С.С. Лабанов

Идеи зодчества в соборной философии А.С. Хомякова 168

Раздел IV

Актуальное образование

<i>В.С. Сизов</i> Форсайт-исследование системы образования России	175
<i>Д.В. Воронин</i> Роль региональных научно-образовательных комплексов в развитии инновационных центров в России	187
<i>Г.С. Широкалова</i> Сельская школа: приказано жить или умирать?.....	193

Раздел V

Рецензии и отклики

<i>Ю.М. Осипов</i> Мир и война.....	203
<i>Ф.И. Гиренок</i> Философия фильма Годара «Прощай, речь»	205
<i>Л.В. Кузнецова</i> Методология и феноменология гламура.....	210

Научная жизнь

<i>Ю.М. Осипов</i> Время большого перестроения	223
<i>Ю.М. Осипов</i> Мир в движении.....	224
<i>Е.С. Зотова</i> Об этнонациональных проблемах нынешней эпохи	230
<i>Ю.М. Осипов, Т.Г. Трубицына</i> Россия в пучине мировой экономики	245
<i>Ю.М. Осипов</i> Россия в мировом экономическом зазеркалье	257
<i>Е.С. Зотова, Т.С. Сухина</i> Европейско-российские экономические и политические отношения в новых мировых реалиях	264
<i>С.С. Нина</i> Международная хозяйственная кооперация в евразийском строительстве: практика межгосударственного дирижизма	281
Наши авторы	299

Contents

Part I

Philosophy of Economy

Yu.M. Osipov

Interhuman World Mystery (Reflections before a Globalichesky Result) 9

N.B. Shulevsky

A Theory as a Part of the Philosophy of Economy Paradigm 20

A.A. Pogrebnyak

Sophia and Crisis (To the Origins of Anti-Crisis Thinking) 30

P.S. Lemeshchenko, A.M. Sidorov

Economic Mentality as a Basis of Integration Processes in Countries
of the Customs Union and Ukraine 43

I.R. Bugayan

State and Private Enterprise in Russia: Relation and a Measure Required
for a Break to Development 52

S.S. Merzlyakov

Elite as a Subject of Economic Action 62

Part II

Economic Theory

A.Z. Nowak, K. Rych

Whether the Eurozone will Become Fantastic Arcadia for Poland? 73

M.L. Khazin

The Extent and Impact of the Global Crisis 86

S.G. Kovalyov, V.E. Sabinin

Prototyping of Globalization Processes 90

O.V. Andreeva

Conceptual Frameworks of the New Industrial Policy: Challenges and
Contradictions 105

I.V. Scherbakov

Motivation of Economic Activity in the Course of Economic
Systems Evolution 112

Part III

Actual Philosophy

N.N. Rostova

Phenomenon of Death of God in Modern Culture from the Point of View
of Philosophical Anthropology 123

A.R. Gevorkyan

K. Marx's Philosophy of History as a Turned Form
of Theological Consciousness 149

D.L. Rodzinsky

Sufferings as Mechanism of Transition of the Bytiystvenny Condition
of the Person to Nebytiystvenny Justice 158

S.S. Labanov

Ideas of Architecture in Cathedral Philosophy of A.S. Khomyakov 168

Part IV

Relevant Education

V.S. Sizov

A Foresight-Researching of the Russian Educational System 175

<i>D.V. Voronin</i>	
The Role of Regional Scientific and Educational Complexes in Development of the Innovative Centers in Russia.....	187
<i>G.S. Shirokalova</i>	
Rural school: is It Ordered to Live or Die?	193
Part V	
Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
The World and the War.....	203
<i>F.I. Girenok</i>	
Philosophy of the Movie of Godar «Farewell, Speech».....	205
<i>L.V. Kuznetsova</i>	
Methodology and Phenomenology of Glamour	210
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Time of a Big Evolution.....	223
<i>Yu.M. Osipov</i>	
The world in the Movement.....	224
<i>E.S. Zotova</i>	
About Ethnosocial Problems of a Present Era.....	230
<i>Yu.M. Osipov, T.G. Trubitsyna</i>	
Russia in the Abyss of the World Economy.....	245
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Russia in a Global Economic World behind the Looking-Glass	257
<i>E.S. Zotova, T.S. Sukhina</i>	
The European-Russian Economic and Political Relations in New World Realities.....	264
<i>S.S. Nipa</i>	
The International Economic Cooperation in the Euroasian Construction: Practice of an Interstate Dirigism.....	281
Our Authors	299

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Межчеловеческая мировая мистерия
(размышления перед глобалическим итогом)

И правда становится ложью, а уж
ложь-то теперь — сплошная правда.

Аннотация. Планетарный мир неспокоен, он в войне. Межчеловеческая мировая мистерия. Мир не таков, каким его представляет обычное слово, он другой, а из разыгравшейся мистерии выйдет еще более другим.

Ключевые слова: мир, Постмодерн, война, Запад, Россия, Украина, Крым, русский мир, мистерия, историософия, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to the planetary world that is restless and in war, Interhuman world mystery. The world is not such what it are given the ordinary floor, it another, and it will leave the played mystery even more another.

Keywords: world, Postmodern, war, West, Russia, Ukraine, Crimea, Russian world, mystery, historiosophy, philosophy of economy.

Безумие — органическое свойство человека и всего его бытия. Как представить себе «умие» без безумия, сознание без бессознания, а нософеру без той же преисподней? Можно, конечно, но ничего из этого не выйдет, точнее — выйдет, но... лишь они самые: безумие, бессознание, преисподняя! С ними это все как раз и образуется: вся жизнь, все бытие, вся история. И все сегодня тоже образуется, оказываясь ежелью и не очень приятным и внятным, то уж познавателью вполне понятным: какие-такие могут быть претензии к безумию, бессознанию, преисподней?

Что мы вокруг замечаем?

Прежде всего обезумевший Запад, передовой и прогрессивный, всю уже и постмодерновый, порвавший с тормозившей прогресс традицией и окунувшийся в непрерывную прогрессивную Новизну, а потому и все более... нечеловеческий, хоть пока и не совсем звериный, как это случилось с той же фашистской Европой, но зато настырно постчеловеческий, как это уже случается в нынешнем западном — евразийском — *арт*-мире, уже целостно искусственном, вполне уже оторвавшемся от земли, природы, планетарной плоти, утратившем натурально-сакральную телесность, организменность, кровность, уже

повисшем где-то между небом и землей, бытуя высокомерно, паразитарно, беспокойно, империально — как и инфернально тоже!

Замечаем также на планете сопротивляющийся Западу *не*-Запад, он же и остальной мир, пожалуй что, и отсталый, не покончивший вовсе с Традицией, на нее все еще опирающийся, осваивающий кое-какую западную *арт*-новизну, но ей уже стремглав и по уши не отдающийся, строящий свой образ бытия и ищущий свой путь в будущее, не стремящийся покончить с человеком как человеком, а потому и берущий историческую инициативу в свои собственные руки.

Два планетарных гипермира — западный и остальной, *за*-человеческий и *все-еще*-человеческий, один — тотально обезумевший и другой — с безумием сражающийся (исключая пораженную безумием часть мусульманского мира) — и между гипермирами этими... *война*, вполне гипервойна, тотальная, разнообразная, системная и более скрытая, обманная, лживая, чем открытая, безусловная, достоверная.

Постмодерновый Запад, господствующий ныне на планете, нуждающийся в ее полной эксплуатации, противостоящий человеку и человечности, устремленный в постчеловеческую бездну, не может не действовать «аки тать в ночи»: скрытно, обманно, лживо, ибо цели его не просто античеловеческие, они еще и антимировые: сам уже ставши антимиром, Запад ничего другого, кроме господства античеловеческого антимира над миром *все-еще*-человеческим, планете Земля предложить не может.

Отсюда как потребность во всемирной войне — *войне мегапланетарных миров* — со стороны Запада, так и оправданность войны против агрессивного Запада со стороны остального — *незападного* — мира.

Вот она — *межчеловеческая мировая мистерия*, в которой участвуют все, даже и микроскопические, страны, как все блуждающие по миру космополитические странники, так и те же первобытные племена. Весь мир ныне в движении, все человечество в милитарном охвате, все его институты, поля, сети, системы, все культуры и все цивилизации, все *все-еще*-человеки и все уже постчеловеки.

Не мир теперь, а *мир-война*!

Бытие в войне, жизнь в войне, хозяйство в войне, мечты в войне, даже само будущее в войне. И выходит, что не только мир — война, но и война — мир, причем мир пока еще целый, хоть и... изрядно уже поврежденный!

Не хочется об этом думать, ох, как не хочется! А потому и «не пророчествуйте нам правды. Говорите нам лестное, предсказывайте приятное» (Ис. 30:10). Можно, конечно, и так, но какой же в этом толк, ежели «разрушение настанет внезапно, в одно мгновение» (Ис. 30:13).

Выходит, лучше думать, обретая ясность и стойкость, чем не думать, блуждая, закрывая глаза, заткнув уши, сомкнув рот и заморочив себе мозги, по пространству тошноты, страха и... безумия!

Таков нынешний бытийно-небытийный фон. Не слабо, правда? И ежели еще вчера, каких-нибудь год-два-три назад, сказать об этом было бы совершенно невозможно, даже и нелепо, то сегодня, благодаря Украине с ее потрясающим славянское воображение «украинским вопросом» (не Польше, заметим, не Прибалтике, не даже Арабской весне, не говоря об Иране с Афганом, а именно Украине, и именно с ее «украинским вопросом»), обо всем этом охватившем давно уже мир безумием вместе с непрекращавшейся ни на миг всемирной безумной войной говорить уже вполне и лепо, ибо это теперь не предчувствие с предположением, не экспертная оценка, не частное заключение, а... самая что ни на есть достоверная реальность!

Украина обнажила, сама того не сознавая... *мировую правду*, за что ей великая от всего сознательного человечества признательность: как *правду от лжи*, так и *правду от правды*, для кого-то и где-то, наверное, — *правду лжи*, а для кого-то и где-то — *правду правды*. Украина прорвала не что-нибудь, а завесу *мировой лжи*, обозначив, того не желая, ложь ложью, а правду — правдой. Чего в межчеловеческой мировой мистерии не бывает, в особенности ежели страна-облако, да еще и «без штанов», попадает прямо в ее — этой мистерии — эпицентр!

Да-а, меж планетарных мегамиров оказалась Украина, да еще и миров, между собой борющихся: западного (передового) и остального (отсталого), как и пока еще *мира-мира* (остального) и *мира-антимира* (западного). Оказалась, сконцентрировав на себе не просто внимание всего изумленного, хотя и заметно уже обезумленного, человечества, но и все силовые геостратегические линии, все туго натянутые и угрожающе звенящие струны встревоженной современности. Мечталось об этом Украине или нет, но вот оно — украинское послание миру, ударный украинский месседж, вдруг перевернувший не одну Украину, безумно пославшему месседж в мир, но и... сам этот мир, который вдруг в момент обнажился, извернулся, оборотился и предстал перед восторженным человеческим взором уже совершенно другим — вполне самому себе и адекватным: безумным, бессознательным, инфернальным! Вот такое удивительное деяние от Украины, вот такой цифровочный от нее ключик, вот такая неожиданная правдоискательская нелепость!

Впрочем, нелепость ли? Может, вполне себе заготовленный экспромт: продуманный и выверенный как раз до самой что ни на есть нелепости?

Украина (Малороссия, Галиция, потом и Новороссия) — очаг давнего этностратегического напряжения (запорожцы, Хмельницкие, Мазепа). Срединно-промежуточное положение между Западом Европы с захватом ее в Африку и на Ближний Восток и Востоком Европы с захватом ее в Азию, как и между Севером Европы и Югом Европы вместе с частью Азии и Африки не давало Украине ни покоя, ни стабильности, ни стройности, а главное — полного ощущения себя: как этноса, как страны, как культуры. Не устраивалось там государства, не рождалось полноценной субъектности, не выходило оригинальной цивилизации. Заколдованное место для тяжб, войн, захватов. Постоянная угроза исчезновения: под поляками ли, под турками ли, под австрияками ли, даже и под русскими. Попав частью будущей Украины — малороссийской — под Россию, Украина возымела возможность буквально спастись, хотя и как Малороссия. Затем Россия образует рядом с Малороссией Новороссию, которые вместе с Галицией, Закарпатьем и русскими землями на Востоке (Харьков, Донбасс) образуют страну, которая все чаще именуется Украиной. Формируется украинский язык, появляется украинская литература, произрастает украинская культура. Соответственно зарождается и шаг за шагом нарастает украинский национализм, давший о себе особенно знать при крахе от революций 1917 г. Российской империи, когда и встал во весь рост проект независимой («самостийной») Украины (Скоропадский, Петлюра, Махно). Большевицкое правительство, сначала отдав Украину немцам (Брестский мир), затем ее от немцев освободив, выдвинуло свой проект Украины, присовокупив к Украине Харьков с Донбассом в виде крепкой развитой республики в составе СССР. Однако Вторая мировая война подняла Галицию (против Польши и СССР одновременно), подпавшую под националистическую бандеровщину, действовавшую под своим — украинским-де — знаменем. Подавление вооруженной бандеровщины дало возможность создать большую и после Великой Отечественной войны всю процветающую Украину (Украинскую ССР). Н. Хрущев ни с того, ни с сего добавил Украине еще один зёмный бриллиант — Крым. Национализм на Украине, однако, никуда не исчез, а... упорно, хоть и скрытно, всю культивировался, находясь лишь в приглушенном состоянии. Украина мечтала о независимой самостоятельной Украине. После развала СССР Украина в советско-большевистской конфигурации стала независимым государством. Тут-то все и началось!

И дело не в понятном стремлении к обретению геостратегической субъектности: государственной, экономической, культурной, что стимулировало национальную амбициозность обретшей политическую независимость страны. Всего этого националистической украинской

элите оказалось мало: Украина должна была предстать вскорости совершенно *не-русской*, не «ордынской», не «московской» («москальской»), а, во-первых, сугубо *украинской*, каковой Украина никогда по сути и в целом не была, а была, возможно, лишь частью, оставаясь в основном все-таки... совершенно русской, учитывая и присутствие Русской православной церкви на Украине; во-вторых, сугубо *европейской*, каковой Украина всегда была в той же степени, что и Россия, СССР, не считая, быть может, западных частей Украины, находившихся под владычеством то Австрии, то Польши.

Короче: 1) полная украинизация Украины, включая абсолютное господство украинского языка, что означало и полную дерусификацию («демоскализацию») Украины, включая совершенное исчезновение на территории Украины русского языка и его носителей — русских, русскоязычных; 2) активная «европеизация» Украины, ее перевод в стан европейских стран с последующим вступлением в Европейский союз.

Но и это было не все: явились две побочные, но очень важные вещи. Во-первых, амбициозное перетягивание восточноевропейской истории и субъектной исторической значимости от России к Украине с лишением России не только исторического в Восточной Европе приоритета, но даже и собственно «русскости» (Украина-де верная наследница Древней Руси, а никак не Россия с ее коренной-де «татарщиной»); Россия — блеф, Украина — всё!). Во-вторых, подняла голову пеглоро-бандеровщина, а это уже не так собственно «украинщина», как некая гиперукраинщина, претендующая на безоговорочное главенство на Украине и над нею фактическое господство (с явлением новой для Украины господней расы — «укров»!).

Естественная для столь неожиданного состояния Украина и всей ее политики заминка (!) с движением Украины к ассоциации с Европейским союзом, случившаяся в 2013 г., послужила пистолетом-взрывателем для майданного выступления народа (киевлян, в основном), недовольного царившими в стране несправедностью и коррупцией, как и неожиданным для элиты сворачиванием страны с проевропейского пути (не дай бог, снова к москалям!). Народный майдан (как бы народный, ибо майдан не был совсем уже спонтанно-народным выступлением) был ловко использован двумя силами: украинским олигархатом (его как бы другой, в отличие от тогда правительствующей, части) и гиперукраинской (бандеро-галицийской) силой, действовавшей при активном и плодотворном поощрении из-за рубежа, прежде всего, глобалистского (евроамериканского, заокеанского — по югославскому сценарию).

Украина подпала в итоге (уже после свержения законного, вполне и националистического по духу правительства) под власть собственни-

ческого олигархата и воинствующей кроваво-силовой бандеровщины. Традиционные для нынешней Украины гражданские структуры и политические силы ушли в тень. В стране воцарился особого рода исключительный режим, подкрепленный поспешными выборами и ловко поддерживаемый — как уже откровенно антироссийский — из-за настырного и лукавого западного рубежа.

Неукраинский по сути Крым в таком разе восстал и во мгновение ока вернулся на родину — в Россию, при активной материнской поддержке со стороны России, которая, надо заметить, никогда и не считала Крым украинским.

И все было бы ничего в современном мире, если б не Крым, не крымское происшествие — это во всех отношениях историческое событие (переворот на Украине, — подумаешь, ничего особенного! — все же «хочут» в цивилизованный мир, вот и Украина захотела, ради чего и «заколбасилась», пусть и антироссийски: не она первая, не она последняя — на очереди, ведь, чего не бывает, и верная России Белоруссия, как и тот же «неверный» России Казахстан!).

Да, да — Крым, именно Крым! Не Украина сама по себе со своим негуманным антироссийским замесом, а именно Крым — как раз со своим гуманным пророссийским деянием!

Украина лишь приоткрыла ящик Пандоры, а Крым... Крым его по-русски взял, да и распахнул настежь. И все вдруг стало всем ясно!

Чем всегда была и есть сегодня «братская» Украина со своей животной ненавистью к Москве и нескрываемой русофобией, со всей своей всеисторической ложью, как и со всей своей провинциальной амбициозностью и неполноценностью (речь тут, разумеется, о формальной Украине, а не об украинском народе, точнее, народе Украины, который, как и везде, — и так и сяк; в любой стране, где народы лишь несут свое тягло и мало что в жизни страны определяют).

Да, была совсем недавно Украина, вполне и процветавшая, могшая стать добротной восточноевропейской державой, но... захотелось ей яблочка райского куснуть, чтобы сразу стать... э-э... кем стать-то... это под присмотром хитроумной и коварной ЕвроАмерики, да уже и без братской поддержки терпеливой России... кем?

Вот оно — *безумие*, вот оно — *бессознание*, вот она — *преисподняя!*

И купается ныне Украина в невзгодах и лишениях, в насилии и войне, в крови и смертях, а главное — в бесконечной лжи, которую охотно принимает за правду, потому что настоящая-то правда страшна, непереносима, убийственна!

Момент истины!

Но не для одной только Украины, а и для всего мира. Кто видит и слышит, кто думает, тот и смекает, ну и... помалкивает, опустив свою мудрую голову!

Событие, которое условно можно называть «крымским происшествием», или попросту «Крымом», совершенное не по предварительному расчету, а внезапно, само собой, в соответствии с «ходом вещей» и даже с «ходом неизвестности», т. е. событие более трансцендентное, чем имманентное, вполне и сакральное, взяло, да и изменило мир: как попросту обнажив его, содрал с него затвердевшую лживую коросту, старательно на него надетую умниками всех мастей со всего мира, давно уже захлебывавшихся в пучине собственной лжи, не находя уже никакой возможности из нее выбраться — как из болотной трясины, так и внезапно представив мир другим, не переставшим, конечно, лгать, но оказавшимся вдруг перед нелюбопытным зеркалом правды, высказанной не Украиной вовсе, а... Крымом, поддержанным Россией, а затем и Донбассом, тоже не брошенным Россией, которой и пришлось оказаться один на один с зардевшимся от бессильного негодования и задыхающимся от собственных постмодерновых миазмов Западом и вынужденной не просто защищаться и стоять — за себя и русский мир, но и... нет, не нападать вовсе, а идейно-духовно... наступать, не сходя со своего промыслительного места. Это *их* война повсюду, на той же Украине тоже, а российская-то сила у себя дома — в России, в русском мире, среди русских!

России объявлена война, точнее, никогда не прекращавшаяся война Запада против России и русского мира вновь переведена в оживленную, пусть еще и не горячую, фазу. Никакой разницы: европейские «псы-рыцари», поляки времени Смуты, Карл XII из Швеции (викинг, понимаешь ли, варяг), блистательный Наполеон Бонапарт (которым многие русские до сих пор почему-то восхищаются!), англо-французы во время Крымской войны, германский Вильгельм, Антанта времени гражданской междуусобицы в России, вовсе не блистательный, но очень уж отвратительный Гитлер, «свободолюбивые» янки периода «холодной войны», кто там еще из предшественников нынешних санкционеров, — и все шли на Россию, на русский мир, на русских — и все откатывались, терпели поражения, кое-кто и насовсем исчезал — и вот снова западный поход на Восток Европы, на Россию, в русский мир, к русским, а за что — всего лишь за *правду*, открыто выраженную и потрясшую насквозь прогнивший от лжи мир — западный, евроамериканский, постмодерновый, ну и, конечно же, весь к этому миру подбострастно примкнувший «союзнический мир».

Нет, евроамериканцы ныне не собираются воевать на поле реального боя с Россией, с русскими, даже и с россиянами, — зачем им такое

самосмертоубийство! — они пошлют в новое сражение с непокорной Россией покорных им украинцев, прибалтов, поляков, кого там еще из подбежавших и допущенных до дворовой половины большой евроамериканской фактории, — вот в чем главная историческая загогулина современности, вот для чего Западу нужны Украина, Прибалтика, Польша, вот зачем по этим странам уже маршируют показательные механизированные натовские колонны.

Опомнитесь, правительства и народы! Зачем вам *это*, ежели Россия вам никак не угрожает, мало того, современной России вы просто не нужны?

Вас *разыгрывают* — прямолинейно (нормальных и сильных мозгов на земле уже нет, чтобы сделать что-то такое изящно и эффективно), жестоко (вас там никому не жалко), похабно (на вас как таковых на Западе попросту наплевать), — и разыгрывают не ради какого-нибудь всемирного карнавального шоу (вроде футбольного мирового представления), а ради дешевого использования в гущи межчеловеческой кровавой брани (а то и бани, это уж как получится!).

Россия не хочет никакой войны, у нее достаточно своих забот по управлению, обустройству и жизнеобеспечению большого российского мира — не западного, кстати, не восточного, не собственно евразийского. Для России достаточно и собственно *российского мира*, вполне и многонародного, в основании, в сердцевине и в сердце которого лежит собственно *русский мир*. Спасибо антироссийской Украине (ее оголтелой русофобской части) вместе с ее вдруг откуда-то взявшимися добротами из-за «добропорядочного» рубежа, что хоть напомнили России, что она... *Россия*, а также подтвердили одним махом, что русский мир не только не исчез в бездне истории, а что он есть, живет, мешая, конечно, жить другим, куда боле пристойным мирам — украинскому, прибалтийскому, польскому, каким там еще — грузинскому, молдавскому, может, болгарскому... — и какой еще «мирок» на выданье во враги России... а-а?

Что ж, России, вовсе не загнанной ни в угол, ни за красные флажки, ни в «варварскую резервацию», остается только стоять, крепнуть, в меру огрызаясь, а главное — раздевать догола всех королей и королят, точнее, не так их даже раздевать, как обозначать их идейно-духовную наготу. России этим заниматься совсем не хочется, ей этого вовсе и не нужно, но... разве не пореформенная Россия чуть не захлебнулась в глобалических нечистотах, чуть не став отхожей ямой для высокоразвитого и высококультурного планетарного меньшинства? И не кроется ли за «крымским событием» начало освобождения от западных нечистот не одной только России, а и всего остального, еще и натурально-человеческого мира?

Во что вляпалась Украина, устремившаяся к «национальному самоопределению»? Во что угодно, кроме... «национального самоопределения», ибо народ-этнос самоопределяется через собственное развитие, через становление и укрепление своей государственности (а государство отнюдь не полицейский — это необходимое цивилизационное устройство развитого социума, его щит и его меч, его дом), той самой государственности, которую нужно не просто заполучить, а и... выстрадать, ее признавая, ей служа и ей, увы, покоряясь, как и самоопределяется любой народ-этнос через свою культуру, свой исторический текст, свое сакральное писание, и — вовсе не через выдуманное мифотворчество, а реальные идейно-духовные искания и достижения.

Украина вляпалась в большую «самоопределяющую» ложь: от пресловутых «укров» — «основателей»-де Западной Руси до «героев-бандеровцев» — за эту Западную Русь-де сражавшихся. Нынешние «укры» превзошли даже гитлеровских нацистов-фашистов, ибо у них задача «укро-низировать» Украину, не признавая за народом Украины возможность быть самим собой (украинцами-малороссами, русскоговорящими насельниками страны, собственно русскими), а следовательно, и быть вообще, быть на своей земле, а не быть какими-то «украями», да еще и с выдуманной, совершенно и лживой предысторией. Здесь возымела место не просто русофобия, а и самая обыкновенная *хомофобия*, сопровождающая любую хамскую колонизацию любой страны. О-о, Киев и Харьков, о-о, Одесса, Херсон и Николаев, о-о, Донецк с Луганском, — куда вам теперь, во что и зачем?

Итогом Евромайдана — 2013 стало установление диктатуры, причем совершенно, скажем так, турбулентной диктатуры — без руля и ветрил, диктатуры «укро-олигархии», или «олигархо-укрии», способной взяться и за атомную бомбу, чтобы уничтожить одним махом не только ненавистных «москалей», что вроде бы понятно, но и всех, с хомофобским режимом несогласных: Крым, Донбасс, Харьков, Одессу... кто там еще у заядлых хомофобов на очереди? То, что делает Запад исподволь, оговариваясь и даже иной раз оправдываясь, нынешние владельцы Украины вершат открыто, не стесняясь, по-бандитски. О-о, ЕвроАмерика, кого ж ты взрастила на Украине, уж не вершителей ли хомофобского ада? А ведь население Украины всего этого почти не понимает, даже согласно сражаться с «ватниками» на том же Донбассе, получая унижительные поражения и горы гробов! Ежели Бог хочет кого сильно наказать, то он затемняет, как известно, разум!

А что Россия? А Россия в привычном для себя осадном положении — сопротивления, отпора, избавления. Да, в 1991 г. удалось-таки антиРоссии развалить СССР и завладеть Россией. Почти как нынче с Украиной! Однако Россия не была бы Россией, если б не занялась ни с

того, ни с сего себя освобождением — от очередного ига, на этот раз — глобалического! «Крымское происшествие» — утвердительный сакральный акцент в деле столь знаменательного освобождения. И не к борьбе за свободу от доброхотов-колонизаторов всё тут сводится, а к обретению Россией фундаментальной ответственности за саму себя, за российский мир, за русских, за россиян. Пусть будет материально-потребительски в России и хуже, но зато страна сможет надеяться на собственное будущее, порвав с любым внешним колонизаторским управлением (что такое безоговорочное внешнее управление — хорошо видно на примере Украины, Прибалтики, даже и Польши, как хорошо видно, к каким последствиям ведет нежелание такового (Сербия времени бомбардировок ее «миротворцами») или же желание его замедленно ослабить (Венгрия, Чехия, Словакия, Греция)).

Крым — сигнал к освобождению, но не одного только Крыма, а и самой России, не успевшей окончательно запутаться в глобалической колониальной сети. Отсюда и новая цивилизаторская война с Россией, мстящая ей за непокорность, к себе уважение, за прорыв к самостоятельности.

Но не только: за *историческую альтернативность* тоже! Китай, он и есть Китай, он просто другой, но никак не альтернативный. А вот Россия, о-о! — Россия как раз то самое и есть! И это-то то *самое* и самое страшное — для западных доброхотов-колонизаторов. Не в ресурсах российских тут дело (ими и так Россия охотно делится), а именно в идейно-духовной альтернативности России. В какой же? — возопят немедленно российские ненавистники России. А ни в какой, — ответим мы, — просто в незападной, как и в восточной, но тем не менее... страшной... от неизвестности! Россия страшна для владельцев мира сего как раз своей неизвестностью, непредсказуемостью, немоделируемостью.

Кто мог предсказать «крымское дело» и когда? Ведь и сама Россия ничего *такого* не ведала. А почему это вдруг свершилось и почему Россия это неожиданно-негаданно свершила? Уж не из-за преступной ли с точки зрения передового человечества связи России с... *Софией Премудростью Божией*? А какой спрос с Софии-то — да *никакого*!

Война для России, конечно — помеха, иной раз и большая беда, но... не Конец же Света, наоборот, повод, момент, условие... *мобилизации*: ума, сил, ресурсов, творчества. Нет тут ничего благостного, наоборот, одна большая проблемность, но, во-первых, не смертельная, а во-вторых, благоносная. Объявление войны России современным Западом: во-первых, возврат Западу первоначально ароматно надушенного, а затем вдруг дурно запахшего экзистенциального билета (ярлыка на жизнь); во-вторых, сигнал к самостоянию и саморазвитию;

в-третьих, возможность собраться с духом и идти вперед, никому принудительно не подражая и ни на кого непременно не ориентируясь. За глобалическую прививку глобализму спасибо, но... Россия-то ведь Россия — и путь свой она намечает сама, ежели сам этот путь не движет трансцендентно Россией, — кто знает?

Что же не устраивает Запад в Евразии, на Востоке Европы? В идейно-духовном плане, конечно, а не в территориально-ресурсном. Ответ уже наготове: Россия! Правильный ответ, но не полный. А что уже в самой России?

Православие, к примеру, — сразу что бросается в глаза и приходит на ум? Но, во-первых, христианская ортодоксия не только в России; во-вторых, сама по себе официальная вера не так уж сильна и для любого врага не так уж и страшна; в-третьих, в России не слаб и ислам, есть и буддизм, как и тот же католицизм, хоть он не охватывает целые народы. Так что же в России так страшит и раздражает Запад? И вот опять спасибо Украине, ее «украи», которые прямо указали на объект повышенного внимания, раздражения и страха, а именно на русских, русскость, русский мир — как на полную недопустимость, подлежащую полному уничтожению! А Крым взял, да и подтвердил наличие всего этого русского, да еще и наличие действенное. Отсюда Запад не устраивает как раз сама по себе Россия, его не устраивают эти проклятые *русские*, как и неперевариваемая глобализмом *русскость*, весь непреклонный *русский мир*!

Ничего тут особенного и неожиданного нет — все это ведь не устраивает и пол-России тоже, причем как явно нерусской, так и вроде бы русской. Но... приходится «доброхотам» со всем этим считаться и... воевать со всем этим — шибко неприемлемым, а все это, шибко неприемлемое, вынуждено тоже воевать, но уже... *за себя*!

Что ж, мир совсем другой, США с Европой другие, Украина другая, Прибалтика с Польшей другие, ну и Россия тоже другая, — и весь этот *другой мир* погрузился в *межчеловеческую мистерию*, из которой он, как и все участники этой мировой мистерии, выйдут (если выйдут!) еще более *другими*, совсем уже другими, а вот *какими* — никто из смертных не знает!

Останется ли при этом Россия? Уже *другая Россия*? Должна, хотя бы потому, что она приканчивает свой кризис и уже выходит на новый исторический старт. Россия к тому же очень нужна подзапутавшемуся в западной вуали-сети человечеству, ибо у России есть шанс перво-примерного выхода из тенет западнизма, постмодернизма и глобализма. А вот останутся ли иные мистерианцы, и в каком виде — задача уже самой реальной истории, в которой случается *всегда самое невероятное и случается всегда внезапно*!

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Феномен теории в парадигме философии хозяйства

Аннотация. В статье исследуются суть, роль и функции теории в структуре парадигмы философии хозяйства. Делается вывод: теория представляет и выражает целостность содержания парадигмы философии хозяйства в качестве четырех взаимопосредованных и взаимоплодотворяющих мировоззренческих и творческих миров-оснований — Софии, России, софиасофии и философии хозяйства.

Ключевые слова: София, Россия, софиасофия, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to the essence, a role and functions of a theory in a structure of the philosophy of economy paradigm. The author concludes that the theory represents and expresses the integrity of the philosophy of economy content as four mutually mediated and complementary world outlook and creative bases, that is Sophia, Russia, sophyasophya and philosophy of economy.

Keywords: Sofia, Russia, sophyasophya, philosophy of economy.

Человек — полигон для испытания судьбой своего главного оружия — неведомой теории, содержащей в себе все теории, могущие стать известными, а могущие сделать нас неведомыми для самих себя. Любой вопрос можно адекватно решать и понимать лишь в контексте противоборства христианства и антихристианства; этот контекст определяет наши мысли, жизни, дела, решения, задает методологию, устанавливает смысловые и целевые маркеры всех событий. Относится это и к вопросу теоретического понимания России, ее целей, путей, эволюции, преобразений в новую форму. Христианство дало методологический эталон оценки всех реалий с точки зрения вечности, с точки зрения их вечных оригиналов.

Более того, можно сказать, что сама теория как таковая возникла в духовном мире христианства, которое и стало первой теорией в евроамериканском мире. Даже в древнегреческой философии теорий не было, а были учения, мировоззрения, умознания, описывающие мир, предметы, сознание и разум, классифицирующие, систематизирующие их содержание, но основной целостной формой освоения бытия оставался *синкретизм* («гносеологический Арлекин»), произвольно соединяющий разнокачественные функции, сакральные свойства. Аристотель полагал, что сам ум есть совершенный бог, который мыслит самого себя в вечности. И это божественное мышление Аристотель назвал *теорией*.

Теория исходит из априорной идеи целого, охватывающего множество «всех мыслимых и немыслимых, возможных и невозможных, абсурдных и антисистемных систем», а потом это множество верифицируется дедуктивно-индуктивным анализом в конкретных проявлениях предметов в частных сферах и условиях. Речь идет о том, что изначально теория исходит из того, что есть вечный и неизменный оригинал исследуемого предмета, и этот оригинал скрыто проявляется во всех его эмпирических формах. Ньютон, Дарвин, Декарт, Эйнштейн полагали, что их теории изображают вечные образцы изучаемых предметов.

Частное знание предполагает целостное знание, опирается на него и допускается, контролируется им. Мрак скрывается от яркости света, а свет контролирует мрак, ибо в мире многое творится во мраке или с участием мрака. Болезнь предполагает здоровье, паразитирует на нем, а вот зачем здоровье допускает болезни? Видимо, чтобы люди не утратили сознание и ум, ибо упитанный человек забудет о духе, который сделал его человеком. Но для обывателей, чиновников, ученых, экспертов, финансистов, олигархистов вечность страшна и отвратительна до неприличия.

Человек владеет лишь частью разума и сознания; вся полнота и мощь этих идеальных сил принадлежит Первопричине мира. Мир уже познан умом и сознанием в его целостности еще до появления человека, о чем свидетельствует наличие у всех народов категории мудрости, превосходящей человека и доступной отчасти избранныкам. Поэтому теория позволяет человеку черпать знания не только из фактов, опыта, но и из вечных оригиналов предметов. Ибо ум и сознание сами по себе содержат в полном виде уже все те знания-образы, которые мы еще только ищем в познании.

Вечность влечет многих исследователей, но без метафизики, это влечение бесплодно. Пожалуй, только неоплатонизм и католицизм признали вечную философию — *Philosophia perennis!* Но они не раскрыли ее теоретическую суть, структурно-смысловое, антропологическое содержание, ее доктринальную нацеленность. Логос, которым они оперировали, создавая *Philosophia perennis*, не смог раскрыть ее смысловые и целевые причины. А ведь вечность — не царство покоя. В ней бурлят творческие эмбрионы, преобразующие ничто в радостные страдания жизни без возврата. И только София, софиасофия и философия хозяйства дает *Philosophia perennis* теоретические формы для выражения смыслов вечной правды.

По мнению К. Маркса, «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны», ибо в теории дан развитый предмет, раскрывающий содержание его незрелых форм. Только почему Маркс узрел человека на

генеалогическом древе обезьян? Дельфийский оракул гласил: «Познай самого себя, и ты поймешь богов и вселенную!», т. е. анатомия человека есть ключ и анатомии мироздания — видимого же всем и невидимого.

«Не то, что мните вы, природа,
Не слепок, не бездушный лик.
В ней есть душа, в ней есть свобода.
В ней есть любовь, в ней есть язык» (Ф.И. Тютчев).

Слова поэта — не метафоры, не игра фантазии, а строгая теоретическая фиксация того, что природа в целом, все ее творения обладают душой, языком, разумом, страстями. И теория нужна именно для того, чтобы раскрыть эти идеальные силы вещей. Теория стартует из вечности, чтобы найти в черном потоке времен и торгашества вечные законы. Именно закон придает теории доктринальную силу, спасая человека от цунами мелочей. А в изучении материи функции теории выполняют вычисления.

Но человек мыслит, действует, изобретает по неведомому сценарию своей подлинной жизни, о которой он забыл. Мыслится, делается, изобретается нужное не сегодня, а то, что нужно будет завтра, а то и через века. Орудия разрушения накапливаются чудовищными темпами, превосходя орудия восстановления, хотя должно быть наоборот. В чем причина такой аберрации? И здесь мы снова должны вернуться к истокам противоборства христианства и антихристианства, ибо здесь и зародилась теория как вечное и грозное оружие против черных регентов разрушения.

Цель любой власти — сознательное формирование сценария будущего путем создания коллективной воли и цели народа. Для этого нужно координировать деятельность отдельных людей, каждый из которых обладает личной волей, своим видением будущего. Как можно задать сценарий согласованной активности столь различных во всем людей? Можно ли доверять людям знание целей и сценариев будущего? Этот опрометчивый шаг столкнется с таким разнобоям в понимании целей, что из-за бесконечных споров рассыплется даже существующее общество.

Любая власть и богатство опираются на величайшую и неосознаваемую в полной мере тайну-обман о так называемом будущем для народа, чтобы скрыть свою удовлетворенность настоящим, да и будущим, которое скрыто в нем. Ведь будущее — это страшный, коварный и хищный бог (Кронос), который несет муки, страдания, смерть, прикрывая свои когти и пасть каплями бездумных радостей и удач. Древние люди, не знающие самодовлеющей власти, специально не думали о будущем (Христос советовал не думать о будущем, а лучше выпол-

нять долг пред настоящим), а находили смысл в устройении настоящего, которое воспитывает для себя свое будущее. Для них было непонятно, как можно реальность предпочитать Отсутствию. Нет, будущее — это враг, с которым нужно сражаться.

Да, но для охраны тайны будущего нужны особые технологии и методологии, чтобы даже знающие люди ничего в ней не понимали, а продолжали жить в мечтах о лучшем будущем. Да, малому числу будущее светит, но всем остальным — гасит даже имеющиеся у них искры света.

Будущему как тайной основе богатства и власти нужны свои исполнители, субъекты-теоретики, особые теоретические идеологии. Ему нужны — и оно находит — особые люди, живущие в обществе, но находящиеся по ту сторону добра и зла, невежеством своим оберегающие эту тайну теории от несанкционированного доступа. Прослеживая развитие механизмов сохранения тайны, можно очень точно проследить эволюцию самой теории в ее взаимоотношениях с властью. Следуя этому пути сокрытия тайны, можно приоткрыть тайны теории вообще.

Теория возникла для решения задачи охраны тайны будущего. И, кажется, что не человек теорию создал, а она сама родилась в его сознании, делая эту тайну доступной, но непонятной. Принятие будущего за тайну и признание настоящего вместе с прошлым, задают картину мира, состоящего из видимого и невидимого миров. Теория выступает посредником между ними, переводя тайное содержание в нужные власти идеи, интересы, цели принципы, законы, нормы.

Кстати, лукавый не приемлет теорию, видя в ней угрозу разоблачения кормящей его тайны. Он насмехается над теорией, предлагая Фаусту забыть о ней: «Теория, мой друг, сера, но вечно древо жизни зеленеет!»¹. Воланд на балу иронично заявил, что все теории стоят одна другой². Невдомек ему то, что ложных теорий не бывает, ибо это не

---

¹ В.И. Ленин любил цитировать это высказывание, не задумываясь о его авторе и не видя того, что это положение является тоже принципом теории — позитивизма. Ошибки Великих — всегда великие!

² Вот речь Воланда голове Берлиоза на балу: «Вы всегда были горячим проповедником той теории, что по отрезании головы жизнь в человеке прекращается, он превращается в золу и уходит в небытие. Мне приятно сообщить вам, в присутствии моих гостей, хотя они и служат доказательством совсем другой теории, о том, что ваша теория и солидна, и остроумна. Впрочем, ведь все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере. Да сбудется же это!» [1, 373].

теории, а симулякры. Но лукавого мучит теория, наделившая его паскудной ролью³.

Теории — продукт не отдельных индивидов, а совокупный высший продукт эволюции мироздания, рождающего из себя титанов мысли, детей Бога. К сожалению, какую только бредятину сегодня не называют теорией. Эмпиризм, отрицая теории, считает себя теорией. Выгружая любое содержимое своей головы, люди называют этот «груз» теорией. Исчезает всякая ответственность мыслителей за теории, с которыми они работают. А вместе с ответственностью исчезает и понимание.

В архаических обществах эта тайна будущего, составляющая ядро теории, хранилась в языке (умение читать и писать равно было шифрованию и дешифровке); затем дворяне создали *коды для шифровки содержания (культура)*, выражаемого в языке, получив возможность управлять сознанием; затем капитализм создал *коды для контроля за каналами (СМИ, книги,) циркуляции информации, управляя через эти каналы поведением людей*; либералы создали идеологические коды,

---

³ У Ф.М. Достоевского лукавый признает, что в теории его бытия заложена страшная тайна, которую он поклялся выяснить. Если Мефистофель, представляясь Фаусту, заявил, что он (дьявол) желает зла, но делает добро, то в России дьявол говорит иначе. «Я, может быть, единственный человек во всей природе, который любит истину и искренне желает добра» [2, 659—660]. Но вот именно это возмущает людей, ибо для них истина — величайшее зло, а ложь — величайшее добро. Поэтому люди в своих действиях больше похожи на дьявола, чем он сам на себя, так что пора им дружить. Черт жалуется Ивану Федоровичу, что он по своей природе добр, но по непонятному решению ему назначено быть злым и все отрицать, ибо без отрицания в мире ничего происходить не будет. Без черта не будет страданий, а без страданий не будет и жизни. «Вот и служу, скрепя сердце, чтобы были происшествия, и творю неразумное по приказу. Люди принимают всю эту комедию за нечто серьезное, даже при всем своем бесспорном уме. В этом и их трагедия». От этого они и страдают. Но все же удел человека лучше и выше. Люди хоть и страдают, но зато они живут. «Я страдаю, а все же не живу. Я икс в неопределенном уравнении. Я какой-то призрак жизни, который потерял все концы и начала, и даже сам позабыл, наконец, как и назвать себя. Я отдал бы всю эту надзвездную жизнь, все чины и почести за то только, чтобы воплотиться в душу семипудовой купчихи и богу свечки ставить» [2,654]. Черт мучается тайнами Божьего промысла. Почему именно ему назначена такая проклятая роль? Почему ради одного праведника нужно губить миллионы? Тут есть секрет. И «пока не открыт секрет, для меня существует две правды: одна тамошняя, ихняя, мне пока совсем неизвестная, а другая моя. И еще неизвестно, которая будет почище» [2, 660]. А секрет таится именно в теории, которая ограждает лукавого от понимания и которую он презирает.

жизненных ориентацией; постиндустриализм создает искусственное сознание и его *коды (мемы, паттерны) для управления человеком-симулякром*. И теперь постиндустриализм создает гибридное сознание, которым и управлять не нужно. Нужны только коды «посвященным» для входа в сознание.

Отсюда следует три вывода. 1. Любая теория основывается на тайне; а посему любой теории присущ атрибут вечности. И теория призвана не только объяснять видимый мир, который во многом понятен и без ее услуг, но надежно закрыть тайну будущего, которое скрывается в настоящем. 2. Теория должна зомбировать людей, дабы они не понимали своих деяний, не видели идущего за ними мясника. И при этом они должны фанатически защищать теорию, в которую уверовали. Теория великолепно выполняет эти функции: человек даже, творчески усвоив, скажем, теорию социализма, не ведает, что он попал в смысловой капкан. Он будет понимать мысли других людей, но сам производить мысли он уже не способен. Мысли возникают не в теории и не из теории, а из тайны в качестве ее зрелых плодов. А усвоенная теория надежно ограждает человека от тайны, а значит, от новых мыслей и новых теорий. 3. Теория предполагает «перводвигатель», находящийся вне теории и в самой теории. Поэтому любая теория метафизична, ибо она связывает мир нашего сознания с его вечной тайной.

Структурно теория как форма высшего знания, понимания и высшей тайны состоит из четырех взаимообусловленных оснований, которые в своем единстве дают целостный охват мироздания, малые предметные миры изучаемых вещей. *Основная задача теории — представить изучаемый предмет в качестве особого мира, особого пути, особых ступеней эволюции, в качестве его конечной целевой причины*. Теория выражает целостность предмета в качестве структурно опосредованного единства четырех оснований, через которые осуществляются взаимодействия законов и явлений, метафизики и физики, «перводвигателя» и явных изменений.

Христианская теория охватила в единой целостности все мироздание — от начала Премудрости до явления Сына Божьего, до конца этого мира и продолжения. И по своей логосной структуре она состоит из трех Ипостасей и катастрофы: Отец, Сын, Святой Дух и Возмездие этому миру, этому человеку и, конечно, дьяволу, ибо и у него тоже есть свои заслуги перед мудростью неземной и земной.

Аналогично предстоит смысловое строение теории капитала Маркса. *Стоимость* — исходная категория, рабочая сила опосредует ее связи с центральной категорией — *прибавочной стоимостью*, которая опосредованно через конкуренцию связывается с завершающей кате-

горией — *прибылью*, которая уже непосредственно через земельную ренту, процент, торговый капитал переходит в игру цен.

В ленинской теории империализма *монополия* — исходная категория, которая через обобществление труда переливается в *финансовый капитал*, который посредством *власти* становится *государственно-монополистическим капитализмом*, на уровне явлений превращающийся в непрерывные *войны*.

В теории Ньютона *инерция* — исходная категория, которая через *пространство* и *время* становится центральной категорией механики — *тяготением*, через посредство *притяжения* и *отталкивания* становящейся завершающей категорией *движение*, которое в сфере явлений непосредственно действует через различные силы.

В теории Дарвина *борьба за существование* — исходная категория, которая через *эволюцию* переходит в категорию *естественный отбор*, которая через посредство *наследственной изменчивости* становится многообразными *мутациями*.

В эпоху постиндустриализма христианство и антихристианство скрестили клинки именно в вопросах теории, доктрины. Постиндустриализм — общество всецело технократическое. Для индустриализма типичны *инвестиции* в производства с длительным циклом бытия изделий на рынке, в эксплуатации. Индустриализм не особенно пытался воздействовать на сознание и мысли людей, сосредоточив контроль над поведением людей в форме организованных групп. Поэтому он не мог освободиться от влияния культурно-гуманистической среды, в которой находятся люди и товары.

Суть постиндустриализма составляет не *информация*, которая была подчиненным фактором всех обществ, а *инновации* в конструкторско-технологические разработки. Причем сроки производства новых изделий, их тиражи сокращаются: нужно спешить со сбытом. Постиндустриализм создал «экономику перепроизводства». И реклама, и СМИ уже не могут принудить людей непрерывно менять товары. Контроль за поведением людей имеет пределы в сознании, которое не может совсем отречься от смысла. Теперь человеку нужно не извне внушать новые изделия, а чтобы потребности в них сами потоком шли из сознания, чтобы в них нуждалось сознание.

Поэтому для постиндустриализма качественное преобразование сознания — вопрос жизни и смерти. Нужно создать гибридное сознание, которое было бы одержимо постоянным обновлением товаров. Нужно технически заложить в сознание фугас бесконечной алчности. Культурные и гуманные основания жизни постиндустриализм не признает в силу своих метрологических органов восприятия. Ну, какой гуманизм, культура могут быть у трактора или у компьютера! Поэтому постин-

дустриализм относится к людям, разуму, войне как к чисто техническим проблемам, которые и должны решаться техническими средствами — конструировать, не думая о смысле этого технобесия. И здесь вопрос о сути теории играет главную роль, ибо речь идет о создании искусственного самоуправяемого сознания.

Старый правящий класс индустриального общества смертельно болен и не заинтересован в тех перспективах, которые открывают новые теории. А ведь еще в начале XX в. русская философия XIX—XX вв. (Вл.С. Соловьев, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков и др.) создала не имеющие аналогов учения и теории (!) Софии Премудрости Божией, софиологии, софиасофии, философии хозяйства. Эти теории суть метафизические и геополитические доктрины созидания нового общественного строя, концептуальные инструменты понимания и управления развитием России.

Основная проблема современного прогресса выступает как поиск форм интеграции в едином конструкторско-технологическом комплексе нанотехнологий, биотехнологий, информации и сознания (NBIC). Но этот синтез невозможен на базе технологий, ибо три дисциплины (NBI) относятся к естествознанию и подчиняются строгим метрологиям, а сознание суть реалия культуры, метрологически не измеряемая. Кроме того, в конструировании таких комплексов сегодня возникает проблема гибридного сознания, которое присуще не только семантической деятельности людей, но и создаваемым им технокомплексам. Нужны теория, понимание того, что творит человек, а не нагромождение технокомплексов с гибридным сознанием, цели которого неведомы. Но теории для технократов совпадают с конструированием и проектированием, а сознание независимо от технологий, ибо зависимо от смысловой метафизики.

Одряхлевшие властители индустриализма не могут создавать теории — высшие типы понимания реальности и ее эволюции. Теория, смысловые структуры реальности заменяются конструированием технических изделий, удовлетворяющих человеческие прихоти. При всей самодостаточности технический прогресс нуждается в общей концепции, которая обобщила бы различные его направления в единой целостности, указала ему хотя бы железно-пластмассово-электронные цели. Сегодня идет мощная скрытая гонка за технологическое овладение психогенной и сознательной ноосферой планеты, за превращение сознания, психики в технически изделия, способные стать источником новой власти и богатства.

Важно найти скрытую концептуальную доктрину прогресса, которой он сокрушает своих оппонентов, ибо без теории ничего в мире не делается. И похоже, что технологии тоже создают свои теории, защи-

вая их в сознание не подозревающих потребителей различных технических чудес.

Источниками новых теорий могут стать лишь класс, страна, которые увидят в них источники новой силы, богатства, власти, нового образования. Теория сама станет новым образованием, которое найдет новых друзей и врагов даже там, где никого нет. Теория для этого класса и страны станет новым оружием, новой победой, ибо даст истинное понимание реальности. И новая теория создаст новые технологии во благо жизни, а не разрушения.

Ожесточенная борьба христианства и антихристианства в начале XIX в. вызвала в мир новые силы — Софию Премудрость Божию, софиологию, софиасофию и философию хозяйства.

Ясно, очевидно и необходимо одно. Россия нуждается не просто в русской идее (сама Россия есть русская идея!), а в теоретической доктрине, в которой были бы прописаны ее геостратегические цели и средства, указаны ее основные враги, источники роста ее богатства и народонаселения. Без такой теории движение страны чревато зависимостью от тех сил, которые понимают сценарий своего бытия, хотя сегодня понимает этот сценарий только Китай, вставший во главе сил реванша против евриканской империи.

Если сделать ревизию теоретического инструментария наших заморских «партнеров», то они уже нашли свою высшую теоретическую ценность — однополую семью. Русская же философия полна новых идей и проектов. Можно сказать, что живой, плодотворной, согласующейся с традициями русских народов является софийная доктрина, теоретически всесторонне развитая С.Н. Булгаковым. В своем опосредованно структурном единстве София, софиология и философия хозяйства образуют в его мировоззрении цельную и строгую теорию спасительно-эволюционного развития России, минующего маразмы капитала, армейщину социала и скучно-убогое уравнильство «христиала» [3, 323—324].

Но что поднялось после публикации С.Н. Булгакова! На него обрушился шквал клеветы, издевательств (ишь, гусь русский, а туда же ему — теорию устройства России создавать!). Даже Церковь приготовила место для аутодафе еретика [4, 33—34]. Кажется, из-за чего весь сыр-бор? Есть знание множества вещей, есть высшее знание — мудрость, по традиции Ветхого Завета, именуемая Софией Премудростью Божией. Естественно стремление к этому идеалу истины. Булгаков пытался придать знанию священный, спасительный вид. Выше знания только любовь Божья! Но даже божественная любовь не слепа. Выбор у человека таков: или высшим атрибутом божества является любовь, всезнающая и всепонимающая, всепринимая и всеспасающая, или

же высшим началом должны стать слепая воля и активность, которой все позволено.

Софийная доктрина может стать официальной идеологией и теорией развития России от человеческого знания к богочеловеческому знанию с перспективой возможного спасения. А поскольку божественная мудрость столь трудно постижима, а народы России ступили на этот путь, то отсюда столь горькая и жертвенная их земная доля. Мудрость не продается и легко не дается. Эта мудрость достижима и недостижима, но и отказаться от этого пути Россия не может в силу своей духовной генетики.

И софийная теория эволюции России соответствует смысловому и научному стандарту теории вообще.

Так, *София* — исходная смысловая категория парадигмы русской жизни; через категорию *Россия* исследование переходит к новому этапу мудрости — *софиасофии*, которая посредством образования, культуры, творчества бытия и МЧС переходит в реалию *философии хозяйства*, которая эмпирически проявляется в бесконечной массе отдельных действий по жизнеобеспечению людей средствами и сознанием.

Важно, что София суть синтетическая православно-мирская парадигма, а потому она и доступна нам, но в основном останется тайной, действуя в России и вне России. Но одно мы знаем точно: София пришла к нам, дана нам и мы сами вышли на контакты с ней ради поиска решений основной проблемы мироздания — Спасения от исчезновения. В этой роли она совпадает с Христом-Спасителем. Но христологическое, мирское и мудрое в Софии все же не совпадают. Доступное сотериологическое, мирское и богочеловеческое содержание Софии выражается посредством системы образования, в которой София выступает и как *целепроизводящее* начало, и как *перводвигатель знания*, и как род знания — *идея*, и как *мера* существующего, и как *справедливость* миропорядка. Это лишь малая часть ее смыслов, но и этого немало для созидания нормально устроенной жизни.

Известно, что «умом Россию не понять». Нужна другая категория. Образование, пронизанное и преображенное софийными смыслами, ведет нас к софиасофии (Ю.М. Осипов), которая, опираясь на жизненные, культурные и сакральные основания бытия, продолжает величайшее дело мира — продолжает дело Св. Писания, продолжает руками, техникой, текстами, образами, проектами его миротворную поступь. Каждое новое изделие, новый текст, новый проект, каждый шаг ребенка есть вклад в скарбницу этого творящего Писания, которое не замыкает людей в их суетных делах, а придает им возвышеннейший смысл участия в творении Книги Мира.

Софиасофия, возвышая своими сакрально-творческими смыслами культуру, труд, замыкает их на служении жизни. Особенное внимание нужно обратить на МЧС, в мгновение ока ставшее важнейшим министерством страны. МЧС работает на восстановление разрушенного мира жизни, и в этом плане оно становится важнейшей формой философии хозяйства.

А философия хозяйства, имея ближайшей целью обеспечение жизни средствами, в том числе и финансовыми инструментами, просветляет деятельность людей софийными лучами сознания, развивает их, выводя их на служение Мудрости Спасения.

Русский человек не будет хорошо работать и жить, если в его делах нет проблеска великого смысла мира. Коммунизм привлек нас не столько своей практической, сколько неосуществимой правдой. Вот эти осуществимо-неосуществимые цели, идеи мудрости Софии философия хозяйства доводит до самых малых дел людей. Поэтому софийная теория есть теория России. Но не следует забывать, что не Россия имеет Софию для своего вразумления и мудрости, а София имеет Россию для своих целей.

Конечно, это формализованное изложение софийной парадигмы России не охватывает все пункты этой теории, которые развиты в многочисленных публикациях ЦОН в области философии хозяйства.

Литература

1. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. М., 2001.
2. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. М., 2009.
3. *Ваганова Н.А.* Софиология протоиерея Сергия Булгакова. М., 2010.
4. *Архиепископ Серафим (Соболев).* Новое учение о Софии Премудрости Божией. М., 2006.

А.А. ПОГРЕБНЯК

София и кризис

(к истокам антикризисного мышления)

Аннотация. Сделана попытка обнаружить истоки антикризисного мышления в досократической философии — прежде всего, в поэме Парменида, где слово «кризис» имеет ключевое значение для понимания смысла таких феноменов, как бытие, истина, человек. Показана

принципиальная взаимосвязь слова «кризис» с таким важнейшим понятием греческой мысли, как «софия» (мудрость), а также неизбежная зависимость современной социально-философской рефлексии от проблематики досократиков.

Ключевые слова: кризис, софия, бытие, единое, решение.

Abstract. In the paper were discovered the origins of contemporary anti-crisis thinking in the pre-Socratic philosophy, first of all, in the poem of Parmenides, where the word «Crisis» is the key to understanding the meaning of such phenomena as Being, Truth and Man. In the article was shown the correlation of the word «crisis» with such important concept of Greek thought as «Sophia» (wisdom), and the inevitable dependence of modern social philosophy on the ideas of the pre-Socratics.

Keywords: crisis, sophia, being, one, decision.

Какой вклад может внести философия в дело выработки «антикризисной стратегии»? Ответ очевиден: ее единственный вклад должен состоять в том, чтобы оставаться собою — вопреки извечным обвинениям в «абстрактности» и «оторванности от реальных проблем». Философия, как сказал однажды Хайдеггер, есть возвращение к смыслу простых слов. К «простым словам» точно не относятся все те, что сегодня повсеместно приобрели характер магических заклинаний — неважно, говорят ли про «импортозамещение», или про «национальный суверенитет», или даже про «стержневую культуру». Просты, напротив, только те слова, в которых находят свое выражение *изначальные* потенции нашего бытия, как бы они потом ни актуализировались в той или иной фактической ситуации. «София» и «кризис» — возможно, два именно таких слова, и не случайно, что их смысловая взаимосвязь положена в основу философского мышления о сущем.

София

В своей статье, посвященный проблеме смысла древнегреческой «софии», В.Н. Топоров не просто дает некий перечень возможных значений этого слова, но и выстраивает их в некую логическую последовательность: (1) если первоначально софия означает просто умение, навык в техническом смысле слова, то (2) затем становится очевидно, что она все же не вполне синонимична *τέχνη*, поскольку отсылает к некоему высшему образцу, «божественной мудрости» — а это, в свою очередь, предполагает (3) знание как «пребывание у себя», *собственно* знание как знание *о собственном*, т. е. о чем-то свободном и необходимом одновременно [1, 456—477]. Такое понимание резюмировано в Первой книге «Метафизики» Аристотеля — где «софия» («мудрость») оказывается именем «наилучшей из наук»: «Итак, из всего сказанного

следует, что имя [мудрости] необходимо отнести к одной и той же науке: это должна быть наука, исследующая первые начала и причины: ведь и благо, и “то, ради чего” есть один из видов причин. <...> Если, таким образом, начали философствовать, чтобы избавиться от незнания, то, очевидно, к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-то пользы. Сам ход вещей подтверждает это; а именно: когда оказалось в наличии почти все необходимое, равно как и то, что облегчает жизнь и доставляет удовольствие, тогда стали искать такого рода разумение. Ясно поэтому, что мы *не ищем его ни для какой другой надобности. И так же как свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого, точно так же и эта наука единственно свободная, ибо она одна существует ради самой себя* (выделено мною. — А.П.)» [2, 69].

«Самость», «принадлежность себе» и «свобода» оказываются здесь синонимами — что, конечно, есть именно постановка проблемы, а не решение какой-то задачки. Можно сказать так: всякое знание-умение «софийно» (является мудрым) в той мере, в какой оно обнаруживает характер свободы как пребывания в собственности у себя самого. В качестве примера можно привести двойственный смысл слова «характер», на который однажды указал Орсон Уэллс: это «не только то, каким образом вы сотворены, но и то, каким вы *решили быть* (выделено мною. — А.П.), прежде всего перед лицом смерти» [3, 47]. Разумеется, ни «смерть», ни «нас самих» здесь не следует брать в эмпирическом смысле; речь просто идет о некой деятельности, которая возвращается к себе как к чему-то самоценному, и это возвращение *всегда уже* «произошло» во всякий момент и в любой точке.

В античной философской традиции практически все важнейшие термины (число, ум, душа, энергия, эйдос и т. п.), как показал А.Ф. Лосев в седьмом томе своей «Истории античной эстетики», обладали поэтому *софийной направленностью*, смысл которой можно обозначить как «генеративно-эманативный» [4, 210—211] — т. е. способность порождать иное, но в этом ином оставаться у себя. И, хотя в этой работе Лосев склонен критически относиться к гностической традиции с ее рассуждениями о «склонности Софии к разного рода грехопадению», говоря, что такой ее портрет строго мыслящим языческим философам эпохи эллинизма казался нелепым, «поскольку они не чувствовали трагизма в материально-чувственном представлении абсолютного божества», а «для христианской ортодоксии подобного рода повести о похождениях Софии, конечно, представлялись не только ересью, но и полным отпадением от христианства» [4, 228], все же в других текстах он говорит о космическом процессе именно как о *трагическом* по своему смыслу (например, в главе V книги «Очерки ан-

тичного символизма и мифологии», озаглавленной «О мифически-трагическом мировоззрении Аристотеля» [5, 709—772]). Что до философии Нового времени, то там наиболее масштабно этот мотив будет реализован в гегелевской «Феноменологии духа», с ее ключевым тезисом, что величие духа прямо пропорционально той глубине самоотчуждения, на которую он оказывается способен в своей истории; у нас, в России, поэтическим выражением этого же мотива являются «Мертвые души» Н.В. Гоголя.

Но если вернуться к началам греческой мысли, то в первую очередь надо вспомнить два фрагмента Гераклита⁴: «Чьи только речи я не слышал, никто не доходит до того, чтобы понимать, что Мудрое ото всех обособлено» (фр. 108) и «Выслушав не мою, но эту-вот Речь (Логос), должно признать: мудрость в том, чтобы знать все как одно» (фр. 50). Связь мудрости, софии с *единым, одним* здесь вроде бы противоречива: речь идет и об отдельности мудрого от всего, и об ее причастности всему; но ведь и «одно» обладает двойственным смыслом — как объединение и отъединение, как «единство» (в пределе — всего), так и «единственность» (в пределе — по отношению ко всему). Все может (поскольку должно?) стать одним, единым, только если оно прежде сумеет отъединиться от себя? В еще одном фрагменте Гераклит (фр. 41) определяет в качестве мудрого только лишь одноединственное знание: то, что позволяет править «всем во всем» (ἐν τῷ σοφόν, ἐπίστασθαι γνῶμην, ὅτι ἐκκυβέρνησε πάντα διὰ πάντων). К примеру, править кораблем (Гераклит использует слово «ἐκκυβέρνησε», что отсылает к искусству кормчего; «кибернетика», «гувернер» и «губернаторство» идут от этого же корня) означает не просто вести его в море, но — править им *именно как* кораблем («всем во всем»: видеть во всем все, т. е. его само как единую идею, сказал бы Платон; видеть в этом корабле, во всех кораблях, в любом корабле — *сам* корабль, *весь* корабль, все, что должно быть присуще всякому кораблю; не об этом ли любимое выражение Гоголя «все, что ни есть»? — Собакевич: «У меня когда свинина — всю свинью давай на стол, баранина — всего барана тащи, гусь — всего гуся!»).

Кризис

В этом пункте понятие софии с необходимостью требует обратиться к понятию *кризиса*. Это обращение происходит в философской поэме Парменида, которого по недоразумению принято выставлять антагонистом Гераклита (В.В. Бибихин, напротив, называет последнего «лучшим комментатором» к Пармениду). В самом деле, «единое»,

---

⁴ Здесь и далее фрагменты Гераклита и Парменида цитируются по: [6].

«одно», — это не только ключевое слово Гераклита, которым он обозначает смысл софии, мудрости, но и ключевое слово Парменида, с помощью которого он раскрывает истинное значение слова «быть» (преобразованного в последствии в «понятие бытия»⁵). Обычно помнят, что монолитность бытия у Парменида (пресловутый образ «каменного шара») означает его вневременность, внепространственность, неподвижность и т. п., но часто забывают, *как именно* в поэме представлено становление бытия таким вот («монолитным»):

Спор [собств. «тяжба, требующая решения»] по этому делу — вот в чем:

ЕСТЬ или НЕ ЕСТЬ? Так вот, решено [~ вынесен приговор], как [этого требует] необходимость,

От одного [пути] отказаться как от невысказанного, безымянного, ибо это не истинный

Путь, а другой — признать существующим и верным.

Или, как это же звучит в стихотворном переложении:

Решение — вот в чем:

Есть или не есть? Так вот, решено, как и необходимо,

Путь второй отмести как невысказанный и безымянный

(Ложен сей путь), а первый признать за сущий и верный.

«Тяжба, требующая решения» (соответственно и само решение как результат тяжбы) — таков перевод слова «κρίσις», *кризис*. И, что важно, кризис этот имеет (или имел) место *до* признания единности (однократности?) бытия, а значит, и *до* устранения из бытия всякого *времени*. Время, вследствие решения, окажется чем-то, что *не есть*, а значит, его будто и *не было* — как и кризиса, тяжбы, как и решения, в силу которого бытие *стало* быть? (Бытие что, как идеология, подобно мифу о «первоначальном накоплении», стирает следы своего происхождения — поскольку это означало бы его запятнанность небытием?).

Все ведь помнят, что философия Парменида представляет собой «систему онтологического монизма», причем в предельно сильной версии: во имя монолитности бытия из него изымается все множественное и процессуальное как требующее для своего наличия «примеси небытия»; очевидно, что эта логика «обездвиживания» автомати-

---

⁵ Как-то одному молодому философу посчастливилось беседовать с М. Хайдеггером; беседу он начал со слов: «Ваше понятие бытия...» — «Понятие? — прервал его Хайдеггер. — Что вы хотите им *по-ять*?».

чески приводит к «обезвремениванию» бытия: оно объявляется вечным — но здесь-то и обнаруживается подлинный *интерес*: «вечность и неизменность» бытия в тексте преподносятся в контексте *решения*, которое *было принято* (так и сказано у Парменида — «*решено*»).

А.В. Ахутин в своей комментарии к Пармениду сразу вслед за данным «решено» (κέρκρται) в скобках поясняет: «перфект: решение давно уже принято, приговор вынесен». И далее: «Вот, стало быть, изначальное, на каком-то суде уже принятое и по необходимости подлежащее принятию решение, на которое не могут (или не умеют) решиться *ἄκριτα φύλα* — *нерешительные поколения смертных*: для них простое есть (и не есть) и *есть*, и *было*, и *будет*, и *может быть и не быть*, поскольку всегда относится к *чему-то* сущему, тогда как все сущее, просто как сущее, всегда уже отнесено к бытию. Решение это изначальное, потому что и есть начало: “раньше”, “первое” *есть* могло бы *быть* только *не есть*, иначе — точнее, вернее — говоря, только то, о чем нельзя сказать ничего, кроме “не”. Такое решение принять необходимо, потому что положение бытия не предполагает ничего, кроме логического смысла начала: граница, раздел между *есть* и *не есть*» [7, 605].

Далее, в сноске, Ахутин указывает еще на важное различие между мыслью Парменида и Мелисса: «Для последнего единое бытие беспредельно, т. е. мыслится относительно сущего в смысле ионийцев — как всеобщее “подлежащее”. Парменид же вдумывается в “логику” самого начала, поэтому решающим оказывается предел, граница между бытием и небытием» [7, 605].

О том, что истолкование бытия в качестве *подлежащего* сразу же обрекает нас на непонимание мысли Парменида, говорит и Ж. Бофре: «Не только различие между бытием и небытием, но и различие, которое постоянно господствует между единственностью бытия и многообразием “не-сущего” (будучи причастным многообразию, всякое сущее становится *так, а не иначе* сущим, следовательно, “не-сущим”. — *А.П.*). Смертные повсюду пребывают в поиске сущего, которое могло бы без каких-либо условий образовать субъект (субъект то же, что подлежащее. — *А.П.*) глагола “быть”, сущего, которое *оказалось бы* безусловным: как скажет святой Фома, “*ostendens suum proprium non esse: Qui est*”. После Парменида они найдут его в Писании, Бог которого, сам, кажется, и являющийся бытием, творит из небытия то, что не есть он сам. Нет ничего более чуждого Пармениду. Даже Бог является Богом лишь из бытия, которое само не есть Бог, так как если бы бытие было Богом, оно не было бы бытием» [8, 109].

Последнее утверждение Бофре следует понимать так: несмотря на то, что бытие есть всякий раз бытие *чего-то* (согласно Хайдеггеру:

бытие есть всякий раз бытие некоего — какого-то, того или иного — *сущего*), само оно (бытие) *не есть* что-либо из сущего (даже если это сущее Бог). Вот почему сущее в целом, которое может быть связано лишь с бытием, а не той или иной *частной* определенностью, не является каким-то «подлежащим», могущим образовать субъект глагола «быть». У Парменида это высказано с предельной точностью — знаком на «пути Истины» оказывается просто «Есть», простое «Есть»: акт, которому не предшествует ни какой субъект:

Первый (путь — *А.П.*) гласит, что «есть» и «не быть никак невозможно»:

Это — путь Убежденья (которое Истине спутник)⁶.

Только теперь понятно, почему люди, находящиеся в ситуации *кризиса*, ведут себя как «нерешительные», «некритичные» («*ākṛita bhāḥ*»): речь не о психологической характеристике, а об онтологическом характере их «решений», которые на деле оказываются псевдорешениями) — они непременно пытаются связать бытие с *неким* конкретным сущим (стихией, Богом, народным духом, классовым интересом и т. п.), однако именно как «*некое*», всякое сущее оказывается в том или ином аспекте *не-сущим*:

...Люди, лишённые знания,
Бродят о двух головах. Беспомощность жалкая правит
В их груди заплутавшим умом, а они в изумленьи
Мечутся, глухи и слепы равно, невнятные толпы,
Коими «быть» и «не быть» одним признаются и тем же
И не тем же, но все идет на попятную тотчас.

И снова, ни в коем случае нельзя психологизировать этот анализ — в противном случае наличие маниакальной готовности «идти до конца» и фанатичной преданности «общему делу» как *таковые* будут расцениваться как самодостаточные критерии истины; наоборот, победа одной из голов будет означать лишь усилие отрицать (вытеснить, в

---

⁶ В.В. Библихин так комментирует перевод этого фрагмента, выполненный А.В. Лебедевым: «Слово *бытие*. О нем не сказано, что оно *есть*, это уже отчаянные, оголтелые переводчики добавляют, Лебедев этого не сделал. Вовсе не сказано, что “*бытие есть*”. Сказано просто: ход — вот этот: *есть*. Спрашивайте, спрашивайте, что (выделено мной. — *А.П.*) “есть”. Само “есть” есть? Но это будет уже домысел. Просто — *есть*. Я когда-то говорил, что у ранней мысли солдатские добродетели. Это парменидовское голое *есть* — всерьез похоже на солдатское *есть*» [9, 374].

психоаналитическом смысле) наличие другой, но — ни в коем случае не *небытие* последней. Но каковы же истинные критерии («критерий» и «кризис» слова одного корня) решения, которое необходимо должно быть принято? Ахутин в своем разборе указывает на неслучайность того, что в поэме Парменида «есть» (глагол бытия) стоит как сказуемое *без* подлежащего, поэтому его нельзя переводить даже безличными оборотами типа *es ist, it is, il est, il'y a* — т. е. *нечто* есть, имеется: ведь сказать, что *бытие есть* — означает расщепить сущее на субстантивированный «субъект» («бытие») и его экзистенциальный «предикат» («есть») [7, 606]. Напротив, только *несубстанциальное единство* бытия, говорит Ахутин, изгоняет всякое «не» и всякое «и»⁷ [7, 614], т. е. именно те операторы, которые полагают любое единство исключительно как «одно из многих» (не важно, отвергается это «многое» как «другое» или же присоединяется как «то же самое»⁸).

Итак, «нерешительные племена» нерешительны, потому что они вечно не способны принять единственно истинное решение, которое на самом деле *всегда уже* принято — решение, гласящее что *бытие* для всего *одно-единственное* (стало быть, *небытия* — нет). Очевидно, что эта «неспособность» людей сама принадлежит характеру всегда уже принятого решения, вытекает из его «содержания»: в каком-то смысле наша нерешительность, шатание между тем и этим (само наше бытие как всегда бытие-между: *inter-esse*) есть следствие этого ре-

---

⁷ «Не» можно понять как догматическое, репрессивное «попранье в правах» некоего «неудобного» сущего, а «и» — как «плюралистическое» допущение его существования по принципу «гетто», «мультикультуралистскую» кастрацию, сохранение лишь «хороших», «правильных» различий. Чисто логически, всякая идея «стержневой культуры» предполагает такого рода «не» и «и» в качестве своих «жесткого» и «мягкого» вариантов.

⁸ В этом смысле важно именно *же* в «том же самом», оно указывает на некую внешнюю операцию сравнения; как *единое, одно* — парменидовское бытие всегда исключительно «то самое», без «же». Так, например, по Канту, бытие — не реальный предикат, но способность полагания вещи как объекта для нашей познавательной способности; однако последняя определяется через трансцендентальную форму времени — значит, нечто может быть «одним» и «тождественным» лишь *во* времени, только при этом условии мы по праву будем применять категорию «единства» или «субстанции»; но про само время Кант говорит так: «Время есть не дискурсивное, или, как его называют, общее, понятие, а чистая форма чувственного созерцания. Различные времена суть лишь части *одного и того же* (выделено мной. — А.П.) времени. Но представление, которое может быть дано лишь одним предметом, есть созерцание» [10, 71]. Кантовская критика исходит из того (и приходит к тому), что *было решено*: наше познание устроено *вот так, единственно возможным — конечным, временным — образом*.

шения, *дар* многообразия, избылиия мира. В самом деле, разве не нужно некое *самозабвение*, чтобы увидеть многое как многое, иное как иное, потерять *себя* в нем? — С этой точки зрения, это скорее способность, чем неспособность, если бы только... если бы только не желание увидеть в этом многом *что-то* одно в качестве «истинного» (главного, центрального); желание, напоминающее нам о кризисе, но делающее его в то же самое время как бы перманентным, «безвыходным» (об этом слова Парменида: «И все на попятную тотчас...»). Это забвение-нерешительность (когда даже самое «решительное» в психологическом смысле решение *онтологически* оказывается все таким же *не* решительным, *не* решающим: вид «решительности» ведь как раз и придается ему единственно с целью маскировки неразрешимости, «апо-рийности» ситуации) — и есть собственный способ бытия человека. «Значит, — говорит Бибихин, — напрасно думать, что при переборе высказываний, при каком-то особенно удачном, трезвом, математическом щелкнет защелка и принятое окажется истиной? Никогда не окажется. Окажется принятым, и та истина, которой окажется то высказывание, будет *принятой* истиной, тем, что принято считать за истину. Все у смертного только принятие. У бессмертных софия, от всего отдельная. У смертных философия, принимающее принятие. Истина у смертных присутствует в принятии» [9, 363]. («Принятие» — это имя той операции, которой производятся «мнения»: «докса» происходит от «дехомай», «декомай», *принимать* в широком смысле [9, 347]).

Софийность кризиса

Но в чем же тогда *ценность* предложенного Парменидом решения — если оно всегда «не наше» (а «наше», напротив — *не* решение)? Софийность кризиса как *всегда-уже-принятого-решения* — в том одном, что он обращает наше внимание к нерешительному характеру всех наших «решений» в той мере, в какой каждое из них способно давать *лишь имя* («лишь»: всегда только *псевдо*-ним под видом «имени собственного») истины бытия. Парменид: «...Поэтому именем будет все, что приняли люди, за истину то полагая».

Здесь уместно напомнить об этимологии слова «алетейя», отражающей греческое понимание истины: а-летейя, не-сокрытость. Так вот, наши решения не достигают А-летейи, но все-таки — каким-то странным образом⁹, как бы «боковым зрением» — способны прозревать в это «а-», обнаруживая в основе любой нашей возникшей «онтологии» некое *фетишистское образование*, призванное сокрыть самый факт

---

⁹ «Странность», исключенность из «софии мира» и является нашим способом участия в ней, как неоднократно утверждал В.В. Бибихин.

сокрытия — придать видимость конкретности всего лишь абстрактно-всеобщему истолкованию бытия всего сущего¹⁰.

Показателен уже сам тот факт, что от онтологии ждут обоснования для мероприятий *антикризисного* характера: «тяжба о бытии»¹¹ повсеместно приняла вид идеологических разборок, где главное — обвинить противника либо в неспособности предложить «действенные меры», либо в циничном потакании кризису в целях заработать на нем. Если абстрагироваться от содержания (так и хочется сказать «начинки»), то на уровне формы мы увидим зеркальную симметрию позиций, вся разница между которыми состоит в различии способа упаковки того, что как раз одно только и имеет силу *принятого решения*. Симптомом выступают высказывания типа «а вы сами не меньше нашего нарушаете права человека», которые в целях развенчания противника готовы признать, что все мы «одним миром мазаны». А «миро» это — и этот мир — есть не что иное, как *неолиберальный капитализм* (как было решено на каком-то суде!), претендующий быть единственно сущей субстанцией (самой «софией мира!»), под какими бы атрибутами она ни обнаруживала свою сущность; и какие бы образы культурной и национальной идентичности мы ни взяли — будь то «демократия», «социализм», «евразийство» или «православие» — трудно отделаться от ощущения, что в поле «реальной политики» им загодя уготована роль выступить лишь акциденциями (всего лишь псевдонимами псевдонима!) этой *субстанции*. Это подтверждается, в частности, тем, насколько легко самые консервативные, фундаменталистские доктрины готовы принять на вооружение новейшие технологии — например, цифровые. Если взять частный пример — современную отечественную практику «эффективного управления» в сфере науки и высшего образования — то становится ясным, что на этом уровне не требуется создавать даже видимости какого-то «культурного своеобразия»: web of science он и в Африке web of science!

Согласно гипотезе Д. Агамбена, «грядущее бытие — бытие любое», причем под «любим» (quodlibet) понимается не «какое угодно», но скорее «именно такое», «угодное в качестве такового»: не пустая неопределенность, но и не определение при посредстве некоего обще-

---

¹⁰ Политический смысл пониманию истины как не-сокрытости (а-летейи) придает идея Д. Вико о том, что мифологическая *Лета* (река забвения в Аиде) изначально означала захоронения плебеев, лишенных фамильных имен — тогда а-летейю можно понимать как исторический процесс борьбы низов за само право выхода на историческую сцену — право участия в жизни Города, собственно «политической» жизни.

¹¹ Выражение А.В. Ахутина, использованное им для названия одной из своих книг.

го понятия («красный», «француз», «мусульманин») [11, 9—11]. Что же до онтологии современного неолиберализма, то она лишь по видимости приветствует любое бытие, на деле же — всегда опосредует всякое бытие «кодом доступа», доводит его путем специальной «биополитики» до нужной кондиции, исключая все то, что не редуцируемо к императивам «успешности», «прибыльности», «безопасности». Но именно это и обращает наше внимание на то, что в качестве «антикризисной» стратегии сегодня (в какие бы одежды она ни рядилась) налицо стремление всеми способами *не обнаруживать* характер того решения (о единстве бытия), которое действительно имеет место — не обнаруживать, но в то же время по возможности использовать его потенциальную мощь! Фетишизм «любого»¹² уступает место фетишизму «нелюбого» (в обоих смыслах слова «нелюбой»: отрицательного предпочтения и нелюбви), благодаря чему бытию повсеместно внедряется *нехватка* (ресурсов, скорости, популярности, рейтинга). Но, по слову Парменида:

...Нельзя бытию незаконченным быть и не должно:
Нет нужды у него, а будь, во всем бы нуждалось.

«Быть», согласно этой формуле, означает: ни в чем не нуждаться — или, что то же, нуждаться во всем. Заголовок последнего раздела «Европейского нигилизма», в котором Хайдеггер подводит итог своему анализу современности как эпохи завершения метафизики, явно отсылает к этому же тезису: «Бытие как пустота и богатство»¹³. Но к какому конкретно опыту должно отсылать такого рода понимание, чтобы не оставаться просто примером логического парадокса?

Возможно, ответом послужит одно слово в тексте самого Парменида, автор которого, по замечанию В.В. Бибихина, проявляет поистине «аристократическое пренебрежение к терминологии»: «...Парменид словно, демонстративно, нарочно вместо привычного нам *бытия* говорит вдруг, ставит на место εἶναι (фр. 6, ст. 8) другое слово, πέλειν, того же корня, что наше слово, происходящее от греческого, “плюс”, то,

¹² «Поэтому любовь никогда не следует за теми или иными качествами любимого человека (быть-блондином, маленьким, чувствительным, хромым), но она также никогда и не абстрагируется от них во имя пресной всеобщности (всеобщая любовь): она желает эту вещь *со всеми ее предикатами*, ее бытие такое, какое оно есть. Она желает *какое* лишь постольку, поскольку оно *такое* — и в этом проявляется ее специфический фетишизм» [11, 10—11].

¹³ Ср.: «Бытие — пустейшее и одновременно оно сокровище, из которого все сущее, известное и испытанное, неведомое и лишь испытываемое одаривается каждый раз сущностным способом *своего бытия*» [12, 173].

вокруг чего все вращается, — “вращаться, обращаться, бытовать, существовать, отираться”, если хотите, “вращаться в высших сферах”, как мы говорим о заметном общественном бытии. Этим исключается узкое понимание парменидовского бытия: оно и не только естественно-научное, и не только логическое, а самое расхожее, включающее убедительность уличного, рыночного, городского существования» [9, 432]. (Вскользь: диалектика бытия здесь та же, что и диалектика *софий*, с ее улично-рыночным бытованием — таковы героини Достоевского Соня Мармеладова и «уличная, рогожинская» Настасья Филипповна.) «Город, *полис*, между прочим — место, где происходит это “вращение”, “круговращение”, где, стало быть, идет бытие, и наверно в первую очередь и прежде всего идет бытие — слово того же корня, что здесь парменидовское *πέλειν*...» [9, 433].

Бытие, стало быть — это *политика* в той мере, в какой она превосходит *экономику* с ее стремлением редуцировать бытие к нехватке того или иного «жизненно важного» сущего; в той мере, в какой она не сводится к форме *полицейского контроля и правового обеспечения* жизнедеятельности «населения», рассматриваемого исключительно в качестве группы «хозяйствующих субъектов». Таким образом, критика человеческой «нерешительности» (некритичности, *ἄκριτα φῦλα*) в «Поэме» Парменида есть уже критика современного *экономизма*: если бытие понимают исключительно из *некоего* сущего (скажем, национальный, или государственный, или еще какой «интерес»), то такого бытия с необходимостью *не будет хватать на всех* — а значит, что-то (и прежде всего, кто-то) должен будет попасть в серую зону «как бы небытия» («как бы», поскольку официально небытия — нет). Такое, ныне господствующее, понимание бытия выступает как повсеместная *приватизация* бытия как *πέλειν*, редукция внушающей властям тревогу сферы общего *Inter-esse* (бытия-между) к тем или иным *гарантированным частным «интересам»*¹⁴.

Оборотной стороной наделения суверена полицейскими функциями, как показал Д. Агамбен, выступает неизбежная *криминализация противника*; но это «прогрессирующее соскальзывание суверенитета во все более мрачные зоны полицейского права обладает по крайней мере одним позитивным аспектом, который стоит здесь отметить. Теперь, когда главы государств с таким усердием принялись за кримина-

---

¹⁴ Ср.: «*Inter-esse* означает: быть среди и между вещей, стоять посреди какой-либо вещи и оставаться при ней. Но для сегодняшнего интереса ценно лишь только интересное. Это то, что уже в следующее мгновение вызывает безразличие и заменяется другим интересным, что впоследствии трогает столь же мало, как и предыдущее» [13, 37].

лизацию своих врагов, они не осознают, что эта криминализация может в любой момент обратиться против них самих. *Сегодня на Земле нет ни одного главы государства, который практически не был бы в этом смысле преступником*» [14, 108—109]. Но это ведь и есть подтверждение слов Парменида:

Мечутся, глухи и слепы равно, невнятные толпы,
Кои́ми «быть» [πέλειν] и «не быть» одним признаются и тем же
И не тем же, но все идет на попятную тотчас.

Бытие «становится» небытием в той мере, в какой политический противник криминализуется, или, к примеру, какой-то проект, или просто образ жизни — объявляется «нерентабельным», после чего с помощью той или иной «спецоперации» превращается в объект «эффективного управления». Не-решительность же состоит в том, что ни одно из таким образом принимаемых решений не обходится без формирования этого незаконного «объекта», *не-сущего сущего*. «Но все на попятную тотчас»: будучи перманентно отчуждаемо, бытие (как политика равенства, как сцена, на которой всякое сущее выступает *именно как сущее*, «любое», «какое угодно», «такое») возвращается в самом этом отчуждении — как ни в чем не нуждающееся, *поскольку* нуждающееся во всем. Подлинное решение — решение о бытии — дано только на фоне абсолютного, бескомпромиссного *небытия*; любое решение, которое не способно раскрыть бытие так, чтобы из него ни что не было изъято, не является истинным — значит, именно «изъятое», «канувшее в лету», «вытесненное», «исключенное» должно быть возвращено бытию, обрести логос и имя¹⁵.

Литература

1. *Топоров В.Н.* Еще раз о др.-греч. ΣΟΦΙΑ: происхождение слова и его внутренний смысл // EINA: проблемы философии и теологии. 2012. № 2.
2. *Аристотель.* Метафизика // *Аристотель.* Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1976.
3. Уэллс об Уэллсе. М., 1990.

---

¹⁵ Здесь опять поражает актуальность идей Вико, который полагал что *монстры* — это изначально дети тех, кто был просто лишен права заключать законные браки (то есть опять-таки — исключенных их «полиса» и его псевдоалетей, принятого мнимо-решения). Как показали М. Хардт и А. Негри, культурным контекстом становления современной неолиберальной политики было как раз «нашествие монстров».

4. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. Кн. 2. М., 1994.
5. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
6. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989.
7. *Ахутин А.В.* Античные начала философии. СПб., 2007.
8. *Бюффе Ж.* Диалог с Хайдеггером. Кн. 1. Античная философия. СПб., 2007.
9. *Бибихин В.В.* Чтение философии. СПб., 2009.
10. *Кант И.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. М., 1994.
11. *Агамбен Д.* Грядущее сообщество. М., 2008.
12. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
13. *Хайдеггер М.* Что зовется мышлением? М., 2006.
14. *Агамбен Д.* Средства без цели. Заметки о политике. М., 2015.

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО, А.М. СИДОРОВА

Экономическая ментальность как основа интеграционных процессов стран Таможенного союза и Украины

Аннотация. Рассматривается влияние неформальных институтов на определение вектора интеграционных процессов и развитие интеграционных процессов стран Таможенного союза и Украины. Экономическая ментальность является базовым понятием для неформальных институтов, определяющим степень эффективности развития интеграционных процессов. На основе международной методики Хофстеда измеряется современная белорусская экономическая ментальность. С помощью кластерного и дискриминантного анализа определяется конгруэнтность экономической ментальности стран Таможенного союза и Украины.

Ключевые слова: неформальные институты, экономическая ментальность, Таможенный союз, конгруэнтность.

Abstract. The article deals with the impact of informal institutions on the definition of the vector integration processes and the development of integration processes in the countries of the Customs Union and Ukraine. Economic mentality is a basic informal institutions, which determines the degree of effectiveness of the integration processes. It was measured modern Belarusian economic mentality based on international methodology

Hofstede. With the help of cluster and discriminant analysis congruence economic mentality of the Customs Union and Ukraine was determined.

Keywords: informal institutions, economic mentality, Customs Union, congruence.

В современном мире одним из важнейших векторов развития является создание интеграционных образований. Экономическая интеграция позволяет использовать преимущества масштаба, расширять рынок, увеличивать приток инвестиций из-за рубежа, создавать более благоприятную внешнеэкономическую среду, разрешать многие проблемы торговой политики, проводить структурную перестройку стран и их модернизацию, развивать национальную экономику высокими темпами, расширять инфраструктуру, внедрять новейшие технологии. При анализе интеграционных объединений в первую очередь обращают внимание на экономико-политические предпосылки и причины, не замечая ограничительных рамок, которые накладывают историко-культурные ценности и традиции. В основе данных рамок лежат неформальные институты.

Неформальные институты способствуют развитию интеграционного объединения. Создание и закрепление эффективных экономических связей возможны лишь тогда, когда они будут основаны на конгруэнтных неформальных институтах, а в основе интеграционных процессов будут находиться развитие и закрепление ценностей, традиций, норм консолидированного экономического поведения. Именно неформальные институты во многом определяют качество созданного интеграционного образования, его отличительные черты, структуру, масштабы, общую стратегию взаимодействия. Стратегия и тактика стран, которые участвуют в интеграционном объединении, должны соответствовать устоявшимся в этих странах системам ценностей и норм, порядков и типов социально-экономической системы. Поэтому важно, чтобы в ситуации развития интеграционных процессов и формирования новой институциональной основы учитывались не только существующая политическая и социально-экономическая система, но и неформальные институты, исторически сложившиеся в странах.

Национальная экономическая ментальность является фундаментальной психобиологической и культурологической субстанцией, детерминирующей в конечном итоге стратегический вектор и результаты как институциональных преобразований, так и вектор интеграционного развития (рис. 1). Действительным фактом является то, что схожие по многим признакам и свойствам страны при соответствующем подборе формальных политико-экономических инструментов успешнее и эффективнее осуществляют свои межстрановые связи и отношения.

Возникает не только эффект синергии, но и эффект доверия, которые ведут к снижению транзакционных издержек общения.

Рис. 1. Структура института

Историко-культурное наследие (тип экономической эпохи, ментальность, в частности, экономическая) является цементирующим элементом, который объединяет людей в общность. Именно здесь находятся глубинные психологические установки, реакции, стимулы, стереотипы поведения. Это, по сути, бессознательный уровень, который зачастую выпадает из исследований, но играет первичную роль как в любых преобразованиях, так и в интеграционных процессах [1, 167—171]. Этот пласт можно назвать генетическим кодом, тем «зовом предков», которому человек не может противиться.

Именно данный бессознательный уровень формирует систему ценностей, вполне осознаваемую, которой руководствуется человек или группа людей в принятии решений.

Впоследствии система ценностей образует неформальные правила игры, которые представлены в обществе социальными нормами, а формальные — закрепляются юридическими документами, нарушения которых ведут к санкциям.

Из этой схемы видно, что проведение фундаментальных преобразований требует изменения в самом ядре социально-экономической системы. Причем необходимо также учитывать следующие факторы: системность и тесную взаимосвязь всех институтов между собой, неоднородность их состава [2, 5—27].

Более того, понимание взаимосвязи и взаимообусловленности формальных и неформальных изменений является ключом к пониманию всей динамики институциональных трансформаций — вопросу, имеющему большое значение для постсоветских стран [3, 44—57].

Многие исследователи видят именно в неформальных институтах (в особенности ментальности) институциональный «скелет», содер-

жащий весь генетический материал, обеспечивающий социальное воспроизводство данного типа [4, 50—55]. Менталитет определяет сущность всей системы, соотношение формальных и неформальных институтов, неизменность и одновременно с этим предпосылки к интеграционным процессам разных стран [5].

Именно наличие специфических неформальных институтов, в первую очередь экономической ментальности, может являться своеобразным тормозом на пути любых быстросозданных интеграционных объединений. Поэтому одной из важных задач при планировании и реализации вектора интеграционных преобразований является измерение экономической ментальности. Можно выделить группы стран, имеющие схожий тип экономической ментальности (рис. 2).

К Таможенному союзу, в первую очередь, присоединились страны, которые наиболее комфортно чувствовали себя на закате СССР и наименее всего противопоставляли себя центру. У Казахстана еще сильны феодально-родовые отношения, у Белоруссии была наиболее сбалансированная экономика между машиностроением и сельским хозяйством, что в свою очередь минимизировало возникающие противоречия между субъектами огромной страны. Можно с большой вероятностью утверждать, что в 1990-е гг. эти страны меньше всех желали отделения. Казахстан — большая страна с малой плотностью населения, недалеко ушедшая от феодализма, тяготеющая к клановому управлению и единому центру, и Белоруссия — спокойная и самодостаточная, без ярко выраженных противоречий. Скорее всего, разделение стран было принято с какой-то покорностью, даже с настороженностью и мыслями в первую очередь о том, как будем жить дальше, чтобы не потерять того, что имеем. Этим странам, в первую очередь, свойствен экономический прагматизм. Зачем резко менять вектор развития, если можно сохранить и использовать то хорошее, что было? Надо думать, что эти страны больше смотрели назад, чем вперед. «Лучше синица в руках, чем журавль в небе» — наиболее понятное объяснение сегодняшнего сближения Казахстана, Белоруссии и России.

Дальнейшее развитие мировой экономики укрепляло направления движения экономик этих стран. Возникающие проблемы наиболее простым способом можно было решать только сообща. Тем более что экономическая ментальность как населения, так и правящих элит в данном случае была схожей. Основными ментальными чертами в данном случае можно считать умение использовать то, что есть, понимание усиления значения глобализации мировой экономики и стремление использовать ее себе во благо и не ограничивать себя на этом пути национальными рамками.

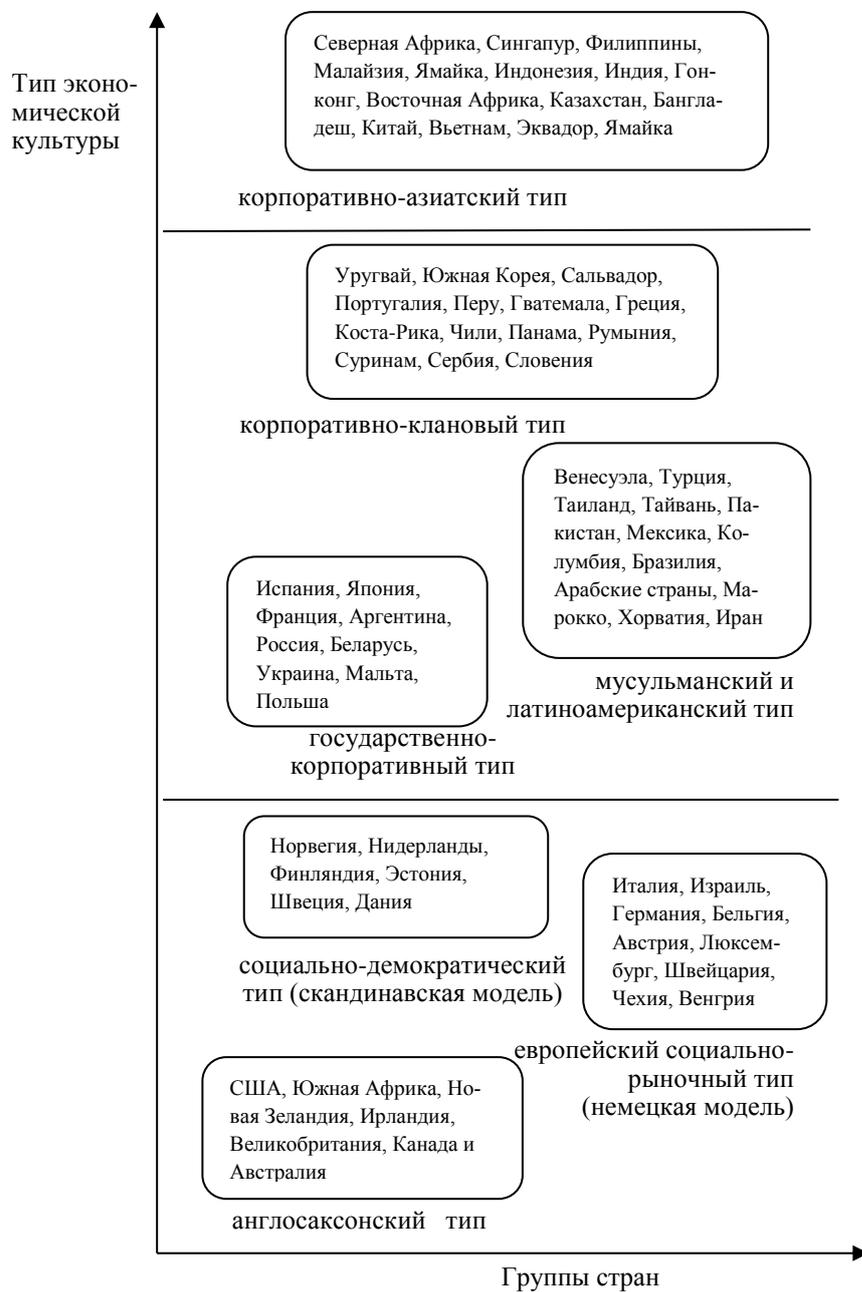

Рис. 2. Типология стран в контексте экономической культуры

Краеугольный камень — это приход определенного типа правящей элиты с определенными чертами на этапе становления стран в начале 1990-х, что и определило дальнейшее развитие отношений их друг с другом и с Россией. Правящие элиты Белоруссии и Казахстана считали, что в СССР было больше хорошего, чем плохого, что в сотрудничестве друг с другом жить легче. И народы этих стран в большинстве своем считали так же. Уровень коллективизма-индивидуализма, стремления избегать неопределенности, которые были на тот момент, подсказали решение: определенный уровень экономического объединения пойдет на пользу самих стран. А такие ментальные черты, как традиционализм, духовное единство, склонность к компромиссам, присущие одновременно как народам этих стран, так и их правящим элитам, предопределили постепенное образование Таможенного союза.

Отсутствие противоречий также сыграло свою роль. Дальнейший процесс капитализации все время ограничивался не только действиями властей, но и экономической ментальностью белорусов, казахстанцев и россиян, что объяснялось дистанцированием от власти, а также соответствующим уровнем коллективизма. Соответствующая экономическая ментальность, отсутствие больших потрясений в экономике, благодаря ее сбалансированности и географическому положению, большие усилия правящих элит, которые не слишком стремились влиться в западную рыночную экономику, неспешная приватизация, молча поддержанная народом, позволили сложить сегодняшний Таможенный союз.

Другие страны пошли по другому пути. На волне упавшей сверху неожиданно демократии пришли правящие элиты, которые стали противопоставлять собственные национальные черты советским и взяли вектор на интеграцию с Европой. Но данный процесс также шел неравномерно. Часть стран, чей менталитет больше соответствовал западному, смогли более или менее влиться в европейское сообщество. У других это не получилось. Из одной империи ушли, а в другую — торгово-капиталистическую — не попали. Одни связи нарушились, а другие не возникли. Небольшая страна с небольшим ВВП не может существовать одна без экономических связей с другими странами. Так было и в далеком прошлом, так — тем более — будет и в будущем. В сложный период становления не стоит разрушать то, что достигли предыдущие поколения. Взять пример Украины. С кем ментально Украина последние десятилетия была больше всего связана и на кого похожа? Ответ очевиден. Последние десятилетия и даже столетия страна развивалась неотрывно от стран Таможенного союза. Поэтому попытки резко уйти от старых связей, усиление коррупционной со-

ставляющей в экономике, которую всегда можно прикрыть стремлением к реальным рыночным реформам, отсутствие учета внутренних неформальных институтов — все это привело к печальным результатам. А причина, в первую очередь, заключается в том, что не принимались в расчет ментальные черты основной массы населения. Несмотря на то, что у украинцев более выражены западные черты менталитета, все равно их менталитет относится преимущественно к переходному.

Итак, что можно сказать об интеграционных преобразованиях, касающихся стран Таможенного союза и Украины? Первоначальный анализ схожести стран по экономической ментальности четко поставил Россию, Белоруссию и Украину в одну группу (Казахстан попал в группу с нерыночной ментальностью). Причем Украина несколько опережала остальные страны. Также необходимо было сравнить полученные данные с социально-экономическими условиями этих стран. Сравнивая экономическую ментальность в совокупности с различиями формальной институциональной структуры и среды, были получены интересные для понимания происходящих событий результаты: Россия и Белоруссия остались в третьей группе стран с переходной экономикой от Востока к Западу, что в принципе подтверждает концепцию объединения этих стран на основе их схожести в оценке как неформальной, так и формальной институциональной среды; Казахстан также попадает в эту же группу стран с переходной экономикой, т. е. формальная структура экономики как бы сыграла свою положительную роль в усилении интеграционных характеристик этой страны.

Рассмотрев показатели подробнее, можно определенно отметить, что, несмотря на довольно отсталую рыночную ментальность, такие экономические характеристики, как ВВП на душу населения, уровень экономической свободы и качество управления, которые у стран Таможенного союза и Украины выше, чем у остальных, поставили Казахстан в ряд равноправных партнеров, интегрирующихся в одно экономическое пространство. Наличие собственных природных ресурсов и планомерное развитие экономики без резких поворотов оказали позитивное влияние на положение страны среди данной группы. В этой группе особенное место должна была бы занять Белоруссия — по структуре своей экономики, показатели которой были намного хуже показателей двух других стран, но поскольку Белоруссия занята переработкой российской нефти и добывает калийные удобрения, эти статьи доходов дают ей львиную долю ВВП — поэтому страна не смотрится самым бедным родственником на фоне остальных. Кроме того, учитывая географическое положение и достигнутые показатели роста в сельском хозяйстве, строительстве, IT-технологиях, которые постепенно прирастают на фоне продолжающегося упадка в машиностроении,

то страна продолжает балансировать на уровне между «плохо» и «не очень плохо».

Все эти страны имеют одни и те же проблемы. Экономика требует модернизации во всех отраслях, а так как в группе решать эти проблемы намного проще, то сам факт стремления стран к объединению в Единое экономическое пространство вполне понятен и обоснован. Что же касается Украины, то в сравнении со странами Таможенного союза картина здесь одновременно противоречива и закономерна. По показателям экономической ментальности Украина находится впереди Таможенной «тройки» по отношению к Западу. Если оценивать неформальные институты, то она стоит немного выше группы стран с переходным менталитетом. Тем не менее при сравнении этих показателей со структурными экономическими показателями Украина попадает в четвертую группу стран с нерыночной структурой всех показателей. У этого противоречия может быть несколько причин: например, выборка по определению экономической ментальности проводилась среди однородной группы людей, например, студенчества, которое всегда более прогрессивно и рыночно относится к неформальным институтам.

Экономические структурные показатели позиционируют Украину отнюдь не рыночной страной — особенно по показателю ВВП на душу населения, который ставит ее на один уровень с Сальвадором. (И хотя по этому показателю Индия и Китай тоже недалеко ушли от Украины, но там количество населения неизмеримо выше...). Так в чем же суть проблемы? Украина не может окончательно разобраться — с кем ей быть. Можно определенно сказать, что не последнюю роль в данном вопросе играет политический фактор. По сложившейся сегодня как экономической, так и политической ситуации можно определенно сказать, что ментально Украина гораздо ближе к Таможенному союзу, чем она предполагает. Складывающаяся политическая ситуация толкает ее к интеграции и с Евросоюзом, и с Таможенной тройкой. В консервации этого вялотекущего процесса огромную роль играет коррупционная составляющая. Постоянно прикрываясь демагогическими призывами к лучшему будущему, как в Евросоюзе, так и Таможенном союзе, страну разворовали до предела — воровать стало нечего и каждая половина демагогов решила делить финансовые потоки, которые принадлежат оппонентам. Про уровень коррупции говорит хотя бы уровень ВВП на душу населения, который отличается в два раза от Казахстана, не говоря о России. Политический раскол в стране не дает определиться. Хотя определенно можно сказать, что Украина по своей ментальности больше тяготеет к странам Таможенного союза и понадобится значительное время, чтобы она смогла быстро и нормально влиться в западную по своим ментальным чертам экономику.

Вся эта борьба довела страну до уровня развития, который в два раза ниже, чем у ближайшей страны по Таможенной тройке. Парадокс в том, что большая часть населения работает именно на страны Таможенного союза. Украина уже начала терять свою территориальную целостность, и в ближайшее время ситуация должна будет каким-либо способом разрешиться.

В целом, можно сделать вывод, что ментальная конгруэнтность стран имеет важное значение для реализации стратегии интеграционных преобразований. Успеху в ее реализации способствуют схожие неформальные институты стран, в первую очередь схожесть экономической ментальности. Для того чтобы изменить вектор интеграции, надо в определенной степени изменить и неформальные институты. Наличие конгруэнтных неформальных институтов между странами действительно способствует проведению более эффективной интеграционной политики. В Белоруссии, России, Казахстане и в определенной степени на Украине существуют общие ментальные характеристики, что, в конечном счете, может способствовать проведению интеграционных преобразований.

Литература

1. Дефорж С.Ю., Дмитриев И.А. Трансплантация институтов как форма становления социальной рыночной экономики // Научные труды ДонНТУ. Сер. экономическая. 2007. Вып. 31—1.
2. Кузьминов Я.И. и др. Институты: от заимствования к выращиванию // Вопросы экономики. 2005. № 5.
3. Кузьминов Я.И. Советская экономическая культура: наследие и пути модернизации // Вопросы экономики. 1992. № 3.
4. Дегтярева С.В. Становление институциональной системы экономики и институциональные изменения // Научные труды ДонНТУ. Сер. экономическая. 2006. Вып. 103—2.
5. Лемещенко П.С., Сидорова А.М. Неформальные институты и рыночная реформа в Беларуси. Минск, 2013.

И.Р. БУГАЯН

Государственное и частное предпринимательство в России: соотношение и необходимая для вырыва к развитию мера*

Аннотация. Переход к современному неопредпринимательскому развитию России связан со структурным перестроением не только в субординационном соотношении видов предпринимательства, но всех факторов производства и не только хозяйства, но и общества посредством постреформенного государственно-корпоративного неодирижизма.

Ключевые слова: предпринимализм и неопредпринимательское развитие, НТР, НТП, технический прогресс (ТП) их субординация; влияние на соотношение государственного и частного предпринимательства, цикл и совокупный цикл «исследование — производство».

Abstract. The article is devoted to the transition to modern neoenterprise development of Russia that is connected with structural evolution of not only types of business, but all production factors and not only economy, but also societies by means of a post-reform state and corporate neodirigism.

Keywords: neoenterprise development, state and private business, cycle, cumulative cycle «research — production», scientific and technological revolution, scientific and technical progress.

Политическая экономия хорошо работает, когда в обществе доминируют факторы производства, созданные деятельностью людей — труд или капитал, но когда доминируют трансцендентные факторы — земля или предпринимательство, — она оказывается бессильной. Дальше фиксации возникших проблем дело не продвигается. В подобных случаях может помочь философия хозяйства в силу того, что она и вбирает в себя физику — политическую экономию, и позволяет понять и разобраться в метафизических явлениях, сопровождающих как хозяйственную деятельность в целом, так и современно-предпринимательскую в частности. Кроме того, сам российский этнос возник в период доминирования трансцендентного фактора производства — земли и в этом смысле — смысле трансцендентности, родственной предпринимательству.

Не случайно новое для начала XX в. направление общественных наук — философия хозяйства — возникло именно в России (МГУ,

---

* Продолжение. Начало см.: Философия хозяйства. 2015. № 2.

С.Н. Булгаков), и прежде всего оно может поспособствовать в разрешении накопившихся проблем.

Ныне в мире доминирует трансцендентный фактор — современное предпринимательство. Доставить этот фактор из-за пределов нашей страны, подобно капиталу периода индустриализации, и быстро включить на основе политэкономических концепций в хозяйство России — невозможно. А ожидать, когда оно само разовьется в стране, на долгие десятилетия запретившей в прошлом (XX в.) частное предпринимательство, — слишком большие потери времени — самого дорого ресурса вообще, а в нынешней кризисной ситуации в особенности.

Что же делать?

1. Необходимо в предпринимательство вернуть государство для сохранения, а также развития исторически сложившихся в России форм потребления: производственного, общественного, личного.

В связи с этим, необходимо решение следующих задач.

1.1. Соблюдение приемлемого технологического уровня производственного потребления. В случае обнаружения отстающих производственных звеньев передавать задел завершенных частно-государственным предпринимательством фундаментальных, прикладных исследований и опытно-конструкторских разработок из предпродушвенной сферы частным предпринимательским структурам, которые для повышения конкурентоспособности нуждаются в их внедрении в сферах и производства, и применения.

Необходимо, образно говоря, иметь в «казне» не только резервный финансовый фонд, но и, что важнее, интеллектуальный — результаты предпродушвенной частно-государственной предпринимательской деятельности. Их назначение — дальнейшее развертывание совокупного цикла «исследование — производство» на основе интеллектуальной составляющей любого из ныне доминирующих товаров — новых и информационных технологий.

1.2. Обеспечение общественного потребления, соответствующего уровню социально-рыночного хозяйства, гарантирующего старым, малым и нуждающимся такую степень социальной и иной защиты, которая традиционна в странах, признанных мировым сообществом национально-социалистическими, например, шведским социализмом.

2. Надо иметь в виду, что национально-социалистическое хозяйство возможно лишь там и постольку, где и поскольку оно основывается на современном доминирующем факторе производства. Ныне — на предпринимательстве, функционирующем на базе новых и информационных технологий. А в прошлом — например, труде рабов (римский социализм — только для граждан-пролетариев империи).

(Достаточно поехать по миру, чтобы убедиться: общественный сектор хозяйства с древнейших времен был очень сильно развит. Следы Римской империи легко обнаруживаются по сохранившимся археологическим свидетельствам грандиозных сооружений, имеющих отношение именно к общественному сектору. Это акведуки, храмы, амфитеатры на территории не только Европы, но и на Севере Африки и даже в Малой Азии).

Сейчас мы являемся свидетелями ренессанса общественного сектора хозяйства, но, как и ~ 2000 лет назад, это происходит не во всем мире, а лишь в его меньшей части — нынешних странах «золотого миллиарда». Причина связана с тем, что этот сектор получает мощнейшее развитие, когда доминируют факторы производства человеческого происхождения. И вследствие этого его развитие приобретает опережающие темпы.

В Римской империи доминирующим фактором производства был труд, а товаром — рабы. Ныне в странах «золотого миллиарда» это место заняло предпринимательство на основе новых и информационных технологий. Оно трансцендентно (предполагает наличие у граждан определенного таланта к наиболее эффективной комбинации прочих факторов производства — талантливых в этом смысле бывает от 3 до 5% от общего числа сограждан), но так же, как и труд, связано с человеком, т. е. тоже имеет человеческое происхождение.

И в первом и во втором случае общность названных факторов производства проявляется в одном и том же — в необходимости опережающего роста потребления общественного по сравнению с производственным и личным. И, как следствие, — общественного сектора хозяйства по сравнению с прочими его составляющими, обеспечивающими производительное и личное потребление.

Если причинно-следственная связь между доминированием факторов производства человеческого происхождения — труда или современного предпринимательства, — и вытекающей из этого необходимости опережающего роста общественного сектора хозяйства носит устойчивый, постоянно повторяющийся, причинно-следственный характер, то уместно отнести ее к действию *общественного закона*. Представляется правильным назвать его: *закон-тенденция опережающего роста общественного сектора экономики* [1].

Опережающий рост того или иного сектора экономики, на наш взгляд, — *всеобщий закон общественного развития*, но при каждом из возможных вариантов субординации факторов производства он приобретает специфическую форму своего проявления. Уместно напомнить, что в условиях доминирования фактора производства «капитал» он проявлялся как закон опережающего роста производства средств

производства по сравнению с производством предметов потребления. Другими словами, вызывал опережающий рост капитала.

Ныне капитал утратил доминантность; никакого опережающего роста нет; эффективность инвестиции в него заметно уступает отдаче от вложений в современное предпринимательство.

Во времена римлян большей эластичностью обладал, как уже отмечалось, другой человеческий фактор производства — труд. Поэтому все древнеарийские античные империи занимались одним и тем же — непрерывной экспансией во всех возможных направлениях для наращивания в своих пределах такого фактора производства, как труд, и соответствующего товара — его носителя — рабов. Именно погоня за этим товаром приводила к возникновению гигантских империй в Европе: македонской (Александра) и римской, а в Малой Азии — парфянской и армянской.

Тем не менее, почему речь идет именно о *законе-тенденции*?

Во-первых, действие этого закона возможно лишь в те периоды развития общества, когда доминируют факторы производства человеческого происхождения. При доминировании иных факторов — земли или капитала — его действие как бы замедляется; он впадает, образно говоря, в спячку, ожидая, что его разбудит очередное перемещение доминантных свойств к одному из факторов производства человеческого происхождения.

Непосредственной причиной «пробуждения» названного закона-тенденции является объективное стремление инвесторов направлять инвестиции в тот фактор производства, который обладает по сравнению с прочими наивысшим коэффициентом эластичности. Ныне — в современное предпринимательство на основе новых и информационных технологий, вызванных НТР и НТП.

В странах «золотого миллиарда», обладающих доминирующим фактором — современным предпринимательством, в общественной жизни наблюдаются явления, похожие на те, которые уже происходили в прошлом. Это не только социально-рыночные экономические отношения, защита старых, малых и немощных граждан этих стран. Совершенно бесплатно под открытым небом в столичных парках таких стран Европы, как Скандинавские, ФРГ и др., устраиваются концертные площадки, где весь вечер выступают лучшие исполнители мира. Все это не раз транслировалось во многих странах, в том числе в РФ. Очень похоже на то, что происходило более 2000 лет назад в Риме. Граждане Рима требовали «хлеба и зрелищ». Хлеб тогда был очень дорогим продуктом. Видимо, поэтому на древнеарийских языках, а на армянском языке до сих пор, приглашение на трапезу дословно звучит

так: «приходи хлеб вкушать». В этом случае наличие всей прочей еды подразумевалось само собой.

Не лишне напомнить, что и у нас в России именитых гостей принято встречать хлебом-солью.

Как видим, сферы ответственности общественных секторов хозяйств современных стран «золотого миллиарда» и наиболее успешных империй древности в целом совпадают. Это вызывается одним и тем же — потерей большинством граждан собственности на факторы производства, включая то, что казалось неотъемлемым от человека — способность к труду. Причина — отсутствие спроса на наемный труд своих граждан: в рабовладельческих империях из-за дешевизны необходимого продукта рабов, а в «золотом миллиарде» — наемных работников при зарубежном размещении национальных рабочих мест.

Граждане Рима — крестьяне и ремесленники — не могли конкурировать с крупными рабовладельческими латифундиями, их товары и услуги оказывались все менее востребованными на рынках империи. Будучи вынуждены распродавать прочую принадлежащую им собственность в виде факторов производства, они оказывались пролетариями, не способными предложить рынку ни товар, ни услугу, а спрос на их способность к труду — товар «рабочая сила» — еще не мог сформироваться, поскольку до превращения капитала в доминирующий фактор производства было еще далеко.

Цезарь осознавал опасность складывающейся в Риме социально-экономической ситуации. Он всячески стремился увеличить удельный вес римлян, способных иметь доход; издал закон, чтобы никакой гражданин старше двадцати и моложе сорока лет, не находящийся на военной службе, не покидал бы Италию дольше, чем на три года; чтобы никто из сенаторских детей не уезжал из страны иначе, как в составе военной или гражданской свиты при должностном лице. Всем, кто в Риме занимался медициной, и всем преподавателям благородных искусств он даровал римское гражданство, чтобы они и сами охотнее селились в городе и привлекали других. Цель всех этих законов — увеличить численность и удельный вес граждан-доходополучателей. С другой стороны, чтобы сократить численность граждан, нуждающихся в социальной защите, он обязал скотовладельцев не менее трети пастухов набирать из взрослых свободнорожденных людей. Кроме того, восемьдесят тысяч граждан он расселил по заморским колониям. (см.: [2, 20—21]).

Таким образом, и в прежних древнеарийских империях, и в современных странах «золотого миллиарда» наблюдается одно и то же: отторжение рыночной конкуренцией части сограждан от единственного и последнего еще потенциально принадлежащего им фактора произ-

водства — способности к труду — и превращение их в пролетариев. Объективно возникающая в связи с этим необходимость социальной защиты отторженных — пролетариев, в отличие от прочих стран и народов, находила разрешение в далеком прошлом, находит и сегодня. Но причину этого следует искать не столько в человеческих исключительностях (римских ли, шведских ли, или иных), а в объективностях.

Ни один из европейских народов не затратил столько человеческих жизней, сил, средств и времени на создание социалистического общества — обеспечение социальной защитой старых, малых, больных, нуждающихся — сколько российский и германский. РФ пыталась решить задачу радикально — Великой Октябрьской социалистической революцией и затем построением марксистско-ленинского социализма через проведение политики индустриализации и коллективизации.

Революционный отрезок пути к социализму Германия прошла так же, как и Россия, даже создала аналогичную Баварскую республику. Но будучи уже вполне индустриализованной, в дальнейшем движении по траектории РФ смысла не нашла и пошла своим путем — национал-социализма.

И российский путь, и германский оказались и преждевременны, и ошибочны. Российский — из-за запрета в 1918 г. предпринимательства — фактора производства, к которому в 1950-е — 1960-е гг. НТР и НТП переместили доминирующие свойства от капитала, а германский — из-за забвения заповеди древних: «нельзя дважды войти в одну и ту же воду» — т. е. создать на основе территории и народа Германии новую Римскую империю.

Жителям Германии понравилась идея об их арийском происхождении, открывающая, по мнению тогдашних ее руководителей, кратчайший и прямой путь к римскому благоденствию при условии, что им удастся очистить свой народ от примесей иных этносов. Такой подход вызвал настолько большой дефицит добровольных союзников, что пришлось непричастных японцев, случайно (по воле дважды разбушевавшегося океана) избежавших вторжения монголов, но враждовавших с США, объявлять арийцами Востока и искать в них поддержку. При этом совершенному забвению были преданы сами монголы, которые сумели сделать то, что оказалось недостижимым для Германии, — создать империю, в четыре раза превосходящую (по территории и населению) Римскую и в восемь — Александра Македонского. Такая забывчивость, возможно, пренебрежение (нельзя исключать и невежество тогдашнего малообразованного руководства Германии) дорого обошлись ей, поскольку она столкнулась не только с большей частью прежней имперской территории монголов, ставшей Россией, но и с

потомками населявших ее людей, ставших, наряду со многими другими народами, включая потомков Чингиз-хана¹⁶, россиянами.

Одним словом, вопреки предостережению канцлера Бисмарка, Германию все-таки угораздило решиться на агрессию и войти в прямое военное противостояние с теми, кто тогдашнему руководству Германии, возможно, был неприятен, но объективно близок для ее населения своей исторической судьбой и социально-хозяйственными устремлениями к социализму.

Впрочем, проблемы с германской забывчивостью и вообще памятью начались задолго до этого и раньше всех обострились у «Вилли», который сто лет назад затеял войну против своего родственника «Ники», принявшую мировой характер.

Второе обострение, как уже отмечалось, было вызвано социалистическим желанием германского народа, готового ради достижения этой цели на все. Это вылилось во Вторую мировую войну, вторично развязанную Германией за один XX в.

Германские социалисты в своей борьбе с неарийцами, к счастью для остального своего населения, не запретили, подобно российским революционерам, частное предпринимательство. Его развитию, хотя и был нанесен некоторый ущерб (преимущественно финансовой сфере), но в отличие от российского хозяйства частное предпринимательство не прерывалось. Поэтому разворачивающиеся НТР и НТП беспрепятственно переместили доминантную роль от капитала к предпринимательству. Тем самым было выполнено основное условие возникновения социально рыночного хозяйства.

Итак, вековая мечта германского народа, которая, несмотря на колоссальные жертвы и потери, будучи недостижимой в прошлом — при доминирующем капитале — во второй половине XX в. оказалась не только достижима, но и неизбежна, поскольку доминирующие свойства переместила к фактору производства «современное предпринимательство» объективно непреодолимая сила — НТР и НТП. Все произошло мирно, совместно с другими европейскими странами «золото-

---

¹⁶ «Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856). Родился в Москве. Отец — потомок Чингисхана, мать — урожденная княгиня Щербатова... В 1823—1826 гг. путешествовал по Европе — Германии, Франции и Англии. Познакомился с выдающимися религиозными философами Фридрихом Шеллингом и Фелисите Ламенне, оказавшими на Чаадаева сильное и глубокое воздействие» [3, 540]; Чаадаев П.Я.: «Русский ум есть ум безличный по преимуществу. Дело в том, что оценить, как следует, европейские события можно лишь с того расстояния, на котором мы от них находимся. Мы стоим, по отношению к Европе, на исторической точке зрения или, если угодно, мы — публика, а там — актеры, нам и принадлежит право судить пьесу» [3, 542].

го миллиарда», большинство из которых вошло тоже в ЕС, признав Германию своим локомотивом.

Казалось бы, все хорошо! Но, судя по вкладу, внесенному нынешними носителями все той же — германской — памяти, в возникновение и дальнейшее развертывание прошлогодних украинских событий, что-то у наших соседей пошло не так. Достигнутый социализм в объединенной Германии и в большинстве стран «золотого миллиарда», вошедших в ЕС, в разной степени, но их уже не устраивает — хочется большего. Проблемы сохраняются.

Не так пошли дела и у России. 30 лет назад СССР, правопреемником которого ныне признана Россия, пригласили в «единый европейский дом». Россия к этому отнеслась весьма серьезно — активно продолжила и политику рыночных реформ, и приватизации, и перестройки в целом, начатые в СССР, который к этому времени, инициировав роспуск, принял участие в упразднении и военного блока стран Варшавского договора, и СЭВ.

В самом деле, зачем в общем доме две противостоящие друг другу группы стран? Страны, освободившиеся от своих обязательств по Варшавскому договору и СЭВ, сочли за благо найти для сохранения своей безопасности и создания перспектив дальнейшего, в том числе социального, развития альтернативу. Она оказалась тоже рядом; только не восточнее, а западнее их границ — ЕС.

Первыми почувствовали разницу после объединения с ФРГ и, тем самым, вхождения в ЕС бывшие граждане ГДР. Это произошло примерно так же, как и роспуск СССР; только движение пошло в противоположном направлении. При этом мнение населения ГДР, как и большинства союзных республик СССР, предпочли не учитывать.

Не всех бывших граждан ГДР обрадовало это объединение. Запреты на некоторые специальности, давно забытые проблемы с трудоустройством, безработицей, необходимостью вынужденного предпринимательства вызвали у части населения ощущение, что их предали. Претензии в адрес СССР из-за бесцеремонного социального перемещения в ЕС потом оказались ими переадресованы России.

Общий итог всего перечисленного сложился для России с большим отрицательным сальдо. Достаточно быстро стало понятно, что никто всерьез Россию в европейский дом приглашать не собирался, а все переговоры по соблюдению статус-кво исторически сложившихся сфер интересов России имеют не большую ценность, чем документы, подписанные в 2014 г. президентом Украины Януковичем с тремя министрами иностранных дел: Польши, Франции и Германии. Янукович свои обязательства выполнил, а партнеры — и не собирались. Поскольку конечной целью министров ЕС был выигрыш времени — для

того, чтобы произошел подготовлено-профинансированный Западом государственный переворот, в результате которого президент Украины, чудом избежав физического устранения, оказался в эмиграции, а договор стал ничтожным.

В своей мюнхенской речи, задолго до майдана, Президент В.В. Путин попытался обратить внимание европейских партнеров, что ни одно из договорных положений между СССР и Германией + представителями ЕС и США по соблюдению статус-кво интересов России в Европе не учитывается. Если не считать растерянно-возмущенных поворотов головы канцлера Меркель в стороны своих европейских партнеров, как бы ищущей поддержки в свидетельствовании ее непонимания, о чем идет речь, никакой реакции на слова Президента России не последовало. Точнее, последовали события на Украине, санкции против России, заявления родственников погибших пассажиров малазийского лайнера в Гаагский суд, которым первые лица Великобритании, Канады, Австралии и личный представитель президента США, собрав информацию, созданную и распространенную СМИ их же стран из социальных сетей, объяснили: во всем виноваты Россия и лично ее президент.

Как известно, можно обманывать всех некоторое время, часть — все время, но все население Земли все время — еще никому не удалось. Но за дело взялись первые лица стран «золотого миллиарда», среди граждан которых много собственников современного доминантного товара (им принадлежит ~ 95% всех новых и информационных технологий мира).

Российским СМИ пока удается доносить до мировой общественности фактический материал, позволяющий мыслящим людям придти к самостоятельным заключениям. Но в странах, заинтересованных в ином, собираются принять дополнительные меры по противостоянию теперь уже и российским СМИ.

Приходится делать вывод. *Основное противоречие современного глобализирующего мира* проходит между двумя группами стран. С одной стороны, «золотой миллиард», где доминирующим фактором производства является современное предпринимательство на основе новых и информационных технологий (с вынужденно примкнувшими к ним странами-сателлитами). С другой — та часть шести миллиардов +, в которой доминируют труд, земля или капитал — иные факторы производства, из прошлых эпох, но сохраняется стремление к самостоятельному выбору и варианту преодоления разрыва в социально-экономическом развитии, и внешней, и внутренней политики.

Наиболее характерными примерами вошедших в первую группу стран является ЕС, во вторую — страны БРИКС.

Второй вывод еще более обязывающий.

Поскольку, как уже отмечалось, социальная защита нуждающихся граждан ныне возможна лишь там и постольку, где и постольку доминирующим фактором производства является современное предпринимательство на основе новых и информационных технологий, социализм возможен только в тех странах, где это условие создано, существует. Поэтому он (социализм): 1) всегда имеет свой характер, который приходится отражать в определении (например, шведский социализм или римский социализм и т. п.); 2) конкретен в способности выбора и отстаивании своих национальных интересов. Кроме общего — предпринимательства на основе новых и информационных технологий — всегда содержит в себе специфику, неповторимую индивидуальность нации, народа, государства, где это общее возникло и получило развитие.

Антиправительственный путч на Украине с прямым организационно-дипломатическим и финансово-информационно-подрывным участием руководства части стран «золотого миллиарда» стал мощным катализатором социально-духовного продвижения России и русского этноса, где бы он не находился, к социализму, его консолидации вследствие обострившегося ощущения своего неповторимо-корневого единства, вызванного:

- острой потребностью социальной и гуманитарной защиты части русских, подвергающихся испытаниям, «похожими» на методы геноцида;
- санкциями против России, вызвавшими необходимость импортозамещения;
- необходимостью ускоренного развития НТР, НТП, включая технический прогресс с целью создания новых и информационных технологий, для разрешения в кратчайшие сроки проблем импортозамещения, которое распространилось из-за неспособности, возможно, нежелания соблюдать договорные обязательства Украиной, вплоть до военно-промышленного комплекса;
- усилиями государственного предпринимательства по консолидации всех форм частных предпринимательских инициатив, направленных на разрешение вышеперечисленных задач.

Таким образом, «вырыв» [4] к российскому социализму оказался безальтернативно возможен только через возобновление в полном объеме и качестве своего (национально-русского) предпринимательства. Ему призваны способствовать все структуры, обеспечивающие продвижение технологий по стадиям совокупного цикла «исследование — производство» и в конечном счете научно-техническую революцию и прогресс, учитывать все специфическое, что сопровож-

дает возникновение и развитие новых и информационных технологий в России, включая место и роль как государственных, так и частных форм предпринимательства во всем возможном разнообразии их взаимодействия.

Литература

1. Бугаян И.Р. Закон-тенденция опережающего роста общественно-го сектора хозяйства стран «золотого миллиарда»: причины, границы, последствия // *Философия хозяйства*. 2014. № 4.
2. Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1990.
3. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия / Автор-сост. В. Балязин. М., 2003.
4. Осипов Ю.М. Из западни (к вопросу о вырыве России к развитию) // *Философия хозяйства*. 2014. № 2.

С.С. МЕРЗЛЯКОВ

Элита как субъект экономического действия

Аннотация. В статье рассматривается российская армия как признанная современным российским обществом элитарная общность, а также обосновывается вывод о том, что развитие идентичности элиты связано с эффектами Веблена.

Ключевые слова: элита, товар Веблена, армия.

Abstract. The article deals with the Russian army as a recognized by a contemporary Russian society elite community, but also justified a conclusion that the development of elite identity is associated with the Veblen good.

Keywords: elite, Veblen good, army.

Определение элиты

Существует много определений элиты: выбор конкретного определения зависит от целей исследования и объектов изучения. Одним из определений является положение о том, что элитой является совокупность тех людей, которые достигли наибольшей эффективности в своей профессиональной области. Этому взгляда на природу элиты придерживался Вильфред Парето. Таким образом, элитой будут называться все те люди, которые наиболее профессионально выполняют свою работу и обладают общественным признанием своего высокого про-

фессионального статуса. Также статусом элитарного будут наделяться институты, эффективность и профессионализм которых не вызывают сомнения у общества.

В данном случае элитарность схожа с идеей блага у Платона. Согласно Платону, благо — максимальное развитие того или иного свойства. Так благой конь — это конь, который скачет быстрее других; благо сапожника — способность делать качественную обувь; благой нож — острый нож и т. д. Иначе говоря, чем лучше объект выполняет свою функцию, чем совершеннее он реализует свое природное назначение, тем ближе он к тому, что Платон называл благом.

Элитарные институты глазами общества

За последние два десятилетия мы наблюдали в России инфляцию доверия людей ко всем общественным институтам. Это было закономерным следствием тех негативных и значительных изменений, которые произошли в нашем обществе. Сыграли свою роль структурный кризис, который возник вследствие разрушения прежней общественной структуры, и кризис ценностей, который не мог не отразиться на эффективности работы институтов и, следовательно, оценке их работы людьми.

Однако в последнее время мы наблюдаем последовательный рост доверия людей к некоторым государственным институтам. Их эффективность перестает вызывать у людей сомнения. Именно эти институты люди готовы определять как элитарные. А принадлежность сотрудников этих институтов к элите обществом не оспаривается в силу демонстрируемой эффективности выполнения своих задач. В данном случае речь идет именно о профессиональной элите, и элита определяется через признание социумом высокого уровня выполнения своих профессиональных задач. Взамен качественного выполнения своей функции та или иная страта получает от общества статус элиты.

Элитарная общность в современной России

За последнее время наиболее высокий уровень доверия общества к профессионализму получила армия. Это стало возможным благодаря демонстрируемой эффективности и профессиональному выполнению ряда задач вопреки сложившимся за последние десятилетия негативным оценкам армии в обществе. Оказалось, во многом неожиданно для общества, что Россия обладает высокоэффективными вооруженными силами. В совокупности с исторически укорененным в культуре россиян уважением к армии этот факт указывает на то, что армия приобретает черты элитарного института, профессионализм которого обеспечивает ее одобряемым обществом высоким статусом.

К сожалению, ни один из других институтов пока не демонстрирует подобного роста общественного мнения о себе. Это объясняется крайне неочевидными успехами и не всегда заметной ценностью.

Таким образом, армия в современной России обладает такими важными ресурсами, как доверие к профессионализму со стороны общества, а также статусом профессиональной элиты. И этими ресурсами нужно грамотно пользоваться.

Использование ресурсов элитарности армии

Человек всегда с большой охотой отождествляет себя с представителями элиты. Если появляется возможность быть ближе к тем, кого в обществе принято называть элитой, то человек этим пользуется и, более того, готов тратить значительные усилия для того, чтобы быть ближе к элите — и ради этого работать более эффективно.

В рамках исследования был проведен опрос о влиянии статуса заказчика на результативность работы. Молодым ученым МГУ было предложено ответить, как изменилась бы эффективность их актуальной работы, если бы ее заказчиком была армия, а не гражданские организации. Оказалось, что большинство опрошенных считают, что эффективность их работы возросла бы, если бы они выполняли ту же работу, что выполняют сейчас, но заказчиком бы было Министерство обороны. Несмотря на то, что опрашиваемые указывали лишь на вероятное и в целом незначительное повышение качества их работы, а также, несмотря на в целом незначительную выборку и невысокую репрезентативность нашего опроса, мы считаем, что в данном случае можно говорить о влиянии заказа от воспринимаемого как элитарного института на качество выполняемой работы.

На наш взгляд, этот эффект можно описать в терминах экономики идентичности. Если человек воспринимает себя (пусть и не всегда обоснованно) как часть той организации, с которой он желает себя идентифицировать, то эффективность его работы возрастает. Очевидно, что высокий общественный статус работодателя повышает и субъективно воспринимаемый статус работника.

На наш взгляд, расширение участия армии как заказчика научных исследований увеличит эффективность этих исследований и их научный потенциал. Речь идет вовсе не о тех исследованиях, результатом которых должны быть объекты военного назначения или двойного назначения. Мы говорим о более широком спектре заказов на исследования даже в тех областях, которые не имеют непосредственного отношения к обороне. Это могут быть исследования как в области естественных, так и в области гуманитарных наук — сам факт признанной

элитарности заказчика окажет влияние на качество выполненного исследования.

Армия способна выполнить роль катализатора научных исследований в различных областях знания именно в силу признания обществом ее элитарности и потребности отдельного человека быть частью элитарного сообщества. Учитывая то, что в современном российском обществе все еще наблюдается острый дефицит доверия к другим институтам, а также признанный статус армии, будет верно использовать этот ресурс доверия к армии максимально интенсивно.

Элита как самоопределение

Элиту можно определить и как людей, находящихся на вершине социальной иерархии и обладающих таким ресурсом, как политическое управление. Другими словами, согласно этому подходу, элита — это правящий класс. Этого определения придерживался Гаэтано Моска. Однако нас интересует не столько формальная принадлежность субъекта к элите в этом понимании, сколько субъективное отождествление себя с элитой. Поэтому в целях нашего исследования мы будем определять элиту как ту часть населения, которая обладает двумя характеризующими ее признаками: 1) идентификацией себя с элитой; 2) высоким положением актуальных потребностей в иерархии потребностей. В нашем понимании представителем элиты может быть назван только тот человек, который наиболее полно удовлетворил так называемые потребности низкого уровня и испытывает нужду в удовлетворении потребностей высокого уровня. Именно этот признак является для нас наиболее существенным, потому что если элита занимает высокое место в социальной иерархии, то это означает и то, что ее представители обладают ресурсами для наиболее эффективного удовлетворения своих потребностей и поднимаются выше других по иерархии потребностей.

Иерархия потребностей

Классическая пирамида потребностей представляет собой иерархию потребностей человека, которые расположены в виде иерархической лестницы. Абрахам Маслоу распределил потребности по возрастанию [1]. Главный принцип такого распределения заключается в том, что человек не будет склонен реализовывать потребности вышележащего уровня до тех пор, пока не удовлетворил нижележащие потребности. В основании пирамиды — физиологические потребности (сон, голод, жажда и т. д.). Выше находится потребность в безопасности. Затем следуют социальные потребности и т. д.

Этот принцип указывает на то, что человек, будучи биологическим организмом, в первую очередь будет реализовывать свои биологиче-

ские потребности. Если биологические потребности реализованы, то человек, будучи социальным существом, на более высоком уровне организации жизни начнет удовлетворять социальные потребности (в том числе и престижные: уважение другого, признание другим своего высокого статуса и т. д.). Когда будут реализованы социальные потребности, то человек, будучи сознательным субъектом, начнет удовлетворять свои духовные потребности.

Вопрос о российской элите

Одной из основных проблем относительно российской элиты является вопрос о ее статусе как элиты национальной. После распада Советского Союза возникло представление о том, что национальной элиты как таковой в России не существует. Дело в том, что, согласно этому представлению, российская элита не идентифицировала себя со страной происхождения, но отождествляла себя с общеевропейской элитой. В этом случае Россия воспринималась не как образ, формирующий идентичность, но как ресурсная база для формирования идентичности общеевропейской. Дрейф идентичности элиты можно объяснить кризисными явлениями в стране ее происхождения, которые «удешевили» статусную полезность идентификации себя с Россией. Таким образом, можно говорить о том, что некоторое время страна существовала без четко оформленной национальной элиты.

Главный вопрос данного исследования: какой должна быть ситуация для того, чтобы появилась национальная элита?

Национальная идентичность элиты и эффект Веблена

Товарами Веблена являются те товары, на которые спрос повышается при повышении цены. Это так называемые статусные товары, которые приобретаются для демонстрации высокого статуса их покупателя. Торстейн Веблен указал на этот эффект, когда исследовал демонстративное поведение и его экономические механизмы [2]. Товарами Веблена обычно считают произведения искусства, дорогие автомобили, ювелирные изделия и т. п. — это те товары, которые приобретаются для того, чтобы продемонстрировать статус. Эффект Веблена заключается в том, что при повышении цены на эти товары они будут покупаться более эффективно, так как высокая цена, которую человек способен заплатить, указывает на высокий статус, ради которого этот товар и приобретается.

Наша гипотеза заключается в том, что национальная идентичность для элиты является благом, которое тесно связано с эффектами Веблена. Более того, мы считаем, что национальная идентичность является для элиты аналогом товара Веблена со всеми вытекающими из этого следствиями. Мы также считаем, что национальная идентичность дей-

ствительно является товаром, поскольку на ее приобретение и поддержание тратятся деньги. Если мы правы, то повышение цены идентичности влечет за собой и добровольное и одобряемое повышение затрат на нее.

Происхождение как статусная ценность

На вершине иерархии ценностей или, по крайней мере, близко к этой вершине с необходимостью появляется потребность в специфической ценности, которую мы назовем ценностью происхождения. Происхождение является важным статусным атрибутом. На протяжении всей истории вопрос о происхождении был органично включен в модели демонстративного поведения. Анализ памятников письменной культуры показывает, что при достижении определенного статуса и высокого места в социальной иерархии человек всегда поднимал вопрос о собственном происхождении. Так, политическая элита в древности связывала свое происхождение с богами, героями мифов и т. д., т. е. древние цари вели свою родословную от максимально статусных предков.

В современном мире меняется форма приобретения происхождения-ценности, но сама эта потребность остается.

Принципиальным для нас является то, что идентичность через происхождение у элиты и массы появляется благодаря различным механизмам. Патриотизм массы — это не патриотизм элиты. Для массы чужой является опасностью, поскольку родина является источником ресурсов, а чужой воспринимается как потенциальный захватчик этих ресурсов. В отличие от массы, для элиты чужой является необходимостью, поскольку он представляет собой того, для кого запускаются модели демонстративного поведения. Элите нужен чужой, потому что благодаря ему она приобретает возможность продемонстрировать свое статусное приобретение — т. е. свое происхождение. Если для массы родина — ресурс для существования, то для элиты — ресурс для демонстрации статуса. В этом принципиальная разница.

Элита готова платить за статус происхождения. Однако возникает вопрос: кому и за что? Эта проблема может быть описана на языке экономики идентичности: если элита определяет свою идентичность через принадлежность (т. е. через происхождение) к какой-то стране, то она повышает полезность этой идентичности.

Выбор идентичности элитой

После распада Советского Союза элита строила модели своего поведения на основании своей идентичности с элитами Запада. Существовала некоторая априорная установка, согласно которой российская элита может с успехом стать частью элиты европейской. Однако одно-

го желания мало. И это желание не только не оправдалось — оно и не могло оправдаться.

Согласно теории экономики идентичности, желания идентифицировать себя с тем или иным сообществом недостаточно для того, чтобы это сообщество признавало субъекта частью себя [3]. Основным критерием является необходимость соответствовать идеалу, принятому в данном сообществе. Если говорить о западной элите, то в каркас такого идеала входит как раз происхождение. Россия не воспринимается как часть западного мира, а это значит, что российская элита ни при каких обстоятельствах не будет восприниматься как часть западной элиты. Российская элита просто-напросто не выполняет основного условия для вхождения в это сообщество, и в этом вопросе от нее совершенно ничего не зависит — она не соответствует идеалу, принятому в среде западной элиты, главным элементом которого является происхождение как одна из важнейших ценностей. Происхождение для элиты будет являться ценностью, за которую можно платить, до тех пор пока есть те, кому можно демонстрировать это происхождение, повышая тем самым свой статус. Российская элита — это чужой, которому западная элита демонстрирует свое статусное происхождение.

Кроме того, экономика идентичности позволяет говорить об издержках, которые несет субъект, когда пытается встроиться в то сообщество, идеалам которого он не соответствует. Одним из видов таких издержек является отказ от своей реальной идентичности. Другими словами, в попытке встроить себя в западную элиту российская элита не приобрела ожидаемой полезности от этой идентичности, но у нее появились издержки в виде упущенной выгоды от потенциальной полезности своей собственной идентичности.

Для того чтобы в России существовала качественная национальная элита, у нее должна возникнуть потребность в происхождении, которая появляется, если удовлетворены более низкие потребности. Поэтому, во-первых, необходимо обеспечить безопасность элиты, в том числе финансовую. Элита должна понимать, что ей ничто не угрожает. В противном случае потребность в происхождении не возникнет, а элита останется совокупностью людей с высоким доходом. Во-вторых, у элиты должна быть возможность общения с другим, которому элита сможет демонстрировать свое происхождение, тем самым повышая свой статус. Вкупе с тем, что российская элита не воспринимается на Западе как часть западной элиты, реализация этих условий с необходимостью повлечет за собой возрождение качественной российской элиты.

И эта элита будет готова платить высокую цену за поддержание качества того, с чем она идентифицирует свое происхождение. В этом смысле у России есть важный стратегический ресурс в виде неоправданных ожиданий элиты на выстраивание своей идентичности на основе идентичности западной. Это значит, что чем выше цена идентичности, тем большую цену готова будет заплатить элита, покупая более дорогое, т. е. более статусное происхождение.

При гарантировании элите безопасности и представлении возможности продемонстрировать себя другому, в России появится сильная, высокообразованная национальная элита. Биология и социальная природа человека свое дело сделают — сильная элита появится. А сильная элита делает свое дело — потянет вверх всю страну.

Элита всегда являлась важным ресурсом для государства. Россия обладает этим ресурсом — мы должны научиться использовать его и развивать.

Выводы

Из нашего предварительного исследования элиты можно сделать два конкретных вывода. Во-первых, армии необходимо расширять свое присутствие в науке в качестве заказчика, так как армия является сегодня одним из немногих институтов, которые воспринимаются в обществе в качестве элитных, т. е. качественно выполняющих свои функции. Заказ от признаваемого в качестве профессионального сообщества повышает качество результата. Во-вторых, можно предположить, что формирование национальной идентичности элиты тесно связано с эффектами Веблена и демонстративным потреблением. Это значит, что при последовательном удовлетворении потребностей и приближении к вершине пирамиды потребностей у человека возникает потребность в происхождении. Эта потребность с необходимостью возникает у элиты и является значительным ресурсом для развития государства.

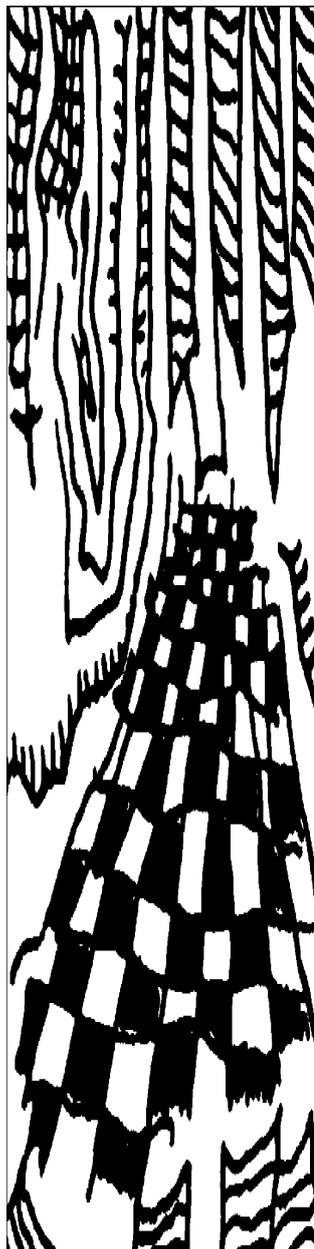
Литература

1. Maslow A.H. Motivation and Personality. N. Y., 1954.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
3. Акерлоф Д.А., Крэнтон Р.Е. Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны. М., 2011.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

А.З. НОВАК, К. РЫЧЬ

Станет ли еврозона для Польши сказочной Аркадией?

Аннотация. Рассматриваются вопросы фискальной политики, проблемы, связанные с вступлением Польши в зону евро — угрозы, опасности и преимущества, возможные последствия для польской экономики, ее конкурентоспособности, занятости-безработицы, а также рынков товаров и услуг.

Ключевые слова: Польша, Европейский союз, экономика, евро, конкурентоспособность, безработица, рынки, процентная ставка.

Abstract. The article investigates questions of fiscal policy, problems concerning the entry of Poland into the eurozone consisting of threats, dangers and advantages, consequences for the Polish economy, its competitiveness, employment and unemployment, commodity markets and services.

Keywords: Poland, European Union, economy, euro, competitiveness, unemployment, markets, interest rate.

Последние экономические, финансовые и политические события побуждают к возвращению к дискуссии о целесообразности подготовки Польши к вступлению в зону евро. Мы имеем в виду, в частности, последние волнения на валютных рынках, вызванные отказом Банка Швейцарии стабилизировать курс франка. В результате произошли его корректировка и apreciация на несколько десятков процентов по отношению к таким валютам, как, в частности, польский злотый. Существенным аргументом в пользу возврата к дискуссиям является также, с одной стороны, вступление Литвы в еврозону с 1 января 2015 г., с другой — вероятная возможность выхода Греции из еврозоны, которая по-прежнему борется с финансово-экономическими проблемами, возникшими частично вследствие вступления Греции в еврозону.

В нашем случае основным движущим фактором возврата к дискуссии о подготовке Польши к вступлению в еврозону стал мало замеченный общественным мнением доклад Национального банка Польши «Экономические вызовы интеграции Польши в еврозону», опубликованный в декабре 2014 г.

В докладе отмечены в основном потенциальные угрозы, вытекающие из членства в еврозоне. По мнению авторов доклада, такие угрозы могут вытекать из отсутствия структурной и институциональной приспособленности польской экономики к макроэкономическим условиям, действующим в этой зоне. В докладе отмечается, что отрицательные последствия такого отсутствия испытали и другие периферийные

страны ЭВС — особенно в условиях нынешнего финансового кризиса. Авторы доклада указывают, что вступление в еврозону — это «только» и «прямо-таки» шанс на ускорение экономического роста и повышение благосостояния польского общества. Более того, доклад побуждает скорее к дискуссии о целесообразности и условиях вхождения Польши в еврозону, а не к стараниям по присоединению к еврозоне.

Упомянутый доклад не содержит, однако, баланса ожидаемых издержек и выгод или же преимуществ и угроз, следующих из присоединения Польши к Экономическому и валютному союзу и принятия общей валюты евро. Он также не уделяет должного внимания проблемам, связанным с выполнением предварительных условий, известных как Маастрихтские критерии. Доклад скорее предупреждает перед присоединением к еврозоне, чем побуждает к этому. По нашему мнению, он слишком пессимистичен, что не умаляет его значения, тем более что он поощряет к дискуссии о вступлении Польши в еврозону. Мы попытаемся доказать это в настоящей статье.

Прежде чем представить аргументы в пользу вступления в еврозону, мы, вслед за авторами доклада, сначала представим аргументы против вступления, по крайней мере, на нынешней стадии развития.

Следует, однако, констатировать, что доклад НБП — вопрос угроз для успешного развития польской экономики в рамках еврозоны и быстрой реальной конвергенции трактует динамично, т. е. рассматривает не столько на пороге ее вступления в еврозону, сколько в ходе дальнейшего функционирования в европейской макроэкономической среде. После принятия такой установки авторы доклада указывают на возможность появления ряда неблагоприятных обстоятельств, которые могут произойти в Польше в результате интеграции в еврозону. К ним можно отнести следующие.

- Во-первых, *последствия присоединения Польши к еврозоне в условиях более низкого ВВП по сравнению с другими странами.* Ныне низкий уровень дохода одновременно означает более низкий уровень цен и тем самым низкий реальный курс злотого по отношению к евро. Экономика Польши становится конкурентной по ценовым соображениям по сравнению с остальными странами еврозоны. После присоединения экономика попадает в зону, изобилующую капиталом с низкими процентными ставками. Это может стать фактором ускорения роста, но вместе с тем Польша (как ранее другие, периферийные страны зоны) может оказаться местом чрезмерно рискованных инвестиций, спекулятивных пузырей, например, на рынке недвижимости, или чрезмерных публичных расходов. Ускоренный экономический рост может повлечь за собой нарастание внешней неуравновешенности, опасного отрицательного сальдо текущих оборотов и отрицательного инвестиционного положения страны.

- Во-вторых, *ухудшение конкурентоспособности польской экономики*. Авторы доклада считают, что конкурентное преимущество польской экономики, вытекающее в основном из низкой зарплаты и цен, в условиях ускоренного роста быстро исчерпает себя. Именно благодаря этой конкурентоспособности в последние годы у нас были экспортные успехи. Такое положение дел вызовет в будущем рост издержек и впоследствии рост зарплат и цен. И дело тут не в росте цен в момент обмена денег. Это можно предотвратить. Дело в так называемом эффекте Балассы—Самуэльсона, т. е. в процессе перемещения темпов роста зарплат из развивающегося сектора производства обменяемых благ и услуг в сектор необмениваемых благ и услуг. Принимая во внимание, что рост издержек и цен и рост реального курса отечественных денег происходят похожим образом, возникает опасение, что он вытеснит ценовую конкурентоспособность и ухудшит экономическую конъюнктуру в случае использования общей валюты. По мнению авторов доклада, — и этому трудно возразить — в экспорте еще слишком мала доля товаров, качество которых гарантирует структурную, а не ценовую конкурентность. Залогом успеха в еврозоне являются повышение структурной конкурентоспособности и увеличение ее доли в производстве и в дальнейшем в экспорте товаров и услуг или, по крайней мере, выработка действий и условий, способствующих ее повышению. Наблюдение за опытом других стран показывает, что на самом деле такая проблема имеет место, более того, действия, направленные на рост структурной конкурентоспособности, намного легче предпринимать и осуществлять, оставаясь вне зоны общей валюты.

- В-третьих, *институциональная неприспособленность польской экономики к организационно-институциональной системе в еврозоне*. В Польше существуют многочисленные структуры и институты, отличающиеся от структур и институтов еврозоны. Такое положение после вступления в еврозону может вызвать иной ход развития экономической конъюнктуры и асимметричные потрясения — этому трудно противодействовать без отечественных денег и суверенной денежной политики. Эти отличия касаются, в частности, рынка труда. В Польше рынок труда по характеру занятости гибкий. Много в нем временных трудовых договоров. Такого типа гибкость, по мнению авторов доклада, совсем нежелательна. Она вызывает сильные циклические колебания занятости. Относительно низким является также уровень пособий для безработных, что также может усиливать цикличность. Снижение спроса, вызванное ростом безработицы, будет углублять рецессию. В пользу цикличности может также воздействовать небольшой диапазон размера зарплат и слабо развитая практика действия институтов рынка труда. Асимметричным потрясениям может также способствовать отсутствие групповых переговоров с работодателями, сильных по чис-

ленности и хорошо организованных профсоюзов. Пространственной мобильности работников не способствуют неразвитость рынка недвижимости, незначительная доля в жилищном фонде съемного жилья, высокая зависимость от кредитов на приобретение жилья и т. п.

Вследствие перечисленного состояние польского рынка труда является сильной стороной экономики, что в условиях общей валюты угрожает неравномерностью распределения издержек по приспособлению в случае асимметричных потрясений. Издержки по приспособлению будут нести в основном работники, а не работодатели, что будет влиять на способ и долгосрочные последствия таких приспособлений (если издержки не заставят предпринимателей применять радикальные, инновационные приспособления). Такого типа институциональные препятствия и обусловленности могут ослаблять темпы роста, хотя одновременно с продвижением реальной конвергенции их ограничительное влияние будет снижаться.

- В-четвертых, упомянутую выше структурную и институциональную неприиспособленность, возникающее состояние неравновесия и асимметричные шоки сложнее преодолеть после входа в еврозону из-за отсутствия отечественного центрального банка и суверенной денежной политики. Авторы доклада считают, что механизмы денежно-кредитной политики, установленные в рамках создаваемого Банковского союза, не являются хорошей заменой монетарному суверенитету. Они также не являются альтернативой суверенно определяемым процентной ставке и номинальному валютному курсу как инструментам восстановления равновесия. В результате, из-за отсутствия номинального валютного курса и номинальной процентной ставки будет возникать риск увеличения амплитуды колебаний экономической активности, так как инструменты противодействия у Банковского союза оказываются малоэффективными.

Итак, можно констатировать, что на основании обсуждаемого доклада еврозона, которая раньше — до кризиса — представлялась пристанью порядка и безопасности, сейчас кажется местом, полным потенциальной опасности и угроз для менее экономически развитой страны. Для того чтобы такая страна, лишившись суверенной денежной политики, могла безопасно функционировать в еврозоне, она — по мнению авторов — должна обладать сильными государственными финансами. Низкая государственная задолженность и уравновешенный бюджет позволят эффективно противодействовать конъюнктурным потрясениям. Инструменты фискальной политики в данном случае должны выполнять задачи и монетарной, и фискальной политики в процессе стабилизации конъюнктуры. И поэтому еще до присоединения следует хорошо выполнить фискальные критерии Маастрихтского

договора, касающееся как государственного долга, так и бюджетного дефицита.

Подводя итоги обсуждения доклада НБП, с некоторым преувеличением можно сказать, что, по мнению авторов, страна, присоединяющаяся к еврозоне, должна обладать высокой структурной конкурентоспособностью и, что немаловажно для ее безопасности, быть соответственно богатой. Итак, самыми лучшими кандидатами в еврозону могли бы стать Скандинавские страны — Швеция или Дания. Но должны ли именно такие страны торопиться со вступлением в еврозону?

Отвечая на так поставленный вопрос, следует помнить, что еврозона не является Аркадией, и — что более важно — в Аркадии не функционирует малая открытая экономика с плавающим курсом валюты и по существу с мнимой суверенностью денежной политики. Польская экономика, о которой идет речь, как раз и является такой малой открытой экономикой, которая — напротив — функционирует в мире, полном высококонкурентных торговых партнеров и господствующих финансовых рынков со многими валютными турбулентностями. Итак, отвечая на вопрос, когда Польша должна вступить в еврозону, следует прежде всего проанализировать последствия альтернативы для польской экономики: оставаться в более длительной перспективе вне еврозоны — значит сохранять собственную валюту при более или менее контролируемом (свободном) плавающем курсе.

До установления и принятия общей валюты евро в научных дискуссиях и политических дебатах много говорилось о его преимуществах, об экономической выгоде введения евро. Указывалось, в частности, на сокращение транзакционных издержек, связанных с обменом валют, на снижение валютных спекуляций и тем самым на снижение затрат на обеспечение бизнес-транзакций, в том числе валютных и др. Меньше внимания уделялось недостаткам системы плавающих курсов, которую должна заменить общая валюта в странах, присоединяющихся к еврозоне. И это понятно. Все внимание уделяется проекту наступающему, будущему, а не уходящему в прошлое. Сегодня многие экономисты не только вспоминают с ностальгией достоинства брошенной в пределах еврозоны системы плавающих курсов, но и предлагают ее восстановление.

Мы в этом вопросе высказываемся за сдержанность и осторожность. И вот основные причины такого подхода.

Во-первых, в самом большом сокращении можно констатировать, что плавающий курс валют отличается краткосрочной непредсказуемостью и долгосрочной непригодностью. Он также может оказаться опасным инструментом конкурентной борьбы внутри экономического сообщества, ибо создает соблазн манипулирования денежной политикой, которое может привести к депрециации отечественных

денег по отношению к валютам торговых партнеров. Уже Д.М. Кейнс отрицательно оценивал этот прецедент, считая его попыткой экспорта безработицы. Чтобы это предотвратить и спасти от экспорта безработицы, в Общем рынке до введения евро были использованы — с ничтожным результатом — так называемые валютные змеи, которые должны были стать суррогатом твердых курсов. К сожалению, это не вполне удалось, так как стремление использовать возможности, создаваемые слабеющей валютой, также в Общем рынке путем своеобразного курсового демпинга, оказалось сильнее, чем формальная потребность в стабилизации экономического развития. В особенности это касалась стран юга ЕС. В результате возникли разного вида напряжения, которые заставили страны севера ЕС предпринять контракцию. В итоге валютные и экономические напряжения, возникавшие время от времени между странами Сообщества, вызывали желание принять евро как странами с сильной валютой, так и странами со слабой валютой, которые надеялись, что их валюта станет такой же сильной, как немецкая марка, а ведь марка была гегемоном в валютных змеях.

Во-вторых, плавающий курс, благодаря депрециации, облегчал получение внешнего равновесия путем удешевления экспорта и удорожания импорта и как бы априори оправдывал неконкурентоспособность, а заодно не принуждал к необходимым реальным приспособлениям в области новаторского производства и экспортного предложения. Депрециация валюты является скорее паллиативом, чем лекарством от низкой конкурентоспособности экономики — больше обезболивает, чем лечит. В данном смысле она может оказаться пригодной как обезболивание, когда страна предпринимает усилия, направленные на структурное приспособление. Именно этому должны служить девальвации в системе твердых курсов из Бреттон-Вудса, которые Пол Волкер определяет как твердые курсы обмена, подлежащие приспособлениям [1]. Одновременно с девальвацией должны быть предприняты и реальные действия по приспособлению. Именно так к вопросу стабилизации экономики относился и представлял соответствующие рекомендации Международный валютный фонд (МВФ). Если правительства не воспользовались этими советами и рекомендациями, временное приспособление происходило путем инфляции и перераспределения доходов и затем, в результате роста цен и издержек, появлялась повторная потеря конкурентоспособности.

В-третьих, плавающий курс позволяет чрезмерно прагматичным или прямо оппортунистическим государственным властям избегать или даже отвергать сложные решения модернизации экономики. Депрециация и следующая за ней инфляция бьют в основном по потребителям и наемным работникам, в меньшей степени по фирмам и предпринимателям. Такое явление не заставляет предпринимателей пред-

принимать действия по модернизации ради повышения конкурентоспособности, а иногда и достигать структурной конкурентоспособности. Депрециация денег может, таким образом, стать постоянным процессом, снижающим темпы роста слаборазвитой страны, что угрожает угодить в так называемый капкан «среднего дохода». В то же время низкая стоимость труда как эффект неблагоприятного для работников перераспределения дохода не способствует его рациональному использованию и росту производительности труда.

В-четвертых, плавающий курс в условиях глобализации и финансирования мировой экономики становится непредсказуемым, особенно для малой открытой экономики. Известная тройственная дилемма денежной и курсовой политики в условиях перелива капитала, которую мы преподаем на курсах макроэкономики, как утверждает Элен Рей, превращается в двойственную дилемму, т. е. становится альтернативой: или свобода перелива капитала — или суверенитет денежной политики, что по существу лишает страну этого суверенитета, потому что сложно представить себе, что против перелива капитала можно создать надежную дамбу. В мире, все более зависимом от игры на финансовых рынках, действует система сообщающихся сосудов с сильно бурлящей жидкостью. Изменения в монетарной или фискальной политике крупных государств — экономически сильных партнеров — вызывают уже не отзвуки, а волны, набегающие на курс валют партнеров послабее. Это стало заметно недавно — после отказа Национального банка Швейцарии от защиты механизма формирования курса франка.

В-пятых, сохранение плавающих курсов связано с огромными издержками, возникающими при обмене одной валюты на другую, так называемыми транзакционными издержками, и обеспечением валютных курсов при помощи так называемых хеджировочных механизмов, которые особо выделялись до введения евро и от которых избавляется общая валюта.

Учитывая вышесказанное о недостатках плавающего курса, вернемся к чаще всего упоминаемым убыткам, которые может вызвать принятие евро. В первую очередь это отказ от суверенной денежной политики и тем самым от возможности определения и проведения маневров с процентной ставкой, а также использования ставки Центрального банка в экономической политике, в том числе для формирования номинального валютного курса.

Как нам кажется, возможности процентной ставки в экономике, особенно в условиях плавающих курсов, сильно преувеличены. Процентная ставка хорошо выполняла свои функции в макроэкономических моделях, таких как модель IS-LM и в моделях, от нее производных. Так складывались дела во времена, часто определяемые как «золотые десятилетия послевоенной капиталистической экономики».

Именно тогда макроэкономические модели неплохо соответствовали действительности, и процентная ставка не являлась единственным, или даже главным, инструментом восстановления внутреннего равновесия и сглаживания конъюнктуры, а также формирования номинального курса валюты. Даже в программах приспособления для стран, испытывающих потерю равновесия, либеральный Международный валютный фонд, прежде чем оказать помощь, рекомендовал действовать по схеме: сократить расходы, повысить налоги и повысить процентную ставку. Процентная ставка появлялась и в качестве других советов и рекомендаций, касающихся и фискальной политики. Роль процентной ставки в макроэкономической политике снизили глобализация и финансизация мировой экономики. Ее падающая эффективность была заметна во время финансовых кризисов так называемого второго поколения — в 1990-х гг.

В нынешней экономической и финансовой действительности процентная ставка воздействует совсем неоднозначно. Практика показывает, что повышение процентной ставки может как укрепить, так и ослабить номинальный курс отечественной валюты, повлиять как на приток капитала, так и на его утечку, как улучшить, так и ухудшить сальдо текущих оборотов и т. д. Результаты изменения процентных ставок зависят и от обстоятельств, и от того, как это решение воспримут финансовые рынки, как оценят кратко- и долгосрочные последствия. Эффект воздействия процентной ставки зависит также от изменения во внутреннем положении страны, маневрирующей ставкой, и от ожидаемой реакции внешних партнеров на ее решения и т. п. Коротко говоря, все это оказывает влияние на доверие к экономике данной страны и тем самым определяет уровень риска при принятии решений, касающихся перелива капитала. Не стоит доказывать, что большинство замечаний относится особенно к странам, причисляемым к так называемым малым открытым экономикам, прежде всего к более крупным из них, обладающим относительно широким финансовым рынком, что облегчает и повышает привлекательность более крупных финансовых операций. Равно как и валютный курс, о котором упоминалось ранее, не всегда изменяется согласно рекомендациям и ожиданиям центральных банков и правительств.

Можно, конечно, сделать упрек, что эти критические замечания в адрес плавающих валютных курсов и процентных ставок относятся к нынешнему беспокойному времени в мировой экономике. Быть может, удастся преодолеть отрицательные последствия финансизации мировой экономики и цивилизовать свободный перелив капитала. Более правдоподобным, однако, представляется другой ход событий — углубление процесса финансизации и увеличение дистанции между реальной экономикой и практикой международных финансов. Мы не

предвещаем катастрофу — армагеддон мировой экономики, а лишь указываем на угрозы, следующие из нахождения в системе плавающих курсов для страны, стремящейся к реальной конвергенции с высоко продвинутыми экономиками. Пребывание вне еврозоны не увеличивает ее шанс на успех. Шансы на успех в этом деле в рамках еврозоны или вне ее одинаковы.

Неудачи еврозоны чаще всего объясняются неоптимальной валютной территорией, на которой она была создана, а заодно и тем, что в ней недостаточными были фискальный союз и фискальная дисциплина, что привело к слишком быстрому росту вознаграждений и издержек производства в менее продвинутых странах — странах периферии. В результате эти страны утратили конкурентоспособность. Первую из этих причин мы не оспариваем, очередные две требуют комментария. Говоря о фискальном союзе, чаще всего имеются в виду налоговая гармонизация, совместное уравновешивание государственных финансов и крупный союзный бюджет, создающие возможность поддержки государствам и регионам испытывающим трудности. Так понимаемый фискальный союз не был создан, и, как представляется, его невозможно создать.

В результате споров о финансах, общий рынок не только не объединил, но и поссорил страны-члены. Если Евросоюзу быть, он должен помнить свои корни, ценность мира, который принес и продолжает укреплять. Основой остаются согласие, взаимное уважение к партнерам, соблюдение права на отличие, на другие культуры и вместе с тем признание общих ценностей. Но трудно было бы добиться полного взаимоуважения в сообществе, если бы оно было разделено решениями политиков и принципами осуществления фискальной политики на плательщиков бюджетных средств и получателей бюджетных средств; дарителей и одаренных; кредиторов и должников; покровителей и их клиентов.

Такого типа разделение не только не соответствует целям Евросоюза, но опасно для его сохранения. Как нам кажется, в настоящее время не только нет возможности, но даже и необходимости создавать фискальный союз, понимаемый как система перераспределения дохода. Фискальная политика, предполагающая перераспределение, может осуществляться в рамках государства при использовании инструментов принуждения, учитывая расхождения в интересах. Евросоюз не станет единым государством и тем более многонациональной империей. Но это не означает, что он не должен оказывать финансовую помощь из общих фондов нуждающимся странам, а также — и, быть может, прежде всего — благожелательную поддержку путем смягчения некоторых режимов секторной или кредитной политики, способствуя

тем самым процессу реальной конвергенции в рамках еврозоны и во всем Евросоюзе.

Достижение уровня экономического развития, близкого наиболее продвинутым странам, чрезвычайно сложная задача — как путем интеграции в зону общей валюты, так и в условиях сохранения собственной валюты. Основная сложность — в сохранении конкурентоспособности в торговых отношениях с богатыми партнерскими странами, когда вместе с ускоренными темпами роста национального продукта начинают расти зарплаты и цены. Менее развитые страны ранее были конкурентоспособными в основном благодаря низким зарплатам и меньшим издержкам производства. Рост затрат и тем самым снижение конкурентоспособности могут вызвать (и на практике часто вызывают) ухудшение баланса текущих оборотов, заставляя предпринимать серьезные усилия. В системе твердых курсов Бреттон-Вудса подобное положение определяло убыль валютных резервов. Если это не удавалось предотвратить, необходимой оказывалась девальвация, часто сложная политически и нелегкая в проведении. В свою очередь девальвация, повышая конкурентоспособность за счет реального снижения зарплат и других доходов, а также ограничения частных и государственных расходов, могла помочь восстановлению внешнего равновесия. Необходимость проводить социально непопулярную и политически сложную девальвацию, как и нарастание дефицита текущих оборотов и ухудшение инвестиционной позиции, должна служить стимулом для государственной власти принять предохранительные меры, позаботиться об укреплении структурной конкурентоспособности отечественной экономики. Необходимость следить не за ценовой, а за структурной конкурентоспособностью, к сожалению, в значительной мере подавляется системой плавающих курсов. Среди многочисленных факторов, воздействующих на курс отечественной валюты, теряется значение основы валютного курса, которой всегда была конкурентоспособность экономики. Отсутствие заботы об этой конкурентоспособности — прямой путь попасть в упомянутый ранее капкан «среднего дохода». И поэтому, если невозможно восстановить Бреттон-Вудскую систему или похожую, но опирающуюся на систему твердых курсов, в частности, из-за сложных для ограничения и контроля переливов капитала в глобальной экономике, тогда следует усилить интерес к евро.

В пользу присоединения Польши к еврозоне говорит также другое обстоятельство, а именно, безопасность, вытекающая из масштабов Валютного и экономического союза и его значения в мировой экономике. Как известно, в настоящее время это ведущая в мире экономическая и финансовая держава. Это значит, в частности, что спекуляция

его валютой почти невозможна или, по крайней мере, сложна. Но этот аспект в данной статье мы не рассматриваем.

Присоединение к Валютному и экономическому союзу в его нынешнем виде слишком рискованно для Польши. И дело тут совсем не в нынешнем послекризисном состоянии экономики стран еврозоны или в конкретных евросоюзных институтах. Прежде всего, дело в проводимой до сих пор политике Евросоюза, направлениях его экономической политики (в том числе в еврозоне) и в методах осуществления этой политики.

Когда устанавливалась общая валюта, переплелись две не слишком благополучные концепции экономической политики, особенно монетарной политики. Первая из них была связана с идеей так называемых здоровых денег, выпускаемых Центральным банком Экономического и валютного союза. Эта валюта рассматривалась как экзогенные деньги по отношению к каждой отдельно взятой стране, что должно было защищать их от искушения испортить отдельными правительствами и центральными банками ради повышения конкурентоспособности экспорта путем депрециации отечественной валюты. Таким образом, возникла копия (и заодно замена) золотого стандарта — без настоящего золота, но по существу с «фидуциарным золотом», которое Европейский центральный банк должен разумно «добывать», проводя курс стабильности общего уровня цен или желаемую — устанавливаемую — инфляционную цель. Вторая концепция была связана с неолиберальной идеей свободного рынка, который, согласно этой идее, свободен от ограничений перелива товаров, услуг, капитала и людей и должен ускорять экономическое развитие всего сообщества, особенно менее продвинутых стран, создавая им возможность реальной конвергенции с более богатыми странами сообщества.

Цели реальной конвергенции достичь не удалось. Зато свобода перелива капитала привела к возникновению многих неэффективных инвестиций и спекулятивных пузырей. Вместо продвижения реальной конвергенции появилась опасная деиндустриализация менее развитых стран. Вместо ожидаемого сближения (продвижения) уровней развития возник процесс дивергенции и глубокого неравновесия текущих оборотов между странами зоны — в одних странах со знаком плюс, в других — со знаком минус.

Учитывая существующие неудачи — для того чтобы еврозона вновь стала привлекательной для менее развитых стран, надо разрешить применение инструментов и методов экономической политики, которые позволят использовать механизмы, ведущие к реальной конвергенции. Это касается как механизмов аллокации ресурсов, так и способа ведения денежной политики.

И здесь вновь возникает проблема конкурентоспособности экономики страны — члена еврозоны, обладающей конкурентным преимуществом в результате меньших издержек труда. Этим вопросом озабочен Национальный банк Польши, отмечающий необходимость достижения конкурентоспособности не только ценовой, но и структурной, причем еще до присоединения к еврозоне. Однако достичь такой конкурентоспособности до присоединения нелегко, хотя бы из-за отрицательной роли плавающего валютного курса в процессе повышения конкурентоспособности, о чем говорилось выше. От еврозоны следует ожидать создания институциональных условий для экономической политики, способствующей конвергенции. Сдерживание роста зарплат не является путем сохранения конкурентоспособности. Зарплаты должны расти параллельно росту экономики. Проблемой экономики страны, стремящейся к реальной конвергенции, является более быстрый рост зарплат, чем производительность труда, и, следовательно, рост издержек и цен, ослабляющих конкурентоспособность. И этому надо противодействовать.

Могут появиться две серьезные причины быстрого роста зарплат и издержек и тем самым более высокой инфляции по сравнению с богатыми странами еврозоны. Первая — неправильная политика оплаты труда, что может быть вызвано отсутствием эффективных переговоров, касающихся оплаты труда, бесхозяйственностью государственного сектора или напряженностью и конфликтами в частном секторе. Опыт краткой истории еврозоны показывает, что в некоторых странах именно эти факторы стали причиной неудач. Их можно отнести к политическим, и противодействовать им можно в основном политическими методами.

Вторая причина носит чисто экономический характер, и поэтому ей мы уделим больше внимания. Если страна с более низким развитием ускоряет экономический рост, т. е. запускает процесс реальной конвергенции, она должна учитывать возникновение эффекта Балассы— Самуэльсона. В исходной точке у нее были более низкие зарплаты и цены, поэтому у нее относительно низкий реальный курс валюты, хотя в случае нахождения в еврозоне он не имеет номинального выражения. Двигателем экономического роста является сектор обмениваемых благ, т. е. тех товаров, которые могут быть как экспортируемыми, так и импортируемыми. Рост производительности труда в этом секторе способствует росту оплаты труда. Рост зарплат на едином рынке труда перекладывается на рост оплаты труда в секторе необмениваемых благ и услуг. В секторе, работающем на местные рынки, особенно в сфере услуг, производительность труда растет медленнее, чем зарплаты, растут также издержки и цены, а это снижает ценовую конкурентоспособность экономики. Возникает необходимость структурной конку-

рентоспособности, которая может воздействовать на ускорение темпов роста и увеличение доли обмениваемых благ в экономике. Но этого не гарантирует ни рыночный механизм, ни горизонтальная политика поддержки развития всей экономики. Следовательно, необходима вертикальная секторная политика, в том числе промышленная. Трудно найти страну, которая добилась экономического успеха, не поддерживая специализацию и обходясь без секторной политики. Большая разница в темпах роста сектора обмениваемых благ, чем в темпах роста совокупного производства обоих секторов по сравнению с темпами отечественной инфляции и инфляцией у торговых партнеров, может оказаться способом сохранения конкурентоспособности. Этот принцип важен независимо от причин инфляции издержек и цен, вызванных эффектом Балассы—Самуэльсона или же вследствие политических факторов.

Вторым необходимым изменением — кроме восстановления возможности использования секторной политики — является изменение денежной политики. Необходимо смягчение последствий экзогенности общих денег. Ведь это «фидуциарное золото» можно добывать в необходимом количестве в случае серьезных угроз, а ЕЦБ может быть банком последней инстанции. Председателю ЕЦБ нельзя предъявить иск только за то, что он нарушил закон, иначе говоря, когда он заявлял, что будет защищать евро, скупая облигации на вторичном рынке, или другими способами смягчать денежную политику. Закон, запрещающий такое, был создан под влиянием идеологии, а не из-за реальных нужд общества и экономики.

Заявления председателя Европейского центрального банка о возможности ведения неортодоксальной денежной политики в случае угроз, а также обещания нового председателя Европейской комиссии предпринимать усилия в пользу эффективного противодействия деиндустриализации Евросоюза и новой промышленной политики звучат оптимистически. Можно ожидать, что вслед за этими декларациями будут происходить действительные изменения в способе функционирования еврозоны, создающие более благоприятные условия для стран, менее продвинутых в развитии. Польша должна поддерживать такого типа изменения, оставаясь в группе стран, обладающих «валютами, параллельными евро», рассчитывая на преобразования, способствующие присоединению¹⁷.

Литература

1. Финансовый наблюдатель. 2014. 25 июля.

---

¹⁷ Литературу по теме см.: [2—11].

2. *De Grauwe P.* Economics of monetary union. Oxford University Press, 2009.
3. *Dornbusch R.* Keys to Prosperity: Free Markets Sound Money and a Bit of Luck. Massachusetts, 2000.
4. *Edvinsson L.* Universal Networking, Intellectual Capital in: European Integration Process in the Regional and Global Settings / E. Latoszek, I. Kotowska, A.Z. Nowak, A. Stępnia (eds.). UW, Polska, 2012.
5. *Ferguson N.* Czy kres cywilizacji Zachodu? // Europa. 2010. № 12.
6. *Kaletsky A.* Capitalism 4.0. The Birth of a New Economy in the Aftermath of Crises // Amazon.com/capitalism4.0. 2010.
7. *Kenen P.B.* Economic and Monetary Union in Europe: Moving Beyond Maastricht. Cambridge, 1995.
8. *Obstfeld M., Shambaugh J., Taylor A.* Financial Stability, the Trilemma, and International Reserves // American Economic Journal. 2010. Macroeconomics, 2.2 (April).
9. *Helleiner E.* States and the Reemergence of Global Finance: From Bretton Woods to the 1990s. Cornell University Press, 1996.
10. *Ratajczak M.* Finansyzacja gospodarki (Financialization of economy) // Ekonomista. 2012. № 3.
11. *Rodrik D.* Jedna ekonomia, wiele recept (One economy, many recipes). Warsaw, 2011.

М.Л. ХАЗИН

О масштабе и последствиях мирового кризиса

Аннотация. Дается оценка структурных диспропорций экономики США, существование которых было доказано в более ранних работах автора. Приведенные аргументы показывают, что дисбаланс реально располагаемых доходов американских домохозяйств и их расходов достигает 3 трлн дол., или 25—30% общего уровня годовых доходов. Это примерно в 2—2,5 раза превышает аналогичный дисбаланс, сложившийся к началу 1930-х гг., т. е. перед началом кризиса, приведшего к Великой депрессии. В работе также кратко обсуждаются возможные последствия кризиса.

Ключевые слова: структурный дисбаланс, равновесие доходов и расходов, Великая депрессия.

Abstract. This paper assesses the structural imbalances of the US economy, the existence of which was proved in earlier papers by the author. These arguments show that the imbalance of real disposable income of US households and their spending reached \$ 3 bln, or 25—30% of the total an-

nual income level. This is about 2—2,5 times higher than the imbalances present in the early 1930s, that is, before the start of the crisis, which led to the «great» depression. The paper also briefly discusses the possible effects of the crisis.

Keywords: structural imbalance, balance income and expenditure, the «great» depression.

Для понимания реальной ситуации в мировой экономике и ее последствий необходимо, в первую очередь, разобраться в масштабе предстоящего кризиса. Если, как утверждают многие эксперты, кризис вот-вот закончится, то обсуждать его особого смысла не имеет. Но если это не так — то вопрос требует серьезного рассмотрения. И статья посвящена как раз масштабу кризиса и возможным его последствиям.

Рассмотрим экономику США в сентябре 2008 г. Тогда в ней начался типичный дефляционный кризис (по образцу весны 1930 г.), который был купирован массивной эмиссией. Но в чем была причина этого дефляционного (т. е. связанного с падением совокупного частного спроса) шока? Для ответа на этот вопрос вспомним некоторые положения неоклассической теории.

Она утверждает, что «нормальное» состояние экономики — равновесное. Если какие-то внешние обстоятельства, политика государства, изменение природных условия или еще что выводят экономическую систему из равновесного состояния, то она начинает самопроизвольно в нее возвращаться, и нужно все большее и большее усилие, чтобы приостановить или замедлить этот процесс. Я не буду утверждать, что эта идея верна всегда и везде, не исключено, что «равновесного» состояния просто в природе не существует, но дело не в этом. Как мы знаем, в 1981 г. в США была принята так называемая «рейганомика», т. е. экономическая программа, которая предполагала постоянное кредитное стимулирование спроса.

До ее принятия равновесные макроэкономические параметры для домохозяйств выглядели примерно так: совокупный долг — не выше 60—65% от годового дохода, сбережения — порядка 10% от реально располагаемых доходов. К 2008 г. эти параметры изменились следующим образом: средний долг — выше 130% от годового дохода, сбережения — –5—7%. Отметим, что последняя цифра, которая еще в 2008 г. не ставилась под сомнения, в последующие пять лет была «нивелирована» за счет статистических ухищрений, так что в последних официальных данных она около нуля. Впрочем, к реальности это отношения не имеет.

Возникают два вопроса. За счет чего был достигнут такой серьезный отход от положения равновесия и насколько сегодня спрос американских домохозяйств выше равновесного?

На первый вопрос ответ простой — банковская система в начале 1980-х гг. позволила домохозяйствам рефинансировать свои долги, т. е. стало возможным старые кредиты погашать за счет новых (это было частью политики «рейганомии»). А для того, чтобы при этом не падал спрос, начали снижать стоимость кредита. В 1980 г. учетная ставка ФРС США была равна 19% (Пол Волкер, тогдашний глава ФРС, боролся с инфляцией), к декабрю 2008 г. она стала фактически равной нулю. И экономическая система начала самопроизвольное движение к равновесному состоянию, т. е. снижать частный спрос, стимулирующийся почти 30 лет.

Сейчас США активнейшим образом стараются стимулировать частный спрос другими методами (описание их не является темой настоящей статьи), но он все равно падает. Пусть и медленно. Но до какого момента он будет падать? На основании статистики можно дать примерную оценку этого спада. Если на начало кризиса сбережения были –5%, а должны быть 10%, то всего спрос за счет роста сбережений сократится примерно на 15% от реально располагаемых доходов населения на осень 2008 г. А это — 11 трлн дол. Иначе говоря, превышение спроса за счет снижения сбережений составило около 1,5 трлн дол. в год.

Далее, спрос стимулировался за счет роста долгов домохозяйств, на момент кризиса совокупный долг составлял около 15 трлн дол., рос он на 10% в год., т. е. и здесь масштаб стимулирования на момент кризиса — 1,5 трлн дол. в год. Кстати совпадение этих цифр — косвенное свидетельство их достоверности. Итого — 3 трлн превышения спроса домохозяйств над их реально располагаемыми доходами.

До тех пор, пока не будет дано объяснение, как именно денежные власти США будут эти 3 трлн изыскивать и давать домохозяйствам — я в естественный экономический рост американской экономики не верю. Отметим, что не верю я и в то, что в рамках «постмодерна» (я не раз писал, что не понимаю, что это такое) базовые пропорции меняются — да и доля расходов домохозяйств в ВВП США, которая находится на исторических максимумах, это подтверждает.

Разумеется, эти 3 трлн исчезнут не одновременно — но именно их сокращение и вызывает кризис! Потому что падение спроса вызывает сокращение рабочих мест и зарплат — т. е. падают доходы, что вызывает дальнейшее падение спроса... Ну, и т. д. по снижающейся спирали, к равновесному состоянию между спросом и реально располагаемыми доходами. Как показывают эмпирические исследования различных кризисов и спадов, падение доходов до точки равновесия между

ними и расходами домохозяйств превышает первоначальный разрыв между доходами и расходами. Ключевую роль здесь играет мультипликатор по межотраслевому балансу и составляет он для различных экономик и стран от 1,5 до 3. В ситуации кризиса начала 1930-х мультипликатор был ближе к максимуму (разрыв был около 10%, а падение доходов — примерно на 25—30%), но в нашем случае, когда разрыв сильно больше, скорее всего имеет смысл брать минимальное значение.

В этом случае точка равновесия по доходам находится на уровне ниже нынешнего примерно на 4,5 трлн в год (т. е. по мере завершения кризиса реально располагаемые доходы американских домохозяйств будут где-то на уровне 6,5 трлн дол. в год). Спрос соответственно — больше, чем в два раза ниже, чем сейчас.

По поводу масштаба падения спроса и доходов населения США я готов принимать уточнения и спорить. Но напомним, что этот расчет сделан где-то в 2002 г. — и за прошедшие 10 лет никаких оснований для его изменений не наметилось. Вопрос был только, где будет максимум спроса — но сама «мина» была подложена под экономику США уже несколько десятилетий назад. И именно в 2008 г. было особенно легко оценить масштаб структурных диспропорций между доходами домохозяйств и их расходами. При этом сегодня, с учетом снижения частного долга и ростом долга государства, картина стала более запутанной, однако поскольку расходы домохозяйств с 2008 г. принципиально не упали, а доходы — не выросли, общий объем диспропорций, безусловно, сохранился. В связи с наличием приведенного выше расчета я не могу воспринимать всерьез рассуждения о том, что в США (и в мире) может начаться экономический рост — если такие рассуждения не сопровождаются описанием механизма стимулирования структурного дисбаланса между спросом и доходами. Пока, за 10 с лишним лет, такого механизма мне никто не показал.

Отметим, что экономическая реформа Обамы (включающая в себя так называемую «сланцевую революцию», направленную на снижение энергетических издержек в экономике США) дала эффект в части снижения операционных издержек в промежуточных секторах экономики США, что вызвало рост инвестиционного кредитования и видимость экономического роста. Видимость — поскольку одновременно выросла и задолженность предприятий, и вопрос о том, можно ли считать такой рост реальным — это вопрос интерпретации статистики. Но вот конечный спрос за последние годы в США продолжал падать (даже по официальным оценкам, с учетом заниженной инфляции, он не растет), что означает, что рост этот, даже при оптимистической интерпретации статистики, является краткосрочным и неустойчивым.

Приведенные оценки говорят о том, что масштаб кризиса будет в 2—2,5 раза больше, чем кризис начала 1930-х гг., который завершился Великой депрессией, в начале которой расходы домохозяйств США превышали их доходы примерно на 10%. Тогда, например, в пике кризиса безработица в Западной Европе достигала 40% — чего нам ожидать сегодня? И есть большой спектр вопросов, на которые категорически необходимо ответить. Перечислим только два из них: сможет ли в такой ситуации сохраниться «средний» класс как инструмент социально-политической стабильности развитых экономических стран и как сильно придется адаптировать международное и внутреннее экономическое и торговое законодательство, в частности, сохранится ли ВТО? Ответов на эти вопросы пока нет, и представляется, что разобратся с ними, безусловно, стоит.

С.Г. КОВАЛЕВ, В.Е. САБИНИН

Макетирование процессов глобализации*

Аннотация. Работа посвящена анализу возможности и целесообразности моделирования процессов глобализации. Отмечено, что модернизация может быть успешной только при условии одновременного и сбалансированного использования инструментов экономики, политики и идеологии в системе мотивации населения к участию в модернизации. Предложен механизм для модернизации экономики России в направлении формирования государственного капитализма.

Ключевые слова: глобализация, капитализм, политика, идеология, региональное экономическое планирование, регулирование природопользования.

Abstract. This paper analyzes the feasibility and advisability of modeling the processes of globalization at the regional level. It is emphasized that modernization can be successful only if the simultaneous and balanced use of the tools of economics, politics and ideology in the motivation of the population is implemented. The mechanism is proposed for the modernization of the Russian economy in the attempt to build state capitalism. All the recommendations considered above can be used in any modern state aimed at the modernization of the social structure in the direction of post-capitalism.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ.

Keywords: Globalization, Capitalism, Politics, Ideology, Regional Economics Planning, Environmental Regulation.

Кризис капитализма. Специфика современного состояния капитализма заключается в том, что период его процветания завершен. Распад капитализма провозглашали давно и неоднократно, однако в наше время дополнительную реальность этому обстоятельству придает процесс зарождения будущей системы, который получил название «глобализация». Бывший тогда президентом Франции Н. Саркози в своей речи на открытии Всемирного экономического форума «Давос — 2010» так охарактеризовал ситуацию: «Кризис, который мы переживаем, это не кризис капитализма. Это — кризис извращения капитализма. Капитализм всегда был неотделим от некоей системы ценностей, от проекта цивилизации, от определенной идеи человека. Но антикапитализм — еще больший тупик. Антикапитализм не дает никакого решения. Не существует никакой другой системы, кроме рыночной экономики. Мы спасем капитализм и рыночную экономику, сделав их нравственными. Измениться или погибнуть». Попытку сохранить систему, построив «социализм с человеческим лицом», предпринял М. Горбачев перед распадом СССР. Тот результат известен.

Ниже мы рассмотрим некоторые доводы, которые позволяют нам иначе оценивать сегодняшнюю ситуацию. Кроме последнего тезиса, с которым мы согласны, — систему пора менять. И вовсе не с позиций антикапитализма, а с точки зрения прогресса цивилизации. Смена системы в режиме самопроизвольного процесса, как это было раньше, может затянуться на неопределенный срок. В особенности, при наличии участников процесса, строящих свою стратегию на внесистемных принципах социального эгоизма типа расового превосходства или глобального доминирования. Поэтому принципиальное значение для цивилизации приобретают методы ускорения глобализационных процессов в режиме макетирования.

Основным инструментом капитализма является конкуренция, организованная по лекалам идеологии западной демократии. По своему внутреннему содержанию такая конкуренция есть борьба за право распределения результатов коллективного труда вне зависимости от принципа «каждому по труду». Это и есть движущая сила, основной мотив капитализма, который, следовательно, изначально построен на фундаменте социальной несправедливости. Попытки сделать капитализм более справедливым будут означать его преобразование в социальную организацию, в которой конкуренция построена на иных принципах. А это значит, что производительность общественного труда (ОТ) институционально изменится и капитализм перестанет быть капитализмом.

Прогресс цивилизации формируется в двух сферах — в области материального благополучия и духовного благосостояния. В сфере ОТ вектором прогресса является рост его производительности. Духовное благополучие строится на принципах социальной справедливости. Их сочетание определяет уровень физического и нравственного процветания личности, общества, государства, популяции.

Рост производительности труда был аргументом создания и развития всех существовавших ранее социально-экономических формаций. А вот справедливое распределение результатов ОТ никогда не было целью ни для одной из таких формаций — кроме модели коммуны, которую в этой связи можно рассматривать как некий теоретический предел. Динамику развития цивилизации можно описать в форме последовательности этапов, в которых создание формации обусловлено появлением новых возможностей роста производительности ОТ, а завершение, после того как доступные ресурсы роста исчерпаны, — потребностью совершенствования принципов социальной справедливости. Что формально становится движущей силой для смены системы. Системы коллективного труда и коллективного сознания всегда пребывают в состоянии динамического равновесия, и поддержание оптимальных показателей этого равновесия является одной из координат в пространстве параметров прогресса. Получается, что удовлетворение потребностей «бытия» в предшествующей истории цивилизации всегда несколько опережало удовлетворение потребностей «сознания». Похоже, что эта тенденция в структуре глобализационных процессов может не сохраниться также и потому, что потребности бытия формируются теперь не в сфере реального обеспечения жизни, а в области представлений человека об этих потребностях, которые формируются уже в понятиях комфорта и роскоши. Такова специфика «общества потребления».

К настоящему времени безнравственность капитализма становится тормозом для роста производительности ОТ. Но это не единственный источник возникновения тенденции смены системы. Есть проблемы, которые формируют движущие силы перемен не только в области общественного «сознания», но и в области «бытия».

Использование ОТ есть специфическая особенность популяции человека. Обработывая ресурсы природы (РП), повышая их «потребительское качество», современный человек получает все необходимое для жизни. Соотношение затрат ОТ и РП в процессе производства мирового «бытового продукта», по смыслу — производительность труда популяции, есть один из критериев эффективности социально-экономической формации. Численное значение этого критерия рассчитать невозможно, поскольку составляющие его величины имеют разную и неопределенную размерность. Но если воспользоваться данны-

ми Всемирного банка и выразить их в денежном эквиваленте [1, 24—26], оказывается, что применительно к условиям капитализма $[OT]_s : [RP]_s \sim 2,5 : 1,0$, где $[OT]_s$ и $[RP]_s$ есть расходы популяции на оплату труда и ресурсов в денежном эквиваленте, соответственно [2]. В это соотношение в неявном виде заложены специфика ценообразования и текущие особенности режима денежного обращения, которые существенно маскируют его истинное, «техническое» содержание. Величина этого соотношения не содержит ошибки или погрешности расчета, а значит, и обсуждение его численного значения смысла не имеет. Важно лишь то, что, взяв за основу полученную цифру, можно сделать некоторые выводы о состоянии цивилизации и его динамике.

Так, например, оказывается, что экономия ОТ статистически в 2,5 раза более выгодна, чем экономия РП, и это обстоятельство автоматически формирует тенденцию опережающего роста расхода относительно более дешевых ресурсов. Наиболее прибыльными оказываются сырьевые технологии с невысокой глубиной обработки. Что в свою очередь провоцирует рост количества отходов. Именно здесь скрыта первопричина всех экологических проблем — такой режим природопользования наиболее выгоден в сложившейся системе финансирования ОТ. Завышенный расход ресурсов, со временем превратившийся в «истощительный», есть один из источников и одновременно условие успехов капитализма. Очевидно, что бесконечно «жить в долг» на планете популяция не может. Когда-то наступит предел, и, судя по всему, это время пришло. Уже начинают проявляться признаки дефицита РП, возникают технико-экономические диспропорции, изменяется ценовое равновесие, нарастает угроза длительного спада объемов производства мирового валового продукта [3, 92—95], который в настоящее время воспринимается как результат чьих-то «неправильных» или злокозненных действий. Пришла пора менять систему природопользования, и поскольку капитализм не содержит внутри себя необходимых механизмов, на повестку дня встает вопрос о его замене.

Из приведенного соотношения также следует, что около трети финансовых ресурсов расходуется на сырье. Такая смета характерна для простейших, ремесленных технологий, что не соответствует современным представлениям о наукоемкости производства. Есть основания полагать, что стоимость ресурсов в общем балансе производства завышена и источником такого завышения является природная рента. В создание РП труд человека не вложен, и деньги — условная количественная мера труда — не могут быть мерой их стоимости. Нарушение этого принципа есть одна из причин нарастающей финансовой диспропорции в форме глобальной инфляции. Пока у этой тенденции нет явного механизма противодействия, ее развитие со временем неизбежно приведет к краху мировой финансовой системы.

Природная рента — не единственный источник инфляции при капитализме. Есть легальные сферы деятельности, в которых оплата труда институционально не пропорциональна его количеству и качеству: спекулятивная составляющая прибыли, налоги, таможенные сборы, банковская и биржевая деятельность и т. д. В начале XXI в. всего несколько процентов от общего объема мировых финансовых потоков использовалось на обслуживание реальной экономики. Остальное — на игры «в деньги». Которые по этой причине утрачивают способность быть мерой, а процессы и системы, в которых они являются регулятором (например, рыночная экономика), теряют чувствительность к ним и работоспособность [3]. Приведенное утверждение Саркози о том, что рыночная экономика не имеет альтернативы, не вписывается в современные реалии. Мы на практике наблюдаем ее трансформацию в нечто иное, что в наибольшей степени соответствует понятию «политэкономия». Пределом политэкономии являются экономические санкции. Это еще капитализм, но уже другой.

Конкурентная борьба формирует тенденцию укрупнения субъектов предпринимательской деятельности — как наиболее жизнеспособных при общем сокращении их количества. Это обстоятельство постепенно исключает возможность статистически равновесного удовлетворения любых потребностей общества. Такие признаки можно наблюдать, например, в форме распространения транснациональных корпораций (ТНК). Перечень таких ТНК известен — сегодня их около сотни. Это другой уровень поддержания конкурентности, но содержание то же — поиск наиболее слабых, конкурентных партнеров, проще — доноров, теперь уже вне государства, «на стороне». Независимо от форм собственности, система ТНК, действуя в тандеме с военно-промышленным комплексом, де-факто становится государствообразующей. Такая конструкция без планирования нужды общества обеспечивать не может. «Плановый» — это еще капитализм. Но уже не такой.

Государство, настроенное на обслуживание классического капитализма, в период его деградации утрачивает возможность эффективного управления обществом, что проявляется в повсеместном распространении элементов бюрократии и коррупции. Попытки преодоления этих дефектов вне их системного восприятия вряд ли будут эффективными. Появляется специфическая разновидность системы, в которой государственный чиновник фактически становится составной частью бизнеса, но лишь в части распределения прибыли. Эта ситуация нарушает принципы социальной справедливости и весьма болезненна в общественном сознании. Отсюда два выхода: или жестко отделить чиновника от бизнеса (что пока ни у кого не получилось), или, наоборот, — законодательно придать государству функции предпринимателя.

Объективные успехи капитализма повышают уровень материального обеспечения населения, но при этом снижают системную дееспособность конкуренции. Для поддержания нужного потенциала конкурентности лидеры «капиталистического труда» постоянно вынуждены искать новых доноров. Активизация такого поиска на межгосударственном уровне с помощью политических, экономических, идеологических, но главное — военных ресурсов есть основное содержание современного социального движения. Это кризис социального неравенства и агония капитализма.

Пришло время расплаты за материальное благополучие, построенное на истощительном расходовании природных и социальных ресурсов. Наступает переходный период в построении будущей социальной организации — глобализация, первым этапом которой предположительно будет предсказанный Ф. Энгельсом [4, т. 20, 675] «государственный капитализм».

Глобализация. Мы не утверждаем, что капитализм — это плохо. Мы констатируем, что сегодня его время уходит. Так уже бывало в истории, когда одна система сменяла другую, выполнившую свое функциональное предназначение. Накопление негативных проявлений, неустраняемых инструментами капитализма означает, что наступила фаза преобразования его в посткапитализм, который должен обеспечить инверсию накопившихся негативных тенденций — устранить социальную напряженность, уйти от истощительного режима природопользования. Это и есть глобализация.

Термин не слишком удачный, поскольку он концентрирует внимание на внешних признаках трансформационных процессов, на форме социальной активности, которая складывается на основе технических достижений и компьютеризации. Содержание глобализации в другом — *глобализация* есть преобразование капитализма в последующую социальную организацию, включающее: 1) технологическое переоснащение, призванное обеспечить минимизацию изъятий ресурсов из природы, сохранить возможность бесконечного существования популяции; 2) трансформацию системы общественного самоуправления в соответствии с концепцией «глобальная администрация»; 3) формирование нового менталитета популяции в соответствии с концепцией «гражданин мира» [2; 5].

В современной социологии идет поиск основ будущей социальной организации, и при этом иногда используется понятие «информационное общество» [6; 7]. Термин объективно отражает рост значимости информации в будущем социальном устройстве, но главным, на наш взгляд, является не объем информационных потоков как таковых, а возрастание их вклада в производительность ОТ. Иначе говоря, основой следует считать рост информационной емкости технологий, а не

коммуникативных возможностей или объема знаний вообще. Тогда, если исходить из данного выше определения глобализации, получим более точное, на наш взгляд, определение: *информационное общество* есть социально-экономическая формация, в которой доступность ресурсов природы не является фактором, ограничивающим рост производительности общественного труда.

Посткапитализм должен, как и раньше, обеспечивать рост производительности труда. Но теперь при условии минимизации изъятий ресурсов из природы, вплоть до достижения равновесного режима природопользования. В этом специфика будущего общественного устройства относительно последовательности социально-экономических формаций. Рост производительности ОТ будет обеспечен путем включения в технологический процесс затрат труда предыдущих поколений, аккумулированных в технологической информации.

Основываясь на принципах цикличности в социологии, сопоставляя продолжительность феодализации и капитализации и экстраполируя, можно оценить продолжительность глобализации, которая при таком расчете оказывается равной 50—75 годам [2]. Иначе говоря, построение основ будущего глобального общества, если оно будет происходить самопроизвольно, должно завершиться во второй половине XXI в. Оценить погрешность такого расчета невозможно, хотя числа представляются логичными. Но тогда оказывается, что некоторые явно регистрируемые процессы деградации природной и социальной среды обитания могут принять необратимый характер, неприемлемый с точки зрения гарантий бесконечного существования популяции. Возникает необходимость целенаправленного ускорения глобализации: создания механизмов для согласованной модернизации промышленного производства и системы управления и реформатирования менталитета населения. Так, чтобы интересы популяции стали приоритетными по отношению к любым иным. Эта задача может показаться утопичной, однако уже в 2003 г. 11% жителей планеты отождествляли себя не с конкретной страной, а с миром в целом или континентом, тогда как со страной — 29%, а с городом или провинцией — 57% [8]. Однако ошибки здесь неприемлемы, поэтому необходимы предварительное опробование, практическая отработка и макетирование.

По комплексу признаков оптимальным является макетирование процессов глобализации в масштабах региона [9].

Приведенное определение глобализации еще раз подчеркивает триединство экономики, политики и идеологии. Отсутствие любого из этих инструментов в реализации стратегии заметно снижает шансы на успех в достижении поставленной цели. В переходный период (а глобализация есть переходный период) каждое из этих направлений имеет свою специфику. Некоторые особенности формирования идеологиче-

ских постулатов рассмотрены в работе [2]. Здесь основное внимание мы уделяем проблемам моделирования стратегии модернизации в комплексе «экономика—идеология».

Альтернативная экономика. Первопричиной деградации капитализма является истощительный режим природопользования. Все остальные негативные проявления в той или иной степени являются производными. Поэтому системной проблемой защиты является минимизация изъятий ресурсов из природы. Такой результат может быть достигнут повышением цен на РП. Иначе говоря, отношение финансовых расходов $[ОТ]_s/[РП]_s$, принятое равным 2,5, должно быть уменьшено, при условии сохранения общего объема финансирования. При этом что переход на ресурсосберегающие технологии означает рост их наукоемкости, квалификации и общей образованности общества, что само по себе предполагает рост затрат ОТ и появление дополнительных расходов. Такая стратегия не вписывается в стандарты капиталистической организации труда и предопределяет необходимость создания иной системы.

Перечисленным условиям в наибольшей степени соответствует предложенная нами Концепция альтернативной экономики (АЭ), которая предполагает *одновременное, взаимосогласованное и поэтапное повышение цен на ресурсы природы и снижение ставок налогообложения в процессе наполнения государственного бюджета* [10]. Содержание бизнеса — получение максимальной прибыли. И если у производителя возникает возможность сократить расход ресурсов и выплаты в бюджет, то это и есть желаемый результат. В этом смысл Концепции.

АЭ есть новая структура правил в экономике промышленности и сельском хозяйстве, соответствующая тенденциям глобализации, специфическим возможностям и целям модернизации производительных сил и производственных отношений. Предполагаемые результаты их использования обеспечивают инверсию истощительного расхода природных и социальных ресурсов, что отвечает критериям прогресса цивилизации на современном этапе развития. АЭ ориентирована на гармонизацию сочетания всех инструментов социальной организации — экономики, политики, культуры, идеологии.

В основу АЭ заложен механизм отрицательной обратной связи между ресурсоемкостью и прибыльностью бизнеса. Рассмотрим некоторые особенности и условия применения этого механизма. Первое отличие заключается в отступлении от фундаментального принципа оптимальности предыдущей социально-экономической формации — незыблемости налоговой системы.

Государство есть административно-территориальное образование, осуществляющее властные полномочия на основе прав суверенной собственности на ресурсы природы и гражданина.

Для исполнения властных полномочий государству нужны деньги, и, исходя из данного определения, очевидно, что источником наполнения бюджета могут быть или доходы от труда гражданина в форме налогообложения, или торговля ресурсами. Право «суверенной собственности» государства на гражданина проявляется через возможность получения от него дохода в форме налогообложения без его согласия, а также возможность формирования комплекса прав человека, предназначением которого является обеспечение надежности этого права. В первом приближении государству все равно, по какой схеме наполнять бюджет: расходы труда и ресурсов существуют только совместно, поскольку если нет труда, то нет и расхода ресурсов. Главное, чтобы процесс наполнения бюджета был предсказуемым и управляемым и не тормозил бы развитие. А вот для бизнеса разница принципиальная: дешевые ресурсы и дорогой (с которого надо отчислять еще и налоги) труд неизбежно ориентируют на ресурсоемкие технологии. И наоборот. Механизм АЭ позволяет рыночными способами осуществлять поиск оптимальной величины соотношения $[OT]_s : [RP]_s$, соответствующей текущему состоянию среды обитания, технологическим возможностям, социальным потребностям и доступности ресурсов. АЭ есть «плавающая», рыночная схема наполнения бюджета, обеспечивающая поддержание социального и ресурсного равновесия и управления им.

Первый шаг в этом направлении был сделан в XIX в. американским экономистом и философом Генри Джорджем [11], который предложил заменить способ наполнения государственного бюджета с налогообложения на плату за аренду земли. Эта концепция была неоднократно проверена на практике и везде с неизменным, хотя и не революционным успехом. Во всех случаях эксперименты проводились в ограниченном режиме, т. е. полной замены не было никогда. Но время реализации идей Джорджа, трансформированных в методологию АЭ, пришло только теперь по двум причинам. Во-первых, остро востребован рыночный механизм минимизации изъятий ресурсов из природы (Китотский способ квотирования себя полностью дискредитировал). И, во-вторых, в этой системе государство преобразуется в предпринимателя, формализуя обоснование этапа государственного капитализма. Тактика применения АЭ основана на выборе оптимального соотношения доходов бюджета от налогов и торговли РП в расширяющемся перечне особых экономических зон. Выбор этого соотношения и последующая торговля ресурсами в режиме рынка ресурсов природы как раз и есть

содержание предпринимательской активности государства, определяющей его трансформацию в структуру государственного капитализма.

Регион как инструмент для отработки другой модели организации труда. Потребность государства в отработке социально-экономических новаций обычно реализуется через концепцию особых экономических зон (ОЭЗ). Так, чтобы можно было использовать преимущества метода «проб и ошибок» в режиме, при котором цена ошибок не будет чрезмерной. Закон об ОЭЗ есть и в России (№ 116-ФЗ от 22.07.2005 г.). Если не вдаваться в детали, то по смыслу любая ОЭЗ, или, по новому закону (от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ), зона опережающего развития, есть регион, в котором все «особенности» в конце концов сводятся к налоговым льготам. При этом участники эксперимента не заинтересованы в его окончании, что маскирует его истинный результат. Отличительной особенностью АЭ является возможность ее использования в режиме, когда ОЭЗ изначально ориентирована на стабильность и возрастание государственных доходов, поскольку именно от этого зависит оплата труда чиновника. Именно регион, в контексте приведенного выше его определения, является наиболее удобным объектом для моделирования экономических, политических, идеологических и иных компонентов глобализации через концепцию альтернативной экономики.

Такая методология в качестве главного условия предполагает наличие классификации РП, а также методик численного расчета их изъятий, после чего методология ценообразования формируется по общеизвестным схемам рыночной экономики. Вне этих условий торговать невозможно. Вариант классификации предложен в [10] и включает шесть наименований: 1) земля и ее недра; 2) флора; 3) фауна; 4) гидросфера, мировой океан и его дно; 5) атмосфера и околоземное космическое пространство; 6) система естественных энергетических полей. Этот перечень включает любое известное использование ресурсов в интересах жизнедеятельности популяции, для которого изъятие ресурса означает обратимое или необратимое уменьшение его запаса. В него не входит использование энергии солнечного излучения, ветра, приливов и отливов, геотермальной активности и т. д.

Изъятие любого ресурса из этого перечня имеет размерность, общеизвестные методики количественного расчета и ценообразования. Кроме сброса жидких и газообразных отходов производства в окружающую природную среду. Во-первых, это действие имеет противоположное направление: вместо изъятия — вброс. И, во-вторых, вода и воздух обладают естественной подвижностью, и отходы мигрируют из зоны вброса так, что последствия их воздействия на среду обитания с конкретным производителем увязать часто затруднительно или вообще невозможно.

Техническое решение было предложено в работе [10], где в качестве меры негативного воздействия использовали расчетные объемы воды или воздуха, необходимые для разбавления токсичных отходов до концентраций, равных предельно допустимым (ПДК) в момент сброса и в точке сброса. Этот формальный прием обеспечивает создание единой метрологии, где сброс отходов означает расходование воздуха и воды на их разбавление и имеет привычный смысл изъятия. Качественный и количественный состав отходов всегда известен заранее из материального баланса технологического регламента, является для данной технологии величиной постоянной, что обеспечивает необходимое технико-экономическое прогнозирование.

Принятие концепции АЭ означает преодоление психологического и экономического барьера — природопользователь должен оплачивать сброс отходов производства пропорционально их массе и токсичности независимо от того, достигается при этом уровень ПДК или нет. Если превышение имеет место — дополнительно вступают в действие существующие органы охраны природы, которые полностью сохраняют свои функции, права и обязанности. Тот факт, что до настоящего времени атмосфера и гидросфера не отнесены к категории ресурсов и сброс отходов в них является бесплатным, привел человечество к печальным результатам [12]. Уже сегодня практически отсутствуют водоемы, воду из которых можно пить без дополнительной очистки. Такой же результат, но с гораздо более тяжелыми последствиями, неизбежно ожидает нас и с воздухом, где первые «звонки», в особенности, в крупных городах, уже прозвенели. Конечно, существуют «производства» с минимальным изъятием ресурсов, например, банк или казино. Однако подобные ситуации должны быть проанализированы заранее.

Первичные последствия использования АЭ в виде оживления экономики в режиме ресурсосбережения просматриваются достаточно просто. Но есть еще и комплекс социальных результатов. Отметим некоторые из них. Появление новых производств, работающих по концепции АЭ, предполагает комплектование социального слоя их собственников, заинтересованных в существовании и развитии системы. Государство приобретает вполне ощутимые черты предпринимателя, заинтересованного в том, чтобы продать РП больше и по более высокой цене, но так, чтобы пользователи вообще не уехали в другой регион и режим изъятий не оказался истощительным. Взаимоотношения государства и гражданина, в настоящее время определяемые правами суверенной собственности, трансформируются в систему отношений «покупатель — продавец». А это уже иной регламент формирования «прав человека». И всей системы социальных отношений.

Чиновник получает возможность заработать больше, пропорционально достижениям ОЭЗ. В государстве и в бизнесе формируется со-

циальная группа, заинтересованная в развитии реформ, вектор которых ориентирован на государственный капитализм. Отсутствие такого социального слоя является одной из причин малой эффективности модернизации, построенной на внесистемном, носящем разовый характер перераспределении бюджетных ресурсов. Добавим, что государственный капитализм следует рассматривать лишь как старт переходного периода глобализации. Кстати, закон о территориях опережающего развития, где руководство осуществляют управляющие компании, состав которых определяет государство, точно соответствует этому понятию.

Существующая сегодня взаимная несогласованность прав и обязанностей государства, жестко закрепленная законодательством, есть первоисточник бюрократии и коррупции. Определим: *бюрократия* есть выполнение обязанностей без ответственности; *коррупция* есть незаконная торговля правами государства. Постепенное преобразование государства в биржу по торговле РП если не уничтожит, то, по крайней мере, существенно ограничит потенциал бюрократизации и мздоимства в системе государственного управления, сделает их проявления сопоставимыми с аналогичными явлениями в бизнесе, которые существенно меньше.

Складывается ощущение, что единственным проигравшим в АЭ останется государство. Однако общее оживление экономики дает государству новые рычаги для наполнения бюджета, а факт нахождения государства у руля этих процессов является гарантией от проигрыша.

Россия. Вопрос выбора стратегии развития России как никогда актуален в наши дни — стране объявлена война по всем направлениям — в экономике, в политике, в идеологии. Эта война идет жестко и бескомпромиссно, в режиме, дипломатично названном «двойными стандартами», по смыслу же — в режиме отсутствия стандартов. Такая ситуация типична для периода смены механизма, определяющего режим существования системы. В данном случае старые правила, обязательные для поддержания работоспособности капиталистической системы, начинают отмирать, а новые еще не сложились. При этом основной «интереса» к России со стороны «тяжеловесов» конкурентной борьбы остается тот факт, что она по-прежнему обладает наибольшей территорией на душу населения и емким экономическим пространством, обусловленным платежеспособным производственным и потребительским спросом. Именно эти обстоятельства превращают ее в «лакомый кусок» для лидеров капитализма, в период его распада существующих в режиме постоянного поиска новых доноров. Россия не стоит на месте, однако по большинству экономических показателей ее позиции в мире лучше не становятся. Это означает, что она отстает.

Сохранение России в качестве субъекта собственных интересов предполагает одновременное решение нескольких противоречивых задач. Среди них — создание самодостаточной экономики, обеспечивающей высокий уровень жизни населения и не выходящей за определенные параметры социального расслоения и социальной справедливости, а также содержащей сектор отраслей, работающих на военнопromышленный комплекс, производственную и социальную инфраструктуру. Однако понимания необходимости модернизации недостаточно. Во всяком случае, это понимание не уберегло сегодняшнюю Россию от разрушения многих ведущих отраслей в период перестройки, в особенности в сфере машиностроения, притом что новые не создавались. Это и есть фундаментальный итог последней четверти века российской истории.

Прямое и полное восстановление разрушенных отраслей в режиме погони за лидерами невозможно, да и вряд ли целесообразно. Выгоднее учитывать возможности международной кооперации. Конечно, с учетом «санкционного» опыта. Поэтому реиндустриализация должна быть не тотальной, а иметь точечную направленность. Реален один путь — построение на первом этапе цикла более глубокой переработки в добывающих и энергетических отраслях, являющихся локомотивом российской экономики. Этот кластер должен быть перестроен на основе собственного национального машиностроения, что в свою очередь потребует развития наукоемких и высокотехнологичных отраслей, подготовки высококвалифицированных кадров, развития фундаментальных и прикладных исследований. При таком варианте страна останется энергетическим экспортером, но экспортером не сырья, а частично готового продукта. Только такая стратегия позволит с наибольшей выгодой использовать естественные преимущества страны. Концепция альтернативной экономики пригодна для решения поставленной задачи.

В настоящее время мы являемся свидетелями постоянного поиска новой стратегии для страны. По смыслу, стратегия есть маршрут движения к цели. Нет цели — нет стратегии. С учетом специфики России как наследницы СССР в качестве такой цели может быть использован тезис возрождения страны в качестве мирового социального и экономического лидера. Ощущение такого лидерства еще не стерлось из памяти большинства граждан РФ. Но, к сожалению, население страны разделено по принципу оценки нашего прошлого. Значит, первое, что нужно сделать для преодоления в общественном сознании состояния, по выражению В.В. Путина, «ценностной катастрофы», — определить место нашего прошлого в нашем настоящем и будущем. Для этого напомним, что еще К. Маркс считал, что социализм как более высокая стадия социального развития должен следовать после капитализма. Не

пытаясь навязывать какое-либо мнение, мы полагаем, что хотя бы частично нейтрализовать противостояние отдельных слоев нашего населения можно, определив наше прошлое как великое достижение цивилизации, но построенное преждевременно. А это значит, что «тогда» цели и приоритеты были смещены, руководители были вынуждены принимать решения, не свойственные стратегии избранной социально-экономической формации и, по нашим сегодняшним представлениям, кажущиеся необоснованными. В частности, к таким решениям можно отнести полное отрицание предпринимательской активности, распространение идеологии «прекрасного будущего» расстрелом несогласных и т. д. Однако именно теперь, в период завершения эпохи капитализма, наступает время, когда многие социальные инструменты, опробованные в СССР, после соответствующего переосмысления, востребованы в процессе глобализации.

В 1917 г. страна угодила в цивилизационную ловушку, которая надолго определила ее судьбу. Но эта ловушка оказалась не последней. В начале 1990-х, решившись строить капитализм в тот момент, когда его созидательные возможности были практически исчерпаны, мы угодили во вторую ловушку. Здесь опоздали. Теперь у России остался единственный исторический шанс — сделать все вовремя. И начать строительство будущего социально-экономического устройства заблаговременно и осмысленно.

В конце 2014 г. в России скопилось значительное количество избыточной социальной энергии, инициированной событиями в Крыму. Сегодня эта положительная энергия есть один из морально-нравственных фундаментов общества, источник движущих сил для социальной трансформации. Именно теперь наступило наиболее выгодное время для реструктуризации Российского государства. А это значит, необходима согласованная модернизация экономики, политики, культуры и идеологии. Это ответственные решения, и одномоментная реализация их во всей стране неприемлема. По этой причине опробование новой «национальной идеи», точнее, новой идеологии, так же как и альтернативной экономики, целесообразно начинать с территорий опережающего развития.

Сегодня наши «партнеры» пошли против России ва-банк. С беспощадной ясностью стало понятно, что реальной, а не декларативной модернизации России нет альтернативы. Концепция альтернативной экономики, объединенная с идеологией суверенной, или «восточной», демократии [2], дают России шанс не только выстоять в борьбе, но и побороться за лидерство в будущем общественном устройстве. На этом пути у России есть уникальное преимущество — практический опыт строительства и социалистической, и капиталистической соци-

ально-экономической систем, комбинация которых составит основу будущего мироустройства. Но такой опыт есть и в Китае.

В заключение отметим, что АЭ есть механизм создания новой экономической модели, отвечающей требованиям современного социального движения и потребностям России. Решение же о реализации этой модели не влечет за собой угроз государству, бизнесу и населению, не требует изменения уже действующих планов и программ, и информация, накопленная к настоящему времени, является необходимой и достаточной для принятия политических решений об изменении «правил игры». Участие в системе АЭ будет добровольным, поэтому активной составляющей общей стратегии должна стать идеология. Процесс перехода на концепцию АЭ будет осуществляться эволюционно, через последовательное подключение вовлеченных в эксперимент территорий опережающего развития, каждая из которых будет служить целям накопления опыта методом моделирования. Такая тактика является преимуществом новой системы. И она полностью пригодна для России.

Выше мы отметили последовательность циклов поочередного приоритета материальных и духовных запросов в прогрессе цивилизации. Сегодня движущей силой развития является совершенствование принципов социальной справедливости. Популяция ожидает ответа на вопросы о структуре нашего совместного будущего и новых идей. Из тех, которые овладевают массами, становятся всесильными. Тот, кто придет с такими идеями, получит дополнительные преимущества в борьбе за лидерство в будущем мироустройстве.

Литература

1. *Бараненкова Т.А.* Человеческий капитал — важный источник экономического развития России // Материалы VII Международной Кондратьевской конференции. Москва, 22 — 23 ноября 2010 г. М., 2010.
2. *Сабинин В.Е., Ковалев С.Г.* Глобализация как этап экономической цивилизации. СПб., 2013.
3. *Арошидзе Т.Л.* Причины международного финансового кризиса // Актуальные вопросы экономики и управления. Материалы междунар. науч. конф. Т. 1. М., 2011.
4. *Маркс К. Энгельс Ф.* Соч.
5. *Sklair L.* Politics of Globalisation. New Delhi, 2009.
6. *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society, World Future Society. Wash., 1981.
7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, власть и общество. М., 2000.

8. Семенов И.С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Полис. Политические исследования. 2003. № 1.

9. Ardalan K. Globalization and Regionalization: Four Paradigmatic Views // Journal of International Business Research. 2010. Vol. 9. No. 1.

10. Сабинин В.Е., Трофимов В.В., Трофимова Л.А. Региональные аспекты управления природопользованием // Уч. записки экономического факультета Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. 1997. Вып. 4.

11. George H. Progress and Poverty: 1879. N. Y., 1962.

12. Beinecke F. The World we Create. Maryland, 2014.

О.В. АНДРЕЕВА

Концептуальные основы новой промышленной политики: проблемы и противоречия

Аннотация. Анализ актуальных теоретико-методологических основ современного корпоративного управления, таких как теории сетевой экономики, финансовой глобализации, теории неопределенности, экономико-математических инструментов в поддержке принятия управленческих решений, включающих группу методов теории нечетких множеств, теории риск-менеджмента и современных аспектов теории финансов и кредита, показал принципиальное изменение свойств и проявлений хозяйственных систем, в результате чего сделан вывод о дисфункциональности существующих технологий управления рисками в новых геоэкономических условиях в силу проявления отрицательных сетевых эффектов, гиперсистемности экономики и ограничений допустимых масштабов импликации современных аналитических инструментов.

Ключевые слова: сетевая экономика, неопределенность, сетевые эффекты, гиперсистема, риск-менеджмент, финансовый левверидж, финансовая глобализация, финансовая экономика, финансовая устойчивость, глобальная финансовая рента, долговая нагрузка, финансовый суверенитет, риски и ограничения развития

Abstract. Analysis of current theoretical and methodological background of modern corporate management, such as network economics theory, financial globalization theory, uncertainty theory, economic and mathematical instruments in supporting management decision making, including a group of methods of fuzzy sets theory, risk management theory and modern aspects of finance and credit theory has demonstrated a principal change in

properties and manifestations of economic systems, which allows to draw the conclusion that current risk management technologies are dysfunctional in modern geoeconomic environment due to manifestation of negative network effects, hypersystematic qualities of economics and limitations of available scale of implication of modern analytical instruments.

Keywords: network economics, uncertainty, network effects, hypersystem, risk management, financial globalization, financial economics, financial stability, financial leverage, global financial rent (annuity), debt burden, risks and limitations of development.

Современная мировая хозяйственная система демонстрирует кризис глобализма: обнажились противоречия, накопленные за весь период лидерства гигантомании и тотальной финансирования. Актуальные события на экономической и политической аренах красноречиво свидетельствуют о начале этапа проявления отрицательных эффектов горизонтальной и вертикальной интеграции планетарного масштаба, являющихся причиной потери управляемости этими гиперсистемами, что приводит к нарастанию неопределенности для корпоративных структур [1]. Существующие системы принятия управленческих решений сохраняют свою функциональность только в условиях локальных хозяйственных пространств с допустимым уровнем неопределенности.

1. *Конспирологические теории.* Сама же неопределенность из внешнего фактора преобразовалась в источник управленческого потенциала, т. е. искусственное формирование неопределенности, или, например, информационной асимметрии, перешло из статуса околонучных гипотез во вполне оформившееся теоретическое направление конспирологии, дающей крупным системам новые инструменты управления и моделирования хозяйственной среды в своих интересах. Так, в сборнике монографий «De Conspiratione», составленном российским социологом А. Фурсовым, отмечается, что неустойчивые системы нуждаются в регулировании надсистемами, а капитализм как раз и является той хозяйственной моделью, которая формирует неустойчивые национальные хозяйственные системы, нуждающиеся в управлении из глобальных центров [2]. Однако такой механизм управления при отсутствии полноценной обратной связи из центров управления вынуждает хозяйствующих субъектов изыскивать пути нивелирования неопределенности путем вывода ее из поля потенциальных угроз. Сетевая экономика предоставляет эту возможность путем трансляции стандартов деятельности по ячейкам сети. И до определенного момента эта технология позволяла обеспечить искомый уровень управляемости крупных систем: информационные системы корпоративного управления (ERP, MRP, CRM), технологии обеспечения информаци-

онной безопасности, трансляция бизнеса посредством франчайзинга и т. п.

2. *Теория сетевой экономики.* Сетизация подчиняется сетевым эффектам, проявляющимся в биологических, техногенных, социальных системах сетевой формы организации. Сетизация дает массу позитивных эффектов для корпоративных структур: наращивание организационного капитала, положительный эффект масштаба от использования технологий, высокий уровень транспарентности и нивелирование неопределенности до допустимых пределов внутри сети. В условиях финансовой глобализации сетизация была поддержана ликвидностью и текучестью финансовых потоков, которые могли свободно трансгранично перемещаться внутри одной корпоративной сети, будь то крупная корпорация или группа компаний. Подобными сетевыми эффектами обеспечиваются преимущества сетевой формы организации перед другими формами, однако эти же эффекты могут обернуться катастрофическими последствиями.

Так, положительные и отрицательные сетевые эффекты были отражены в работе К. Келли, который отмечал, что при нарастании объемов сети снижается ее управляемость, а сами сетевые эффекты именовал «законами» [3]. Интересные трактовки отрицательных сетевых эффектов, проявляемых сетевой экономикой на финансовом рынке, представлены в исследованиях В. Шелепова, где автор развивает и дополняет идеи К. Келли [4]. Обобщая выводы названных исследователей, можно утверждать, что корпоративные структуры функционируют в среде, где классические законы экономики уже не работают либо работают искаженно и, что самое главное, могут подвергаться воздействиям групп интересов, что, по сути, нивелирует их объективность и устойчивость описываемых закономерностей. При этом возникают новые законы и свойства хозяйственных систем, которые проявляются в рамках альтернативных экономических теорий, а практикам преподаются в программах тренингов, курсах повышения квалификации и программах MBA.

3. *Проблемы экономико-математических измерений.* Одна из наиболее интересных идей, полезных с точки зрения и науки, и практики, была предложена в 1949 г. Дж.К. Ципфом, который утверждал, что ресурсы самоорганизуются таким образом, чтобы свести к минимуму затраченную работу, т. е. четвертая часть любого ресурса приносит три четверти искомого результата [5]. Такая закономерность известна в современной науке как универсальное гиперболическое ранговое распределение. В приложении к теории сетевой экономики можно сделать вывод о том, что данная закономерность продолжает проявляться, однако сетевые формы организации не позволяют идентифицировать, какие именно ячейки сети относятся к продуктивной четвер-

ти ресурсов, насколько эти ресурсы распылены и где именно будет сформирован позитивный потенциал.

Другой исследователь — Н. Талеб в своей книге «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости» [6, 72—75] — прямо указывает на невозможность применения аппарата математической статистики для достоверного анализа свойств и характеристик социально-экономических явлений, если исследуются нефизические величины, виртуальные, предельные значения которых не ограничены в своих диапазонах (уровень доходов и потребления, склонность к сбережению, инвестиционный потенциал). Если же аппарат матстатистики все же применить и использовать полученные результаты, например, для компаративного анализа, то нужно иметь в виду, что усредненные значения имеют смысл лишь до тех пор, пока практика не продемонстрировала хотя бы одно явление, значительно отличающееся от известных по количественным параметрам [7].

Актуальность изыскания новых направлений совершенствования инструментальных методов исследований обусловлена еще и тем, что в современных хозяйственных системах новые явления и характеристики, а также их сочетания значительно ограничивают возможность стандартизированных оценок, что ослабляет базу для принятия управленческих решений и зачастую приводит к ошибкам, которые resultируются либо прямыми финансовыми убытками субъектов, либо формированием «пузырей» на рынке активов, используемых для секьюритизации.

4. *Актуальные аспекты институциональной теории.* Институциональная теория отличается своей универсальностью. Если категорию института понимать как «набор правил игры», то эта теория и в современных условиях способна обеспечивать методологию для моделирования и управления. Сам процесс институционализации значительно ускорился под воздействием процессов глобализации, информатизации и сетизации. Более того, институционализации подлежат те порядки и механизмы, которые требуют минимума затрат — транзакционных издержек [8]. Тому масса примеров: формирование электронных сервисов государственных и частных институтов, развитие логистики всех сфер деятельности, при условии, что логистика понимается как управленческий процесс, обеспечивающий минимум затрат на перемещение ресурсов. Однако и здесь формируется противоречие: минимизация транзакционных издержек и институционализация наиболее приемлемых моделей поведения приводят к экспоненциальному возрастанию издержек переключения (switching costs) [9]. Под издержками переключения понимаются организационные, временные, финансовые и психоэмоциональные потери при необходимости переключаться на непривычный продукт либо на новый вид деятельности. По

сути, это проявление снижения адаптивности хозяйствующих субъектов к неопределенности и динамичным условиям внешней среды, но вместе с тем это — и формирование лояльности потребителя (switching cost loyalty).

5. *Теория риск-менеджмента*. Определенность или неопределенность становится главным параметром для системы управления любого масштаба. Фундаментальное соотношение риска и доходности как параметра для принятия решений в области финансирования сформировало моду на рынке труда на специалистов, компетентных в области риск-менеджмента. Основными задачами риск-менеджера являются формирование карты рисков для объекта управления и разработка релевантных инструментов и технологий нивелирования риска. Другими словами, приоритетной деятельностью риск-менеджера можно считать управление уровнем неопределенности.

Однако сетизация и интеграционные процессы, со свойственным им формированием гиперсистем, ставят перед риск-менеджерами практически невыполнимую задачу: задачу прогнозирования рисков для структуры экстратерриториальной, т. е. из-за географической распределенности функционирующей в различных типах деловой среды. К решению задач идентификации и кластеризации рисков привлекаются и когнитивные карты, и искусственные нейронные сети, и масштабное программное обеспечение, не говоря уже об интеллектуальном анализе. Сформирована целая индустрия информационных продуктов и консалтинга в сегменте *B2B*, однако действие законов Парето и Ципфа в условиях сетевой экономики и при доминировании финансовых ресурсов нивелирует позитивный эффект названных инструментов локализации и снижения неопределенности.

Во многом это объясняется тем, что в условиях динамических гиперсистем невозможно сформировать карту рисков, охватывающую все возможные варианты развития событий и исходы вероятностных прецедентов. Информационные технологии в сочетании с современными каналами связи ежедневно транслируют огромное количество информации, при этом основная задача пользователя — выделить из информационного шума те сигналы, которые значимы для развития конкретной системы. В корпоративном сегменте, безусловно, существуют и службы мониторинга, и аналитические отделы, однако практика показывает, что управление устойчивым развитием корпоративной структуры в рамках классического подхода, подразумевающего процесс «анализ накопленного опыта — анализ среды — идентификация совпадений — прогноз развития», не способно обеспечить устойчивое развитие крупной корпорации в длительном периоде и подходит только для некрупных систем, функционирующих в локальной среде.

6. *Модификация элементов теории финансов и кредита.* Изменение мирохозяйственных устоев, гегемония глобального финансового капитала, процессы интеграции и регионализации, финансовая глобализация, информатизация и виртуализация части хозяйственных процессов значительно преобразовали деловую среду, что требует изменений фундаментальных основ теории денег, финансов и кредита или хотя бы совершенствования их базовых принципов. Так, деньги давно уже не обладают внутренней стоимостью, зачастую они даже не банкноты, а цифровые записи на счетах кредитно-финансовых институтов. Деньги давно вышли из своего функционального поля и перешли в статус ресурса, символизирующего власть или возможность доминирования. Финансовая глобализация возвела финансовые ресурсы в ранг самых ликвидных, в результате чего борьба на глобальных рынках идет за дополнительные источники дохода, поскольку именно финансовые ресурсы могут обеспечить получение практически любого производственного ресурса, будь то основной капитал, технологии или финансовые активы.

7. *Дисфункциональность неоклассической экономической теории и идеологии неолиберализма.* В основу неолиберальной идеологии положена рикардианская теория международной торговли, построенная на обмене абстрактными затратами труда, которые измеряются количественно (в часах), а не качественно. Согласно неоклассической экономической теории, в результате такого обмена должно происходить выравнивание цен на факторы производства в экономиках, участвующих в международной торговле. Однако этого не происходит, поскольку такое представление об эквивалентном обмене чрезвычайно фрагментарно. Фрагментарность макроэкономических моделей и послужила источником дисфункциональности неолиберальной методологии [10]. Так, в описанном примере вместо выравнивания уровня маржинальности собственников факторов производства из разных стран, происходит закрепление специализации: развитые страны продолжают заниматься высокомаржинальными и ресурсосберегающими видами производств, остальные страны — ресурсоемкими и низкодоходными. Система неолиберальных реформ и коррекций, предпринятая во всех значимых экономиках мира, привела не к преодолению диспропорций социально-экономического развития, а, напротив, к его наращиванию и закреплению [11]. В результате разрыв между уровнем ВВП на душу населения в богатейших и беднейших странах продолжает увеличиваться угрожающими темпами, продуцируя массу не только экономических и социальных, но уже и межэтнических проблем и межконфессиональных конфликтов.

Описанные тенденции свидетельствуют о дисфункциональности устоявшейся в глобальной экономике модели экономического роста,

основанной на потреблении и высокой экспортной ориентации. В связи с этим разработка новой модели экономического роста российской экономики требует выверенного и взвешенного подхода, поскольку предпринимаемые ранее инструменты восстановления экономической динамики были ориентированы на «экономику потребительского спроса». Необходимость перехода к следующему технологическому укладу требует формирования внутренних рынков производительного потребления, т. е. фактического перехода от рынка покупателя к рынку продавца. В противном случае, некорректный пакет антикризисных мер может заблокировать саму возможность выхода российской экономики из системы циклических спадов.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Мировое хозяйство находится в перманентном фиктивном кризисе // Мир перемен. 2014. № 1.
2. *De Conspiratione* // О Заговоре. Сборник монографий / Сост. А. Фурсов. М., 2013.
3. *Келли К.* Новые правила для новой экономики: двенадцать принципов преуспевания в бурно меняющемся мире // Знание — сила. 1998. № 4.
4. *Шелепов В.Г.* Финансово-кредитная и налоговая политика в системе обеспечения роста экономики. Ростов н/Д, 2014.
5. *Reed W.J.* The Pareto, Zipf and Other Power Laws // http://www.math.uvic.ca/faculty/reed/Econ_letters.pdf (access date 11.08.2014).
6. *Талеб Н.Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2012.
7. *Taleb N.N.* On the Biases and Variability in the Estimation of Concentration Using Bracketed Quantile Contributions // <http://EconPapers.repec.org/RePEc:arx:papers:1405.1791> (publication date: 11.2014, date of access 25.11.2014).
8. *Вольчик В.В.* Теоретические подходы к идентификации транзакционных издержек // Journal of Economic Regulation. 2014. Т. 5. No. 1.
9. *Buschken J.* Higher Profits Through Customer Lock-In: A Roadmap. Cengage Learning, 2004.
10. *Нуреев Р.М.* Методологические предпосылки современной экономической теории (Economics): тенденции развития // Научные труды Донецкого национального технического университета. Сер. экономическая. 2014. № 1 // <http://elibrary.ru/download/35807931.pdf> (дата обращения 09.01.2015).

11. Альпидовская М.Л. Проблема обострения неравномерного социально-экономического развития стран в современных условиях // Теоретическая экономика. 2014. № 4 (22).

12. Andreeva O.V. Adaptive Stability as the Conceptual Model for Managing Russian Corporate Structures in Modern Geoeconomic Environment // Review of Applied Socio-Economic Research. 2014. Vol. 8.2.

И.В. ЩЕРБАКОВ

Мотивация экономической деятельности в процессе эволюции хозяйственных систем

Большинство людей в действительности не хотят свободы, потому что она предполагает ответственность, а ответственность большинство людей страшит.

З. Фрейд

Аннотация. В статье рассматривается воздействие мотивации экономической деятельности индивида на эволюцию хозяйственных систем. Совершенствование мотивации экономической деятельности представляет собой процесс преобразования внешней мотивации во внутреннюю. Формирование внутренней мотивации хозяйственной деятельности индивида сопровождается экономией агентских издержек, образуемой при получении хозяйствующим агентом дополнительных прав или исключительности собственности. Изменение спецификации прав собственности и экономия агентских издержек, трансформируя структуру производственных издержек, влекут за собой рост совокупного общественного продукта и в конечном результате предопределяют эволюцию хозяйственной системы.

Ключевые слова: мотивация экономической деятельности, хозяйственная система, внешняя и внутренняя мотивация, производственные и агентские издержки, спецификация прав собственности.

Abstract. The article discusses the impact of the individual motivation of economic activity on the evolution of economic systems. Motivation economic activity is represented as the process of converting the external to the internal motivation. Formation of internal motivation of economic activity is accompanied by individual savings agency costs arise from the receipt of an economic agent additional rights or exclusive ownership. Changing the specification of property rights and agency costs savings, transforming the structure of production costs leads to an increase in the gross national

product and the end result contributes to the evolution of the economic system.

Keywords: motivation of economic activity, economic system, external and internal motivation, production and agency costs, specification of property rights.

В предисловии кооперативного издательства к работе А.В. Чаянова «Организация крестьянского хозяйства», вышедшей в 1925 г., безапелляционно утверждается: «Основная ошибка А.В. Чаянова заключается в том, что экономический анализ крестьянского хозяйства он подменил бесплодным психологическим анализом “мотивации” крестьянской семьи и что развитие крестьянского хозяйства он свел к ее развитию» [1, 3]. Спустя девяносто лет после выхода указанной — ставшей классической — аналитической работы по экономике в предлагаемой статье предпринимается попытка повторить методологическую «ошибку» выдающегося русского экономиста Александра Васильевича Чаянова.

Мотивация экономической деятельности индивида рассматривается не только как имплицитный конструкт, который позволяет объяснить, регулировать и прогнозировать экономическое поведение хозяйственных субъектов в различных исторических условиях производства, обмена, распределения и потребления создаваемых благ. Цель настоящей работы — проследить логику изменения мотивации экономической деятельности в процессе эволюции хозяйственных систем. Мотивированный человек выступает инициатором совершенствования техники и технологии, своей деятельностью изменяет организацию экономического взаимодействия и способствует трансформации институциональной среды. При отсутствии возможности привлечения экзогенных ресурсов для экономического развития остается обращаться только к способностям человека, к активности и рациональности его действий.

В экономической теории изучению мотивации деятельности хозяйствующих субъектов не уделяется столь пристального внимания и не направляются значительные исследовательские ресурсы на разработку собственных теоретических схем, как это происходит в социологии или психологии, где существуют десятки теорий и концепций, проясняющих суть данного конструкта.

Согласно неоклассической экономической парадигме, действия экономических агентов полностью контролируются функцией полезности или выгоды индивида, обладающей бюджетными и временными ограничениями. Экономическое поведение индивида в данной модели формируется действиями, направленными на максимизацию функции полезности или выгоды. Поведение экономических агентов становится

строго детерминированным, представляющим пошаговый выбор из имеющихся альтернатив, на основе оценки выгоды или пользы лица, принимающего решение. «Какой бы философии мы ни придерживались в вопросе о мотивации человеческого поведения, — пишет Ф. Найт, — факт остается фактом, люди действительно выращивают больше хлеба, чтобы откормить больше свиней и купить больше земли для того, чтобы вырастить еще больше хлеба для того, чтобы откормить еще больше свиней для того, чтобы купить еще больше земли...» [2, 302].

В данной теоретической конструкции использование мотива для объяснения, регулирования и прогнозирования экономического поведения становится излишним. И если он рассматривается, то больше напоминает инстинкт по удовлетворению витальных потребностей человека. Подобно тому, как падение в крови человека содержания питательных веществ вызывает чувство голода, экономический агент, исходя из объема имеющихся ограниченных ресурсов, рефлексивно максимизирует выгоду или извлекает для себя пользу. Инстинктом объясняются многие экономические отношения. Так, например, движущую причину развития собственности Ю.Я. Ольсевич видит в инстинктивной основе: «Частная собственность развивается на базе развития производственных способностей человека и разделения труда, однако и движущей причиной служит всеобщий инстинкт присвоения. Частная собственность в крупных масштабах накапливается в силу того, что существуют агрессивные и способные индивиды, в психике которых этот инстинкт абсолютно доминирует, превратившись в инстинкт накопительства, тогда как большинство населения обладает иной психикой» [3, 36].

На отсутствие масштабных теоретических разработок в экономической науке самого конструкта мотивации экономической деятельности индивида обращал внимание Д. Норт [4, 43]. Недостаточность теоретических разработок мотивации в экономической теории Д. Норт связывал с доминированием теории рационального выбора при объяснении экономического поведения индивида, при этом мотивацию деятельности человека он представлял следующим образом: «В строгой социобиологической модели мотивацией индивида служит максимизация его способности к выживанию. Иногда — но не всегда — такая мотивация совпадает со стремлением к максимизации личной выгоды» [4, 43].

В специализированном научном направлении по изучению мотивации человека — психологии, при наличии огромного множества схем и концепций долгое время отсутствовали теории, детально согласующиеся с детерминантами поведения, принятыми в экономической науке. Экономическая деятельность является неотъемлемой социаль-

ной составляющей целенаправленной человеческой жизнедеятельности. Нарастающие ограничения всевозможных видов ресурсов распространяются на все виды деятельности индивида и ведут тому, что в структуре мотивов современного человека экономические начинают занимать доминирующее положение. Ограниченность ресурсов повышает ценность доступа к ним и выгоду исключительности прав на них. Типичные неэкономические мотивы, как, например, гордость, стремление к успеху или соперничество, приобретают экономическое измерение и оцениваются индивидом по соотношению частных и общественных издержек. Экономическая деятельность становится доминирующей формой жизнедеятельности человека, и логично предположить, что в поле исследований экономической науки проблема мотивации хозяйственной деятельности индивида должна занимать значительное место.

Сближение экономической и психологической модели человека позволяет использовать взаимные достижения данных наук для решения мультидисциплинарных проблем, в частности, проблемы мотивации. Психологическая наука в рамках теории самодетерминации Э. Деси, Р. Райна [5] и институциональная экономика устанавливают единые детерминанты поведения индивида. Теория самодетерминации предлагает в качестве ключевых регуляторов поведения рассматривать системы поощрения и наказания, действующие нормы и правила, а также свободу действий индивида. Институциональная экономическая теория устанавливает в качестве основных стимулов хозяйственной деятельности системы экономического стимулирования и санкционирования (ставка заработной платы, налогообложение, действующие цены и т. д.), институты и спецификацию прав собственности. Структуру стимулов в экономике формирует институциональная среда общества. В хозяйственной практике данные стимулы действуют не изолированно друг от друга, а совместно, оказывая агрегированное воздействие на экономическое поведение. В процессе трудовой деятельности, кроме полной исключительности на рабочую силу, работник наделяется дополнительными правами собственности на ресурсы, необходимые ему для выполнения производственных обязанностей. Предпринимательская деятельность подлежит обязательному налогообложению и экономическими санкциями за неуплату налогов и сборов.

Стимулы, становясь частью внутреннего мира хозяйствующего агента или интернализированными, образуют экономическое поведение, которое сопровождается различным уровнем внешних подкреплений, которые регулируются величиной издержек по принуждению, контролю и надзору за деятельностью. Интернализация экономических стимулов ранжирует их по степени трансформации внешних побуждений во внутренние. Более интернализированные стимулы эффективно вли-

яют на формирование внутренней активности индивида и требуют меньшей величины агентских издержек, и, наоборот, менее интернализованные стимулы сопровождаются большей величиной трансакционных затрат.

Согласно теории самодетерминации, в зависимости от того, какие стимулы преобладают, последние образуют различные уровни интернализации и формируют у индивидов внутреннюю или внешнюю мотивацию хозяйственной деятельности. Мотивированная внутренняя активность основывается на интересе, удовлетворенности от действий индивида и может служить самоцелью деятельности. При активизации деятельности, сформированной на внутреннем вознаграждении (интересе, удовлетворенности, увлеченности), доминирует внутренняя мотивация. Внутренне мотивированная активность выступает признаком повышенной автономии и компетенции человека. При внутренней мотивации сама активность человека служит ему вознаграждением.

Из перечисленных экономических стимулов, собственность обладает повышенным уровнем интернализации, который предполагает наличие у индивида большей автономии и компетенции, а также требует повышенной активности в управлении собственными ресурсами. При увеличении набора прав и степени их исключительности у индивида формируется внутренняя мотивация хозяйственной деятельности. Собственность требует от индивида самостоятельности в постановке цели деятельности и в оценке эффективности их достижения. Одновременно собственность формирует экономическую ответственность индивида, соизмеримую со своей стоимостной оценкой. Образуется стиль поведения с высокой степенью свободы в принятии решения, требующий высокого уровня компетенции и автономии в использовании прав собственности.

При преобладании в структуре стимулов системы экономического стимулирования и санкционирования в виде заработной платы снижается уровень интернализации, поведение индивида контролируется внешней мотивацией. Цель и задачи хозяйственной деятельности, а также результаты ее оценки самостоятельно не определяются индивидом, а устанавливаются во внешней среде. Поведение индивида полностью контролируется заработной платой или премией. Для данного экономического поведения характерны более низкий уровень самостоятельности и, как следствие, пониженные требования к компетенции и автономии по сравнению с внутренней мотивацией. Экономическая деятельность, контролируемая внешней мотивацией, требует повышенных издержек по принуждению, надзору и контролю за хозяйственными действиями индивида.

Выделение внешней и внутренней мотивации хозяйственной деятельности позволяет включить в модель экономического поведения

индивида его субъективную интенциональность. С позиции психологических исследований Э. Деси и Р. Райна [6], интенциональность индивида учитывается как внутренне или внешне воспринимаемый хозяйственным агентом локус казуальности. Локус казуальности показывает восприятие индивидом необходимости хозяйственных действий как собственных, так и императивно установленных внешней средой. При доминировании внутренней мотивации реализуется внутренне воспринимаемый локус казуальности, при внешней мотивации — внешний.

Мотивация хозяйственной деятельности представляет собой результат интернализации индивидом набора действующих экономических стимулов. Повышение действенности мотивации в процессе хозяйственной деятельности происходит за счет уменьшения императивного воздействия внешней среды путем получения индивидом дополнительных прав и (или) исключительности собственности и, как следствие, образования экономии агентских издержек. Мотив определяет не просто причину хозяйственной деятельности, а выступает имплицитной процедурой самоопределения хозяйствующего субъекта в экономической реальности при наличии ресурсов, действующих институциональных условий, а также врожденных и приобретенных способностей.

Эволюция мотивации экономической деятельности выражается в устойчивой тенденции преобладания внутренней мотивации над внешней мотивацией применительно ко всем формам экономической деятельности. Для предпринимательства это означает становление ее в качестве основной формы хозяйствования, вовлечение в эту деятельность широких слоев общества и развитие малого бизнеса. Что касается трудовой деятельности, то усиление внутренних мотивационных образований можно проследить на примере развития форм трудовой деятельности от принудительного труда до наемного, от труда на подряде до современных форм самозанятости. Повышение внутренней активности трудовой деятельности основывается на создании множества новых специальностей, обусловленных углублением общественного разделения труда, которые полно и всесторонне учитывают разнообразные способности человека. Неуклонное развитие техники и технологии предъявляет требования к росту квалификации труда, к повышению его творческой составляющей и сопутствующей этому увлеченности индивида.

Общая логика эволюции хозяйственных систем лапидарно сформулирована К. Марксом в работе «К критике политической экономии»: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридиче-

ским выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы» [7, 7].

С позиции современных экономических воззрений развитие производительных сил представляет собой совершенствование техники и технологии, которое в свою очередь изменяет структуру и величину производственных издержек общества на создание благ. Развитие производственных отношений отражается в изменении структуры трансакционных издержек. В первую очередь меняются издержки по принуждению, надзору и контролю за хозяйственной деятельностью, или агентские издержки. По К. Марксу, противоречия между производительными силами и производственными отношениями образуются достигнутой диспропорцией между производственными и агентскими издержками. Поскольку отношения собственности служат юридическим выражением производственных отношений, то достижение новых пропорций между производственными и агентскими издержками происходит за счет перераспределения спецификации прав собственности среди участников экономического процесса.

В соответствии с логикой настоящей работы получение индивидом дополнительных прав собственности ведет к изменению структуры стимулов и способствует доминированию внутренней мотивации хозяйственной деятельности, что сопровождается уменьшением величины агентских издержек. Мотивация экономической деятельности отражает изменение баланса между производственными и агентскими издержками путем перераспределения прав и исключительности собственности. Эволюционирование хозяйственных систем достигается установлением новых пропорций между производственными и агентскими издержками, вызванным изменением спецификации прав собственности. Экономия агентских издержек в результате формирования внутренней мотивации хозяйственного субъекта должна обеспечивать перенаправление ресурсов общества на производство благ, в конечном итоге вести к увеличению совокупного общественного продукта. Мотивация экономической деятельности соответствует условиям Парето-эффективности, поскольку отчуждение прав собственности у первоначального обладателя титула собственности должно ему компенсироваться экономией агентских издержек. Данный процесс характерен как для одного экономического агента, так и для хозяйственной системы в целом. В России, в начале 1990-х гг., на предприятиях величина агентских издержек достигала экономически запретительной величины, практически соизмеримой со стоимостью производственных активов [8]. Необходимой экономической мерой, ведущей к снижению уровня агентских издержек в обмен на предоставление дополнительных прав и исключительности собственности, становится проведение масштаб-

ной приватизации, формирующей предпринимательскую мотивацию и эволюционирующую действующую хозяйственную систему советского типа. Составляющей эволюции хозяйственных систем становится процесс преобразования внешней мотивации во внутреннюю мотивацию экономической деятельности; передача хозяйствующему субъекту дополнительных прав собственности — в обмен на уменьшение издержек по принуждению, контролю и надзору за его деятельностью.

Формирование внутренней мотивации экономической деятельности способствует вовлечению в нее организационных, производственных, аналитических и других способностей человека. Действенная мотивация экономической деятельности содействует созданию устойчивой, Парето-эффективной экономической организации, предопределяет технологические новшества, устанавливает эффективные пропорции между производственными и агентскими издержками.

В экономиках отдельных государств принимаются институциональные и экономические меры по рассредоточению и ограничению прав и исключительности собственности, тем самым создаются условия по формированию действенной мотивации экономической деятельности. Т. Эггертссон [9] приводит множество примеров институционального ограничения и рассредоточения собственности в Норвегии 1980-х гг. Экономические и институциональные меры по ограничению концентрации прав собственности усиливают не только конкуренцию по производственным мощностям, но в итоге компенсируют потери общества от экономии издержек, зависящих от масштаба производства.

Итак, приведем краткие выводы.

1. Одной из составляющих эволюцию хозяйствующих систем является мотивация экономической деятельности индивида. Мотивация экономической деятельности представляет собой процесс преобразования внешней мотивации хозяйственных агентов во внутреннюю. Данный процесс сопровождается снижением агентских издержек и увеличением производственных затрат, ведущих к увеличению производства совокупного общественного продукта и созданию устойчивой Парето-эффективной экономической организации.

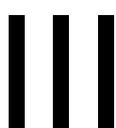
Мотивация экономической деятельности хозяйствующих агентов обеспечивает внедрение технических и технологических новшеств в процесс общественного производства и устанавливает эффективные пропорции между производственными и транзакционными издержками.

2. Внешняя мотивация хозяйственной деятельности предполагает доминирование в структуре экономических стимулов систем экономического стимулирования и санкционирования, внутренняя активность экономических действий основывается на увлеченности или интересе,

подкрепленных необходимой спецификацией прав собственности. Преобразование внешней мотивации во внутреннюю наблюдается не только в процессе развития предпринимательства, но затрагивает всю трудовую деятельность человека.

Литература

1. *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства. М., 1925.
2. *Найт Ф.* Риск, неопределенность и прибыль. М., 2003.
3. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
4. *Ольсевич Ю.Я.* О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения // *Montenegrin Journal of Economics*. 2007. Vol. 3. No. 6.
5. *Deci E.* Intrinsic Motivation. N. Y., 1975.
6. *Deci E.L., Ryan R.M.* Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behaviors. N. Y., 1985.
7. *Маркс К.* К критике политической экономии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13.
8. *Shleifer A., Vishny R.W.* A Survey of Corporate Governance // *Journal of Finance / American Finance Association*. No. 52(2). 1997. June.
9. *Эггертссон Т.* Экономическое поведение и институты. М., 2001.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Н.Н. РОСТОВА

Феномен смерти Бога в современной культуре с точки зрения философской антропологии

Ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: «Я Христос», и многих прельстят.

(Мф. 24:5)

Положение прихожанина Англиканской церкви и открытого гея сравнялись: и то, и другое вынуждает оправдываться.

Д. Грив, экс-генпрокурор Великобритании

Аннотация. В статье анализируется феномен смерти Бога в современной западной культуре. Он фиксируется, с одной стороны, в повседневном сознании, а с другой, — в философии и теологии. В повседневном сознании он выражается в идеале толерантности и внеконфессиональной религиозности. В философии — в концепции сакрального. В теологии — в использовании обезличивающей Бога онтологии Хайдеггера, введении представлений о тотальной историчности Бога, проекте демифологизации и лишении Бога сверхъестественных характеристик, редукции Бога к понятию любви и существованию для других, подмене мистической сути церкви социальным служением, т. е. в разнообразных способах имманентизации Бога. По мнению автора, смерть Бога ведет к смерти человека, которая понимается как утрата антропологической формы, конституирующей сознание. В отличие от западной христианской традиции, по мнению автора, православие держится Бога живого.

Ключевые слова: смерть Бога, смерть человека, сознание, толерантность, теология, имманентизм, внеконфессиональная религиозность, сакральное, антропологическая форма.

Abstract. In article the phenomenon of death of God in modern western culture is analyzed. It is fixed, on the one hand, in daily consciousness, and with another, — in philosophy and theology. In daily consciousness it is expressed in an ideal of tolerance and extra confessional religiousness. In philosophy — in the concept sacral. In theology — in use of depersonalizing God of ontology Heidegger, introduction of ideas of total historicity of God, the project of demythologization and deprivation of God of supernatural characteristics, God's reduction to concept of love and existence for oth-

ers, substitution of a mystical essence of church social service, that is in various ways of an immanentization of God. According to the author, the death of God conducts to death of the person which is understood as loss of the anthropological form constituting consciousness. Unlike the western Christian tradition, according to the author, Orthodoxy sticks to God live.

Keywords: death of God, death of the person, consciousness, tolerance, theology, immanentism, extra confessional religiousness, sacral, anthropological form.

Смерть Бога — не метафора, но факт, свершившийся в западном сознании XX в. В философии об этом свидетельствует теория сакрального, которая позволяет строить рассуждения о религии вне идеи Бога, а в предельных вариантах объявляет Бога антисакральным (Ж. Батай) [1]. Поразительно, но современная теология пошла по тому же пути, что и философия, вытесняя, а в конечном итоге, устраняя Бога из христианской традиции силами христианства. Удивительные свидетельства смерти Бога для теологии можно найти у митрополита Антония Сурожского, несшего свое служение в Великобритании. Например, он рассказывает о том, что русскую студентку выгнали вон с богословского семинара, проходившего в Лондоне, только из-за того, что она сказала что-то о Воскресении Христовом. Самого Антония Сурожского перестали приглашать на Би-Би-Си, потому что он говорил о Божестве Христа. По мнению работников корпорации, подобные проповеди принадлежат к другому столетию [2, 441—442]. Эти воспоминания митрополита относятся к 1970-м. Сегодня отвержение сверхъестественного выражается, например, в том, что «Обязательные основы», одобренные французским епископатом, рекомендуют исключить все ссылки на космические чудеса — утешение бури, умножение хлебов, а также упоминания об ангелах, сатане и бесноватых. Среди заповедей блаженства в них не нашлось места заповедям «Блаженны плачущие» и «Блаженны изгнанные за правду». Страшные слова Христа «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой» также «опущены». На практике подобные веяния выражаются, например, в том, что родители, по совету прихода, «чтобы не травмировать» своего ребенка вешают в его комнате не распятие, а собаку «как символ верности», т. е. как изображение, наиболее понятное детскому возрасту [3, 8—9].

Дело, однако, не просто в том, что вера рационализируется и психологизируется, но в том, что фигура Бога подменяется принципиально чем-то иным, необратимо трансформируя не только церковное, но вместе с тем и социальное пространство. Как однажды тонко подметил П. Тиллих, Америка, решая проблему отношений между Богом и ми-

ром, изобретает «средние аксиомы», которые являются посредниками между абсолютными принципами христианства и конкретной жизнью мира, как-то: демократия, достоинство человека, равенство перед законом. Проблема заключается в том, что эти аксиомы фактически стирают необходимость в непосредственности Бога. И это стало характерно не только для американского, но и для европейского менталитета, который избрал для себя в конечном итоге горизонтальное измерение. Для Европы знаковым стало подписание в 2004 г. главами европейских государств Конституции ЕС, исключившей христианство из списка источников своей культуры. Характерно, что, по замечанию западных аналитиков, только русский президент, поздравляя в 2013 г. Папу Римского Франциска с избранием, говорил о христианских ценностях, тогда как все остальные нейтрально говорили о мире, доброте и демократии [4]. Лозунг «Je suis Charlie» сегодня несоизмеримо ближе к пониманию собственной идентичности Европы, нежели христианство. Место Бога теперь занял принцип толерантности. И в этом пункте сходятся светская и церковная мысль, подтверждением чему служит диалог Юргена Хабермаса и Йозефа Ратцингера.

В этом диалоге Ю. Хабермас выступает за «постсекулярное общество», т. е. общество, которое подразумевает взаимодействие и «взаимообучение» секулярной и религиозной сфер. Фактически же речь идет о реабилитации верующих в современном мире путем признания их равноправия в демократическом диалоге со светскими позициями и благодаря «переводу» основных религиозных понятий на общедоступный язык. Удачным «переводом» такого рода Хабермас считает идею «человеческого достоинства», которая в христианстве присутствует как идея богоподобия. А Йозеф Ратцингер вторит ему: «я во многом, — говорит он, — согласен с тем, что было сказано Юргеном Хабермасом о постсекулярном обществе, о готовности учиться и взаимном самоограничении» [5, 104]. Взаимное ограничение касается двух сфер — разума и веры, светского мира и церковного. Наряду с христианством Ратцингер объявляет рациональную секулярную культуру великой культурой Запада и выступает за их «коррелятивность» в современном мире. Церковная точка зрения необходима для предотвращения патологии разума — расширения арсенала ядерного оружия, применения клонирования и т. п. А разум необходим религии во избежание патологий веры — фанатизма, приближенного к терроризму. Другими словами, и Хабермас, и Ратцингер придерживаются толерантности как основного принципа для человечества, подчеркивая, что не только единственность истины невозможна, но и всякая частная истина нуждается в другой частной истине.

Архиепископ Бруно Форте, приближенный к Папе Римскому Франциску (специальный секретарь Синода епископов), концептуализируя понятие Бога как Иного, Другого, приходит к мысли о том, что в свете этого необходимо признавать всякую инаковость. Земная инаковость есть символ трансцендентной инаковости, и «принятие одного означает принятие Другого». Начиная говорить о культурных, национальных и религиозных различиях, он переходит к приветствию «любой инаковости», призывая «открыться навстречу ценностям любой инаковости, с которой мы сталкиваемся и как отдельные индивиды, и как сообщества — понимая ее не как соперника, но как обещание и дар». Вторя Иоанну Павлу II [6], он призывает «уважать другого человека во всем его отличии» [7]. Сейчас Бруно Форте занимается вопросами либерализации отношения Церкви к гомосексуализму, проповедуя, как это иногда называют, «экуменическое отношение к стилю жизни». То есть признавая и вне официального подхода католической церкви зерна истины и позитивные моменты. В случае с гомосексуализмом, например, тот факт, что нетрадиционные партнеры все же любят друг друга, а значит не все в их связи является грехом [8]. Но признание любой инаковости и осторожные подступы к ней суть не что иное, как принцип толерантности.

Стоит только отметить, что «толерантность» вместе с тем и прежде всего есть физиологическое понятие, означающее неспособность организма противостоять антигенам. Не проливает ли свет такое понимание термина на подлинную суть проблемы человека сегодня? Принцип свободы слова сейчас, кажется, исходит из того крайнего утверждения, что, «нет ничего настолько святого, чего нельзя было бы оскорблять» [9], как однажды выразился скандально известный представитель современного искусства Ларс Вилкс. Но не обернется ли эта позиция против «святости» самой свободы слова?

Принцип толерантности заставляет Запад пересмотреть свое отношение к христианским символам, в результате чего они либо нейтрализуются, либо подпадают под прямой запрет.

Христианские символы: Keep Christ in Christmas

Нейтрализация символов — это попытка найти для них знаковый светский эквивалент, позволяющий абстрагироваться от их конкретного христианского содержания. Например, накануне 2013 г. на центральной площади Брюсселя установили не традиционную двадцатиметровую сосну из Арденнских гор, а так называемое «электронное зимнее дерево» — громоздкую инсталляцию, многим напомнившую сборку из огромных аптечных крестов, отчего ее прозвали «Аптека». В городе, однако, разгорелся скандал, и в 2014 г. эксперимент повторять

не стали. Из-за доводов толерантности в Европе все чаще возникает инициатива заменить наименования христианских праздников нейтральными светскими, например, назвать рождественскую неделю неделей скидок и распродаж или зимним праздником, праздник Всех Святых — осенними каникулами, а пасхальные праздники — просто каникулами.

В США и Европе, например, в Великобритании, стала популярна аббревиатура «X-MAS», которая заменяет рождественское «Christmas». Эту аббревиатуру можно встретить на рекламных баннерах или поздравительных открытках. Все понимают, что аббревиатура отсылает к ежегодному празднику, однако подспудно все перестают понимать, чему посвящен этот праздник. Причинитель празднества, Христос, устраняется из события абстрактным «X». Не «Христова месса», но «некая месса» становится содержанием праздника. Приверженцы использования аббревиатуры, желая избавить народ от невежества и напрасного негодования, объясняют, что «X» — вовсе не математический «х», «this misunderstanding», это непонимание сразу же развеется при обращении к истории. «X» есть не что иное, как символ Христа, используемый с древнейших времен (см., напр: [10]). Но о чем нам говорит «X»?

Христограммы, на которые ссылаются изобретатели «X-MAS», — это живые доопределяемые в вере символы христианства с конкретным содержанием. Христианский символ рыбы содержит в себе исповедание христианской веры, благодаря греческому слову «ἰησοῦς», которое можно прочесть как аббревиатуру, означающую: «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель». Символ рыбы и монограмма ΙΧΘΥΣ использовались во время гонений на церковь и позволяли христианам узнавать друг друга. Христограмма «хи-ро» (☩), или «крест Константина», содержит в себе первые греческие буквы имени Христа. Она символизирует Христа и Его победу над смертью. Монограмма из букв «альфа» и «омега», которые иногда изображаются с «хи-ро» или с «тау», означает бесконечность и вечность Бога. Монограмма ΙΗΣ состоит из первых трех букв слова Иисус. Монограмма ΙΗΣ, предположительно, раскрывает свою суть в латинских выражениях типа «In Hoc Salus» — «В этом (кресте) — спасение» и «Iesus Hominum Salvator» — «Иисус, спаситель человечества», — и символизирует спасение и воскресение. Монограмма INRI, содержащая латинское утверждение «Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum», переводится как «Иисус из Назарета, царь иудейский» и символизирует страдание. Христограмма «йот» и «хи», напоминающая русскую букву «Ж», соединяет греческие инициалы Христа — Ι и Χ. Христограмма, составленная из греческих букв «Ρ» и «Τ», «ρο» и «тау», сокрывает в себе значение распятия царя

небесного — буква «Т» символизирует крест, а буква «Р» отсылает к римскому «REX» — цезарь, царь. Но что такое «X» в аббревиатуре «X-MAS»?

То, что «X» является второй буквой внутри греческого слова «рыба», вовсе не означает, что сам по себе «X» — это символ Христа, ибо символ неделим, но всегда целостен, иначе он превращается в знак. «X» похож на крест, однако приверженцы использования новой аббревиатуры не предлагают рассматривать «X» таким образом. Идет ли речь о том, чтобы создать новый символ? Но нас отсылают к истории. История же имеет два измерения — до принятия императором Константином христианства и после. Первое — это время гонений на христиан, время, когда символ позволял сокрывать живое знание. Второе — это время торжества христианства, когда символ проник в повседневную жизнь. И в том, и в другом случае прикровенность символа связана с непосредственной данностью символизируемого. Но сегодня не времена катакомб, равно как и не торжественное время христианизации мира. Сегодня не знаемое «символизируется», но то, что попадает в реку забвения. Рождественская аббревиатура со знаком «X» — это не символ, а шифр, т. е. способ забвения Того, чье место он занимает, под предлогами обращения к древним символам и разумной экономии места на вывесках и карточках. «X» в современной аббревиатуре не имеет никакого отношения к символическому сознанию, поскольку не открывает, но, напротив, заслоняет собой содержание.

Помимо косвенных запретов на символы христианства за последние годы в Европе произошла череда резонансных событий, связанных с прямым запретом на них, причем при судебных разбирательствах суд чаще всего выступал против христиан. Например, работодатели стали ставить своих сотрудников перед выбором — крест или работа. В 2006 г. сотрудницу британской авиакомпании Надю Эвейду уволили из-за того, что она отказалась снять нательный крест на работе. Впрочем, именно Эвейде в отличие от других гонимых христиан суд пошел навстречу, признав нарушение прав человека и обязав работодателя выплатить денежную компенсацию. В 2009 г. в Великобритании сотрудницам двух разных клиник Ширли Чаплин и Хелен Слаттер руководство запретило носить крест на работе под угрозой увольнения. Начальство Хелен аргументировало свою позицию тем, что ювелирные украшения могут принести инфекцию в больницу. В 2013 г. увольнением за ношение усыпанного драгоценными камнями креста, больше похожего на украшение, пригрозили ведущей норвежского телевидения Сив Кристин Саелманн.

Под запрет попадают не только нательные кресты. В 2006 г. крест сняли с воинского мемориала в Амстердаме, который, однако, вернули

после протеста ветеранов. В 2009 г. Страсбургский суд вынес решение о запрещении распятий в итальянских школах. Правда, из-за горячих протестов итальянцев в 2011-м суд отменил свое постановление. В 2010 г. кресты были сняты со стен немецкой больницы в Бад Зодене. В том же году члены фракций Европейского парламента обратились в Страсбургский суд с протестом против присутствия креста в молитвенной комнате Европейского парламента. В 2014 г. под давлением Фонда свободы от религии (FFRF) в университете Арканзаса удалили изображения крестов с футбольных шлемов. Эти и другие запреты часто аргументируются тем, что христианский символ может оскорбить или, если имеется жалоба, уже оскорбил чувства мусульман и других нехристиан. Например, кресты больницы в Бад Зодене попали на свалку из-за жалобы пациента-мусульманина, который заявил, что те мешают ему выздороветь.

Аналогичные случаи происходят и с рождественской символикой. В 2012 г. администрация датского города Коккедал запретила установление рождественской ели. В том же году в Санта-Монике (США) христианам пришлось устраивать рождественские мероприятия на частной территории, поскольку в городском парке муниципальные власти города делать им это запретили. Как лозунг христиан современного мира звучит тема рождественского парада, предложенная в 2014 г. в американском городе Пьемонт: «Keep Christ in Christmas». И как свидетельство о положении христиан в некогда христианском мире воспринимается решение властей города об изменении этой темы со ссылкой на то, что она не может быть пригодна для светского праздника.

Не только христианская символика, но и принадлежность к христианству как таковая вызывает осуждение. Как сообщает Доминик Грив, «сотрудники фирм в наши дни сталкиваются с риском потерять работу, если имеют склонность обсуждать вопросы, касающиеся веры, в трудовые дни» [11]. Например, с английского завода «Бентли Моторс» в 2012 г. уволили священника Фрэнсиса Кука, который проработал там 10 лет, из-за того, что его присутствие может оскорбить нехристиан. В 2013 г. в США учителя из Нью-Джерси уволили за то, что тот, отвечая на вопрос любопытного ученика о происхождении фразы «Последние станут первыми», дал почитать ему Библию. В том же году в США выпускнице школы Нью-Йорка запретили в своей речи упоминать о Боге. В 2014 г. в США школьнице из штата Теннесси, обратившейся к чихнувшему с традиционной фразой «Bless you!» («Будь благословен»), сделали замечание о том, что подобные формулировки уместны только в церкви, и временно отстранили от занятий. В том же году во Флориде учительница запретила ученику читать Библию в классе в

специально отведенное для чтения время. В Колорадо ученикам не позволили собираться в учебное время для совместных молитв и разговоров на религиозные темы. В Калифорнии в одной из школ изъяли всю христианскую литературу, в том числе Библию, якобы по желанию родителей. Правозащитники теперь ведут свое расследование. А один из американских христианских колледжей отказался от своего именованья «Крестоносцы», которое получил с момента своего основания в 1968 г. Президент колледжа объяснил это тем, что «времена меняются». Христианство вытесняется не только из рабочей сферы и светских учебных заведений, но и из христианских школ. Сейчас в Великобритании двум христианским школам департамент по стандартам в области образования угрожает сокращением финансирования и даже закрытием из-за того, что, по мнению чиновников, в них формируют у детей «дискриминационные взгляды». К такому выводу они пришли после опроса учеников на тему гомосексуализма и других религий. Массовость притеснений христиан привела даже к созданию в Австрии специального Центра исследований нетерпимости и дискриминации по отношению к христианам, который регулярно готовит информационные и статистические доклады.

Христианство становится настолько маргинальным, что теряет под собой законную почву. Оно становится косвенно, а порой и прямо наказуемым. Для него остается только место приватного, скрытого от окружающих. Христианство оказывается на задворках европейского сознания. Сегодня только Либерия может призывать Всевышнего на спасение от вируса Эбола, о чем язвительно сообщают либеральные газеты [12].

Попытка нейтрализации христианских символов, вытеснение христианства в сферу личного дела наряду с продажей храмов и осквернения христианских святынь позволяют Доминику Гриву говорить о достигнутом равенстве между христианами и гомосексуалистами в смысле их маргинальности. Однако, если христиане действительно сегодня на Западе становятся маргиналами, то о положении гомосексуалистов подобного сказать нельзя.

Традиционные ценности

Напротив, нетрадиционные ценности сегодня особенно бережно охраняются законом, тогда как традиционные христианские ценности представляются в роли агрессоров. За квалификацию гомосексуализма как греха или за отказ представителям нетрадиционной ориентации в причастии в Европе и Америке сегодня могут наказывать. Например, в Великобритании в 2008 г. суд приговорил англиканского епископа к штрафу и направил на переподготовку за то, что тот отказался принять

гей-активиста на работу, связанную с общением с молодежью. В 2004 г. в шведском городе Боргхольм известного пастора Оке Грина приговорили к месяцу тюремного заключения за то, что во время проповеди он осуждал гомосексуализм и назвал гомосексуалистов извращенцами, которых дьявол использует в борьбе против Бога. Поведение пастора подпало под недавно появившуюся в Уголовном Кодексе статью об ответственности за неуважение к меньшинствам. Лишь апелляционный суд оправдал пастора. В 2010 г. в Великобритании провел ночь в тюрьме и заплатил штраф в 1000 фунтов американский уличный проповедник. Компания целующихся гомосексуалистов окружила его и начала спрашивать, что он об этом думает. Проповедник сказал им, что в глазах Бога это грех. Тогда группа обратилась в полицию. Подобным арестам подверглись и другие уличные проповедники за публичные высказывания относительно греховности гомосексуализма. В том же 2010 г. в Нидерландах в полицейском участке пришлось оправдываться священнику после того, как он отказал в причастии гомосексуалисту. Священник сослался на то, что, согласно Церкви, содомия — тяжкий грех. Гомосексуалист обратился в полицию. Недовольного тут же поддержали активисты нетрадиционной ориентации, устроив акцию протеста в церкви. В 2010 г. испанской католической телекомпанией пришлось заплатить штраф 100 тыс. евро за выпуск в эфир рекламных роликов, пропагандирующих семейные ценности. Осенью 2014 г. в Хьюстоне разгорелся скандал. Мэр города, сама принадлежащая нетрадиционной ориентации, заявила о «чистке» проповедей местных священников на предмет гомофобии и высказываний по гендерной тематике. Администрация города потребовала под угрозой суда исключить подобные высказывания из публичных выступлений и выказала готовность проверить письменные варианты проповедей ряда представителей духовенства.

В отличие от значительного числа протестантских церквей, благословляющих гомосексуальные союзы и посвящающих в сан гомосексуалистов, католическая церковь в этом вопросе придерживается традиционных взглядов. Но СМИ делают свою работу, приучая аудиторию к мысли о том, что католицизм вполне совместим с гомосексуализмом. Например, в либеральной прессе на первой полосе можно увидеть заголовок «Папа хочет признать нетрадиционную семью» [13]. Конечно, из текста статьи, помещенного уже на другой полосе, выяснится, что гомосексуализм католическая церковь «однозначно считает грехом», но читатель уже вовлечен в игру технологии по превращению табуированного в норму.

С точки зрения антропологии торжество гомосексуальных ценностей в Европе весьма симптоматично. Оно обнаруживает старость Ев-

ропы, ее культурную вялость. Каким-то искусственным образом прогрессивный протестантизм сегодня пытается привить христианству третий путь. Не путь духовного плодородия, выразителем которого является монах, не путь мирского, но освященного Церковью, плодородия, связанного с идеалом супружества, но путь удовольствия. Удовольствие — удел бесплодных стариков. Современный гомосексуализм освещает постаревшее лицо западного христианства, о чем задумываются и сами западные христиане. На конференции по гомосексуальным бракам, прошедшей в 2013 г. в Госдуме, французские делегаты заявили: «Европейской цивилизации приходит конец, вся надежда только на Россию и Православную церковь» [4].

Дело не только в том, что гомосексуализм прямо противоречит христианству. Главным здесь является аргументация, защищающая нетрадиционные ценности. Вновь человек и его права поставлены во главу угла. Субъективность для Запада выступает сегодня высшей ценностью, упраздняя любые другие ценности.

Люди-popes

На частном антропологическом уровне смерть Бога выражается в психологизации религии и синкретическом мировоззрении. Религия начинает восприниматься как вид психотерапии. Но смысл религии и психотерапии противоположен, ибо психотерапия имеет своим пафосом примирение человека с миром и с самим собой. Она помогает человеку социализироваться и обрести заветное чувство «я сам», т. е. чувство, говорящее человеку: «я делаю себя сам, а значит, имею на себя права». Религия, напротив, требует от человека порвать все связи с миром и велит ему жить в мире этом, но по законам мира иного, центрируя сознание Богом. Синкретизм, позволяющий человеку одновременно утверждать то, что он является буддистом, христианином и последователем Кастанеды, есть не что иное как избирательная толерантность на частном уровне, т. е. примирение истин, каждая из которых сама по себе есть полнота. Такое состояние сознания скорее свидетельствует о собственном хаосе и разрозненности, нежели о широте.

Если в философии жажда тотальных смыслов и сверхрационального вне Бога приводит к появлению философии сакрального, а в теологии — нетеистического теизма, то на уровне повседневности можно говорить о феномене верующих без предмета веры. Появляются так называемые люди-popes — те, кто на вопрос о принадлежности к какой-либо конфессии отвечает «попе», т. е. ни к какой, но при этом считают себя верующими — в высшую силу, разумное начало, внецерковного Иисуса Христа и т. п. В социологии это явление веры, которой тесно в рамках институтов, установлений и догматов и жаждущей

непосредственности Бога, иногда называется диффузная религиозность (Р. Чиприани, 1988), рассеянная религиозность, внеконфессиональная религиозность, постатеизм и др. [14, 28]. М. Эпштейн называет его «бедной верой», «minimal religion», объясняя, что бедной эта вера является потому, что «почти ничего не имеет в этом мире: ни храма, ни обряда, ни установленных правил, одну только обращенность к Богу здесь и сейчас» [15, 28]. Но вера вне установлений, догматов и культа, вне определенного содержания, есть приватная вера, вера на свой вкус. Что бы в данном случае не провозглашалось в качестве предмета веры, это всегда будут субъективные переменчивые представления человека. Бог вне религии есть индивидуальный Бог, т. е. частные состояния субъективности.

Церковь, в свою очередь, идет навстречу тем, кто ее сторонится. Например, в Голландии при одной из протестантских общин Оостерпаркерк, причем консервативного направления, создано церковное движение «Стром» (голл. «строом», «течение»). Община учитывает главную, как установил Нидерландский центр исследования о религии и обществе Каски, потребность молодых верующих Голландии — самостоятельный духовный поиск и индивидуальный характер веры. «Строом» проводит свои встречи в кинотеатре в то время, когда в самой общине идут богослужения, и допускает «прихожанам» проводить эксперименты, дебаты и брать из религии только то, что им близко. Пастор общины оправдывает такую форму церкви тем, что она в отличие от обычных тренингов духовного роста пробуждает в прихожанах стремление жить для других. Однако «жить для других» не есть собственно христианство. «Жить для других» — это проявление альтруизма, который возможен вне Бога. А брать из христианства только то, что сочтешь нужным, значит, стоять вне христианства. Это не единственный пример такого подхода церкви к верующим. Другая голландская протестантская церковь Ниуве керк (Новая церковь) привлекает мирян встречами в кафе, где проходят разговоры на наболевшие темы и практикуется самопознание на основе Библии. Но не есть ли это та же разновидность внеконфессиональной религиозности?

Оборотной стороной этой попытки найти Бога вне религии является построение религии без Бога. Блуждающая субъективность здесь формирует надежную институциональность. Речь идет о деловой сфере и корпоративной культуре, которые пропитываются религиозным духом. Главы корпораций обожествляются, как, например, Стив Джобс, изображающийся на плакатах с нимбом на голове и планшетом в руках, наподобие Библии. Магазин «Apple» в Ковент-Гарден приглашает посетителей на небеса. Стеклопанельная винтовая лестница, украшающая его интерьер, будто скопирована с картины Уильяма Блейка

«Лестница Иакова». Западные компании развивают идеи корпоративной религии. Если сегодня конкурируют не товары, но идеи, то сила компании, считают менеджеры, заключена в ее философии. Брэнд неразрывно должен быть связан с ценностями, которые, собственно, и подлежат продаже. Вера сотрудников в сверхмиссию и ценности фирмы транслируется потребителям и рождает вместе с их верой спрос [16]. Возможно, с точки зрения конкурентной борьбы корпораций, эта позиция имеет под собой основания, однако она влечет прямой запрет на то, чтобы говорить о Боге. Ветхий Завет об этом говорит очень точно: не сотвори себе кумира. Бог и «кумиры» — взаимоисключаемые величины. Там, где есть кумир, претендующий на то, чтобы охватить все чаяния, желания, душевные ориентиры человека, там нет места Богу. Если мир в аскетическом смысле — это то, что крадет человека у Бога, то таким образом окрашенный мир, окрашенный в святость и верховную ценность, это мир, окончательно украсивший человека у Бога. Теперь ему не противостоит Бог. Он сам как Бог.

Как в случае с поисками Бога вне религии, так и в случае попыток найти религию без Бога, речь идет о редукции трансцендентного к имманентному измерению — субъективности или социальности. Такая редукция есть свидетельство смерти Бога.

Смерть Бога в западной культуре подготовила не только философия, но главным образом теология. Выдающейся эта роль теологии является потому, что ее представители действовали изнутри, используя средства христианства против христианства.

Теология

Смерть Бога в теологии — это не частный феномен богословской мысли 1960-х гг., связанный с работами Т. Альтицера, Г. Ван Бурена, У. Гамильтона, Г. Ваханяна и др. Это то, что обнаруживает себя как навязчивая идея современной западной теологии. Об этой навязчивости говорит не только обилие теологических конструкций, пытающихся исключить Бога из христианства, но и цепь ревностной взаимокритики теоретиков, осуждающих друг друга за недостаточный радикализм. Барт критикует Тиллиха. Бонхеффер критикует Барта и Бульмана. Бульман критикует Барта. Тиллих и Альтицер, в свою очередь, критикуют Бонхеффера. Одновременно Кокс критикует Тиллиха, Барта и Бульмана. В этом смысле о радикализме стоит говорить не локально, но как о ведущей характеристике современной теологии. О смерти Бога свидетельствуют попытки теологов использовать в качестве основания своих концепций обезличивающую Бога онтологию Хайдеггера, введение представлений о тотальной историчности Бога, проект демифологизации и лишение Бога сверхъестественных харак-

теристик, редукция Бога к понятию любви и существованию для других, подмена мистической сути церкви социальным служением. То есть разнообразные способы имманентизации Бога, делающие его подручным и понятным современному человеку, а нередко — и зависимым от него.

Так, в западной теологии появилась целая плеяда мыслителей, попытавшихся ввести философию Хайдеггера в теологический дискурс. Наиболее яркими представителями такого подхода стали П. Тиллих и К. Ранер. Пауль Тиллих введет представление о «Боге над Богом», о Боге как имени глубины и основы бытия. То есть заменит личного Бога «надличным присутствием божественного». Карл Ранер вульгарному онтологизму, т. е. представлению о Боге-Личности, противопоставит понятия трансцендентального опыта человека и «Куда» и «Откуда» этого опыта. Упраздняя понятие личности Бога, хайдеггерианский подход в теологии ведет к устранению онтологических иерархий, представления о трансцендентности и обособленности Бога, превращая конкретного потустороннего Бога в абстрактный имманентный принцип бытия.

Р. Бультман инициирует проект демифологизации Нового Завета, сводящий мифы к вторичным элементам религии. Освободив веру от сверхъестественных элементов, он превратит Бога в чистую абстракцию. В конечном итоге проект демифологизации приведет к представлению о Боге «как источнике моего беспокойства» (Г. Браун), как о том, «что совершается между людьми» (Д. Зелле). Д. Бонхеффер провозгласит о совершеннолетии современного человека, для которого Бог перестает быть «аварийным выходом» в неразрешимых ситуациях. Бог совершеннолетнего человека — это тот, кто существует для других. Христос существовал для других. И в этом заключается его трансцендентность, а не во всемогуществе и всезнании. Богопознание — это причастие бытию для других. Дж. Робинсон аккумулирует труды Бультмана, Бонхеффера и Тиллиха и сформулирует свою теорию, согласно которой Бог есть любовь и присутствует как отношение к другому. То есть редуцирует христианство к гуманизму. Т. Альтицер, Х. Кокс, а также представители теологии процесса и теологии надежды лишат Бога субстанциальности и поместят его во время, вплоть до тотальности, как это получится у Альтицера.

Если теории перечисленных авторов характеризуют мысль XX в., то о ситуации на рубеже XX — XXI вв. говорят концепции Дж. Капуто, В. Каспера, А. Хаутепена и Дж. Алисона.

Смерть смерти Бога

Теология в лице Джона Капуто предложит компромиссную концепцию «слабой теологии», которая исходит не из силы и авторитарности Бога, но из его любви. «Сегодня, — говорит Капуто, — Маркс, Ницше и Фрейд мертвы, а Бог чувствует себя прекрасно» [17, 203]. То есть происходит смерть смерти теологии, виновником которой оказывается сам Ницше, подсказавший религии, что идея смерти Бога есть, равно как и другие идеи, лишь ситуативный способ объяснения мира. То есть Ницше попался в собственную ловушку. Так начинается пост-секулярная эпоха, которая, пройдя школу Ницше, «не строит иллюзий относительно Чистой Объективности», «не обманывается идеей Чистого Разума», не сожалеет о «крахе иерархической концепции нисходящей сверху и всепроникающей власти и крахе фундаментальных метафизических систем» [17, 201], для которой исчезает метаязык и метанаррации. Нет, говорит Капуто, такой вещи, как неискаженная перспектива. «Не существует непринужденной силы чистого разума или идеальной речевой ситуации, взгляда из ниоткуда или вневременного, необусловленного исторически ответа; на большинство вопросов нет единственного правильного ответа. Существует множество различных и конкурирующих верований и практик, и мы должны предпринять все мыслимые усилия, чтобы дать им место, позволяя цвести всем цветам. В том числе и цветам религии» [17, 202]. Таким образом, после смерти Бога приходит неметафизическая плюральная божественность, не претендующая на авторитетность, трансцендентность и абсолютность. Последние слова кажутся избыточными, Капуто лишь вторит тезису Ницше о том, что божественность — это не Бог, но боги. Этот ницшеанский подход он находит в самой библейской традиции, полагая, что он тождествен библейской критике идолов, а Ницше подобен Моисею, боровшемуся с золотым тельцом, и Павлу, предупреждавшему коринфян об опасности философских идолов. Забывая, однако, что Моисей и Павел были движимы абсолютной истиной единственного Бога.

Смерть Бога и смерть теологии заставят Вальтера Каспера заговорить о «богословском богословии». Но под этим лозунгом он понимает возврат к священному, трактуя Бога в духе Ранера не как реальность, но как всеобъемлющий ответ на экзистенциальные вопросы человека. Признавая за понятием личности Бога субъектность и суверенность, Каспер, тем не менее, как и Тиллих, полагает, что атеизм может выполнить очистительную функцию в области веры, освобождая дорогу богословию тайны. Неопределенной трансцендентности он противопоставляет Бога людей, нисходящего к ним в условиях пространства и времени [18].

Антон Хаутепен, констатируя, что сегодня «такой величины, как “Бог в Европе” — если верить социологическим исследованиям, больше не существует» [19, 54], и квалифицируя сознание современного европейца как «агнозис», т. е. забвение Бога, решает на новую попытку сделать вопрос о Боге открытым. Ведь вне Бога, по его мнению, исчезают смыслы и история, а человек редуцируется к конечному. Однако он пойдет тем же, по его признанию, не принесшем результаты путем, что и его предшественники, переживающие «безумный» клич Ницше, — путем «уступок», «капитуляции» перед критикой Нового времени, путем «нового синтеза церкви и мира», который, по его замечанию, нашел удачное выражение в названии книги Юнгеля: «Бог как тайна мира». «Бог, — пишет об этом пути Хаутепен, — это самая сокровенная тайна мира... Бог не является необходимостью, это не решающий фактор для объяснения сущности *saeculum*, космоса и *humanum*. Но он больше, чем необходимая, беспричинная свобода, это избыток любви, будущее, это истинный *agheton*, неопределимый, непостижимый, невыразимый... Таким образом, о Боге, поработившем людей, или о теократических притязаниях церкви в современном богословии не может быть и речи» [19, 53]. Именно этого Бога не как данность и суверенность, но как любовь и призрак, предложит вновь Антон Хаутепен. Вопрос о Боге для него не проект, но основной тезис. «Бог, — пишет Хаутепен, — это гипотеза» [19, 400]. А «сущность веры в Иисуса заключается в открытости вопроса: был ли он человеком, пришедшим от Бога...» [19, 311]. Что же безусловно? Жизненные ценности, которые заключены «в самой сущности вещей и определяют свойства человеческого бытия» [19, 192—193]. То, перед чем мы испытываем благоговение и трепещем, — защита окружающего мира от расточительства и загрязнения, справедливости — от коррупции, прав человека — от дискриминации, равноправия — от узурпации и т. п. [19, 192] Вне этих ценностей «вера окажется явлением внешним и станет пустым ритуалом, постепенно превращаясь в чародейство» [19, 196]. Гуманизм Эразма и Гуго Гроция Хаутепен называет «лучшим из всего, что породили авраамические религии» [19, 337]. После нового прочтения Писания А. Хаутепен полагает, что «Бог станет чистой свободой и любовью, дарованным будущим, в которое мы можем отправиться, жизнью и бытием на веки вечные. Бог станет в этом будущем призывом к вере и надежде, вдохновением, приключением человеческого бытия...» [19, 397]. Этот «смягченный» вариант Бога, потесненного гуманизмом, Антон Хаутепен дополнит призывом к толерантности и тотальному экуменизму, которые, по его мнению, должны проистекать из уважения к носителям религиозного опыта, любопытства и

осознания недостаточности любых человеческих усилий постичь тайну Бога.

По мнению Хаутепена, тезис отца Церкви Киприана «вне церкви нет спасения», направленный на предотвращение расколов, исторически был превратно истолкован как возможность применения насилия к инокомыслящим. Изменение этой позиции произошло только после II Ватиканского собора и появившихся богословских концепций «анонимного христианства» (Ранер), эсхатологической истины (Панненберг, Далферт), временной истины (Дюкок), «глобальной этики» (Кюннг), освободительной практики (Пиерис), «христоцентричного синкретизма», который наступит тогда, «когда воды Иордана, Тибра и Ганга потекут вместе, не покидая своего русла, но творя из всей воды небесные облака, которые прольют дождь над всеми людьми» (Томас, Самартха, Панникар) [19, 341].

Критикуя отдельные моменты теорий, Хаутепен поддерживает такой вариант христианства. Принимая существующий религиозный и идейный плюрализм, он видит в нем благое начало. «Речь идет, — пишет он, — об обращении с плюрализмом как с постоянным экуменическим процессом обучения, оказывающим влияние на катехизацию и литургию» [19, 343]. Авраамические традиции, по мнению Хаутепена, дополняют и корректируют друг друга [19, 347]. Все они ведут к единому Богу. Этот «здоровый плюрализм, заключающийся в оживленном всеобщем диалоге в рамках экуменического движения, во взаимодействии убеждений» [19, 362], не отвергает единственность истины. Истина онтологически и эсхатологически одна, однако эпистемологически и методически мы имеем дело с плюрализмом [19, 359]. А. Хаутепен ссылается здесь на самого Христа, который собирал своей вестью разных учеников [19, 358]. Но правомерно ли говорить о том, что плюрализм для Иисуса является «отправной точкой»? Возможно ли сравнивать единственную конкретную истину Христа (что тавтологично) перед лицом не знающих пока ее и постулирование фрагментарности истин в поисках Истины? В случае с Иисусом единственность истины есть исходный и конечный пункт. В случае с плюрализмом, признанным как путь к истине, мы имеем отсутствие истины и невозможность ее обретения, ибо истина некумулятивна.

По духу А. Хаутепену близок Джеймс Алисон. Его отличает то же горячее желание говорить о живом Боге в мире, где «Бог умер», и тот же компромиссный вариант христианства, близкий гуманизму. Взяв кьеркегоровский тон беседы с читателем, он заставляет его побывать на Трапезе Господней и испытать то же, что испытали его ученики. Для лучшего проникновения прочитанным, Алисон в конце каждой главы книги предлагает ряд вопросов на усвоение, подобно тому, как

построены учебники для младших классов. Основной тезис Алисона — человеку необходимо усвоить жертвенное сознание. Человека окружает и определяет скверное социальное иное, детерминирующее жизнь насилием. Но вместе с Христом человеку открывается суть этого насилия и возможность замещения «социально иного» «новым мирным иным», основывающим жизнь на самопожертвовании, любви, бескорыстном служении, самоограничении желаний [20, 61—62]. Новое иное упраздняет необходимость в жертвах — оно не плодит их путем насилия и избавляет от необходимости самому принять на себя роль жертвы, при помощи которой возможно манипулировать другими, ибо жертва уже присутствует в Христе. Эта всеобщая жертва выстраивает вокруг себя мир единства, основанный не на исключении, но на приятии нового образа бытия. Исключение тождественно жертве [20, 99]. «Фракционная» модель религии строится на противопоставлении, рождающем жертвы изгнания. Единство в Иисусе упраздняет любые иные способы создания единства [20, 100], которые есть не что иное как сектанство [20, 101]. Постичь Христа — значит жить без какого-либо противопоставления [20, 103]. Таким образом, концепция Алисона не только исходит из проблематичной антропологии, согласно которой человек — существо, детерминированное миром, а впоследствии вестью Христа, но и сокращает в тени и редуцирует центральные христианские положения — о грехопадении (заменено насилием мира), искуплении (акцент сделан на подражании Христа Богу в жертве и любви). В Нагорной проповеди Алисон видит речь о том, как людей меняет насилие [20, 47] и в целом в учении Христа — то, как от него можно освободиться [20, 89]. Алисон, по всей видимости, речь ведет таким образом, чтобы сделать христианство насущным, однако в результате такой редукции оно становится настолько насущным, что от гуманизма его отличает только водруженный во главу угла сияющий образ Христа, скорее подкрепляющий истины гуманизма, нежели обосновывающий их. Когда Алисон говорит об отказе от любых форм единения, кроме Христа, то равно оставляет в тени то, что само единение в Христе носит исключаяющий характер, в терминологии Алисона — характер противопоставления себя миру насилия. Единение есть вместе с тем и разделение, отделение. И здесь требуется не любовь как тепло, нежность и ненасилие, а великодушные строгости.

Примечательно, что интеллектуальные ходы и терминология западного богословия часто оказываются созвучными философии сакрального. Теология намеренно и ненамеренно идет по пути философии сакрального, чей дискурс строится на исключении фигуры Бога. Некоторые богословы прямо обращаются к философским концепциям сакрального, например, Р. Шеффлер — к теории М. Элиаде, Дж. Али-

сон — к проекту Р. Жирара. При том, что изначально сама теология оказала влияние на появление философии сакрального.

Западное сознание будто не может помыслить нечто большее, нежели человек. Не может мерить мерой большей, нежели человеческая. А. Тарковскому в кинофильме «Ностальгия» удалось высказать эту мысль всего в одном эпизоде, когда итальянка, зайдя в храм, не смогла преклонить колени перед иконой. Молодые стройные ноги, словно колоды, не смогли согнуться. «Я» не смогло смириться. Но упразднение Бога в теологии имеет прямые антропологические последствия.

Смерть человека

Смерть Бога и смерть человека — взаимосвязанные события. Фуко, желающий избавиться от антропологического сна в философии, зачинателем этого процесса называет Ницше, который объявил о смерти Бога [21, 437]. Смерть Бога знаменует смерть человека. Почему? Потому что идея Бога предполагает замысел о человеке и его сущности. Без Бога человек лишается сущности. На месте антропологической сущности оказывается бесконечность конфигураций.

Основной пафос западной теологии XX в. — прощание с трансценденциями и замена принципа абсолюта принципом плюральности. Она потерпит даже Христа, но только как идеального человека или как Бога, тотально воплощенного, т. е. утратившего сверхъестественное измерение. Она потерпит в некоторой степени и Бога, но только как «новую трансцендентность», т. е. трансцендентность, утратившую свойства трансценденции.

Создатели книги «Богословие и богословы XX века» С. Гренц и Р. Олсон описывают развитие современной теологической мысли как маятник, раскачивающийся между теориями, тяготеющими к трансцендентному пониманию Бога, и теориями, склонными к имманентизации божественности [22]. Но даже в их рассуждениях и пересказах на лицо скорее общность тенденции, нежели ее дуализм. А наиболее современные концепции в лице Алисона, Капуто, Хаутепена свидетельствуют о ее неизменности и по сей день. Называя трансцендентное основой бытия, глубиной бытия, священной тайной, любовью, будущим, демифологизируя христианство и сводя его суть к идее служения другому, помещая Бога всецело в историю, западная мысль лишь на разных ладах и с разной степенью объявленной радикальности предлагает принять имманентность Бога. Но Бог, понятый как имманентность, закрывает горизонт трансцендентности для человека. Человек тогда конституируется, как то, что он есть. Его свобода в пределе есть осознанная необходимость. Это человек дегуманизованного мира Деле-

за, где вариативность человека равна вариативности вещи. Непостижимость человека сводится к непостижимости бесконечного хаоса чужих. Гуманизм, ставящий человека на место Бога, в предельном смысле оборачивается дегуманизацией. Вместе с Богом исчезает то пространство человеческого, которое делает человека человеком.

Принцип плюрализма, вариациями которого, наиболее характерными для XX в., являются концепции тождества Бога и любви, Бога и священного, Бога и истории, сегодня выражается в принципе толерантности, позволяющем «цвести всем цветам». Но плюрализм не только перемещает Бога в план имманенции. Его суть заключается в упразднении величины абсолюта. Бог делается ситуативным и относительным, в самой своей данности недостаточным. Для человека это означает лишение упорядочивающего начала субъективности. Вне абсолюта сознание оборачивается хаосом чистой субъективности. Для антропологии эту смерть сознания можно обозначить как смерть человека. Речь идет не о смерти человеческого (субъективности), а о смерти человека (сознания). Человеческое утрачивает организующий источник, свое трансцендентное основание, дающее завязь сознанию, его порядок, преемственность и полноту. В этом же смысле стоит говорить о культе. Редукция тотальности культа к локальным практическим действиям означает смерть Формы, которой актуализируется человек. Сегодня именно в этом смысле стоит говорить о смерти человека. Не в смысле преодоления человека в сверхчеловеке (Ницше), не в смысле высвобождения мысли от мыслящего (Фуко), не в смысле заметной для самого человека антропологической катастрофы (Кожев), а в смысле утраты антропологической Формы. Смерть Бога означает смерть Формы, которая позволяет человеку быть. Человеческому сегодня недостает напористости этой Формы, оттого он погружается в хаос и упрощения.

Революция по неволе

Робинсон называет свершающуюся революцию в умах революцией по неволе. Христианство должно подстраиваться под меняющийся мир, чтобы не потерять своих последователей. Этот довод на самом деле не более чем лукавство. Скромность, с которой Робинсон задействует свой интеллектуальный и духовный потенциал в деле защиты традиционной веры, скудость проявления любви к традиции, ограничивающегося более сентиментальными беглыми неконцептуализированными замечаниями о любви к Христу, на фоне развернутой аргументации в пользу обновления христианства скорее говорят о том, что революция есть не то, что нужно кому-то, «пастве», но то, что уже давно свершилось внутри самой западной теологии и, по всей видимо-

сти, внутри западной церкви. Радикальные перемены внутри отношений «человек—Бог—Церковь» — это не волокитство, как казал бы Розанов, за паствой, презирующей религию, но объективация западно-христианского сознания. Робинсон и сам говорит о том, что не только «мир», но и «мы», т. е. христиане, стали другими. Мы не можем больше молиться. Мы не можем верить в трансцендентного Бога. Будто человек претерпел радикальную трансформацию, в результате которой утратил функциональный орган для веры в Бога. Говоря о молитве, Робинсон признается, что с юности не имел такую способность, что традиционные образцы духовного восхождения стали для него причиной «глубокого комплекса неполноценности». А самым сильным впечатлением за время обучения в теологическом колледже стало открытие того, что он далеко не одинок в этой проблеме. Робинсон пишет о беседе с товарищами: «После взаимных признаний мы постепенно стали приходить к мысли, что мы, по-видимому, не просто «неклубный» остаток, захудалая публика, которую и в прихожую-то пускать не годится. Просто мы — другие» [23, 68]. Будучи зрелым человеком, епископом, он признается: «Когда мы, клирики, говорим, что для “мирян” нужно что-то иное, мы попросту скрываем тот неудобный факт, что мы сами давно потерпели неудачу с этими старыми образцами духовной жизни, да и нашему народу не смогли вовремя предложить что-нибудь подходящее» [23, 68]. Кажется, в этих личных признаниях Робинсона заключена правда о современном западном сознании, претерпевшем необратимую трансформацию по вытеснению Бога.

Но этот функциональный орган, необходимый для веры в Бога, странным образом сохранился в пределах православной традиции.

Православие

Еретические богословы облекли Спасителя в дешевые одежды языческой философии и ложной науки... назвали Православную Церковь пренебрежительно «окаменевшей церковью»... из-за того, что эта Церковь «не приспособляется ко времени». Есть и в Православной Церкви... богословы, идущие по пути богословов еретических, считая, что Евангелие недостаточно сильно, чтобы самому себя поддерживать и защищать от бурь мира... Они всей душой с еретиками, но формально остаются в Православной Церкви. Православная Церковь как целостность отвергает таких богосло-

вов и не признает их своими, но терпит их по двум причинам: во-первых, ожидая, что они покаются и изменятся; во-вторых, чтобы... не толкнуть их под гору в объятия еретиков... а их души погубить. Эти богословы являются не носителями православного сознания и православной совести, а больными членами организма церковного.

Святитель Николай Сербский «Двести слов о вере и любви»

Многое из того, что вменяется в вину западной традиции христианства, можно встретить и в православном мире. Например, в Москве, в одном из главных парков столицы вместо рождественской елки ставят перевернутый «рожок мороженого». В главном храме страны устраивают кощунственные, с точки зрения православия, акции. Архитекторы города предлагают эскизы канализационных люков с изображением Георгия Победоносца, не задумываясь о том, что святой образ будут топтать ногами. Наряду с этим очередная международная конференция Фонда единства православных народов, состоявшаяся в феврале 2015 г. в Словении, выносит как главную тему для обсуждения — «Достоинство, права и свободы человека: христианское измерение», — явно вступая на территорию европейских светских ценностей. Однако между ситуацией в западном христианском мире и православном христианском мире разница все же есть. И в масштабе антихристианских в широком смысле инцидентов, и в их качестве, и главное — в отношении к ним официальных структур и общества в целом.

Христианские символы в православном мире не запрещаются, а открытая принадлежность к христианству не ведет к социальным притеснениям. Светскому принципу прав и свобод человека приходится считаться с христианскими ценностями. Если во Франции суд оправдывает активисток, обнажившихся в соборе Парижской Богоматери, то в России за подобные акции суд выносит наказание, а патриарх устраивает молитвенное стояние в защиту веры и поруганных святынь и только у Храма Христа Спасителя собирает десятки тысяч верующих. Эскизы для украшения колодцев Москвы так и остались эскизами, поскольку, как заключили власти, несовместимы с религиозным восприятием действительности. Нашу светскую повседневность все еще пронизывают христианские доминанты. В детских садах, например, дети по-прежнему получают задание сделать пасхальную поделку перед великим христианским праздником. А реставраторы «Геликон-оперы»,

озабоченные сведениями о некогда присутствующей иконе в зрительном зале, заказывают образ Георгия Победоносца для обновленного театра. Если толерантный Запад множит меньшинства и демонстративно делает победителем популярного европейского конкурса артиста с женским телом и мужской бородой, с которым торопится встретиться генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун при официальном визите в Австрию, то Россия заявляет о себе как о государстве с традиционными ценностями, а глава РПЦ говорит о том, что не во все страны готов ехать с визитом ввиду разных оценок нетрадиционной сексуальной ориентации.

Оправдана ли попытка организаторов христианской конференции использовать светские понятия? Замысел, видимо, состоял в том, что нашло отражение во второй части названия — «христианское измерение». То есть если Хабермас предлагает «переводить» религиозные понятия на «общедоступный язык», то здесь, по всей видимости, речь шла о том, чтобы сделать обратную работу, привести шаблонные понятия к их исконному смыслу и источнику, «перевести» на христианский язык.

В церковно-теологической сфере разница двух миров христианства столь же существенна. Обновленческое движение, обострившееся в России в 1922 г., не состоялось. Предшествовавшая этому деятельность архиепископа Сергия Страгородского, возглавившего в 1907 г. Комиссию по исправлению богослужебных книг (упрощение текста и русификация), не нашла одобрение у народа, не принявшего новую редакцию [24]. Реформу богослужебного языка и труды Комиссии по исправлению богослужебных книг Поместный Собор 1917—1918 гг. под председательством патриарха Тихона не утвердил. Хотя отдельные примеры обновленческих тенденций можно найти на протяжении всего века. Например, в рамках «парижской школы» богословия. Так, А. Шмеман желал реформировать богослужение и выступал против монашества. «Я... не испытываю никакой тяги к Феофану Затворнику и Игнатию Брянчанинову... тут что-то меня отталкивает», — писал он в своих Дневниках [25].

Явления модернизма, экуменизма, синкретизма, психологизма и стремление избавиться от сверхъестественных моментов религии в православной церкви можно встретить и в более близкое для нас время [26; 27]. Например, архиепископ Михаил Мадьюгин считал ектенью об оглашенных в богослужении, перечисление имен при поминовении живых и мертвых «словесным балластом», бесплодной потерей времени, с которой пора покончить. Он выступал за обновленческие реформы церкви, в том числе в области языка богослужения, и сам при богослужении использовал русский язык. Сегодня митрополит Илларион

Алфеев активно поддерживает реформу богослужебного языка. В центре Москвы служит о. Владимир Лапшин, оспаривающий ценность догматов и также выступающий за реформу языка богослужения, канонов церкви, ее календаря и агиографического наследия. Ревнители чистоты православия причисляют священника РПЦ и ректора Свято-Филаретовского православно-христианского института Георгия Кочеткова к сектантам, называя его деятельность «кочетковщиной», поскольку тот не просто выступает за литургическое новаторство в церкви, реформу языка, догматическую свободу и ставит под вопрос богодуховенность Писания, называя это «бабушкиными сказками» [28], но и окормляет особым образом свою общину, устраивая вне церковных стен «агапы» и братские соборы.

Отец А. Мень был склонен к синкретизму, «теоретическому суперэкуменизму», не делая отличий между христианскими аскетами и индийскими брахманами в их религиозном опыте и признавая достижение истины равно всеми религиями, но лишь под разными именами — дао, нирвана, Бог, энсоф.

Митрополит Каллист Уэр вместе с Элизабет Бер-Сижель выпустил книгу «Рукоположение женщин в Православной Церкви». Рассмотрев вопрос с точки зрения антропологии, святоотеческой традиции и литургической символики, он пришел к выводу о том, что православие «со всей строгостью и смирением» должно признать, что еще не представлены убедительные обоснования существующей практики священства. Митрополит прямо не призывает менять практику, но прибегает к опасному жанру, приучая к мысли о возможности радикальных перемен [29].

Андрей Кураев называет схождение благодатного огня «церемонией», в которой «мы... совершаем репрезентацию того, как весть о Воскресении от кувуклии разошлась по миру» [30, 99]. Рационализируя и психологизируя религию, прот. Георгий Митрофанов предлагает оправдать эвтаназию, аргументируя это тем, что добровольная сознательная смерть дает человеку возможность проконтролировать процесс своего умирания, вовремя со всеми попрощаться, а главное — избавиться себя «от тяжелых физических мучений, превращающих тебя в страдающий кусок мяса» [31, 12]. Страдания, болезнь, ожидание исполнения своей участи, обнажающееся в таких случаях одиночество, предстояние перед Богом — все это, по мнению протоиерея, есть лишь «бессмысленное продление своей жизни». Нужно беречь свой покой и покой своих близких и не обременять их излишними моральными и материальными затратами.

Но всем подобным явлениям в православном мире сопротивляется традиция. Она словно не выпускает в себя новые духовные ветра.

Упрощения и редукции. Смелые поиски православных богословов XX в., несомненно, вызывают много вопросов у официальной церкви. Но самые интересные, мощные начинания никогда здесь не носили редукционистский характер. Евгений Трубецкой как-то написал: «Злейший враг всякой религиозной мысли есть тот имманентизм, коего сущность заключается в утверждении здешнего, земного как безусловного. В чистом своем виде он выражается в совершенном и полном отрицании запредельного; для религиозной мысли такой имманентизм не опасен: гораздо опаснее для нее те компромиссные, смешанные формы имманентизма, где утверждение здешнего прикрывается теми или другими религиозными формулами, где трансцендентное, Божественное незаметно для неискушенного глаза заслоняется той или другой земной величиной» [32]. Вот этого прикрытого религиозными формулами имманентизма в православии нет. Здесь нет настоячивых попыток свести трансцендентное к имманентному, вечности — к тотальной поглощающей историчности, сверхъестественного — к естественному, церковное — к индивидуальному, мистическое — к социальному. Православные верующие по-прежнему видятся сторонним, как однажды сказал епископ Антоний Грановский в адрес «тихоновцев», «раками, черными насквозь, глаза которых смотрят уповательно назад» [33]. Не желание шагнуть в «совершеннолетие», но духовная археология движет православием. Страстная любовь к патристике, которую мы находим в «парижской школе» богословия (Г. Флоровский, архиеп. Василий Кривошеин, В.Н. Лосский, арх. Кириан Керн, протопресв. Иоанн Мейендорф), обнаруживает себя и сегодня в монументальной работе Дэвида Харта, который так и объявляет, что нищестанству он противопоставляет Григория Нисского [34]. Даже обращение к идеям Хайдеггера Х. Яннарас строит на почве святоотеческой традиции [35]. Не преодоление таинств и культа, но литургическое возрождение волнует православных теологов (Н. Афанасьев, А. Шмеман, И. Зизиюлас). Даже попытки сблизить «небо» и «землю» в православии оборачиваются еще большей таинственностью мира и трансцендентного Бога. Такова софиология Сергея Булгакова. В отличие от западной традиции, преодолевающей теизм, православие держится Бога живого.

Литература

1. *Ростова Н.* Бог как антисакральное: от Юма и Фейербаха до Батая и Мейясу // *Философия хозяйства.* 2014. № 2.
2. *Митрополит Антоний Сурожский.* Труды. М., 2002.

3. Шаргунов А., *прот.* «Евангелизация» мира и «культурная революция» в церкви // Православный журнал «Благодатный огонь» (Приложение к журналу «Москва»). 2008. № 18.
4. Акопов П. Четвертый визит к третьему папе // Взгляд. 2013. 26 нояб. // <http://vz.ru/politics/2013/11/26/661301.html>.
5. Ратцингер Й. Чем держится мир. Дополитические моральные основы либерального государства // Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI) Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М., 2006.
6. Энциклика «Fides et ratio» («Вера и разум») от 16 сент. 1998 г.
7. Форте Б. Троица как источник вдохновения для сообщества народов Европы // Христос — источник новой культуры для Европы на заре нового тысячелетия. Предсинодальный Симпозиум в Ватикане. Ватикан, 11—14 августа 1999. Созвездие, 2000 // www.agnuz.info; Библиотека Католической службы «Agnuz».
8. Минин С. Сезон охоты на ватиканских консерваторов // НГ-Религии. 2014. 19 нояб.
9. Гашков И. Собачья доля шведского карикатуриста // НГ-Религии. 2015. 4 март.
10. http://www.whychristmas.com/customs/christmas_or_xmas.shtml.
11. Гашков И. Халифат подрывает мультикультурализм // НГ-Религии. 2014. 3 сент.
12. Гашков И. Лихорадка дьявола // НГ-Религии. 2014. 20 авг.
13. Бенси Дж., Мельников А., Гашков И. Папа хочет признать нетрадиционную семью // НГ-Религии. 2014. 15 окт.
14. Chipriani R. «Diffused Religion» and New Values in Italy // *The Changing Face of Religion* / J.A. Beckford, T. Luckmann (eds.). L.; New Delhi, 1988.
15. Эпштейн М. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. М., 2013.
16. Кунде Й. Корпоративная религия. СПб., 2002.
17. Капуто Дж. Как секулярный мир стал постсекулярным // Логос. 2011. № 3 (82).
18. Каспер В. Бог Иисуса Христа. М., 2005.
19. Хаутепен А. Бог: открытый вопрос. Богословские перспективы современной культуры. М., 2008.
20. Алисон Дж. Постижение Иисуса. Доступное введение в христологию. М., 2010.
21. Фуко М. Слова и вещи. М., 1977.
22. Гренц С., Олсон Р. Богословие и богословы XX века. Черкассы, 2011.
23. Робинсон Дж. Быть честным перед Богом. М., 1993.

24. *Коробьин Г.* Исправление богослужебных книг в начале XX века // Православный журнал «Благодатный огонь» (Приложение к журналу «Москва»). 2008. № 18.
25. *Протоиерей А. Шмеман.* Дневники. 1973—1983. М., 2009 // <http://www.litmir.info/br/?b=111373>.
26. *Каверин Н.* Путь в европравославие // Православный журнал «Благодатный огонь» (Приложение к журналу «Москва»). 2011. 28 дек.
27. Современное обновленчество — протестантизм «восточного обряда». Сборник / Сост. Н. Каверин. М., 1996.
28. *Духанин В.* Опасные тенденции в учении и пастырской практике священника Георгия Кочеткова // Православный журнал «Благодатный огонь» (Приложение к журналу «Москва»). 2012. 27 нояб.
29. *Епископ Диоклийский Каллист (Уэр).* Мужчина, женщина и священство Христово // Элизабет Бер-Сижель. Епископ Диоклийский Каллист (Уэр). Рукоположение женщин в Православной Церкви. М., 2000.
30. *Максимов Ю.* В защиту благодатного огня // Православный журнал «Благодатный огонь» (Приложение к журналу «Москва»). 2008. № 18.
31. *Шаргунов А., прот.* «Евангелизация» мира и «культурная революция» в церкви // Православный журнал «Благодатный огонь» (Приложение к журналу «Москва»). 2008. № 18.
32. *Трубецкой Е.Н.* Спор Толстого и Соловьева о государстве // Л.Н. Толстой: Pro et contra. СПб., 2000 // http://az.lib.ru/t/trubeckoj_e_n/text_0020.shtml
33. *Буфеев К.* Патриарх Сегий, обновленчество и несостоявшаяся реформация Русской Церкви XX века // Православный журнал «Благодатный огонь» (Приложение к журналу «Москва») 2014. 14 сент.
34. *Харт Д.* Красота бесконечного: Эстетика христианской жизни. М., 2010.
35. *Яннарас Х.* Избранное: Личность и Эрос. М., 2005.

А.Р. ГЕВОРКЯН

**Философия истории К. Маркса как перевернутая форма
теологического сознания***

Аннотация. В статье проводится критический анализ французского просвещения и немецкого классического идеализма. Автор показывает принципиальное различие в понимании сущности разума в философии просвещения и немецкой классической философии. Эмпирический разум философии просвещения и абсолютный разум германского идеализма представляют собой два альтернативных принципа, которые определяют принципиально разные мировоззренческие парадигмы. Аисторизм Бэкона и Локка нашел свое продолжение в философии эпохи просвещения, в то время как историзм гегелевской идеи разума получил развитие в философии истории Маркса. В статье рассматривается роль политической экономии в философии истории Маркса, а также критика Маркса С.Н. Булгаковым.

Ключевые слова: метафизика, философия истории, историзм, абсолютный разум, эмпирический разум.

Abstract. The article provides a critical analysis of the French Enlightenment and the German classical idealism. The author shows a fundamental difference in the understanding of the nature of reason in the philosophy of Enlightenment and the German classical philosophy. Empirical reason of the Enlightenment and absolute reason of the German idealism are two alternative principles that define totally different paradigms. Bacon's and Locke's nonhistoricism continued in the philosophy of the Enlightenment, while historicism of Hegel's idea of reason developed in Marx's philosophy of history. The article discusses the role of political economy in Marx's philosophy of history, as well as S.N. Bulgakov's criticism of Marx.

Keywords: metaphysics, philosophy of history, historicism, absolute reason, empirical reason.

Философия К. Маркса не только следует в русле германской метафизической традиции, но и является прямым следствием того историзма, который возник в недрах классического идеализма, и во многом напрямую примыкает к философии истории Гегеля. Здесь необходимо обратиться к критической оценке Маркса, данной С.Н. Булгаковым. Это тем более важно, что сегодня, рассуждая на эти темы с исторической дистанции, однозначно надо сказать, что булгаковский анализ Маркса наследия имеет особенное значение. Более того, только в

---

* Окончание. Начало см.: Философия хозяйства. 2015. № 2.

начале XXI в., когда и сам Булгаков по степени своей удаленности уже представляет исторический интерес, его изыскания о Марксе и его учении приобретают исключительный по своему значению характер. Это предопределено состоянием нынешнего безвременья с его предчувствием катастрофизма, и псевдоапокалиптическими настроениями наступающего конца. В условиях, когда схождение капитализма с исторической арены может обернуться гибелью для человечества, осмысление творческого наследия и Маркса, и Булгакова становится велением духа времени.

«В экономическом материализме говорит суровая жизненная честность, он отдает свое внимание значению нужды, заботы о куске насущного хлеба, которая тяготеет над большинством человечества. Однако не за эти только этические свои черты, но и по своему философскому значению он должен занять и в истории философии свое определенное, ему одному принадлежащее место. Он есть первая попытка философии хозяйства, в нем впервые сознательно поставлена ее проблема, в истории мысли прозвучал новый мотив, навеянный, конечно, не кабинетным умозрением, но жизненными впечатлениями действительности. И эта жизненность его мотива свидетельствует, с нашей точки зрения, и о философской подлинности, неизмышленности основной темы экономического материализма» [1, 277].

Здесь важно подчеркнуть, что Булгаков выявляет то, что определяет Марксов философский подход как заданный на выработку новой формы сознания, той самой новой формы, которая должна соответствовать новому уровню бытия как грядущего царства свободы, идущего на смену царству необходимости, завершающего собою предысторию и открывающего страницу собственно истории в веках восходящего развития человечества. Отсюда следует, что метафизичность Маркса есть не что иное, как нацеленность на решение предельных проблем мироздания. Только такая изначальная метафизичность позволяет ставить вопросы о товарном фетишизме и снятии отчуждения, когда данные производственные отношения в силу своей исторической изжитости оказываются препятствием для выхода на более высокий уровень развития. Данное обстоятельство отнюдь не детерминировано экономическим фактором, а преследует задачу радикального метафизического характера: тотально преобразовать все формы жизнедеятельности человека для конечной задачи перехода от предыстории к истории.

Именно в этом, основополагающем для Маркса, месте сказываются для него определяющим образом идеи историзма классического идеализма и особенно идеи самого Гегеля. В связи со сказанным необходимо привести исключительно важные теоретические положения Бул-

гакова. «Это есть не только метафизика истории вообще, но и притом определенного, именно монистического типа: от Гегеля она унаследовала этот монизм, в соединении с диалектическим “методом” (хотя гегелевская диалектика наивно принята здесь за обыкновенный эволюционизм, как ни мало общего она с ним имеет), почему она называет себя иногда “диалектическим материализмом”. И центральное учение экономического материализма о “базисе и надстройке” отвечает именно на эту онтологическую проблему. Согласно этому учению, вся историческая жизнь человечества в ее внешних и внутренних, политических и социальных, культурных и духовных проявлениях есть лишь надстройка над экономическим базисом, следовательно, не имеет самостоятельного метафизического бытия, есть только “рефлекс”, т. е. оказывается онтологически обусловлена совершенно в таком же смысле, в каком все эмпирические события истории у Гегеля обусловлены победным шествием всемирного духа, проходящего разные фазы своего развития. Этим утверждением ни Маркс, ни Гегель отнюдь не отрицают феноменального бытия всего того, что ими не признается самостоятельно существующим в онтологическом смысле, или что есть только рефлекс. Все, что является “надстройкой” — и государство, и право, и религия, и мораль, — все это и в экономическом материализме не объявляется несуществующим, напротив, и для Маркса вся эмпирическая пестрота истории существует так же, как и для всех, и непосредственная причинная связь исторических событий являет картину множественности причин, запутанности событий, которую нельзя уложить ни в какую монистическую схему. Эмпирическая история имеет свой “прагматизм” событий, который и устанавливается исторической наукой. Причинность “экономического базиса” существует только “In letzter Instanz”, а вовсе не лежит на поверхности. Это можно перевести на философский язык только так: она имеет метафизическое, а не эмпирическое значение, она не связывает непосредственно явлений, но стоит за явлениями как их нуменальная основа. Отношение базиса к надстройке таково, как отношение Ding an sich и явлений в системе Канта или, еще определеннее, в системе Шопенгауэра: экономический базис есть нумен истории, лежащий в основе всех ее феноменов и их собою порождающий, и отношение, существовавшее между нуменом и феноменами, миром интеллигибельным и эмпирическим, конечно, не может быть приравнено эмпирической причинности истории; если характеризовать и это отношение понятием причинности, то следует прибавить, что онтологическая причинность лежит очень глубоко и потому не следует искать ее на поверхности. А здесь мы можем иметь совершенно иную картину причинности, множественную, пёструю, не раскрывающую, а скорее закрывающую еди-

ную истинную, нуменальную причинность, действующую “In letzter Instanz”. Чтобы познать ее, нужно уметь заглянуть в глубину, вовнутрь механизма, и лишь после того, как будет познана — не научно-эмпирическим, но спекулятивным или интуитивным путем — эта Ding an sich, ее незримое веяние будет почувствовано и в эмпирической действительности, и последняя станет понятна по своему внутреннему смыслу. Так строятся вообще системы метафизики истории, например, у Фихте, Шеллинга, Гегеля, Гартмана, Владимира Соловьева, или, ранее, у блаж. Августина, у Боссюэта, у Гердера. Такой же смысл получает теория экономического материализма или, по крайней мере одна ее сторона, по нашему мнению, наиболее существенная и характерная» [1, 281—282]. В этом же своем фундаментальном труде Булгаков не без основания, называет марксизм в философии истории заново перелицованным гегельянством, поскольку, роль всемирного духа приписывается экономическому базису.

В связи со сказанным еще раз необходимо остановиться на следующих положениях. Такое видение Маркса действительно имеет исключительную ценность. Написанная в 1912 г. «Философия хозяйства» достоянием сознания стала только через сто лет. Особенно это должно быть отнесено к Марксу. В 2010-е гг., спустя четверть столетия после событий 1991 г., уже сделался возможным отстраненный от злобы дня взгляд на наследие Маркса и его теоретическое переосмысление. Сегодня со всей явственностью вырисовывается роль марксизма в истории XX столетия. В своем советском содержании как марксизм-ленинизм, претендующий на универсализм и выступающий реальной альтернативой по отношению к американскому глобализму, марксизм оказался последним заслоном на путях окончательного торжества оккультного материализма. В этом смысле советский марксизм был сдерживающей силой, останавливающей мир на краю пропасти и не дающей ему окончательно скатиться в бездну. В эпохальном плане советский социализм, в своем марксистском содержательном значении, остановил энтропийный процесс распада истории и объективно предоставил последний шанс вновь обрести свои сакральные корни и заменить аисторическое общество всеобщего потребления гораздо более сложными формами общественного устройства, соответствующего духу исторического поступательного развития.

В конечном счете такая постановка вопроса должна будет в том или ином виде и рано или поздно привести к хилиастическим установкам или даже к эсхатологической перспективе, с ее идеей активной апокалиптики преодоления катастрофы через тотальность преображения всего мироздания. Независимо от того, в какой конкретной форме окажется реализованной эта идея: религиозной или даже в переверну-

той форме теологического сознания, данного в виде обмирщенного мировоззрения. И в том, что в определенном промежутке времени аисторическим процессам распада не удалось взять верх над историей, поглотить ее, сыграл важную роль марксизм со своей теорией революционного преобразования общества — теорией, выходящей за пределы собственного материалистического способа миропонимания. И здесь определяющим образом сказался эсхатологический дух марксизма, искони присущая ему эсхатология, которая ни в коей мере не может быть выведена из общих основоположений секуляризированного способа миропонимания, уходящего своими корнями в просвещенческую парадигму.

Важно также отметить, что все идеологические метаморфозы марксизма, его неумная борьба с «поповщиной» и идеалистическим «мракобесием» в глобальном счете ничего не меняли. И это невзирая на то, что и в самом марксистском лагере, и в противоположном стане это судьбоносное для всего мира явление было упущено из вида. Его попросту не существовало в духовных измерениях обеих противоборствующих сторон. Вместе с тем уже в начале XXI в. появляется необходимость рассмотреть феномен марксизма в его цельности, данной в своем метафизическом значении.

Метафизичность марксизма в теоретико-практическом отношении зиждется на необходимости преодоления тех общественных отношений, которые оказались тормозом на путях дальнейшего развития истории и мешают ее переходу на качественно новый уровень бытия. Именно в этом смысле философия истории, будучи метафизикой, является всеохватной в своей тотальности формой знания. Нельзя не согласиться с Отмаром Шпанном, что «единство философии всегда затрудняет изложение ее отдельных разделов; но ни один другой раздел не является столь трудным для обсуждения, как философия истории. Она связана со всем философскими дисциплинами — от онтологии до этики, и потому ее предпосылки заключены в основных понятиях всех этих дисциплин и в тех выводах, к которым они приходят» [2, 36].

И в этом смысле философия истории для Маркса является квинтэссенцией всего его знания об обществе и закономерностях его развития. Здесь следует отметить, что по большому счету характер марксизма в своих конечных установках определялся исключительно философией истории, по объему своего понятия оказавшегося тождественным историческому материализму. С позиций критического анализа начала XXI столетия нельзя согласиться с Булгаковым, что в учении Маркса эти два начала: философия истории и политическая экономия противоречат друг другу, никак не сходятся воедино, и тем самым, мешают Марксу создать стройную непротиворечивую научную систему.

На деле «Капитал» Маркса оказался приговором не только для буржуазного способа производства, но и буржуазного принципа миропонимания, его исторической обреченности и необходимости его снятия посредством перехода к новым общественным отношениям. Для Маркса это означает снятие самого процесса отчуждения. Что касается феномена отчуждения, то он не может быть понят до конца в политэкономических категориях. Это понятие наполнено исключительно метафизическим содержанием, поскольку от его решения зависит переход от предыстории к собственно истории, что равносильно реализации идеалов «царства свободы» после преодоления необходимости, олицетворяющую собою предысторическую фазу в истории человечества.

Именно поэтому политэкономия не может рассматриваться в качестве равноправной части по отношению к философии истории в системе Маркса. Политэкономический анализ направлен на раскрытие содержательной стороны исторического процесса, он призван своими изысканиями доказать определенный вектор его развития, показать закономерности его становления, обосновать и подтвердить необходимость перехода к новым производственным отношениям. Причем последнее обстоятельство, и это определяюще, не может рассматриваться как политэкономическая категория. Это есть новое качество жизни, которое или само уже есть, или непосредственно предваряет новый уровень бытия. В этом глубинном видении политэкономия дана у Маркса в философии истории и призвана быть действенным орудием доказательства ее истинности.

Политэкономия в Марксовом учении выступает творческой силой преобразовательной деятельности, как реальное доказательство того, что хилиазм, или даже эсхатологизм, в новоевропейском сознании оказался заданным в своем качественно новом измерении научной доктрины и формы проявления научного знания. Вот почему «Капитал» Маркса есть философия истории, где определяющую роль играют такие понятия, как снятие отчуждения и необходимость перехода от предыстории к самой истории. Что касается коммунизма как «царства свободы», то сюда как к точке отсчета начала и конца, сходятся все рассуждения Маркса, которые в своих предельных основаниях приобретают явно выраженный метафизический характер.

В связи со сказанным важным является анализ религии, данный Марксом в «Капитале». «Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собою и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т.е. материального процесса производства жиз-

ни, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем» [3, 86]. При всем внешнем сходстве с просвещением, Маркс настолько далеко стоит от последнего, что любая попытка их сближения имеет механистический характер. Если в первом случае любая критика религии в духе просветительских установок сводится к борьбе с поповщиной и с распространяемыми последней предрассудками, то с Марксом все обстоит иначе. У Маркса дан научный анализ, имеющий в своих основаниях метафизические корни. Маркс, рассуждая о сущности религии, действительно доходит до постановки вопросов, связанных с предельными основаниями. Именно в этом месте необходимо говорить о философском мировоззрении Маркса, его историческом материализме, как о своеобразной теологии, данной наизнанку. И здесь необходимо провести параллель между Марксом и Ницше.

Ницше, так же как и Маркс, столкнулся с проблемой метафизики в постгегелевский период. Для Ницше, как и для Маркса, деонтологизация ценностного порядка вещей должна была привести к созданию новой онтологической картины мироздания. И ницшевское «Бог умер!» с точки зрения конечного результата и принципиально нового, выходящего к предельным основаниям, имело метафизическое значение эпохального характера. Однако заданное метафизическое начало, которое должно было сыграть важную роль в философии истории, не состоялось из-за аисторизма Ницше. Идея вечного возвращения означала срыв в философском сознании Ницше и закрыла перед ним пути перехода к историзму. Аисторизм сблизил Ницше с Шопенгауэром и навсегда отдалил от Шеллинга и Гегеля. Здесь так же расходятся пути Ницше и Маркса.

«Позитивизм» Ницше, несмотря на всю глубину его трагического мировоззрения, во многом оказался близким просвещенческой парадигме. И в этом смысле позитивное отношение Ницше к Вольтеру и Руссо фиксирует объективную норму реально имевшей место близости этих двух духовных установок. Именно антиметафизические принципы в своих конечных результатах оказываются общими и для Ницше, и для просвещения. Отсюда и следует, что деонтологизация прежних ценностных оснований не приводит к новой их метафизации, но и не сводит на нет метафизическую потенцию преобразовательной деятельности, на сей раз действительно данной в общепланетарных масштабах. Попытка формирования новой метафизической картины мира оказалась исторической необходимостью, диктуемой внутренними потребностями становящегося нового содержания сознания.

«Понижение прежних верховных ценностей идет не от какой-то страсти к слепому разрушению, и не от суетного обновленчества. Оно идет от нужды и от надобности придать миру такой смысл, который не доводит его до роли проходного двора в некую потусторонность» [4, 57]. Эта исключительно важная мысль Хайдеггера, фиксирующая радикальную смену вех в европейском сознании, в большей степени должна быть отнесена к Марксу, нежели к Ницше. И на это имеются серьезные основания. Речь идет о том, что такое метафизическое положение вещей предполагает историческое понимание духа времени и его оправдание. Это и есть историческая потенция, реализовывающая возможность перехода на новый онтологический уровень. И в этом судьбоносном вопросе, несмотря на всю свою философскую глубину, Ницше, пребывающий на позициях аисторизма, находится по ту сторону от ее решения. Проблема «смерти Бога» свое метафизическое завершение получает в историческом материализме Маркса. Именно «смерть Бога» перенесенная на историческую почву во всей своей метафизичности делает понятной марксов анализ религии, данный в ее конечных результатах. Вне контекста «смерти Бога», определяющей тектонические сдвиги в исторической жизни человечества, Марксова критика онтологических и гносеологических основ религии теряет всю свою значимость.

Таким образом, в духе самого принципа историзма «снятие» религии оказывается исторически необходимым этапом для ее дальнейшего развития. Для реализации полноты религиозного идеала необходимо было окунуться в самую гущу материальной стихии, побывать на дне материального бытия для того, чтобы вернуть ее первоначальный первобытный статус «сосуда Духа». И на пути возврата материи к духу, ее деокультуривизации, марксизм оказался исторической необходимостью. «В экономическом материализме остается еще особая жизненная правда, не теоретическая, но практическая, моральная. Она не всегда заметна отвлеченному теоретизированию и недоступна его холодной надменности, которую сам экономический материализм на своем языке обзывает “буржуазностью”. Под личиной холодного рационализма и теоретической жесткости в нем скрывается грусть человека о самом себе, тоска “царя природы” в плену у стихий этой самой природы, равнодушной, даже враждебной. В этом скорбном учении нашел выражение хозяйственный трагизм человеческой жизни, и в его пессимизме есть глубокая искренность и правдивость. Над человеком тяготеет проклятие, говорит экономический материализм, ибо что же как не проклятие — эта неволя разумных существ у мертвой, неосмысленной, чуждой нам природы, эта вечная опасность голода, нищеты и смерти. И это проклятие зависимости от природы порождает

новое, еще злейшее проклятие, экономическое рабство человека человеку, вечную вражду между людьми из-за богатства. Такова тоска, которая слышится в экономическом материализме, и такова правда, облеченная в его научный иероглиф. Это та правда, которая высказана на первых же страницах книги бытия человеческого рода как слово Божьего гнева и Божьего суда над согрешившими человеком и всей тварью» [4, 296—297].

Для восходящего развития человечество должно было оттолкнуться от материального мира, как от точки отсчета своего пребывания в нем. И в этом была та историческая правда, что низшее материальное не могло быть отброшено, а путем одухотворения доведено до реализации принципа духоматерии, означавшего, по словам Маркса, переход от предыстории к самой истории.

Становление нового оказалось диалектически неразрывным образом связано со старым. Переход от Эдема к Эону собственно исторического привел к резкому усилению материального фактора в жизни человека. Сам по себе этот сценарий не был предопределен при других условиях развертывания исторического процесса. В силу грехопадения, человеку не удалось сразу же стать садовником Бога во Вселенной, реализовать принцип одухотворения природы посредством собственной деятельности. В силу этого нарушилась сама причинно-следственная связь. Не подняв природу выше налично данного ее состояния, человек в некотором смысле стал ниже ее, вписавшись в ее механистически упорядоченную систему. Обратное движение человека к Духу, что на деле означает восстановление принципа духоматерии, приобрело исключительно сложный характер, обусловленный тем обстоятельством, что не только материальное естество, искони данное ему, вновь должно вступить в связь с духовным в качественно новом своем состоянии, но и преодолеть те механистические природные факторы, которые появились вследствие грехопадения и поэтому не имеют отношения к его первоначальному естеству.

Таким образом, содержательная сторона исторической жизни во всей своей сакральной, и одновременно практической значимости может быть раскрыта методом историзма. Только последний позволяет понять человека в истории, и через него — историческое измерение распространить на все остальное мироздание. В человеке и через человека природа, изначально не имевшая никакого отношения к истории, вписывается в нее и становится неотъемлемой частью последней. Однако историзация природы напрямую связана с преодолением механистических напластований природы в человеке и выхода его на новый онтологический уровень. Природный механизм исторически обусловленным образом входит в жизнь человека и с такой же исторической

необходимостью на определенном этапе преодолевается в нем. Такое понимание исторической панорамы предполагает метафизический подход, нацеленный на измерение предельных оснований бытия, диалектический метод, основанный на противоречивом единстве материального и духовного, и через это рассматривающий все бесконечное многообразие мира в его единстве, и принципиальный антимеханизм как необходимое условие для реализации всех этих постулатов.

Литература

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
2. Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1952.
3. Шпанн О. Философия истории. СПб., 2005.
4. Heidegger M. Nietzsche. Bd.1—2. Bd. 2. Pfullingen, 1961.

Д.Л. РОДЗИНСКИЙ

Страдания как механизм перехода бытийственного состояния человека в небытийственную справедливость

Аннотация. Статья рассматривает страдания человека как механизм самосовершенствования. Неосуществление своих обязанностей влечет всякого к разным формам страданий, избежать которые можно только исполнением четырех типов долга. Последовательное исполнение своего долга в разных сферах бытия избавляет не только от одного из четырех видов страдания, но выводит разум человека к переживанию чувства абсолютной гармонии, за которым стоит образ высшей Справедливости.

Ключевые слова: страдание, добродетель, механизм, долг, миф, справедливость, чувства, бытие, гармония, абсолют.

Abstract. Article considers sufferings of the person as the self-improvement mechanism. Failure of the duties attracts everyone to different forms of sufferings, to avoid which it is possible only execution of four types of a debt. Consecutive execution of the debt in different spheres of life relieves not only of one of four types of suffering, but outputs reason of the person to experience of feeling of absolute harmony behind which there is an image of the highest Justice.

Keywords: suffering, virtue, mechanism, debt, myth, justice, feelings, life, harmony, absolute.

Одним из проявлений разума человека в мифе становится его способность формировать свои представления. Эта чувственная способность к воображению, не получая на разных этапах своего становления укоренения в пространственном бытии, неизбежно приводит человека к дисгармонии и страданию. Последнее свидетельствует об отчужденности и изолированности человека от существеннейших характеристик его собственной природы, высшая пространственная гармония которой требует от него справедливого существования. Это значит, что страдание как душевное и физическое самоощущение начинает выступать универсальным механизмом перехода человека из череды бытийственных его переживаний в такое состояние, в котором человеку возвращается чувство гармонии как источника и причины справедливого отношения к себе и людям. Рассмотрим подобный механизм подробнее.

Для того чтобы обосновать необходимую роль страданий в жизни человека для достижения им гармонии, продемонстрируем пространственное происхождение этого феномена и дадим ему определение.

Пространство как мифологический образ Бога (Брахман в учениях Древней Индии, Мировая Душа в философии Древней Греции, Дао во взглядах Древнего Китая) создает из себя иерархизированные структуры богов космоса (Благо, нус, душа, природа), человеческой природы (интуиция, рассудок, инстинкты, телесные чувства), социальной организации (брамины, кшатрии, вайшьи, шудры). Антропологический характер нашего исследования обязывает нас обратиться к детальному рассмотрению пространственной природы человека в мифе, получившей в результате антропогенеза все способности сознания из соответствующих сфер бытия.

С одной стороны, пространство содержит в себе все низшие формы своего проявления. Это звездное небо, истекающие из него природные стихии и, наконец, материальные формы. С другой стороны, каждая нисходящая сфера трансформируется в определенную способность сознания человека. Пространство превращается в интуитивное чувство, вращающееся небо — в рассудок, судьбоносные стихии — в инстинктивные ощущения, а материя — в телесные чувства. В том случае если меньшее — способности находятся в согласии со своими универсальными началами, то переживается ощущение гармонии — удовольствия. Если же согласия между частями микромира и макромира нет, то возникают ощущения дисгармонии — страдания.

Что такое страдание? И делится ли оно по видам? Страдание — экзистенциальное состояние человека, связанное с неприятными или болезненными ощущениями, вызывающими острую или хроническую неудовлетворенность своей жизнью [1, 81]. Так как причины, вызыва-

ющие это состояние, могут быть самые разные, то они способны затронуть в равной степени как душевную, так и физическую сферы его жизни [2, 146]. Благодаря тому, что нами уже была предложена модель целостной природы человека, то, на наш взгляд, можно, хотя и весьма грубо, проклассифицировать основные причины страданий человека в мифе.

Так, телесным чувствам, погруженным в мир морально-общественных отношений, свойственны страдания, связанные, например, с одиночеством от множества переживаемых несчастий, неизбежно ведущих человека к разочарованию от жизни, ибо одиночество, как полагает Торо, есть оторванность человека не только от мира и людей, но и, главное, от самого себя. Сложность его преодоления связана еще и с тем, что «оно не измеряется милями, которые отделяют человека от его ближних» [3, 89], а предстает состоянием неприятия себя в этом мире. Причиной такого плачевного положения выступают многочисленные несчастия, которые с ритмичным постоянством «сваливаются» на человека. «И хотя каждое отдельное несчастье и представляется исключением, но несчастье вообще — становится правилом» [4, 70]. Поэтому в конечном счете «жизнь предстает как непрерывный обман в малом и великом. Если она что-либо обещает, она не держит своих обещаний, разве что для того, чтобы показать, насколько недостойно желанно было желаемое; так нас обманывает то надежда, то предмет нашей надежды» [5, 567].

Физические страдания человека в мире связаны, например, с инстинктивным чувством страха перед болью, болезнями, смертью. Так, согласно Бердяеву, страх правит миром. Человеческое общество построено на страхе. Природа, власть, религия, революционные и экономические преобразования — все это сулит человеку угрозу если и не потерять саму жизнь, то, по крайней мере, распрощаться со многими ее благами. Человек живет в страхе жизни и в страхе смерти. Борьба за существование, которой полна жизнь, предполагает страх [6, 114]. Чувство инстинктивного страха как универсальное свойство человеческой природы пронизывает собой буквально все культуры. И если античный миф пропитан страхом человека перед судьбой, то христианство стремится разбудить в людях страх перед собственными прегрешениями, делая особый акцент на покаянии. Христианин загипнотизирован ужасами ада, всемогуществом демонических сил и эсхатологическими перспективами [2, 171]. Комплекс страха становится неизбежным спутником человека, а всякая попытка его преодолеть ведет к изменению самой природы человека. Вот почему, согласно Макс Шелеру, в истории еще не появился такой великий психоаналитик, который освободил бы человека от этого смертоносного ужаса, не от мифоло-

гического грехопадения и вины, а от того конститутивного чувства страха, который является эмоционально-импульсивной основой этого специфически иудейско-христианского мира идей [7, 138].

В интеллектуальной сфере страдания человека связаны со слабой деятельностью рассудка, непоследовательность мышления которого оставляет человека в состоянии невежественного, абсурдного, наконец бессмысленного существования. Причиной тому может стать неспособность рассудка вообразить, иначе говоря, сконструировать, целостную единую картину мира, в которой можно будет найти свое место и роль, поняв свое предназначение [8, 211], ибо существенным признаком человеческого бытия всегда было вхождение в умозрительный мир смыслов и ценностей, придававших существованию человека идейный накал и глубинное содержание [9, 24]. Безуспешность или вовсе отсутствие подобного вида интеллектуальной деятельности рано или поздно заставляет человека перейти к осознанию абсурдности своего существования, образ которого может быть сравним с известным античным мифом о Сизифе, поднимающем огромный камень на вершину горы [10, 90]. Глыба, неизменно скатывающаяся вниз, обрекает героя на абсурдность всех его усилий, и нет кары ужасней, чем бесполезный и безнадежный труд. Миф о Сизифе становится метафорой, иллюстрирующей ощущения человека, не постигшего свое предназначение, а следовательно, так и не занявшего своего места и не сыгравшего своей роли в жизни общества.

В духовной сфере страдания человека обусловлены отсутствием связи высшей его способности — духовной интуиции с пространственно выражающим себя Богом. Только умозрительная связь человека со своим пространственным началом возвращает ему всю полноту гармонии бытия, которая утопает в бесконечном пространственном небытии. А пока такой контакт не установлен, человек переживает свою «оставленность». «Ибо все сущее в сравнении с небытием, среднее между всем и ничем. Он не в силах даже приблизиться к пониманию этих крайностей — конца мироздания и его начала, неприступных, скрытых от людского взора непроницаемой тайной, и равно не может постичь небытие, из которого возник, и бесконечность, в которой растворяется» [11, 192]. Поэтому, оставаясь наедине с глубинами своего «я», всякий человек неизбежно приходит к попытке решить вопрос своей принадлежности к бесконечному и вечному пространству. Эту универсальную попытку прекрасно отразил Паскаль: «Когда я размышляю о мимолетности моего существования, погруженного в вечность, которая была до меня и пребудет после, и о ничтожности пространства, растворенного в безмерной бесконечности пространств, мне неведомых и не ведающих обо мне, — я трепещу от страха и

спрашиваю себя, почему я здесь, а не там, ибо нет причины быть мне здесь, а не там, нет причины быть сейчас, а не потом или прежде. Чей приказ, чей помысел предназначил мне это время и место?» [11, 192]. Это непонимание порождает диссонанс, конфликт, отчуждение человека от божественного пространства, остающегося великой тайной. Преодоление этой тайны происходит посредством мифологического метода очеловечивания этого диссонанса, благодаря которому в воображении человека возникает дивная иллюзия, набрасывающая покров красоты на эту тайну [2, 170]. Именно этот процесс и происходит в античном мифе. «Грек знал и ощущал страх и ужасы существования: чтобы иметь возможность жить, он вынужден был заслонить себя блестящими порождениями грез — олимпийцами. Необычайное недоверие к титаническим силам природы, безжалостно царящая над всем познанным Мойра. Коршун великого друга людей — Прометея, ужасающая судьба мудрого Эдипа, проклятие, тяготеющее над родом Аттидов и принудившее Ореста к убийству матери, — короче, вся эта философия лесного бога со всеми его мифическими примерами, от которых погибли меланхолические этруски, непрестанно все снова и снова преодолевалась греками при посредстве того художественного междумирия олимпийцев или, во всяком случае, прикрывалась им и скрывалась от взоров» [12, 242].

Рассмотрев причины возникновения страданий, обратимся к рассмотрению их роли в жизни человека. Выше уже была предложена идея того, что природа человека в мифе представляет собой метаморфозу высшей реальности. Здесь соответствие между большим — пространством — и меньшим — природными свойствами человека, вызывает устойчивое чувство гармонии с вытекающим из него ощущением удовольствия. Дисгармония, диссонанс хотя бы одной из способностей сознания человека со своим высшим началом влечет за собой страдания. А это значит, что всякое страдание, переживаемое человеком, справедливо. Справедливость любого страдания указывает на изолированность, отчужденность, а следовательно, на произвольность и испорченность одного или нескольких способностей сознания, которые либо изначально не несли, либо перестали нести свою функцию. Осознание необходимости восстановления «резонансной» связи между человеком и пространственным бытием вызывает чувство долга, без которого вернуть ощущение целостности своего бытия и удовлетворенности своей жизнью представляется невозможным. Все это приводит нас к идее, что для переживания полноты своего бытия, связанного с ощущением внутренней гармонии и целостности, необходимо «уплатить» долг всем ранее указанным его сферам.

Так, духовный долг человек несет перед бесконечным божественным пространством, ограниченный участок которого символизирует, например, в античной мифе платоновскую идею, а в христианском — мысль Бога о Себе. Духовная природа самосушей идеи, или божественной мысли, предопределяет смысл и закон возможного существования человека, долг которого заключается в максимальной реализации своего идеального образца.

Интеллектуальный долг человека обнаруживает себя в познании своего предназначения, дара, таланта, призвания. Последние являются таким же продолжением духовного закона и смысла существования человека, как определенная звезда на небе выступает проявленным продолжением незримой идеи или божественной мысли. Это значит, что, с одной стороны, небесное светило указывает «дорогу жизни» человеку, который остается в долгу перед своей путеводной звездой, обеспечивающей ему сферу интеллектуальной деятельности, связанной с выбором ремесла, профессии. С другой стороны, ежечасно сменяющаяся комбинация светил вокруг путеводной звезды обязывает человека смиренно принимать все превратности своей судьбы, которые обусловлены тем, что, живя в обществе, жизнь каждого человека тесно переплетается с жизнью других людей. Это отчетливо демонстрируют безбрежное пространство небосклона и та мифологическая наука, которая его изучает, — астрология.

Физический, или естественный, долг человек несет, во-первых, перед памятью ушедших и еще живых предков. Прежде всего это выражается в сохранении тех традиций, обычаев и навыков, которые накапливались родом столетиями. И, конечно, в продолжении и совершенствовании того опыта и знаний, которые воплощаются в свободном, творческом отношении к своему родовому ремеслу. Во-вторых, всякий человек должен исполнять обязанности перед своими детьми, как некогда это делали перед ним его родители. В-третьих, человек имеет долг перед собой, связанный с поддержанием своего физического и душевного здоровья.

Моральный долг проявляется для человека в необходимости занимать в обществе то место и играть ту роль, которые были ему предписаны совокупностью вышеприведенных форм долга. В том случае если все долги сполна в отдельно взятой жизни выполнены, душа человека, жившая гармонично и бесконфликтно с образами мировой необходимости, по закону справедливости «поднимается» в следующей жизни на более высокую ступень своего развития. Это происходит до тех пор, пока она не сольется воедино с бесконечным пространственным бытием, часто именуемым Богом. Таким образом, если четырем видам страдания человека соответствует определенный тип невыполненного

долга, то каждому из выплаченных долгов будет соответствовать свой образ справедливости.

Что такое справедливость? Так как главная роль справедливости связана с обеспечением человеком гармонии между высшими сферами бытия и более низкими частными способностями сознания, то справедливостью становится мера распределения божественным пространством, звездой, родом и обществом изначальных, иначе говоря, врожденных, прав и обязанностей, благодаря которым максимально проявятся главные свойства человека, часто именуемые призванием или талантом. Вместе с тем из этого с необходимостью вытекает пропорциональная мера возмездия за вину, ощущаемая в виде страданий, и мера вознаграждения за заслугу, переживаемая в форме удовольствий [13, 325]. В упрощенной форме библейского повествования внешнего отношения к миру справедливость предстает в простейшей формуле: око за око, зуб за зуб. Однако чем в более высокой сфере не соблюдена справедливость, тем сложнее понять, за что наложено наказание и следующее за ним страдание.

Вслед за разновидностями страданий и долга рассмотрим теперь иерархию справедливых состояний человека, восхождение по которой может обеспечить человеку в мифологическом мировосприятии достижение им совершенства.

Моральные нормы справедливости осуществлялись человеком в социальной среде в виде соблюдения обрядов, обычаев, ритуалов, которые в той или иной мере зафиксированы в письменных законах. Строгое повиновение старшим — хранителям моральных «кодексов», принимало универсальный характер и распространялось на поведение как в семье, так и в обществе. Так, например, в конфуцианстве любой старший, будь то отец, чиновник, государь, — это непререкаемый авторитет для младшего, подчиненного, подданного. Беспрекословное подчинение его воле, желанию — это норма справедливости, как в рамках семьи, так и в целом государстве [14, 258].

Объяснение причин подобного повиновения мы отчасти встречаем в «Политике» Аристотеля, который полагает, что все люди рождены для счастья, которого можно добиться только в том случае, если каждый человек будет должным образом исполнять свои функции, в полной мере отпущенные ему природой. А это значит, что человек, способный к предвидению, по своей природе существо властвующее. Тот же, кто способен лишь исполнять полученные указания, является существом подвластным. Поэтому в целях всеобщего благоденствия справедливо будет исполнять каждому свое [15, 36].

Нормы физической, или природной, справедливости обусловлены в мифе происхождением и обоснованием неравенства и соподчиненно-

сти между собой социальных каст. Так, согласно Ведам, Брахма определил для всех «имена, род деятельности (карму) и особое положение», т. е. кастово-профессиональную принадлежность [16, 94]. Являясь своего рода моделью человечества, Он из своих уст порождает жрецов — брахманов; из рук — воинское сословие — кшатриев; из бедер — торговый люд, вайшь; и наконец из ступеней — слуг, шудр. Выход из одной касты и переход в другую при жизни невозможны. Справедливым является строгое соблюдение кастового кодекса «варна — дхарма», который практически не оставляет места для свободного выбора человека, делая его жизнь строго регламентированной. Здесь человек открыт только для кастового долга.

Интеллектуальные нормы справедливости были обусловлены космической сферой, где на языке вращающихся по своим орбитам звезд божественное пространство не только запечатлеvalo сюжет мирового «спектакля», но еще и каждому его «актеру» предписывала свою, строго определенную звездой роль. Ведь причудливый хоровод небесных богов содержал в себе линию судьбы не только отдельного человека, но целой страны. Однако прочесть замысловатый текст зашифрованного небосклона мог только человек, обладавший тайным знанием астрологической науки. Его логическая способность мыслить редуцировала небесную гармонию в справедливое управление обществом, чья законодательная и исполнительная власть выступала в роли зеркального отражения космоса [17, 262].

Но ни моральные, ни физические, ни даже интеллектуальные нормы не могут до конца претендовать на роль исчерпывающей, последней справедливости, так как высшей способностью судить обладает только Бог, который во множественных формах мифологических культур предстает в различных своих пространственных «ипостасях». Они могут принимать образ китайского Дао, платоновского Блага, индийского Брахмана, христианского Бога и др. Однако подобно тому, как все эти нормы справедливости есть лишь внешнее проявление внутренней природы самого человека, то и сама божественная справедливость оказывается высшим выражением всех суждений человека о себе и своем предназначении с точки зрения пространственной бесконечности его ума. Драма последнего заключается в том, что, не удержавшись на «высоте» своего бесконечного божественного совершенства, ум человека «сорвался вниз» и теперь чувствует свое «падшее» и изолированное от всеохватывающего пространства состояние. Именно это «оплакивание» своего нынешнего положения и угадывается в сюжетах большинства мифов. Так, например, платоновский миф описывает это в виде неудачного созерцания душами подлинной занебесной области, в результате чего они, отяжелев от невежества, теряют свои крылья и

падают в телесный чувственный мир для того, чтобы влачить в нем свое жалкое телесное существование. Зато тем душам, которым удалось узреть хоть частицу истины и справедливости, суждено оставаться в невредимом состоянии, продолжая быть спутницей бога.

В даосской культуре образ высшей Справедливости сравнивается с Великим Плавильщиком — Дао, а суждения о справедливости человека — с каплей металла. «Представим, что Великий Плавильщик плавит металл, и вдруг капелька этого металла подпрыгивает и кричит ему: “Хочу быть волшебным мечом — и ничем другим!”. Великий Плавильщик, конечно, счел бы такой металл ни на что не годным. А если считать Небо и Землю одним плавильным котлом, а превращение вещей — плавкой металла, то может ли вещь что-то не принимать на Пути своего превращения. Свершив свой земной Путь, всякая вещь возвращается к своему истоку — Единству Дао [18, 99].

Разумеется, и в авраамистических религиях повествование о грехопадении первых людей, усиленное братоубийственным преступлением Каина, сделало все последующее человечество в глазах иудейского Яхве, христианского Бога и исламского Аллаха в разной мере виновным и испорченным. После этого Высший Суд над отдельно взятым человеком (страдания Иова), или городами (Садом и Гоморра), или даже всем человечеством (вселенский потоп во времена Ноя) будет носить абсолютно справедливый характер. Вот к такому высшему образу духовной справедливости должна взойти природа человека, чтобы с позиции возвращенного состояния бесконечного божественного пространства судить о своих мыслях, словах и поступках, продиктованных мелочными интересами ограниченного местом и пространством телесного бытия.

Общий итог сводится к утверждению, что в основании человеческой природы лежат глубинные космо-антропные процессы отношений метаморфоз между бытием и небытием — бытие бытия. Их «конфигурация» обуславливает чувственно-хаотичный тип мышления, который бессознательно онтологизирует уклад своей внутренней морально-императивной жизни, превращая его в объективные, универсальные и идеальные проявления внешней реальности оформленного мира, получающего название мифологического мировоззрения.

Таким образом, бытийственно-небытийственной природой человека в мифологии становится «разница потенциалов» между формами бытия мира, рождающими образы богов, и соответствующими им свойствами сознания человека, благодаря которым происходит процесс гармонизации последних с первыми, иначе говоря, «разница потенциалов» между пространством и интуицией, временем и рассудком, движением стихий и инстинктами, материей и телесными чувствами.

Так, чем сильнее и целостнее природа человека, тем ближе он к единой жизни с миром и его богами, и, наоборот, чем слабее и раздробленнее природа, тем изолированнее его бытие от них. Здесь телесно-чувственная способность сознания, связанная с механизмом перехода человека из череды бытийственных его переживаний и страданий в моральную гармонию (полноты, целостности), рождает образ высшей Справедливости, воплощенным состоянием которого выступает Космос.

Литература

1. Соловьев В.С. Собр. соч. Т. 1. М., 1988.
2. Гуревич П.С. Философия. М.; Воронеж, 2004.
3. Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу. М., 1962.
4. Шопенгауэр А. К учению о страданиях мира // Шопенгауэр А. Сб. произв. Минск, 1998.
5. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление: В 2 т. Т. 2. М., 1993.
6. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. М., 1999.
7. Шелер М. Человек и история // Человек: образ и сущность. М., 1991.
8. Бубер М. Два образа веры. М., 1999.
9. Франк В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
10. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.
11. Паскаль Б. Из «Мыслей» // Ларошфуко Ф. и др. Суждения и афоризмы. М., 1990.
12. Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990.
13. Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984.
14. Лукьянов А.Е. Лао-цзы и Конфуций: философия Дао. М., 2000.
15. Аристотель. Политика. М., 1997.
16. Законы Ману. М., 1960.
17. Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1994.
18. Чжуан-цзы. Ле-цзы. М., 1995.

С.С. ЛАБАНОВ

Идеи зодчества в соборной философии А.С. Хомякова

Аннотация. Исследуются идеи зодчества в общей картине хозяйственного идеала великого русского философа, основателя славянофильства А.С. Хомякова.

Ключевые слова: зодчество, эстетика, хозяйство, соборность, готика, славянофильство, А.С. Хомяков.

Abstract. Explores the of architecture in nhe overall picture of the great Russian trinker, the tounder of Slavophilism A.S. Khomyakov.

Keywords: architecture, aesthetics, economy, unity, Gothic, Slavophilism, A.S. Khomyakov.

Имя Алексея Степановича Хомякова (1804—1860), одного из основателей славянофильства, хорошо известно ученым, исследователям, специалистам. Но некоторые аспекты его деятельности остаются вне исследований. Здесь мы рассмотрим его деятельность как эстета, занимающегося проблемой зодчества, его предпочтения в контексте архитектуры идеи хозяйства. Он был хозяином многочисленных родовых имений, которые сам конструировал и строил. Среди его идей была идея возведения храма в имении Тульской губернии, в селе Богучарове. Его желание в начале XX в. осуществил сын Алексея Степановича Дмитрий Алексеевич Хомяков (1841—1919), публицист и политический философ патриотического направления мысли. Погиб в 1919 г.

«Храм во имя Сретения Господня» в Богучарове начал строиться еще под непосредственным руководством хозяином усадьбы А.С. Хомякова в 1840 г. В советское время он находился в полуразрушенном состоянии, сегодня же восстанавливается, в нем идут службы и отпевания. Храм этот был красного цвета в готическом и в стиле позднего барокко. Теперь здесь каждый год в середине мая (в день рождения Хомякова) проходят конкурсы духовной музыки, пения, колокольного звона.

Будучи владельцем наследственного имения в селе Богучарово Тульского уезда Тульской губернии, сам Хомяков, а позднее и его сын — Дмитрий Алексеевич, постепенно разворачивают здесь большие строительные работы: пристраивают к старому господскому дому два флигеля, строят дом для управляющего, обновляют и расширяют парники, оранжерею. Здесь же широко развивается хозяйственная деятельность: выращиваются фрукты, овощи, цветы, растения, деревья.

Мысли Хомякова о зодчестве развивались в русле тех идей, которые были популярны в первой половине XIX в. Прежде чем говорить

об этих направлениях мысли, стоит сказать об общественных тенденциях, их формировавших. Данный период характеризовался критикой эпохи Просвещения, ориентирующейся на классицизм и рационализм, который подвергся ревизии после Французской революции. В противовес идеям французского Просвещения мысли русских поэтов, философов и писателей (в том числе и Хомякова) опирались, прежде всего, на германскую философскую и эстетическую традицию: натурфилософию Шеллинга, И. Гете, И. Фихте, Г. Гегеля, Баадера, Вакенродера, Тика, Новалиса.

Определенное влияние на него оказали также западные теологические идеи, например, французские традиционалисты начала XIX в. (Ж. де Местр и др.). Среди идейных источников славянофильства Хомякова выделяется, прежде всего, православие, в рамках которого было выработано учение о религиозно-мессианской роли русского народа.

Главным недостатком современной ему немецкой философии (особенно философии Гегеля) А.С. Хомяков считал понимание ею познания без связи с действительностью как отвлечения, с преувеличением значения абсолютного познания. Сравнивая два способа постижения мира — научный (путь логических выводов и доводов) и художественный (своего рода «таинственное ясновидение»), Хомяков отдаст предпочтение последнему.

Суть этого учения заключалась в соборности, особого рода любви и согласия, когда дома взаимопомощь, лад и покой. Это подобие оркестра или церковного хора, где учитывается каждая индивидуальность, проявляется общее, соборное. В этом отношении есть разница между соборностью и коллективизмом. В ней в полной мере учитывается личностное, творческое начало, оно соединяется в общее. А при коллективизме личность растворяется, теряет свою индивидуальность и нивелируется. Против этого как раз и выступал Хомяков. И в хозяйстве, и в зодчестве, и в обществе, и в Церкви должны быть гармония, лад и соборность. Вот что нам завещал Хомяков.

Представляя собой фихтеанскую диалектику «единства во множестве», она оберегает человеческую общность и в то же время сохраняет неповторимые черты отдельного человека. В социальной сфере эти начала соборности особенно полно воплотились в идее общины, гармонично сочетающей личные и общественные интересы. Необходимо, справедливо считал Хомяков, сделать общинный принцип жизни всеобъемлющим, и для этой цели создать общины в промышленности и, более того, сделать такое устройство основой государственной жизни, что позволит устранить мерзость административности в России.

Формально не примыкая ни к одной из философских школ, он не признавал материализм, характеризуя его как «упадок человеческого духа», в то же время и определенные формы идеализма не принимались им полностью.

В этом плане представления Хомякова об искусстве совпадали с идеями любомудров (вместе с братьями И.В. и П.В. Киреевскими). Это был круг молодых дворян-интеллектуалов, любящих Россию и желающих создать и развить в ней оригинальную и самобытную мысль (1820-е гг.). Кроме любомудров, о зодчестве размышляли Н.В. Гоголь, П.Я. Чаадаев, В.Ф. Одоевский, А.С. Пушкин, К.Д. Батюшков, Н.В. Кукольник.

Тема, которую развивает А.С. Хомяков в статьях «О зодчестве», «Письмо в Петербург о выставке», «О возможности русской художественной школы», где выражаются его идеи о зодчестве и искусстве, предельно актуальны и для сегодняшнего дня. Люди всю жизнь занимались строительством домов и храмов, которые являлись частью хозяйства и хозяйственной жизни людей. И любомудры, и А.С. Хомяков, и Н.В. Гоголь, и П.Я. Чаадаев впервые заговорили о том, что здания должны быть уникальными, нестандартными, разнообразными и отличными от других. Это было проблемой тогда — под влиянием идей классицизма, эта проблема остается и сегодня.

В статье «О зодчестве» Хомяков рассуждает о вдохновившей его Миланской церкви, которой он восхищался. В августе 1826 г. он находился в Милане на Соборной площади: перед ним поднималась огромная церковь, и ее легкая, красивая башня, украшенная резьбой, ярко выделялась на темно-голубом фоне итальянского неба. Об этих впечатлениях написал сам Хомяков: «...Долго стоял я перед этим великолепным зданием, неподвижен от удивления и глубокого, неизъяснимого наслаждения» [1, 247].

Далее в статье «О возможности русской художественной школы» Хомяков говорит о необходимости самобытных начал в искусстве (в том числе и зодчестве): «...Быть может, жаль бы было лишить всякой художественной будущности народ, который дал такие прекрасные задатки искусству в звуке и который даже в живописи и зодчестве давал великие обещания, понятные всякому истинному художнику, изучавшему наши старые иконы и строения» [2, 289]. Важно, чтобы народ, способный к художественному творчеству, развивался, не утрачивая целостность и здоровье своей внутренней жизни.

Хомяков пытается разобраться, чем же зодчество так вдохновляет человечество, предпочитая романтическую архитектуру. Философы, поэты и писатели, его современники — романтики, говоря о романтической архитектуре, ссылались не на мысли, а на чувства, т. е. думали

не логически и тем самым ошибались в своих рассуждениях и выводах.

Хомяков, как и многие романтики (как на Западе, так и у нас), считали зодчество искусством, а целью искусства — духовное наслаждение. В то же время сильное влияние на человека архитектура оказывает из-за простоты форм, не встречающихся в природной среде, из-за гармонии красок.

Так какими же средствами зодчество достигает своей благородной цели? И Хомяков здесь дает следующий ответ на свой вопрос: «Может быть, приведением пространства к форме простой, в которой редко является оно в природе, и гармоническим расположением света, теней и красок» [1, 248].

С точки зрения А.С. Хомякова, само по себе зодчество (как, собственно, и все прочие искусства) обязаны своим существованием именно религии, по крайней мере, в своем начале должно было быть ей посвященным. Он приводит примеры берегов Нила, Индии, где люди на самых ранних этапах составили образованное общество, и далее — Персии и Греции. Все памятники находились в теснейшей связи с религией. «Храмы, гробы и изредка дворцы царей, которым народы восточные поклонялись как живым изображениям богов, — вот что встречает взор путешественника» [1, 251], — подытоживает свою мысль Хомяков.

Великий русский мыслитель В.В. Розанов (1856—1919) в 1904 г. к 100-летию со дня рождения А.С. Хомякова посвятил ему статью «А.С. Хомяков», где сравнил славянофильство как явление и философию Хомякова с рассыпающейся башней Св. Марка в Венеции. Вот что он пишет: «Теперь, когда прошло 44 года после его смерти, идеи его не представляют высокого и цельного здания» [3, 419]. «Щебень этот есть, но здание это было, но есть много людей, хранящих о нем благоговейное воспоминание» [3, 419].

Он упорной и монотонной своей деятельностью (как бы в одном направлении) покачнул все русское сознание в сторону народности, а также ко все большему вниманию своих современников и потомков к нашей истории и Церкви. И при этом «отзвук... его мысли распространился почти на всех» [3, 420].

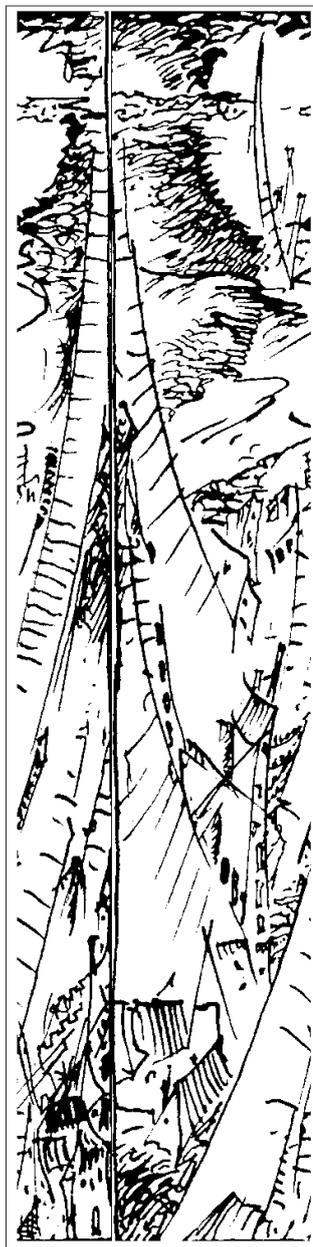
В этом актуальность и злободневность его мыслей о зодчестве, хозяйстве, соборности, истории, Церкви и культуре. Он призывал хранить и беречь все, что делали наши предки. И, безусловно, создавать новое, свое, оригинальное и в то же время органическое и естественное для нашей цивилизации и культуры.

Литература

1. *Хомяков А.С.* О зодчестве // Хомяков А.С. Стихотворения. М., 2005.
2. *Хомяков А.С.* О возможностях русской художественной школы // Хомяков А.С. Стихотворения. М., 2005.
3. *Розанов В.В.* А.С. Хомяков и Вл. Соловьев» // Розанов В.В. Около церковных стен. М., 1995.

IV

АКТУАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В.С. СИЗОВ

Форсайт-исследование системы образования России

Аннотация. В статье представлены результаты форсайт-исследования тенденций и перспектив российской системы образования, которое проводилось в Вятском социально-экономическом институте в феврале—марте 2015 г. По каждому выделенному экспертами значимому фактору даются пояснения, каким образом и почему он способен оказать воздействие на систему образования. Все факторы сгруппированы в соответствии с их ролью в три группы: возможности, угрозы, вызовы. Дается прогноз временных периодов, когда каждый из факторов будет оказывать наиболее ощутимое воздействие. Делается вывод о наличии глобальной конкуренции в сфере образования, вплоть до «образовательной агрессии» со стороны отдельных стран, прежде всего США. В выводах говорится о том, что уже сегодня может сделать Правительство и Минобрнауки для того, чтобы воспользоваться представляющимися возможностями, нейтрализовать угрозы и успешно преодолеть вызовы, что в итоге должно сформировать новую инновационную модель системы образования России.

Ключевые слова: форсайт, федеральная целевая программа (ФЦП) развития образования, инновационная система образования, анализ долгосрочных тенденций, непрерывное образование, «академии для взрослых», сетевое и дуальное практико-ориентированное обучение, интернационализация и информатизация обучения, управление образованием.

Abstract. The article represents the data of a foresight-researching on the subject of tendencies and perspectives of the Russian educational system which was fulfilled in the Vyatka Social-Economic Institute in march—february 2015. Each of the factors, having been pointed out by the experts, was explained and was shown its influence on the educational system. All the factors have been grouped in three groups according to their roles: possibilities, threatens, challenges. One gives a prediction of time periods when each of the factors will influence most of all. One makes a conclusion about a presence of the global competition in the field of education up to «an educational aggression» from some countries, especially the USA. In the end it is supposed what the government and the Ministry of Education can do to use the possibilities, to offset the threatens and to overcome the challenges that will lead to formation of a new innovation model of the Russian educational system.

Keywords: a foresight, Federal Target Program of the education development, an innovation system of education, an analysis of long-term tendencies, a non-stop education, a network and double practice-oriented education, internationalization and computerization of education, education management.

Основным капиталом современного развитого общества является человек, способный к поиску и освоению новых знаний и принятию нестандартных решений. Такие способности развиваются в процессе получения высшего образования. Можно утверждать, что высшее образование является ведущим фактором прогресса. Чем больше доля людей с высшим образованием в обществе, тем выше его потенциальная возможность активно развиваться, генерировать инновационные идеи, создавать новые технологии и внедрять их в повседневную жизнь. Однако чтобы научить людей инновационному мышлению, сам процесс обучения должен являться образцом инновационности. Невозможно научить учащихся мыслить свободно и творчески, при этом ограничивая свободу и творчество обучающего их педагога.

В XXI в., в эпоху всеобщей информатизации, учитель перестал быть единственным транслятором знаний — имеется широкий выбор как источников знаний, так и их носителей. Появились новые формы и инструменты обучения: от «индивидуальных образовательных маршрутов» и «дистанционного обучения» до «электронного обучения», SMART-обучения¹⁸ и «средовых» форм образования.

В настоящий — «переломный» и даже «революционный» — момент для мировой системы образования вообще и для российской в частности важным является тщательный анализ долгосрочных тенденций и перспектив развития образовательной сферы. Мало того — это важнейшая государственная задача. От того, насколько верно определены долгосрочные пути развития образования, зависит не только качество подготовки в школах и вузах, но и место России на экономической и политической карте мира через 10—15 лет.

Государство решает эту задачу через разработку федеральных целевых программ (ФЦП) развития образования, которые Правительство принимает раз в 5 лет.

В недавно принятой ФЦП развития образования на период 2016 — 2020 гг. подробно описываются методические подходы к определению

---

¹⁸Smarteducation — это объединение учебных заведений и профессорско-преподавательского состава для осуществления совместной образовательной деятельности в сети Интернет на базе общих стандартов, соглашений и технологий, т. е. речь идет о совместном создании и использовании контента, о совместном обучении.

целевых показателей (индикаторов), но нет ответа на важнейший вопрос: как, по каким критериям и методикам определялись сами направления, в которых предлагается «развивать» российскую систему образования?

В последнее время в научной среде и среди менеджеров высшего звена широкую популярность приобрел *форсайт* как инструмент анализа долгосрочных тенденций и перспектив развития той или иной сферы, отрасли или территории.

Специализированное учреждение ООН по содействию промышленному развитию и международному промышленному сотрудничеству ЮНИДО дает следующее определение: «Форсайт представляет собой систему методов экспертной оценки стратегических направлений социально-экономического и инновационного развития, выявления технологических прорывов, способных оказать воздействие на экономику и общество в средне- и долгосрочной перспективе».

Отметим, что целью форсайта не является решение проблем сегодняшнего или завтрашнего дня. Кроме того, форсайт ничего не прогнозирует и тем более не предсказывает. Но на основе сегодняшних научных разработок и технологий форсайт способен улавливать тенденции будущего мира. Он указывает, какие направления развития для страны, города или отрасли, окажутся наиболее перспективными и востребованными.

Существуют различные инструменты (или методики) форсайта. Наиболее известные — метод Дельфи, SWOT-анализ, методика фокус-групп, панели экспертов, сценарное планирование, выделение ключевых технологий, разработка дорожных карт, анализ глобальных трендов, PEST-анализ и др. Обычно в форсайт-проекте применяется комбинация различных методов (см.: [1]).

В России одним из первых был IT-форсайт, организованный Минин-формсвязи РФ в 2006 г. В Вятском социально-экономическом институте фор-сайт используется с 2010 г. Первый опыт использования форсайта для исследования тенденций образования был получен нами в апреле 2011 г. [2], а наиболее значимых результатов при использовании этой методологии нам удалось достичь в 2013 г., когда по заказу Администрации г. Кирова мы проводили территориальное форсайт-исследование, по итогам которого была издана монография: «Киров — город будущего. Форсайт-исследование». В феврале—марте 2015 г. по собственной инициативе мы провели форсайт-исследование «Тенденции и перспективы развития образования». В составе экспертной группы было 35 человек: руководители общеобразовательных школ,

колледжей и вузов (среди них — 5 докторов наук и 17 кандидатов наук)¹⁹.

Представим основные результаты этого исследования. Они заключаются в выделении экспертной группой 16-ти наиболее важных факторов влияния на российскую систему образования, или форсайт-факторов. Все факторы разделены на три группы: возможности, угрозы и вызовы. Факторы в группах расположены в порядке убывания их значимости — от наиболее весомых к менее значимым.

Важнейшие возможности, которые открываются перед системой образования России

Возможность — это фактор, который, если им воспользоваться, принесет значительный успех системе образования, экономике, улучшит качество жизни и здоровье людей. «Возможности», как правило, предполагают незамедлительные действия по их реализации.

1. *Значительное сокращение «знаниевого» компонента в обучении. Образование в первую очередь должно развивать понятийное мышление, креативные способности, давать опыт по реализации научно-исследовательских проектов и обучать навыкам пользования современными технологиями в различных сферах жизнедеятельности* (коэффициент значимости фактора — 240; вероятность наибольшего влияния фактора — в период от 2021 до 2025 г.).

Пояснения. По мнению финских педагогов, чья система среднего образования считается сегодня лучшей в мире, нет никакого смысла заполнять головы детей и подростков отрывочными сведениями об основах разных наук. Даже таблицу умножения они не считают обязательной для заучивания. Потому что у современного человека всегда под рукой есть счетная машинка, часы или сотовый телефон с калькулятором, которые любые вычисления делают быстрее и точнее человека. На экзамен финские школьники могут приносить любые справочники и использовать интернет, для чего в экзаменационной аудитории всегда есть компьютер. Самое главное в современном образовании, считают финны, — это функциональная грамотность, т. е. умение пользоваться справочником и электронными ресурсами, с помощью которых человек всегда найдет нужную информацию тогда, когда она ему действительно потребуется.

2. *Внедрение в общественную практику концепции непрерывного образования: «Образование через всю жизнь»* (коэффициент значимо-

---

¹⁹ Подробнее ознакомиться с методологией проведения форсайт-исследования можно в наших работах [3; 4] — они доступны в электронном виде, в частности, на персональном сайте автора.

сти фактора — 180; вероятность наибольшего влияния фактора — в период от 2021 до 2025 г.).

Пояснения. Непрерывное образование сегодня является одной из ведущих современных *идей* развития образования. На Западе давно осознали, что без системы постоянного обновления знаний и компетенций работников невозможно строить инновационную экономику, и поэтому создают условия для массового обучения взрослого населения. В Австрии в них задействовано 89% жителей, в Дании — почти 80, Финляндии — 77, Швеции — 71, Швейцарии — 68%. В России в сфере непрерывного образования занято 22,4 % населения. По мнению ряда экспертов, Россия сможет достичь объемов непрерывного образования, сопоставимых с развитыми странами, лишь через 20 лет.

3. *Формирование сети «Академий для взрослых», задачей которой будет являться адаптация людей старшего возраста к реалиям быстроизменяющегося мира. Особенно в освоении новых информационных технологий и гаджетов* (коэффициент значимости фактора — 158; вероятность наибольшего влияния фактора — в период от 2021 до 2025 г.).

Пояснения. «Академии для взрослых» — одна из перспективных форм реализации концепции «Образование через всю жизнь». В практическом аспекте «Академии для взрослых» представляют конгломерат из Центров дополнительного образования с клубами по интересам. В России сегодня уже более чем в 30 регионах действуют так называемые «Университеты третьего возраста». Однако пока их формат — скорее занятие досуга пенсионеров. Как показывает современная практика, наиболее востребованными у пенсионеров оказываются курсы пользователей ПК, обучение работе в интернете и пользование Skype.

4. *Использование «сетевых» форм обучения, когда учащийся «не привязан» к одной образовательной организации, а проходит обучение по той или иной дисциплине, самостоятельно выбирая образовательную организацию или место практики, из тех что входят в выбранную им «сеть»* (коэффициент значимости фактора — 158; вероятность наибольшего влияния фактора — в период от 2021 до 2025 г.).

Пояснения. Сетевая форма обучения — это совместная реализация образовательной программы несколькими организациями, осуществляющими образовательную деятельность, с привлечением при необходимости необразовательных организаций, обладающих необходимыми для обучения ресурсами. Сетевая форма обучения дает возможность реализации академической мобильности научно-педагогическим работникам студентам, в том числе путем реализации партнерских образовательных программ с иностранными университетами и ассоциациями университетов.

Международным примером сетевого взаимодействия является сетевой Университет Шанхайской организации сотрудничества (УШОС), который объединяет 82 вуза из Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и России. С российской стороны в проекте участвуют шесть вузов²⁰. Студенты учатся и очно, и дистанционно на русском и китайском языках, а по окончании программ получают диплом своего вуза и сертификат УШОС.

5. *Переход системы высшего образования на практико-ориентированную дуальную модель обучения* (коэффициент значимости фактора — 158; вероятность наибольшего влияния фактора — в период от 2021 до 2025 г.).

Пояснение. Дуальное обучение подразумевает, что теоретическая часть подготовки проходит на базе образовательной организации, а практическая на производстве. При этом работодатель делает заказ образовательным учреждениям на конкретное количество специалистов, которое ему необходимо, а также принимает участие в составлении учебной программы. С 2014 г. в России в 10 регионах запущен пилотный проект «Подготовка рабочих кадров, соответствующих требованиям высокотехнологичных отраслей промышленности, на основе дуального образования».

6. *Применение при обучении в школах, колледжах, вузах принципов соционики (т. е. использование неодинаковых подходов при обучении разных типов людей). В перспективе использование любых учебных программ и дидактических средств с учетом индивидуальных психофизиологических особенностей каждого человека* (коэффициент значимости фактора — 105; вероятность наибольшего влияния фактора — в период от 2030 до 2040 г.).

Пояснения. Согласно теории соционики, каждый человек от рождения обладает определенным типом психики, который остается неизменным на протяжении всей жизни. Знание психотипов людей позволяет создавать учебные группы, где собраны люди со сходными свойствами мышления и восприятия информации. Разработка учебных программ с учетом различия психотипов людей позволяет существенно повысить качество их обучения.

Главные угрозы системе образования России

Угрозы — это те или иные факторы, которые представляют опасность для государства и общества. В нашем случае это факторы, которые способны нанести серьезный урон системе образования, а через нее экономике, экологии, качеству жизни и здоровью населения. Угро-

---

²⁰МГИМО, МГУ, МГЛУ, МИСиС, МЭИ, РУДН.

зы, как правило, требуют незамедлительного принятия решения и выработки стратегии по их устранению.

1. *Высокая степень вмешательства государства в регулирование учебного процесса в образовательных организациях и его избыточная стандартизация* (коэффициент значимости — 350; вероятность наибольшего влияния фактора — в период до 2020 г.).

Пояснения. Современные информационные системы способны обрабатывать огромные объемы информации. Это побуждает контрольно-надзорные и статистические органы запрашивать все большие объемы первичных данных. Это позволяет им «видеть» детальную картину того, что происходит в подведомственных им организациях. Однако первичные данные собираются «вручную». Для этого приходится прилагать все больше усилий и нести дополнительные финансовые затраты. В масштабах страны на сбор избыточной первичной информации и составление различных отчетов тратятся колоссальные средства, которые могли бы использоваться для развития образовательных организаций. Александр Адамский, ректор Института образовательной политики «Эврика», указывает: «Международные исследования фиксируют высокий уровень образования там, где государство минимально вмешивается в работу учителя (это и Финляндия, и ряд Скандинавских стран). И, наоборот, крайне низкий уровень образования наблюдается там, где государство тотально регулирует деятельность учителя и учебную литературу (например, в Сербии). Повышение качества образования и самостоятельность учителя и школы связаны напрямую. Чем выше самостоятельность, тем выше качество. Чем выше зарегулированность, тем ниже вариативность и качество образования».

Серьезной помехой для развития образования являются также волюнтаристские решения, принимаемые Минобрнауки. Так, например, известно, что параметры, по которым проводился так называемый мониторинг эффективности вузов, никакого отношения к качеству образования вообще не имеет. А сам мониторинг в его нынешнем виде является фактором высокой дестабилизации системы высшего образования и не способствует ее здоровому развитию.

2. *Искусственное снижение роли и статуса высшего образования в общественном сознании россиян и активная пропаганда рабочих специальностей — внедрение различных программ поддержки рабочих кадров* (коэффициент значимости — 320; вероятность наибольшего влияния фактора — в период до 2020 г.).

Пояснения. О необходимости усиления вектора образования в сторону рабочих специальностей, в частности, говорится в ФЦП развития образования на 2016—2020 гг. В настоящее время Правительство разрабатывает план массовой подготовки рабочих. Однако следует иметь в виду, что страны с развитой постиндустриальной экономикой, пере-

шедшие на так называемый V технологический уклад, стали развитыми и успешными в первую очередь за счет «производства» новых технологий. Поэтому такую экономику часто называют «экономикой знаний», или «инновационной экономикой». Выпускают же промышленную продукцию развивающиеся страны типа Китая, Индии и России, которые до сих пор находятся в IV технологическом укладе — на этапе индустриализации. Эта правительственная программа обрекает Россию и дальше оставаться в ряду развивающихся стран. Соответственно разрыв между качеством жизни жителей России и жителей развитых стран будет неуклонно расти.

3. *Падение уровня среднего общего образования в России. Нахождение высшего образования в системном кризисе* (коэффициент значимости — 240; вероятность наибольшего влияния фактора — в период до 2020 г.).

Пояснения. В июне 2014 г. в рамках Петербургского международного экономического форума «Новые модели образования для экономики XXI века» среди ректоров ведущих вузов России, представителей власти и бизнеса был проведен опрос об уровне развития современной системы образования в России. По мнению 53% экспертов, Россия с ее системой образования — страна отстающая. Почти 11% заявили, что мы живем в стране с отсталой системой образования. Только треть согласна, что Россия — передовая страна, а 3% уверены, что она — мировой лидер. Между тем в рейтинге образовательных систем британской исследовательской компании «Economist Intelligence Unit» за 2014 г. Россия заняла 8-е место среди стран Европы и 13-е в мире. Рейтинг составлен на основе международных тестов (PISA, TIMSS и PIRLS). Согласно тестам (PISA), среди учеников 15-ти лет Россия заняла 34-е место по математике, 37-е — по научной грамотности, 41-е — по чтению.

Что касается высшего образования, то в самом авторитетном мировом рейтинге вузов «Times Higher Education» за 2013—2014 г. в число 400 лучших мировых вузов из российских попал только МГУ (в группе вузов, занимающих 226—250-е место). Другие российские вузы не попали даже в топ-400.

4. *Снижение в разы количества высших учебных заведений (до 200 и менее)* (коэффициент значимости — 160; вероятность наибольшего влияния фактора — в период до 2020 г.).

Пояснения. Цифра в 150 — 200 вузов, которых достаточно для России, впервые была провозглашена в 2008 г. бывшим министром образования Андреем Фурсенко. С тех пор началась «охота на вузы», которая особенно активизировалась с приходом нового министра Минобрнауки и нового руководителя Рособнадзора. В соответствии с ФЦП

развития образования на 2016 — 2020 гг., к 2020 г. будут закрыты 80% филиалов и до 40% вузов.

Отметим, что, по данным за 2008 г., в России насчитывалось 1134 вуза и 1663 филиала, в которых обучалось 7,5 млн человек. К началу 2014 г. осталось 961 вузов, в которых обучалось 4,7 млн студентов (на 141 млн населения). Для сравнения: в США (на 2010 г.) было 4352 вуза на 310 млн человек населения; в Бразилии — 2000 вузов на 190 млн жителей, в Европе на 500 млн населения насчитывается более 4000 вузов и 19,5 млн студентов. Объяснение, что в России ухудшилась демографическая ситуация, не выдерживает критики, поскольку в России в 2010 г. в расчете на 100 тыс. населения было 497 студентов, а в 2014 — уже только 336 студентов на 100 тыс. населения (в то время как в США на 100 тыс. населения приходится порядка 610 студентов).

Директор Института глобализации и социальных движений Б.Ю. Кагарлицкий указывает: «Ни в одной стране Европы, кроме России, не планируется массовое закрытие университетов».

5. *Неоправданная ставка на то, что крупные федеральные университеты станут главной опорой государства в конкуренции на международном рынке труда, а также центральным звеном («заводным механизмом») кластерного развития российских регионов* (коэффициент значимости — 158; вероятность наибольшего влияния фактора — в период от 2021 до 2025 г.).

Пояснения. По мнению независимых экспертов, ставка на крупные федеральные университеты как на «локомотивы» кластерного развития регионов ошибочна. Правительство решило пойти по западному пути развития, где львиная доля научно-практических исследований действительно проводится в университетах. Однако там такая система складывалась на протяжении более ста лет и такой подход обусловлен историческими и политическими процессами, а также экономическим устройством западных стран. В СССР в 1950—1970-х гг. были замечательные научные достижения, но в их организационной основе лежали академические институты и ведомственные НИИ, а не университеты.

Главные вызовы российской системе образования

Вызов — это сложная задача, которая, если будет успешно решена, предоставит новые или дополнительные возможности. Если «вызов» игнорируется и задача, которую он ставит, не решается, он превращается в опасную угрозу.

1. *Многочисленное возращание информационной доступности образования. Будет широко осуществляться бесплатное распространение мультимедийных учебных курсов, увеличится популярность профессионального самообразования без организационного участия*

учебных заведений (коэффициент значимости — 240; вероятность наибольшего влияния фактора — в период до 2021 — 2025 г.).

Пояснения. Сотрудниками Стэнфордской лаборатории искусственного интеллекта Дафной Колер и Эндрю Нгом был учрежден Проект электронного обучения *Coursera*, цель которого — использовать лучшие курсы лучших преподавателей в лучших университетах и предоставлять доступ к ним во всем мире бесплатно.

На апрель 2014 г., в Coursera зарегистрировано 7,1 млн пользователей, из которых 2,42% — россияне (7-я позиция в рейтинге). В 2014 г. Coursera предоставляла 641 курс из 108 учреждений (как правило, американских и английских; российских вузов два — СПбГУ и МФТИ).

Таким образом, сегодня традиционным университетам и системе образования в целом «брошен вызов». Суть его в том, что деятельность, которую раньше осуществляли вузы, начинают перехватывать другие социальные институции: распространение знаний и информации обеспечивает интернет; формирование ценностей и жизненных установок берут на себя СМИ, кино и реклама; генерацией новых идей и инноваций активно занимается бизнес; воспроизводство стилей жизни происходит за счет социальных сетей и неформальных сообществ и т. д.

2. *Интернационализация образования. Многие россияне с помощью дистанционных форм обучения смогут дешево (или бесплатно) учиться в лучших зарубежных вузах* (коэффициент значимости — 210; вероятность наибольшего влияния фактора — в период от 2025 до 2030 г.).

Пояснения. Основатель проекта «Универсарיום» Дмитрий Гужеля считает, что в настоящее время на образовательном рынке наблюдается глобальная конкуренция, университеты воюют за лучших абитуриентов. Он привел статистику, согласно которой почти полмиллиона россиян проходят свое обучение на других языках, используя иностранные образовательные ресурсы.

Следует учитывать, что зарубежные вузы, поддерживаемые своими правительствами, будут целенаправленно внедряться в российскую систему образования, предлагая бесплатное дистанционное обучение россиянам и оказывая поддержку в виде грантов. Эксперты считают, что распространение бесплатного онлайн-образования от крупных университетов может привести к закрытию более слабых вузов. По оценке гендиректора Института развития образования ГУ-ВШЭ Ирины Абанкиной, нынешние американские программы способны привлечь до миллиарда слушателей по всему миру.

3. *Придание чрезмерного значения патриотическому воспитанию в учебных заведениях* (коэффициент значимости — 180; вероятность наибольшего влияния фактора — в период до 2020 г.).

Пояснения. Почему усиление патриотического воспитания является вызовом? Все зависит от того, какой характер и направленность в сознании учащихся примет такое воспитание. От патриотизма до национализма — один шаг. Чрезмерный упор на «патриотизм» может вызвать обостренные чувства необходимости немедленно и даже с оружием в руках вступить в борьбу со всеми «инакомыслящими». В царской России движение черносотенцев тоже начинало с патриотических заявлений, которые кончались еврейскими погромами.

4. *Появление технологий непосредственной загрузки «программного контента» в мозг человека, что многократно увеличит возможности человека, но в то же время будет и инструментом контроля над ним* (коэффициент значимости — 160; вероятность наибольшего влияния фактора — в период от 2031 до 2040 г.).

Пояснения. Испытания специального чипа, вживленного в мозг грызунов учеными из США, показали, что животных можно по желанию заставить запоминать те или иные действия, а также что чип улучшает способности мозга. Автор работы — профессор Теодор Бергер — планирует провести апгрейд человеческого мозга через 15 лет.

Сегодня уже есть успешные попытки реконструкции того, что люди видят. Воспоминания и мысли с помощью нейро-компьютерного интерфейса сканируются из головы и воспроизводятся на экране. Следующий шаг — проецирование изображений кинофильмов непосредственно в мозг с эффектом присутствия, в том числе с восприятием запахов и тактильными ощущениями.

5. *Управление системой высшего образования и вузами профессиональными менеджерами, а не учеными и педагогами* (коэффициент значимости — 158; вероятность наибольшего влияния фактора — в период от 2021 до 2025 г.).

Пояснения. В сентябре 2012 г. министр образования Дмитрий Ливанов на заседании Комитета по образованию Совета Федерации заявил о намерении кардинально обновить руководство российских вузов. По его мнению, возглавлять университеты должны новые, бизнес-ориентированные специалисты.

В последние годы на должности ректоров часто назначаются бывшие чиновники, порою никогда не работавшие в вузах.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы и предложения.

1. Природа образовательных продуктов не меняется, но меняются технологии предоставления образовательных услуг.

2. В ближайшем будущем произойдет масштабный передел рынка образовательных услуг, в частности за счет прихода на этот рынок «необразовательных» и профессиональных организаций. Вузам необ-

ходимо активизировать усилия по генерированию эффективных педагогических инноваций.

3. Лидерство в мире обретут те страны, которые помимо промышленной мощи способны создать национальную инновационную систему образования.

4. Новая инновационная система образования России должна включать как образовательные организации, так и профессиональные сообщества, корпоративные университеты, «академии для взрослых», образовательные проекты различных организаций. Система образования должна строиться по сетевому принципу, звеньями которой могут быть различные агенты.

5. Инновационная система образования должна функционировать в благоприятной среде активно развивающихся образовательных организаций, не стесненных жесткими рамками единообразия форм и видов образования.

6. Управление инновационной системой образование должно быть не директивным, а индикативным. Государственное финансирование образовательных организаций и проектов должно осуществляться на условиях равноправия, справедливости, конкурсной открытости.

7. В России должны быть созданы независимые общественные наблюдательные советы над деятельностью Минобрнауки и Рособнадзора.

8. Правительству и Минобрнауки в своей деятельности по развитию образования в России следует направить усилия на поддержку отечественных образовательных организаций в их противостоянии «образовательной агрессии» со стороны иностранных государств, прежде всего США²¹.

Литература

1. Гапоненко Н.В. Форсайт. Теория. Методология. Опыт. М., 2008.
2. Образование будущего: Сб. стат. межрег. науч. конф. «Образование будущего. Год 2021: модели и технологии» / Под ред. В.С. Сизова, Н.С. Александровой. Киров, 2011.
3. Сизов В.С. Киров — город будущего. Форсайт-исследование. М., 2013.
4. Сизов В.С. Форсайт: понятие, задачи и методология // Вопросы новой экономики. 2012. № 2.
5. Сизов В.С. Территориальный форсайт: опыт форсайт-исследования муниципального образования // Вопросы новой экономики. 2013. № 2.

---

²¹ См. также: [5; 6].

б. Сизов В.С. Форсайт: сущность, становление и методы // Новая экономика: теория и практика / Под ред. Е.Ф. Авдокушина, В.С. Сизова. М., 2014.

Д.В. ВОРОНИН

Роль региональных научно-образовательных комплексов в развитии инновационных центров в России

Аннотация. Рассматривается место региональных научно-образовательных комплексов в развитии новых инновационных центров в России. Прослеживается процесс развития особой экономической зоны технико-внедренческого типа «Томск». Уделяется внимание роли национальных исследовательских университетов по реализации программ формирования системы научного обеспечения создания и развития инновационного территориального центра в регионе.

Ключевые слова: научно-образовательный комплекс, регион, инновационный бизнес, особая экономическая зона технико-внедренческого типа, нанотехнологии.

Abstract. This article discusses the place of the regional scientific and educational complexes in the development of new innovation centers in Russia. Special attention is paid to the National research universities along with educational process is carried out significant research programs. The active participation of University research in this direction was an important prerequisite for the creation of Tomsk oblast Center for the participation of business innovation, universities and research organizations in the implementation of programs of innovative development of the region.

Keywords: scientific-educational centers, region, innovative business, special economic zone of technical innovation type, nanotechnology.

Последние несколько лет слова о необходимости перехода на инновационный путь развития нашей страны стали своеобразной мантрой для руководства государства. Курс на развитие инноваций направлен на повышение конкурентоспособности отечественных производителей, расширение рынков сбыта товаров, снижение издержек производства. Были разработаны и приняты «Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года», определявшие инновационную деятельность, направленную на создание и организацию принципиально нового производства, которое позволило бы выпускать продукцию с новыми потребительскими свойствами, отвечающую мировым стан-

дартам. Программа предусматривала применение структурных, финансовых, экономических, информационных, кадровых и других инновационных подходов к решению стоящих экономических задач.

Инновационная активность в регионах проявляется по-разному. Как правило, высокая инновационная активность наблюдается в Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Нижегородской областях. В других регионах инновационная активность находится в неустойчивом состоянии. Она протекает в условиях влияния внутренних и внешних факторов. Спрос на инновации существенно изменился в период финансово-экономического кризиса 2008 г. Однако по мере исчезновения кризисных явлений спрос на инновации, как правило, падает и только новая волна кризиса, усугубленная санкциями в отношении нашей страны, заставила вновь заговорить о необходимости структурных изменений в нашей экономике.

В силу особенности проводимой экономической политики число регионов с активной инновационной деятельностью в нашей стране невелико. Важную роль в инновационном развитии призваны сыграть сибирские регионы. На это направлена «Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года», утвержденная правительством в 2010 г. Она предусматривает в качестве главной цели обеспечение устойчивого повышения уровня и качества жизни населения на основе сбалансированной социально-экономической системы инновационного типа.

Одним из регионов, где политика по развитию активной инновационной деятельности успешно реализуется, является Томская область. Здесь, еще до принятия данной стратегической программы, началась активная работа. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. № 783 «О создании на территории г. Томска особой экономической зоны технико-внедренческого типа (ОЭЗ ТВТ “Томск”»). Она была создана на период с 2005 по 2054 г. [1]. При этом ставилась задача придания экономике Томской области нового качественного развития через улучшение условий для инновационного предпринимательства и создание устойчивых конкурентных преимуществ в сфере науки, образования и передовых технологий. Одновременно конкретизировались цели по реализации программы развития ОЭЗ ТВТ «Томск»:

- содействие созданию инновационной экономики, новых сегментов рынка;
- развитие обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей экономики;
- развитие производства новых видов продукции;
- сохранение и наращивание потенциала высококвалифицированных научно-технических и рабочих кадров;

- коммерциализация результатов научно-технической деятельности.

ОЭЗ ТВТ «Томск» единственная из пяти особых экономических зон технико-внедренческого типа, которая расположена в восточно-азиатской части России.

Деятельность особой экономической зоны предусматривает двухканальное финансирование. Так, в 2013 г. на каждый бюджетный рубль, вложенный в ее развитие, было привлечено 1,93 р. внебюджетных средств.

Создание ОЭЗ ТВТ в Томске обусловлено рядом благоприятных факторов. Прежде всего это стабильная экономическая ситуация, складывающаяся в области. Кроме того, регион обладает мощным научным потенциалом. Томск всегда отличался не только от сибирских, но и от большинства российских городов. Это один из старейших в России научно-образовательных комплексов, включающий в себя 7 университетов, из них два национальных исследовательских, 8 филиалов иногородних вузов, 23 научно-исследовательских института, 7 инновационных бизнес-инкубаторов (где реализуется более 300 проектов, готовых для коммерциализации) и более 500 частных инновационных компаний. В вузах функционирует 31 элемент инновационной инфраструктуры, в орбите деятельности которых находится 706 разработок. Патентная активность в Томской области вдвое превышает среднюю по РФ, в 2010 г. было получено 494 патента, в том числе 3 зарубежных.

Благодаря такому сосредоточению научно-исследовательских компетенций, томский научный комплекс в 2011 г. был включен, единственный из России, в ТОП 35 мировых инновационных центров.

Однако главным преимуществом Томска, на наш взгляд, является его кадровый ресурс. В Томской области высшее образование имеют 30% трудоспособного населения. В томских вузах и филиалах обучаются 85 тыс. студентов по 103 направлениям 249 специальностям высшего профессионального образования. Ежегодно выпускается около 16 тыс. специалистов. По концентрации научных сотрудников высшей квалификации Томск занимает 1-е место в России. Из 500 тыс. жителей Томска почти каждый пятый — студент, что делает его студенческим городом.

Необходимо подчеркнуть, что в перечень 15 ведущих университетов России вошли два томских вуза. В список 77 университетов России вошли 4 университета Томской области, ставшие победителями конкурса, проходившего в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2010 г. № 219 «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных

образовательных учреждениях высшего профессионального образования».

Особое место занимает Национальный исследовательский Томский государственный университет (ТГУ), который в 2013 г. отметил свое 135-летие. В 1930-е гг. писатель И. Эренбург при посещении Томска заметил, что город должен был прийти в упадок, после того как транс-сибирская магистраль обошла его стороной, но этого не произошло, потому что в Томске был университет. Это обеспечило благополучие Томску, и до сих пор ТГУ является его «визитной карточкой».

В настоящее время ТГУ сочетает в себе традиции классического университета и центра информационно-коммуникационных технологий, направленных на развитие фундаментальных и прикладных исследований по основным направлениям деятельности: развитие ИТ-инфраструктуры, совершенствование электронной информационной системы университета. Наличие высокоразвитой информационно-телекоммуникационной инфраструктуры позволило создать Суперкомпьютерный информационно-вычислительный комплекс, Центр космического мониторинга, Ассоциацию «Сибирский открытый университет». Важное место в деятельности ТГУ занимает участие в программах инновационного развития компаний. Взаимодействие с компаниями при реализации совместных проектов в области проведения НИОКР подготовки и переподготовки кадров направлено на разработку и внедрение новых технологий, продуктов и услуг, соответствующих мировому уровню.

ТГУ включен в Программы инновационного развития 11 компаний (акционерных обществ с государственным участием, государственных корпораций и федеральных государственных унитарных предприятий). Университет успешно развивает сотрудничество и с другими компаниями, реализующими программы инновационного развития — такими как ГК «Росатом», ОАО «Нефтяная компания “Роснефть”», ОАО «Газпром». Взаимодействие с компаниями в рамках реализации Программ инновационного развития направлено на разработку и внедрение новых технологий, продуктов и услуг, отвечающих мировому уровню.

Важную роль в развитии инфраструктуры и наращивании объемов научной и инновационной деятельности в регионе играет Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ). Инновационная инфраструктура ТПУ развивается как комплексная система заверщенного инновационного цикла, обеспечивающая разработку, создание и вывод на рынок конкурентоспособной наукоемкой продукции, организацию кадрового, маркетингового и технологического обеспечения субъектов инновационного предпринимательства.

ТПУ выступает инициатором создания Томской области регионального межвузовского венчурного фонда для финансирования, в первую очередь, комплексных проектов организаций, входящих в Ассоциацию «Томский консорциум научно-образовательных и научных организаций». Он входит в состав 22 технологических платформ из 32, организованных в России.

Наличие необходимых конкурентных преимуществ позволяет ставить стратегическую цель развития региона — создание динамично развивающейся, сбалансированной и конкурентоспособной экономики, обеспечивающей высокий уровень доходов населения. Мониторинг развития Томской области за период с 2004 по 2013 г. выявил стабильную положительную тенденцию роста среднедушевых денежных доходов населения и сокращения уровня безработицы в регионе.

За период с начала реализации проекта по созданию особой экономической зоны технико-внедренческого типа «Томск» накоплен первый опыт и достигнуты определенные результаты.

По состоянию на 1 августа 2014 г. 59 компаний имеют статус резидента ОЭЗ ТВТ «Томск». Из них 26 компаний специализируются в области информационных технологий и электроники, 9 компаний — в области нанотехнологий и новых материалов, 9 компаний — в области ресурсосберегающих технологий и 15 компаний — в области медицины и биотехнологий. Объем частных инвестиций в реализацию проектов на территории ОЭЗ превысил более 5,2 млрд р. Объем выручки от продукции, произведенной резидентами на территории ОЭЗ (в денежном эквиваленте) с момента образования ОЭЗ ТВТ «Томск» — 4,9 млрд р., объем налоговых отчислений — почти 929 млн р., создано 1341 рабочее место.

Расширяется инфраструктура особой экономической зоны. Открыты инженерный, научно-внедренческий и лабораторно-экспериментальный центры, к Северной площадке особой экономической зоны присоединены 60 гектаров резервных территорий.

Накопленный опыт способствовал принятию распоряжения Правительства Российской Федерации от 14 января 2015 г. № 22-р «О Концепции создания в Томской области инновационного территориального центра “ИНО Томск”» [2]. Данным распоряжением были утверждены мероприятия по реализации Концепции создания в Томской области инновационного территориального центра. Она является обновлением Концепции создания в Томской области Центра образования, исследований и разработок, одобренной распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 октября 2011 г. № 1756-р и предусматривает создание конкурентоспособного инновационного территориального центра в границах томской агломерации, включающей про-

мышленные предприятия, высококвалифицированные кадры и новую технологическую базу.

Важной предпосылкой создания в Томской области Центра стало расширение участия инновационного бизнеса, университетов и научных организаций в реализации программ инновационного развития, информатизации государственных корпораций и компаний с государственным участием и, что стало актуальным в последнее время, импортозамещения.

Свидетельством того, что в принятой в 2015 г. Концепции важная роль отводится направлению «Наука и образование» служит Перечень приоритетных мероприятий по созданию в Томской области инновационного территориального центра «ИНО Томск». Из 93 пунктов мероприятий свыше трети направлено на развитие прежде всего университетов в г. Томске. На долю двух Национальных исследовательских университетов приходится 15. Из них «НИУ Томскому государственному университету» — 9, и «НИУ Томскому политехническому университету» — 6 [2, 17 — 20].

Создание в г. Томске инновационного территориального центра во многом стало возможным благодаря сочетанию университетского и научно-образовательного комплекса, объектов инновационной инфраструктуры и совокупности объектов промышленной инфраструктуры.

Реализация данной Концепции позволит обеспечить соединение науки и производства на уровне, отвечающем современным требованиям.

Литература

1. О создании на территории г. Томска особой экономической зоны технико-внедренческого типа (ОЭЗ ТВТ «Томск»): Постановление Правительства Рос. Федерации от 21 декабря 2005 г. № 783 // Консультант Плюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2014. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

2. О Концепции создания в Томской области инновационного территориального центра «ИНО Томск»: распоряжения Правительства Российской Федерации 14.01.2015 г. № 22-р // Консультант Плюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2014. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

Г.С. ШИРОКАЛОВА

Сельская школа: приказано жить или умирать?

Аннотация. Анализируется эффективность политики государства по обеспечению права сельских школьников на качественное образование.

Ключевые слова: образование, сельская малокомплектная школа, школьный автобус, учительский дом.

Abstract. This article analyzes the effectiveness of the policy of the State to ensure the right to quality education for rural students.

Keywords: education, rural low-complete school, school bus, teacher's House.

Несмотря на всю социальную значимость сельских школ, процесс ликвидации малокомплектных школ объективен: в России в 2002 г. насчитывалось 142,2 тыс. сельских населенных пунктов, по переписи 2010 г. — уже 133,7 тыс. — меньше на 8,5 тыс. [1, 157].

За последние 15 лет в результате сокращения сети сельских общеобразовательных учреждений (на 6,6 тыс.) и слабой организации доставки к ним детей обострилась проблема доступности для сельского населения услуг образования. Несмотря на сокращение школ и увеличение учеников в классах в 2014 г., по данным регионов, дефицит учителей в сельских школах разных субъектов РФ составляет от 15 до 35% [2].

Утверждение, что село живет, пока есть школа, справедливо; следовательно, ликвидация малокомплектных школ может ускорить процесс умирания малых деревень. Его не повернуть вспять и потому, что новые технологии требуют меньшего количества рабочих рук, а рыночная экономика во главу угла ставит не социальный, а экономический эффект, рассчитывая его не по народному хозяйству в целом, а по отдельным сферам — точно. То, что общество — живая система и любое решение имеет мультипликационный эффект, не учитывается вовсе, а следовательно, и не просчитывается. Именно с позиций синергетического подхода постараемся проанализировать последствия решения о ликвидации малокомплектных сельских школ

Прежде всего, отметим, что однозначное решение о ликвидации школы по количественным критериям: числу жителей или количеству учащихся — не приемлемо. Решения должны приниматься по каждому конкретному населенному пункту с учетом планов развития производственной инфраструктуры, социально-демографического состава населения, трудовой миграции и миграционных потоков после закрытия школы, социальных последствий для сельского сообщества, а также мнения сельских сходов.

Программа «Школьный автобус», казалось, поможет решить проблему и безболезненно, и с повышением качества образования. Но отношение к ее реализации сельскими жителями оказалась неоднозначной, с преобладанием негативных оценок (табл. 1).

Таблица 1

Мнение респондентов о последствиях укрупнения сельских школ,
%

	Да	Нет	Затрудняюсь с ответом
Культурная жизнь деревень стала беднее	70,1	15,7	12,7
Родители опасаются за доставку детей, особенно зимой	59,0	23,5	16,0
Стали уезжать семьи с маленькими детьми	53,7	18,7	25,7
Дети проводят в автобусе по часу и более в один конец, устают	53,4	26,9	18,3
Педагоги из закрытых школ уезжают из села	51,1	17,9	29,1
Ожидая старшеклассников, младшие слоняются без дела. С ними не занимаются	47,8	23,1	27,6
Дети стали чаще болеть	42,2	24,6	31,8
Дети стали стесняться, что живут в деревне	32,5	38,4	27,2
Возможно, стоило бы возродить интернаты-пятидневки для детей из дальних деревень при закрывающихся школах	32,1	30,2	35,4
Дети получают лучшее образование	29,9	36,2	32,1
Школьный автобус обходится намного дешевле начальной школы	28,7	21,6	47,8

Примечание: проценты посчитаны от числа опрошенных.

Варианты ответов для данного опроса взяты, в основном, из бесед со студентами, живущими в сельской местности. Распределение ответов оказалось неожиданным: наиболее значимым для селян оказалось не качество образования: то, что оно стало лучше, отметили лишь 30%, противоположное мнение у 36%. Родителей в большей степени беспокоит не будущий аттестат, а те условия, в которых находятся школьники в течение процесса обучения: доставка детей, их усталость от дороги.

Приведем конкретные примеры по Нижегородской области: в Лукояновском районе из 25 деревень около 200 детей (каждого четвертого) возят в 11 школ соседних поселений. Аналогичная ситуация в

остальных 52 районах области. Перечислим проблемы, которые возникают при этом. Значительная часть сельских автомобильных дорог общего пользования не имеет технических паспортов, оформление которых стоит сотни тысяч рублей, а следовательно, они не поставлены на баланс, и на их обслуживание не выделяются средств. В связи с бедностью региональных, а тем более муниципальных бюджетов в ближайшие годы проблема решена не будет. Каково их состояние в осенне-зимне-весенний период — известно всем.

Тревожит родителей и безнадзорность детей после уроков, рост заболеваемости. В некоторых школах два в неделю проводят кружки. Но не у всех детей одинаковые интересы и способности. Часто «сидят на скамеечке, ждут, когда закончатся уроки в старших классах». Заметим, что в школах не всегда есть горячее питание. Существующая сегодня система закупок нарушила кооперацию школьных столовых и сельхозпроизводителей, которая была более эффективна [3].

Министр образования Д. Ливанов 18 сентября 2014 г. распорядился разработать тарифы для школьной продленки и провести разъяснительную работу с родителями. Министр также дал распоряжение при формировании платежей «применить единый подход» для всех регионов страны, освободить от платы социально незащищенные семьи и регулярно контролировать уровень школьных цен. Это соответствует ст. 66 закона «Об образовании», согласно которой «продленка» — не образование, а услуга по уходу и присмотру, следовательно, она не оплачивается государством. Учебные заведения с согласия учредителя, т. е. местных властей, вправе самостоятельно устанавливать и брать за нее деньги. На сентябрь 2014 г. платных «продленок» не было только в 30 регионах России, и их число сокращалось [4].

Если проблему с безнадзорностью можно иногда (!) решить с помощью бесплатной для родителей «продленки», то остальные вопросы в принципе не решаемы, поскольку расстояния не сократить — зиму не отменить.

Особого изучения требует вопрос о возрождении интернатов. Очевиден ответ: у государства денег нет. Но количество школьников, живущих в отдаленных деревнях и на частных квартирах там, где есть средняя школа, не уменьшается. Создание общежитий для них при школах не столь затратно, но дети были бы под присмотром [5, 73]. Напомним, что создание интернатных учреждений в районных центрах и базовых опорных школах для проживания учащихся в течение учебной недели рекомендовалось Всероссийским форумом учителей сельских школ.

Важны и другие причины, определяющие миграционные настроения. То, что семьи с маленькими детьми стали уезжать, а педагоги ни-

когда не пойдут в доярки, было прогнозируемо. Но треть респондентов отметили, что и у детей с детства формируется чувство бесперспективности жизни на их малой родине.

Проблемы «школьного автобуса» более известны семьям со школьниками, о чем свидетельствует значительная доля отказавшихся от оценки отдельных элементов ситуации, а обеднение культурной жизни деревень очевидно для всех. Напомним, что это всегда было фактором роста пьянства и преступности. В результате так называемой «оптимизации» всего и вся, в том числе образования, сельские сообщества все в большей степени маргинализируются и криминализируются. Еще в недавнем прошлом мигранты из села привносили в городскую среду традиции народной культуры, общинности и крепких семейных связей, тем самым стабилизируя и предохраняя ее от разрушительного влияния постмодернизма, сегодня моральные устои размываются и в сельской местности.

Численность обучающихся в возрасте от 7 до 18 лет в 2011/2012 уч. г., систематически пропускающих занятия по неуважительным причинам, составляла 3725 человек, а в 2012/2013 уч. г. — уже 4025 [1, 155]. Логичен вопрос: не дороже ли, в конечном счете, для страны (не государству) обходится закрытие малокомплектных школ?

Сокращение сельских школ особенно ускорилось после того, как в 2007 г. был начат эксперимент с подушевым финансированием школ. Несмотря на его отрицательную оценку на местах, на него перешли все школы до конца 2012 г. Норматив количества человек в классах колеблется по регионам. Но в среднем для сельских школ он должен быть от 14 до 12 человек в классе.

В Нижегородской области для сохранения школ и соответственно деревень в апреле 2011 г. Постановлением № 228 была принята областная целевая программа «Создание семейных детских садов (семейных дошкольных групп) и учительских домов в Нижегородской области в 2011 — 2022 годах». Она рекомендовала органам местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Нижегородской области принять участие в реализации мероприятий Программы.

Кроме того, в Постановлении отмечалось, что практика «школьного автобуса» за 2006 — 2010 гг. показала, что «подвоз детей младшего школьного возраста в отдаленные местности негативно сказывается на их здоровье, так как детям приходится рано вставать и поздно возвращаться домой, что в перспективе негативно скажется на качестве образования». И хотя базовые школы оснащены «современным учебным и технологическим оборудованием и обеспечивают внедрение инновационных образовательных программ», «обучение детей младшего школьного возраста должно быть организовано по месту жительства

путем строительства многоквартирных, индивидуальных жилых домов с помещениями для размещения общеобразовательного учреждения — учительского дома».

Главная особенность учительских домов — совмещение места обучения школьников и места проживания учителей (аналогично — детский сад). Дом оборудуется всеми современными техническими средствами обучения. С помощью программы планировалось решить следующие задачи: обеспечения максимальной приближенности места обучения ребенка к месту его проживания; обеспечения полноценного образования детей в привычной им социальной среде; сохранения сельских малокомплектных начальных школ независимо от численности учащихся, привлечения молодых квалифицированных кадров к работе на отдаленных территориях; обеспечения педагога достойным уровнем заработной платы и социальными льготами; снижения напряженности на рынке труда в условиях реструктуризации системы образования.

В рамках Программы в течение двух лет планировалось построить 95 индивидуальных жилых домов. Среди общепринятых критериев отбора претендентов были возрастные ограничения для учителей — не более 45 лет, что связано с требованием отработать по программе не менее 10 лет. Социальные выплаты предоставлялись исходя из предельной стоимости строительства или приобретения жилого дома общей площадью не менее 100 м² и приусадебного участка общей стоимостью не более 3280000 р. Преимущественное право для включения в число участников Программы предоставлялось специалистам, имеющим детей дошкольного или младшего школьного возраста, и большой стаж работы на педагогических должностях в образовательных учреждениях. Предполагалось, что учитель будет одновременно завхозом, уборщицей, дворником и т. д. За это зарплата ему определялась примерно в 30 тыс. р., что в разы превышает зарплату воспитателя, школьного учителя в сельской местности. Но все оказалось не так просто: в детсаду один человек к 8 утра должен приготовить все для приема детей, присматривать за ними, кормить в течение дня, осуществлять образовательную программу до пяти вечера, а за некоторыми приходят и в семь, и позже...

Не меньше нагрузка у учителя: одновременное проведение занятий с учениками разных классов и те же хозработы... Кроме того, учитель должен быть одновременно и завхозом, и дворником и уборщицей, что снижает его авторитет в селе. Привлечь же детей к уборке класса и даже подготовке классной доски к уроку теперь можно только с письменного согласия родителей.

Интенсивная занятость не оставляет времени и сил на профессиональное развитие, индивидуальный подход к детям, на собственную

семью. В результате, желающих оказалось не много. Проще получить льготы по программе «школьный учитель» в стационарной школе. Конечно, там дом или квартира, возможно, будут размером поменьше, но не будет такой степени самоэксплуатации и будет среда равного общения. Для интеллигенции это значимый фактор поддержания уровня квалификации и образа жизни, который практически не учитывается.

В результате разрушения сельхозпроизводства произошло «вымывание» интеллигенции из села, в том числе учителей. В некоторых районах в школу уже возят не детей, а преподавателей. Эта практика не повсеместна, но она, по нашему мнению, оптимальней в создавшихся условиях. Разумеется, материально учитель должен вознаграждаться за такие «однодневные командировки».

Пути решения многочисленных проблем сельских школ были предложены на упоминавшемся Всероссийском форуме учителей сельских школ «Учитель в социальном векторе развития села» и прошедших вслед за ним региональных встречах. Ничего сверхъестественного, только самое необходимое предлагалось включить в специальную Государственную долгосрочную целевую программу «Сельская агрошкола России»:

1) финансирование сельских школ, учитывающее их специфику как общекультурных и образовательных центров не только для школьников, но и всех жителей села (принцип «подушевого» финансирования — один из основных факторов их разрушения);

2) структурирование сети образовательных учреждений и системы управления с использованием различных вариантов в зависимости от условий и с учетом социальной и экономической целесообразности, в том числе:

- преобразование сельских школ в аграрно-экологические, эколого-краеведческие, художественно-эстетические, спортивно-оздоровительные и др. центры, которыми расширяется образовательное пространство школы в соответствии с запросами учеников и их родителей;

- создание целостной многофункциональной социально-оздоровительной и культурной системы, опирающейся на широкие связи с внешней средой, учреждениями, организациями, властными структурами, типа школа-комплекс (школа-библиотека, школа-клуб и др.);

- создание сельских образовательных комплексов ассоциативного типа, в структуру которых могут входить: основная или средняя школа; малочисленные и малокомплектные школы, территориально близкие; единая социально-психологическая служба; учреждения дополнительного образования;

- преобразование малочисленных сельских школ в филиалы более крупных, что позволит более эффективно использовать имеющиеся кадровые, учебные, материальные ресурсы, укрепить материальную базу школ;
  - создание сельских школ-комплексов (школа — детский сад, школа — СПО и т. д.);
  - распространение опыта апробации различных моделей инфраструктуры сельских образовательных учреждений, в том числе через конкурсы «Сельская школа XXI века»;
  - устранение межведомственных барьеров, максимальное использование учреждений культуры, спорта и медицины, способствующих разрядке социальной напряженности в сельской местности.
  - Кроме того, для реорганизации образовательных учреждений необходимы и иные формы обеспечения доступности образования для селян:
    - создание интернатных учреждений в районных центрах и базовых опорных школах для обеспечения проживания учащихся в течение всей учебной недели; организации сессионных занятий, летних, зимних (каникулярных) предметных школ;
    - проведение на базе сельских школ сессионных занятий, летних, зимних (каникулярных) предметных школ;
    - устранение межведомственных барьеров, максимальное использование учреждений культуры, спорта и медицины, способствующих разрядке социальной напряженности в сельской местности;
    - обеспечение школ высокоскоростным Интернетом для проведения дистанционных занятий;
    - реализация в полном объеме федерального проекта «Совершенствование организации школьного питания»;
    - открытие для сельских школьников специальных профориентационных педагогических классов (лицейских классов) при педколледжах, очно-заочной педагогической школы при вузах; развитие дистанционного обучения, которое формируется на базе крупных школ, образовательных центров;
    - проведение ежегодных конкурсов «Лучший учитель села», «Нравственный подвиг учителя»;
    - организация подготовки учителей по профилю «Информатика и организация дистанционного образования», введение в штатное расписание должностей техников и инженеров для обслуживания компьютерной техники [6].
- С тех пор прошло полтора года, пожелания остались в статусе благих.

Подводя итоги анализу политики государства в сфере образования, неизбежно приходишь к выводу, что предназначение организации форумов разного уровня, инициированных то президентами, то Федеральным Собранием, то правительством — «выпускание пара» для педагогов с целью сокрытия истинных целей и реальных процессов его разрушения. Кто из них поверит принявшему участие в работе форума министра образования и науки РФ Д. Ливанова, что «сельская школа была и останется в центре государственной образовательной политики», а забота о 40% учителей страны, работающих в них, — «первостепенная обязанность государства» [7]. Доказательств обратного можно привести немало. Но есть факты, которые убеждают больше любых фоллиантов. Среди них — имущественный и земельный налог, который должны платить образовательные организации, где учат, согласно Конституции РФ, бесплатно...

Литература

1. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2013 г. (пятнадцатый выпуск). М., 2014.
2. *Приймак А.* Пересокращали. Региональные учителя обсуждают судьбу сельских школ // <http://www.vz.ru/politics/2014/10/14/710162.html> (дата обращения: 14.10.2014).
3. Резолюция Всероссийского форума учителей сельских школ «Учитель в социальном векторе развития села» // http://portal.kuz-edu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=621:-l-r-07022013-&catid=3:novelty (дата обращения: 11.10.2014).
4. *Гранина Н.* Тариф вечерний. Продленка в российских школах станет платной, но Минобрнауки обещает гуманные расценки // Lenta.ru/articles/2014/09/19/moneyandschool/ (дата обращения: 17.09.2014).
5. *Матвеева Н.А.* Образование как цель и фактор социализации сельских школьников: противоречия использования ресурса // *Образование и общество*. 2011. № 6.
6. Резолюция Всероссийского форума учителей сельских школ «Учитель в социальном векторе развития села» // http://portal.kuz-edu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=621:-l-r-07022013-&catid=3:novelty (дата обращения: 7.11.2014).
7. На дискуссионных площадках форума сельских учителей был отмечен опыт Рязанской области // <http://ryazan.er.ru/news/2013/2/12/nadiskussionnyh-ploshadkah-foruma-selskih-uchitelej-byl-otmechen-opyt-ryazanskoj-oblasti/2.02.2013> (дата обращения: 8.11. 2014).

V

**РЕЦЕНЗИИ И
ОТКЛИКИ**

Ю.М. ОСИПОВ

Мир и война

Аннотация. Значение Великой Победы для мировой истории.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Европа, Россия, Победа.

Abstract. The article is devoted to the value of the Great Victory for world history.

Keywords: Great Patriotic War, Europe, Russia, Victory.

70 лет прошло по окончании Великой мировой войны в Европе, составленной из двух не менее великих европейских по происхождению войн — Первой (1914 — 1918) и Второй (1939 — 1945) мировых войн. Для России (сначала Российской империи, затем СССР) эти войны были отечественными, хотя в историю пока вошла под именем отечественной только одна из них — Вторая, как раз и ставшая *Великой Отечественной войной* (1941 — 1945).

Отмечая конец Великой мировой войны в Европе, Россия отмечает прежде всего конец Великой Отечественной войны, празднуя *Великую Победу*, равной которой не было и нет в истории, причем в истории не одной только России, а и всего мира.

Да, хочется говорить сегодня о той Победе, о тех людях, которые ее принесли, не забывая и о союзниках, о всех павших в войне, лежащих на бескрайних просторах России, Белоруссии, Украины, Прибалтики, Польши, почти всей Европы, это ведь была не просто большая война, а война народов, да что народов: *мира* и *антимира*, рожденного, увы, империльной Европой.

И нечего тут все валить на Гитлера с Муссолини, на фашизм и нацизм, ибо тут все сложнее: сама Европа, кризисно выворачиваясь и нагло прощаясь с гуманизмом, произвела на свет этого монстра — *мировую войну*, — и вроде бы успокоившись на 70 лет, готова уже развязать во главе со своей дочкой-покровительницей — Америкой новую всемирную бойню, хотя нет уже СССР, мировой межгосударственной социалистической системы, мирового коммунистического движения, то бишь нет для ЕвроАмерики никакого прямого мировомасштабного империльного врага, а вот повоевать в мировом масштабе Западу отчего-то вновь очень хочется.

Мотивов тут у ЕвроАмерики хватает: желание господства Запада над миром, управления миром из североамериканского центра, эксплу-

атации Западом всего мира, империльного контроля над ресурсами, мозгами и народонаселением планеты, а также недопущение стран-конкурентов и любого Западу сопротивления, уничтожение исторической Традиции по всему миру и переход к вестернизированному постчеловечеству, а главное, что сильнее всего раздражает сегодня ЕвроАмерику: утрата ею однополюсного главенства на планете Земля, мало того — разворачивание незападной части планеты против ЕвроАмерики по всем направлениям, целостное отрицание *остальным* (незападным) *миром* агрессивного *передового* (западного) *мира*. Очень важное, — прямо-таки — кардинальное, — всемирное противостояние, возникшее вдруг на планете — через четверть века после кончины СССР! Тот же БРИКС (единение Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики) — вовсе не шутки!

Так случилось, что в центре нынешних головокружительных процессов в мире оказалась вдруг... *Россия!* Формально из-за украинороссийских событий, а на самом-то деле из-за органической несовместимости России и Запада, и не просто их разности, что понятно, но и по причине исторической альтернативности «белой» России «желтому» Западу. Попытка России, сдавшись Западу в 1990-х гг., натужено «пожелтеть», успехом ни для кого — ни для России, ни для Запада — не увенчалась, а с обозначившимся вдруг в 2000-е гг. стремлением России вновь «побелеть» (не «покраснеть», заметим, а именно «побелеть»!) у Запада, от которого Россия стала вновь отходить, возник лишь приступ ярости. Обозлились на Россию более всего Америка с Англией, ну и объединенная Европа тоже была вынуждена непонорошку оцетиниться. Так возникла большая, вовсю уже чреватая большой войной, межмировая, а не просто межгосударственная, конфронтация, служащая навязчиво тревожным фоном сегодняшнего российского бытия. Ничего подобного не было еще три, два, даже год назад!

Великая Победа для нынешней России — не просто славное событие прошлого, это вдохновляющее событие и настоящего момента. Победа не там где-то, за семьдесятю годами, а здесь, прямо в нашей будничной жизни. День Победы — великий и радостный праздник, но сегодня это и волевой участник текущей истории, ее не просто символическое, но и совершенно работающее знамя!

Празднование 70-й годовщины Великой Победы — обращение не к одной лишь народной памяти, но и к бытующим сегодня народным сознанию, духу, нравственности!

Она не только вызывает гордость за подвиг предков, но и взывает к стойкости ныне живущих, защищающих, сражающихся!

Когда готовилась и выходила в свет замечательная книга памяти «Мы помним...» (2010), я писал в предисловии о подспудной тенденции к большой войне, неуклонно вызревавшей в мире. Сегодня, увы,

приходится констатировать уже мировоенный всплеск непосредственно у границ России, прямо на территории бывшего СССР, как и бывшей Российской империи. Запад хочет войны, ибо без войны он вовсе и не Запад — и очень ему хочется войны именно с Россией, своим последовательным естественным антиподом. Россия очень мешает Западу, и не столько как геостратегическая соперница, ему и очень неприятная, сколько как источник... *правды*, пронизывающей, иссушающей и умерщвляющей бесноватый Запад! Отсюда и желание со стороны ЕвроАмерики даже не подчинения себе России, что у него явно и не получается, а именно ее уничтожения.

Так что будем, дорогие авторы и читатели, бдительны, непреклонны и мужественны!

С нами Бог, у нас — Победа, за нами — Россия!

Ф.И. ГИРЕНОК

Философия фильма Годара «Прощай, речь»

Аннотация. В статье показано, что философия фильма Годара «Прощай, речь» определена простым соображением: кино — это не комментарий к тексту. Кино имеет свою видимость, которая может не совпадать с видимостями языка. «Прощай, речь» — это прощание Годара с Европой Нового времени, для которой были характерны ясность, прозрачность и самоданность субъекта. Фильм Годара — свидетельство того, что Европа, поставив вопрос о человеке, так и не смогла дать ответ на него.

Ключевые слова: кино, репрезентация, язык, человек, метафора, внутренний опыт, язык, кинизм

Abstract. In article it is shown that the philosophy of the movie of Godard «Farewell, the speech» is determined by a simple reason: the cinema is not the comment to the text. The cinema has the visibility which can not coincide with visibilities of language. «Farewell, the speech» is a farewell of Godard to Europe of Modern times for which were characteristic clarity, transparency and the subject's self-reality. Godard's movie is a certificate of that Europe, having raised a question of the person, couldn't give the answer to it.

Keywords: cinema, representation, language, person, metaphor, internal experience, language, kinizm.

В 2014 г. вышел на экраны фильм Годара «Прощай, речь». Этот фильм нельзя было не посмотреть, потому что Годар, как известно, любит философию больше, чем кино.

Философия

У фильма «Прощай, речь» нет ни начала, ни конца. Он начинается пустым кадром и звучащим за кадром голосом, который утверждает, что те, кому недостает воображения, ищут для себя убежище в реальности. Человека, который хоть что-то понимает в философии, это утверждение не может не потрясти. И, по большому счету, Годар этим утверждением уже все сказал. Дело сделано, кино снято, хотя еще ничего не показано. Остается лишь узнать, как отсутствие мысли повлияет на мысль, т. е. как зритель примет такое кино. Хотя, на мой взгляд, никакого другого кино не существует. «Прощай, речь» и есть кино в чистом виде. А то, что обычно называют «кино», — это совсем не кино, а какой-то эрзац, выдуманный критиками язык кино. В «Прощай, речи» Годара нет языка, но в нем есть мысль, и эта мысль заставляет зрителя видеть видимое, т. е. не получать удовольствие от того, чтобы узнавать знакомое, не испытывать катарсис, а получать эстетическое наслаждение от фильма.

Поскольку мысль зримо отсутствует в современном мире и место мысли у публики занимает язык, постольку фильм Годара должен быть принят плохо. И особенно плохо он должен быть принят в России, потому что в России образованным людям философия кажется пустым занятием, языковой игрой. Вся философия сводится ими к набору штампов и ссылок на авторитеты. И хотя философию нам старательно прививают, но привиться к русскому уму она, видимо, никак не может, оставаясь уделом немногих, избранных случаев людей.

Радует то, что Годар, будучи режиссером, прекрасно понимает, что кино не имеет никакого отношения к реальности, к тому, что надо как-то показывать, изображать. Ибо никакой реальности вовсе нет, а есть воображаемое. «Нельзя писать то, что видишь, — говорит Клод Моне, — ибо ты ничего не видишь. Нельзя написать то, что ты не видишь. Надо писать видимое». Годару нравится мысль Моне. «Надо снимать видимое», — полагает он. Реальность — это лишь объективированная иллюзия, видимость, побочный продукт существования воображаемого. Воображение — не репродуктивное восприятие вещей, а способ, которым мы вызываем к жизни то, что уже знаем. «Прощай, речь» заканчивается вопросом, с которым Годар обращается к зрителям: узнайте, что вы хотите — «жить или рассказывать»? И напоминает о 19-летней Мэри Шелли. Мэри любила рассказывать и придумала, сидя у камина вместе с Байроном и Перси Шелли, историю о Франкенштейне, студенте, который создал из мертвых человеческих органов существо, подобное живому человеку. Это существо убило своего со-

здателя. То, что в XIX в. было рассказом о жизни, в XXI-м становится жизнью.

Самоубийство

Все в современном мире сдвинулось, сместилось: по-русски камера означает тюрьму, табаком у русских называется то, что табаком не является, жизнь замещается рассказом о жизни. Если рассказывать, то значит не жить. Если жить, то не рассказывать. Если не рассказывать истории, то не будет никакой истории, а будут непрерывно длящееся настоящее и бесконечное множество его симптомов. «Жить без истории» — значит утратить будущее и прошлое, не различать начало и конец, ибо и начало, и конец у Годара одинаково случайны и не зависят друг от друга. Время для режиссера — человеческая субъективность, упорядоченная языком. Само по себе время вообще не существует.

Событийно «Прощай, речь» Годара начинается с выстрела, с неожиданного самоубийства, т. е. с конца какой-то нам не рассказанной истории. Но Годар снимает кино не для того, чтобы рассказывать истории, а для того, чтобы освободить воображаемое от языка. Чтобы люди почувствовали беспомощность своей субъективности и научились смотреть. Финальная сцена фильма, как язык змеи, раздваивается на вариант А, который ведет героиню к смерти, и на вариант Б, который ведет ее к жизни, симптомом которой является крик родившегося ребенка.

Эстетика двусмысленности

В фильме Годара нет темы, которая бы получила развитие. Мы не можем сказать, о чем этот фильм. В нем одна случайно возникшая тема сменяется другой. Все двусмысленно, говорит Годар, но это означает лишь то, что к смыслу ведет жуткая бессмыслица, которую героям фильма еще нужно суметь преодолеть. Все смешалось в голове у образованного человека, который подобен студенту, сдающему экзамен: Солженицын, ГУЛАГ, Моне, 1793 г. во Франции, террор, свобода, Гражданский кодекс, Гитлер, государственный учет, русские, Европа, демократия, концепция Африки. Все это толпится у него в голове, мешает друг другу, образуя хаос.

В фильме Годара есть три героя — собака, мужчина и женщина.

Собака

У русских назвать кого-либо собакой — значит обидеть. Для Годара, как и для античных греков, собака является образцом верности, естественности и мудрости. Собаки хватило ума не отделяться от природы. Для нее мир — это не образ, а то, частью чего она является. Собака не изобретает язык, не изобретает знаки. Ей достаточно сигналов

и признаков, ориентируясь на которые она определяет логику своего действия.

Годар хочет, как индеец, жить не в городе, а в лесу. Он хочет, как киник, строить свое поведение не в плане образа, а в плане инстинкта. Современный человек заблудился в словах. Он так далеко ушел от природы, что она пытается ему что-то сказать, а он ее не слышит. Годар устал от цивилизации и тоскует по естественному образу жизни. Годару уже дорог не Платон с его миром идей, ему дорога не христианская Европа и не Европа Нового времени, ему дорог киник Антистен. Для киника, как для собаки, условности ничего не значат. Животное лишено одежды, но оно не является голым. У него нет языка, но оно не заблудилось среди вещей. Собака справляет нужду, но это не вызывает протест. Годар зовет Европу назад, к вещам, к природе. Он хочет смотреть на мир глазами животного, ибо этот взгляд не опосредован языком. «Мир — это не язык, а русские — это не Европа», — говорит Годар в фильме «Прощай, речь». Прощай, Европа, — говорят русские, — ты никогда уже не будешь тем, чем ты была для нас. Ты не будешь нашей грезой, потому что твои мужчины готовы расстаться с женщинами. Но готовы ли они расстаться с комфортом цивилизации, освобождая антикультурный смысл пребывающей в забвении кинической философии?

Мужчина и женщина

Сегодня еще многие думают, что в мире нет ничего, кроме мужчины и женщины и отношений между ними. Мужчина в фильме Годара работает в банке. Потеряв работу, он застрелился. Его жена — студентка, подрабатывающая на книжном развале, умывает руки. Туда ему и дорога. У студентки есть любовник, который однажды ударит ее ножом, чтобы преодолеть пропасть непонимания между ними. Люди запутались в словах. «Скоро каждому, — говорит Годар, — потребуется переводчик, чтобы понимать собственные слова». Героиня стоит перед выбором, родить ли ей ребенка или покончить жизнь самоубийством. Любовник хочет стать мужем и склоняет ее к ребенку. Он, как нищенка, говорит «да» жизни. Героиня говорит «нет» жизни. В жизни тебя все время принимают не за тебя, а за кого-то другого. «Я сломлена, — говорит героиня фильма, — я ничего не хочу».

Сознание ослепляет человека, и он видит не то, что он видит, а то, что он думает увидеть. Мужчина думает увидеть женщину и не может в ней увидеть человека, ибо полагает, что женщина — всего лишь роль. И ничего больше роли. И поэтому он пытается убить ее, если она выходит за рамки своей роли. Женщина — это не роль, в которую ее пытается втиснуть социум. Женщина — греза мужчины. Исполнение роли — признак цивилизации, а не природы.

Зритель

Годару зритель не интересен. Вернее, Годар понимает, что зрителя больше нет, есть потребители иллюзий, которым нужно не кино, не искусство, а фильмы в формате 3D. «Вы хотите 3D? — говорит Годар своим фильмом “Прощай, речь”, — пожалуйста, но никаких иллюзий». То, что зритель не умеет думать, стало ясно еще во времена немого кино, ибо думать можно лишь вопреки разуму. Но думать вопреки разуму могут только философы. А то, что зритель не умеет смотреть, стало ясно уже в эпоху звукового кино, ибо смотреть — значит визуализировать невидимое. Но расширять границы видимого не пытается теперь даже кинематограф. Кино в формате 3D вознамерилось компенсировать эти недостатки зрителей, предлагая им не думать, не расширять пределы видимого, а просто смотреть, вращая глазами, как животное.

Кинематограф

«Прощай, речь» сообщило нам о том, что время большого кино прошло. Кинематограф покинул область мысли, хотя и не остановился на изучении эстетической видимости. Заниматься монтажом кадра может сегодня даже робот. Время режиссеров интеллектуального кино закончилось. Как поставлена камера оператором, мало кого из зрителей волнует. Теперь в кино доминирует не художник, а менеджер. Годар своим фильмом не развлекает зрителей. В нем нет повествования, нет вербальных подсказок для зрителя. Годар заставляет зрителя воображать и думать. Он переводит зрителя в подвешенное состояние, а в этом состоянии смотреть кино трудно, в нем не на что облокотиться, ибо в нем не работают привычные сцепления смыслов и значений.

Внутренний опыт

Внутренний опыт предполагает существование у человека внутреннего мира. Когда героиня фильма говорит: я могу знать, что думает другой, но не знаю, что думаю я, — она имеет в виду свой внутренний мир. У нее нет этого мира. Куда же он делся? Годар знает ответ на этот вопрос. Дело в том, что когда мы грезим, мы все имеем свой внутренний мир. И это хорошо. Плохо то, что мы не умеем отличать грезы от реальности. Поэтому лучше всего не грезить, а бодрствовать, ибо, бодрствуя, мы имеем общий для всех людей мир. И этот мир называется социумом. Вот он-то и репрессирует внутренний мир. И с ним лучше не вступать в конфликт. Уже во времена Канта Европа начала решительно расставаться с внутренним опытом, учреждая общий мир для всех, в котором важно сделанное человеком. Тогда как герои Годара понимают, что для человека важно не то, что им сделано, а то, что им не сделано. Сделанным определяется общество, а не сделанным — человек. Творчество свободно от социума. Дело — нет, ибо думаем мы

в одиночестве, а действуем социально. В начале фильма Годар вспоминает Зворыкина, придумавшего телевизор, и Гитлера, который сделал все, что говорил.

Метафора

Природе противостоит метафора. Метафора — это образ, который заполняет разрыв между человеком и природой. Образ в фильме Годара предстает как убийца настоящего. В природе нет образов, но в ней нет и знаков. Знак изначально появляется в речи человека. В результате между человеком и тем, о чем он говорит, встает посредник, язык. Если мы, следуя за Годаром, простимся с речью, то будет ли это означать, что мы вернемся к природе, к самим себе? Не останемся ли мы навсегда в пространстве воображаемого? Не испытаем ли мы еще раз то, что чувствовал первобытный художник, соединяя воображаемое и реальное в искусстве?

Что такое человек?

Фильм Годара «Прощай, речь» — кино, о том, *что* есть человек. Европейская философия, поставив вопрос о человеке, не смогла найти на него ответ. Не может найти этот ответ и Годар, полагая, что человек — это животное, комбинация естественных форм.

Во-первых, европейская философия не поняла, что человек — это не природа, хотя это и тело, но это и не социум, хотя он и умеет говорить. Человек — это тело для грез. Поэтому вернуться к природе он не может, ибо природа не грезит. Во-вторых, избавившись от речи, мы обнаружим неистовство самоаффектации человека, неприемлемое коллективной чувственностью. Язык, видимо, был придуман для того, чтобы управлять неистовством аффекта, заставляя человека говорить, т. е. придавать смысл бессмысленному. И последнее, Годар прав, когда говорит, что только люди могут быть чужими друг другу, ибо они свободны.

Л.В. КУЗНЕЦОВА

Методология и феноменология гламура*

Аннотация. Статья посвящена анализу методологических основ исследования гламура как формы символического потребления. В ре-

---

* Размышления по следам семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Гламур как искушение и порча» (июнь 2008 г.).

зультате изучения существующих источников выделяются три основных подхода к исследованию гламура: сравнительно-исторический, семиотический и антропологический. Поскольку каждый из этих подходов позволяет исследовать лишь какой-то один аспект явления, возникает проблема построения целостной социально-философской концепции, в которой может быть представлен комплексный анализ гламура как одного из драйверов современной экономики. Способом построения такой концепции является методологический синтез.

Ключевые слова: символическое потребление, гламур, сравнительно-исторический подход, семиотический подход, антропологический подход.

Abstract. This article analyzes the methodological foundations of the study of glamour as a form of symbolic consumption. Were analyzed existing sources and identified three main approaches to the study of glamour: the comparative-historical, anthropological and semiotic. Since each of these approaches allows us to investigate a certain aspect of the phenomenon, there is the problem of constructing an integrated socio-philosophical concept, which can be represented by a comprehensive analysis of glamour as one of the drivers of a modern economy. The method of constructing such a concept is the methodological synthesis.

Keywords: symbolic consumption, glamour, comparative historical approach, semiotic approach, anthropological approach.

Сегодня тезис о том, что в западном мире потребление является доминирующей социальной практикой, приобрел статус аксиомы. Особенно наглядно эта тенденция прослеживается в отношении практик символического потребления, которое, задавая тон производству, давно уже превратилось в сферу бытия смыслов, зачастую не связанных с референтом.

В системе символического потребления ключевая роль принадлежит гламуру, который, с одной стороны, является социокультурным драйвером современной экономики, а с другой — представляет собой особую область предметности.

Принято полагать, что гламур — выражение западных социокультурных тенденций. Однако, несмотря на то, что возникновение этого феномена связывают с первой половиной XX в., даже на Западе он не получил достаточного теоретического освещения. Думается, это обусловлено двумя причинами, которые отражают как внешний (практический) уровень проблемы, так и внутренний (теоретический). С одной стороны, гламур с трудом поддается институционализации (до сих пор ведется полемика относительно того, в какой именно сфере общественной жизни зародился этот феномен: является ли он только лишь сегментом экономики или же сфера его бытия распространяется и на

уровень мировоззрения). С другой стороны, существует сложность выбора методологического инструментария для исследования гламура.

Особенность гламура состоит в том, что, с одной стороны — это материально насыщенный, «предметный» феномен, непосредственно связанный с практикой производства и потребления, а с другой — чрезвычайно неуловимый, идеальный, отсылающей к системе ценностей и значений. Именно эта амбивалентность и осложняет процедуру исследования гламура, в том числе и выбор методологии.

Подобная амбивалентность проявляется и в аксиологии гламура. Гламур в одно и то же время авторитарен и демократичен. Это означает, что он, подчиняя человека диктату социокультурных шаблонов, в то же время оказывается общедоступным благодаря универсальности создаваемых им фантазмов.

Поскольку гламур определяет содержание потребительских практик, вполне закономерной представляется методологическая преемственность в области исследования потребления в целом и гламура в частности.

В настоящее время в социальных науках преодолевается экономическая тенденция трактовать потребление как утилитарный процесс удовлетворения потребностей индивида.

На смену этой тенденции приходит «парадигмальный плюрализм», позволяющий синтезировать подходы, успешно проявившие себя в различных теоретических парадигмах (интеракционизм, функционализм, семиотический подход и т. д.). Исследования потребления, таким образом, становятся не только полипарадигмальными, но и междисциплинарными.

Следует принять во внимание, что в современных исследованиях потребления отмечается явный крен в сторону антропологической традиции. Это проявляется в актуализации интереса к способам использования вещи (в таком контексте представляется значимым то, какие именно свойства вещи считаются потребителем полезными, а не то, что представляет собой вещь как таковая). В результате потребление мыслится уже не столько как фактор производства, сколько как атрибут самого субъекта. Причину появления подобного тренда в исследованиях можно усмотреть в очевидном смещении потребительских практик в символическое русло. В этой связи особую актуальность приобретает семиотический подход к потреблению как к области конструирования смыслов.

Гламур может быть исследован как социальный феномен — и в этом случае эффективным представляется конкретно-исторический и семиотический подходы; если же гламур осмысливается как средоточие ценностей, то в таком аспекте исследование не может обойтись без привлечения антропологического подхода.

Сравнительно-исторический подход в исследованиях гламура связан с анализом социокультурных детерминант. Такой ракурс открывает возможность зафиксировать изменения в содержании гламура в различные исторические периоды.

Современные западные культурологические трактовки гламура сформировались в рамках парадигмы, называемой на Западе *fashion studies*. Вместе с тем гламур является атрибутом моды, но не отождествляется с ней. Поэтому и исследования гламура образуют самостоятельную группу, не сливаясь с изысканиями в области моды, предмет которых чрезвычайно растяжим: от истории и семиотики костюма до проблемы идентичности в контексте модных практик.

М. Лассел, осмысливая гламур в историко-культурологическом аспекте, фиксирует внимание на изменениях, произошедших в структуре гламура с момента его зарождения и до конца XX в. Исследователь не ограничивается лишь эмпирической фиксацией новообразований, пытаясь совместить исторический и социальный аспекты. По его мнению, современный гламур, еще сохраняя уходящие черты элитарности и голливудского арт-деко, все в большей мере отмечает тенденцию к стилистическому эклектизму и «просачиванию» в низшие социальные слои, становясь массовым и общедоступным. Вместе с тем, несмотря на масштабные ретроспекции, концепцию автора можно считать констатирующей и не проливающей свет на социальные причины таких трансформаций [1].

С. Гандл в работе «Гламур» развивает идею экспансии гламура, связывая эту тенденцию историческим контекстом. Исследователь отмечает, что распад феодальных связей и развитие рыночных отношений порождают буржуазию как новый социальный класс, в котором идентичность основывается не на сословной принадлежности, а на отношении к собственности. Исключительность, ранее доступная лишь высшим сословиям, в новых условиях становится вполне достижимой. Именно в этом контексте и возникает гламур как феномен, непосредственным образом связанный с потреблением [2, 18—78].

Интересной представляется концепция Э. Керрид-Хакетт, которая проводит корреляцию между сферой экономики культуры и сферой бытия гламура. Реальными проявлениями такого симбиоза являются, по мнению автора, коммодификация атрибутов известности и тотальное распространение гламурных практик вследствие модернизации [3, 2—11].

К. Дайхаус осмысливает аксиологию гламура в рамках феминистской проблематики. В исследовании «История. Женщины. Феминизм» она ставит вопрос о том, выражает ли гламур интересы женщин или, напротив, превращает их в объекты маркетинговых стратегий, уводящих в мир фантазмов. Автор осмысливает гламур в контексте соци-

альных реалий не только настоящего, но и прошлого, утверждая, что с момента своего зарождения гламур служил средством позиционирования женщин и выражения ими собственной идентичности. Компенсаторную функцию гламура, которую большинство исследователей оценивают негативно, К. Дайхаус осмысливает как естественную форму психологического замещения [4].

Освещение проблематики гламура и гламурных практик в отечественных источниках до недавнего времени ограничивалось сферой публицистики. Лишь с 2000 г. начинают появляться научные публикации и диссертационные исследования. В отечественном теоретическом контексте можно обнаружить как предельно узкую, так и предельно широкую трактовку гламура. Гламур осмысливается то как определенный стиль жизни, то как универсальный феномен культуры XX — XXI вв.

Д.А. Руднева рассматривает гламур сквозь призму его социокультурных детерминант: глобализации, информатизации, СМИ. Гламур в ее концепции представляет собой часть рыночного механизма [5, 34—40]. Однако сфера бытия гламура охватывает лишь сферу экономики культуры, и в этом смысле данная концепция имеет нечто общее с упомянутой ранее концепцией Э. Керрид-Хакетт.

Д. Иванов в работе «Глэм-капитализм», продолжая экономическую традицию в исследовании гламура, осмысливает этот феномен в рамках системы мирохозяйственных связей капитализма в целом. Гламур, по мнению исследователя, определяет универсальную логику социальных практик не только в политике и экономике, но также в науке и культуре, т. е., в конечном счете, выступает как социальная технология [6, 51—87].

Семиотический подход успешно зарекомендовал себя на Западе в consumption-studies, а в последние годы получил распространение и в отечественных исследованиях. Достижения семиотики приобрели актуальность в широком контексте: при определении причин и логики возникновения символизма в потребительных практиках, а также при рассмотрении структуры стоимости объекта символического потребления. В рамках данного подхода выделяются наработки французских исследователей: Ж. Лакана, Р. Барта и Ж. Бодрийяра, преодолевающих ставший традиционным детерминизм сравнительно-исторического подхода и развивающих относительно новое направление в социальном познании, позволяющее взглянуть на некоторые социальные феномены «изнутри».

Инновационная модель знака Ж. Лакана с нефиксированной связью означаемого и означающего («плавающее означающее») позволяет проследить процесс изменения структуры объекта символического потребления (в данном контексте важной представляется отчуждение

базовой (утилитарной) функции объекта от репрезентируемых этим объектом смыслов). Кроме того, идеи Лакана представляются актуальными при рассмотрении изменения структуры потребительной стоимости объекта символического потребления. Если классическая марксистская модель потребительной стоимости успешно объясняла особенности функционирования объектов утилитарного потребления, то в контексте символического потребления она оказывается уже недостаточной.

Дело в том, что при формировании потребительной стоимости объекта символического потребления к базовой «переменной» добавляется виртуальная «переменная», представляющая собой тот набор социокультурных значений, которые могут быть интересными для потребителя [7]. На основе соотношения реальной и виртуальной составляющих потребительной стоимости объекта открывается возможность выделить модели репрезентации гламура в потребительных практиках.

Если идеи Ж. Лакана следует считать базовыми при осмыслении содержания практик символического потребления, то учение о коннотациях Р. Барта позволяет проследить процесс формирования «диалога» смыслов, транслируемых объектами символического потребления [8, 297—318].

Концепция симулякра Ж. Бодрийяра, в сущности, выводит осмысление символического потребления на уровень социально-философского обобщения. В этом контексте представляет интерес институциональный аспект символического потребления, являющегося основополагающим элементом в системе современного рынка [9, 62—90].

В отечественном теоретическом контексте следует выделить диссертационное исследование Ю.В. Ветошкиной «Гламур в контексте социальной теории», в котором гламур трактуется как репрезентация современной массовой культуры. Испытывая влияние Ж. Бодрийяра с его концепцией симулякров и симуляции, автор осмысливает гламур как принципиально иное измерение реальности, наполненное мифологическими образами. Негативная сторона тиражирования социальных фантазмов выражается в вытеснении и замещении элементов реального жизненного мира [10, 12—15]. Аксиологическое бытие гламура связывается с ситуацией глубокого культурного упадка, с экспансией образцов усредненной массовой культуры, в которой зрелищность подменяет содержание. В этом отношении Ю.В. Ветошкина не является новатором. Сходную идею можно обнаружить, например, в исследовании А. Секацкого [11].

При рассмотрении аксиологического содержания гламура очевидными представляются преимущества *антропологического подхода*, ориентированного на человека как носителя онтологической сущно-

сти. В частности, концептуальные наработки Г. Марсея, Э. Фромма и А. Бергсона позволяют сформулировать жизненные стратегии человека, определяемые по совокупности ключевых для него ценностей. В этой связи представляется актуальным противопоставление социально ориентированной ценностной стратегии с индивидуалистической стратегией, которая коррелирует с моделями репрезентации гламура в потребительских практиках [12; 13, 91—110; 14, 34—40].

В России наибольшую известность получила работа Д. Браун «Шесть измерений гламура: модернизм и сияние формы». Если большинство исследователей в целом не исключают трактовки гламура как феномена сугубо рыночного, то концепция Браун в этом смысле стоит особняком, так как в качестве «субстрата» гламура здесь рассматриваются не рыночные отношения, а литература. Именно литература определила контуры бытия гламура, который к концу XX в. превратился в целостную эстетическую и аксиологическую систему с вполне сложившейся рациональностью [15, 20—70].

Методологические установки Браун находятся в рамках традиций Франкфуртской школы, поэтому трактовка гламура имеет в целом критический оттенок и в этом плане напоминает нечто общее с отечественными исследованиями.

Д. Браун не обходит стороной и аксиологический аспект рассмотрения гламура, актуализируя проблему отчуждения современного человека от традиционной системы ценностей и связанную с ней проблему формирования идентичности. Именно гламур, по ее мнению, замещает возникшую лакуну в мире ценностей и самовосприятия, а преодоление сложившейся отчужденности приобретает чисто формальный характер, напоминающий скольжение по поверхности.

Интересной представляется и аллюзия на психоаналитическую интерпретацию ценностного содержания гламура. Гламур, по мнению автора, содержит в скрытом виде черты разрушения и выступает как своеобразная сублимация накопленных обществом деструктивных тенденций. На практике это проявляется тогда, когда сквозь сияющую оболочку гламурных образов начинают просвечивать черты декаданса.

В отечественном контексте аксиосфера гламура является предметом исследования О.Ф. Русаковой и К.Ю. Точилова.

Если Д. Иванов трактует гламур предельно широко, как некую универсальную социальную рациональность, то О.Ф. Русакова прямо проводит соответствие между сферой бытия гламура и сферой потребления. Однако автором исследуется не столько механизм проявления гламура в практиках потребления, сколько аксиологическое содержание гламурных образов [16].

К.Ю. Точилон в диссертационном исследовании «Гламур как эстетический феномен: генезис и исторические модификации» анализиру-

ет два измерения гламура: аксиологическое и эстетическое. В качестве аксиологического основания бытия гламура автор усматривает гедонизм. При этом гедонизм трактуется не в широком (фундаментальном), а, скорее, в узком (инструментальном) смысле, так как бытие гедонизма переводится в визуальную плоскость, а сам гламур определяется как некий «панэстетизм», вырождающийся в итоге в «эстетический индивидуализм»; сама же эстетика, являющаяся также и хранилищем этических норм, в потреблении гламурных образов подменяется «эстетством» [17, 12—13].

Подобно К.Ю. Точилову, ряд отечественных исследователей — К. Пчелкина, Е. Ермолин и А. Частицына — считают неизменным атрибутом гламура его имморализм, способность существовать «по ту сторону добра и зла». [18; 19, 403—420; 20].

Подводя итог, следует констатировать, что, несмотря на оформление к началу XXI в. определенных трендов в исследовании гламура, в сложившемся теоретическом контексте существует и немалое количество очевидных теоретических лакун.

Во-первых, если в научных источниках традиционным является установление отношения гламура не только к сфере культурных практик, но и к сфере потребления в целом, то рассмотрение гламура в контексте *символического* потребления оказывается возможным лишь на уровне имплицитных отсылок к смежным проблемам симулякров и социальной симуляции. Вопрос о символической составляющей гламура носит, по существу, декларативный характер. Остается за скобками природа структурных процессов в системе символического потребления (формирование стоимости товара на рынке символических услуг, проблема индивидуальной идентичности в контексте потребления, аксиология внутреннего мира человека «общества потребления» и др.). В результате нуждается в развитии такой ракурс исследования гламура, который позволил бы рассматривать этот феномен как эффективное средство стимулирования и трансляции потребительных практик. В данном контексте нерешенным остается вопрос о том, каково значение гламура для конституирования системы символического потребления на уровне субъекта и социальных институтов.

Во-вторых, вызывает сомнение трактовка моды как репрезентации гламура. Генетически мода сформировалась раньше, чем гламур, и ее функция первоначально состояла в том, чтобы позиционировать субъекта и в то же время посредством принятия выработанных шаблонов включить его в систему социальных отношений. Интеграция и дезинтеграция идут здесь рука об руку. Гламур же возникает как рыночный инструмент постиндустриального общества, как его институт. Функция этого феномена — в том, чтобы включить субъекта в гонку потребления символов, искусственно сконструированных и тиражируе-

мых СМИ. Гламур существует как средство извлечения прибыли, в то время как мода приобретает эту функцию лишь при формировании рыночных отношений. Таким образом, можно заключить, что гламур становится атрибутом моды именно в этот исторический период. Здесь их пути пересекаются.

В-третьих, анализ ценностных оснований гламура зачастую сводится к рассмотрению практик повседневности (уход за телом, шопинг, светская жизнь и т. д.) и не выводится на уровень философского обобщения. Перспективным направлением исследования здесь может стать изучение формирования идентичности «человека гламурного» в контексте деградации базовых ценностей и отчуждения людей друг от друга, а также от реальных социальных практик. Думается, что гламур следует рассматривать не только как возможный путь преодоления отчуждения, но также и как эффективное *средство* формирования отчуждения.

Указанные пробелы в теории гламура следует считать результатом сложившегося к настоящему времени методологического эклектизма. Думается, что в перспективе наиболее продуктивной стратегией исследования гламура является методологический синтез, объединяющий наработки семиотики, конкретно-исторического и антропологического подходов. Такая стратегия позволяет, с одной стороны, преодолеть сложившуюся тенденцию трактовать гламур предельно широко как универсальный феномен культуры, с другой — предельно узко (как стиль жизни). Методологический синтез, взятый за основу исследования, позволит не только констатировать, что гламур является надежной опорой и крайним выражением символического потребления, по своей сути не имеющего предела. Этот подход некоторым образом способен повлиять на сложившуюся в социальных науках ситуацию, актуализировав аксиологический аспект феномена гламура, что в целом предполагает смещение вектора дальнейших исследований на более высокий уровень обобщения.

Литература

1. *Lassel M.* Glamour Making it Modern Hardcover. N. Y., 2009.
2. *Gundle S.* Glamour: A History. N. Y., 2008.
3. *Currid-Hulkett Scott A.J.* The Geography of Celebrity and Glamour: Reflections on Economy Culture in the City // City Culture and Society. Vol. 4. Is. 1. 2013. March.
4. *Dyhouse C.* Glamour: Women, History, Feminism. L.; N. Y., 2011.
5. *Руднева Д.А.* Гламур как феномен культуры постиндустриального общества: методология исследования // Известия Уральского госу-

дарственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. № 2 (76).

6. *Иванов Д. В.* Глэм-капитализм. СПб., 2008.

7. *Лакан Ж.* Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда // <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001008/index.shtml> (дата обращения: 18.01.2015).

8. *Барт Р.* Риторика образа // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.

9. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 2001.

10. *Ветошкина Ю.В.* Гламур в контексте повседневности (по материалам современной дамской прозы). Автореф. дисс. ... канд. культурол. Шуя, 2011.

11. *Секацкий А.* Гламурная цивилизация и ее авангард // <http://www.windowsfaq.ru/content/view/742/98/> (дата обращения: 12.11.2014).

12. *Марсель Г.* Быть и иметь // <http://www.e-reading.link/book.php?book=142343> (дата обращения: 17.12.2014).

13. *Фромм Э.* Иметь или быть? Ради любви к жизни. М., 2004.

14. *Бергсон А.* Два источника морали и религии. М., 1994.

15. *Brown J.C.* Glamour in Six Dimensions: Modernism and the Radiance of Form. N. Y., 2009.

16. *Русакова О.Ф.* Про Моду, Деда Мороза и Супермена: дискурс-анализ мифологий массовой культуры в работах Р. Барта, Ж. Бодрийяра и У. Эко // <http://discourse-pm.ur.ru/discours6/rusakova.php> (дата обращения: 4.02.2015).

17. *Точилев К.Ю.* Гламур как эстетический феномен: генезис и исторические модификации. Автореф. дисс. ... канд. филос. н. М., 2011.

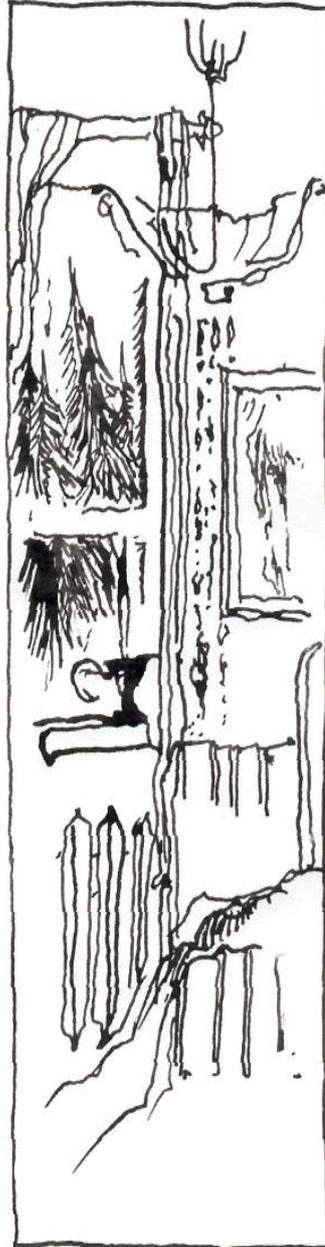
18. *Пчелкина К.* Гламур — новая идеология или старые раны? // *Drugaya.ru*. 2006 // <http://www.drugaya.ru/content/doc592.html> (дата обращения: 23.02.2015).

19. *Ермолин Е.* Артефакты гламурного времени: роман-памфлет и оккультный роман как симптомы // *Континент*. 2008. № 1 (135).

20. *Частичина А.* Дискурс гламура // *Большой город*. 2006. № 22 // <http://www.bg.ru/article/6273/> (дата обращения: 22.02.2015).

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

4 марта 2015 г. В Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации прошла международная научная конференция «Развитие современной России: проблема воспроизводства и созидания», в которой принял участие в качестве докладчика директор ЦОН при МГУ, профессор Ю.М. Осипов. Ниже публикуется краткое изложение его доклада.

Ю.М. ОСИПОВ

Время большого перестроения

Аннотация. Война Запада во главе с США против России способствует ее мобилизации и ускоряет переход к постреформенному перестроению.

Ключевые слова: Россия, Запад, глобализм, война, Украина, Крым, либерализация, перестроение, постреформизм, геостратегия, философия хозяйства, историософия.

Abstract. The article is devoted to the war of the West led by the USA against Russia that promotes its mobilization and accelerates transition to postreform evolution.

Keywords: Russia, West, globalism, war, Ukraine, Crimea, liberalization, evolution, postreformism, geostrategy, philosophy of economy, historiosophy.

Российская современность отличается не просто кризисом и антикризисом, а солидным национальным напряжением, вызванным начатой в 2014 г. и ведущейся против России войной со стороны Запада во главе с США. Война эта очень нужна Западу, ибо Россия, обладательница гигантских ресурсов, так и не вписалась окончательно и бесповоротно в передовой западный мир, разумеется, в роли зависимого вассала, более того, заявила о себе, вернув себе Крым и защищая русский мир на Украине, как самостоятельная сила, вновь претендующая на роль великой мировой державы, одного из решающих субъектов мировой истории. Но и это не все: Россия вдруг заявила о себе как альтернативная Западу (и Востоку тоже) бытийная возможность, что никак не может сочетаться с глобальной гегемонией США и всего Запада. Отсюда не что иное, как война с Россией, правда, вписывающаяся в глобальный мир-войну, уже достаточно поразивший земной шар. России ничего не остается, как сопротивляться, отмобилизоваться и осу-

ществить-таки целостное перестроение общества, хозяйства, государственности, причем в постреформенном направлении.

* * *

16 марта 2015 г. в Доме ученых РАН имел место доклад директора ЦОН при МГУ, профессора Ю.М. Осипова на заседании секции политической экономики по теме: «Мир в движении (глобальные изменения в России)». Ниже приводится примерное содержание доклада.

Ю.М. ОСИПОВ

Мир в движении

...Не пророчествуйте нам правды,
говорите нам лестное, предсказывайте
приятное.

(Ис. 30:10)

Аннотация. Бытие человеческое со временем радикально меняется, изменяется и сам человек. Общая историческая тенденция, обусловленная хозяйственной деятельностью: от природы к неприроде. Большие этапы-эпохи: Премодерн, Модерн, Постмодерн. Сегодня царит мир Постмодерна, он же Западный (передовой) мир. Остальной мир, частично остающийся в Премодерне и в основном находящийся в Модерне, эксплуатируется миром Постмодерна и сопротивляется этой эксплуатации, стремясь не к Постмодерну, каковым он уже не может стать, а к за-Постмодерну. Россия — в остальном мире, в его духовно-идейном центре. Мир Постмодерна, ведущий войну с остальным миром, объявил войну России. Россия в войне! Но у России есть шанс выработать Иное, перейти к эпохе Иного.

Ключевые слова: мир, перемены в мире, общемировая тенденция, Премодерн, Модерн, Постмодерн, мир-война, Россия, Иное, философия хозяйства, историософия, история.

Abstract. The article is devoted to a human life, a person that considerably change, the general historical tendency caused by economic activity: from nature to not nature. There are big stages eras: Premodern, Modern, Postmodern. Today the world of the Postmodern reigns, it is Western (advanced) world. The rest of the world which is partially remaining in Premodern and generally being in the Modern is operated by the world of the Postmodern and resists this operation, aspiring not to the Postmodern what it cannot become any more but to Post-Postmodern. Russia is in the rest of

the world, in its spiritual and ideological center. The world of the Postmodern waging war with the rest of the world declared war of Russia. Russia is in war! But Russia has a chance to develop Other, to pass to an era of Other.

Keywords: the world, changes in the world, universal tendency, Pre-modern, Modern, Postmodern, world war, Russia, Other, philosophy of economy, historiosophy, history.

Человек — существо, наделенное сознанием (словом, языком, восприятием и продуцированием смыслов, воображением, способностью выделять себя из окружающего мира, из среды, осознавать себя как «Я», как человека), а вследствие этого человек наделен также и способностью творить, то бишь воображать и созидать то, чего нет в природе, в данном (доставшемся) человеку мире (человек имеет возможность воображать, проектировать, конструировать, делать что-то неприродное). В связи с этой возможностью неприродного творчества случился в истории человечества важнейший момент-событие — европейский Ренессанс, вырвавший человека на путь безусловного и безграничного хомо-созидания. Европейский ренессансный человек отринул тенеты природы и отклонился от сакральной опеки Господа Бога (которую, со временем, уже в эпоху Просвещения отверг окончательно, вступив на путь последовательного атеизма). С этого момента-события, ознаменовавшегося Великой хозяйственной революцией, человек занялся упорным и целостным переделыванием мира по собственным лекалам. Так зачалась новая эпоха, называемая ныне весьма адекватно эпохой Модерна (модернизации, обновления, осовременивания), положившая в Европе конец долгой и вдовсю уже поседевшей эпохе так называемого Премодерна — времени кооперации человека с природой и его сотрудничества с Господом Богом. И если эпоха Премодерна, в которую как раз и возникли языки, понятия, идеологии, памятные сказы, мифы, письменность, философии, религии, т. е. когда возник человек как человек — с сознанием, была *эпохой сотворения мира*, как раз мира человека, сознания и культуры в единении с Природой (матерью) и под водительством Бога (Отца), то эпоха Модерна уже стала *эпохой пересотворения мира*, а также и самого человека. То был вызов со стороны человека как Природе, так и Богу, чем человек хозяйствующий (он же и творящий!) воспользовался «по полной», создав совершенно уже свой, вполне и искусственный мир, в котором все передовое (прогрессивное) человечество в настоящее время и бытует (города, инфраструктура, транспорт, предприятия, техника, дороги, электростанции, воздушные пути, космические орбиты вкупе с культурой, наукой, телевидением, интернетом и т. д.). Эпохе Модерна соответствовала и своя идеология (уже нерелигиозная в привычном по-

нимании) — гуманизм, дополнявшийся либерализмом, демократизмом, прагматизмом.

Наступил момент и полного торжества Модерна, созданного им искусственного мира, а также и гуманизма с его материалистической философией, политической экономией, социологией, психологией, антропологией и другими отраслями научно-гуманитарного знания. Однако триумфальный европейский мир, уже изрядно экономизированный, капитализированный и империализированный, вдруг неожиданно сильно затрясло, он впал в острейший кризис, причем его же, этот мир, решительно отрицавший (рубеж XIX и XX вв.), что вызвало страшнейшие его судороги, вылившиеся не в одни социально-экономические потрясения (экономические и политические кризисы, революции), но и в межгосударственные, точнее — межимпериалистические — войны: Первую и Вторую мировые, не считая ряда меньших. Европа вдруг явно как бы сошла с ума, приступив к собственной насильственной переделке, граничившей с самоуничтожением! И возможно таковое произошло бы, если б Европа не накинулась на Россию и СССР, что частично перенесло европейский удар на Восток и немало разрядило кризисное напряжение внутри собственно Европы, а впоследствии обусловило и возникновение чего-то вроде контревропейской коалиционной силы, оказавшейся способной победить зарвавшуюся Европу и ее на время утихомирить. Далее побежденная Европа пошла по пути преодоления собственного межимпериализма, начав созидание общеевропейского межгосударственного единства, что вылилось в образование Европейского союза, что не мешает Европе оставить насовсем мечты о воскрешении в Европе славной Римской империи, о чем свидетельствует новый, пусть и мирно-ползучий, «дранг нах остен» — поход на Россию, и опять через Польшу, Прибалтику, Украину, через их посредство.

Европа не исчезла в результате своего затяжного глобального кризиса и развязанной ею большой мировой войны, но была вынуждена вслед и по воле США расстаться шаг за шагом с порожденным ею Модерном и «влезть» в Постмодерн — этот наследственный, но при этом и отрицательный продукт Модерна. Почему же отрицательный? Всего лишь потому, что отказавшийся от Господнего водительства и покоривший целостно Природу человек-творец (европеец-делец, европеец-проектант, европеец-агрессор, европеец-завоеватель), сотворивший-таки *свой* мир, отринув и переделав *данный* ему мир и сделав его для себя *взятым*, оказался вдруг в мире, вовсе не гуманистическом и не гуманном, как человеку-гуманисту грезилось в начале Модерна, а противном Модерну и самому человеку, их перемалывающим и уничтожающим.

Великий парадокс истории: человек создал *свой* мир — мир *под себя*, а получил в итоге враждебный *себе же* и *своему же миру* некий *постмир* (сыновний мир, пожирающий своего же мир-родителя), как раз ныне и называемый миром Постмодерна. Самое поразительное тут в том, что Постмодерн исходит вовсе не из гуманизма, пусть и весьма лукавого, а уже из антигуманизма, хотя тоже лукавого, но не возвышающего человека-европейца-творца-агрессора, а его — человека — вообще, уже отрицающего и превращающего в постчеловека (человея, киборга, чиповея, робота).

Миру Постмодерна человек как человек уже не нужен, а если и нужен, то какой-то совсем иной гуманоид, приспособленный к торжествующему над человеком техно-информо-нето-электронизированому миру, не так даже обслуживающему человека и его мир, как ими уже накрепко владеющему. На повестке дня даже не просто технизированный мир, а мир совершенно уже технически эфирный, оторвавшийся от человека и земного мира, над ним как бы взлетевший («космизированный») и им оттуда управляющий.

Выходит, что хозяйствующий на планете Земля человек прошел путь от Бога и Природы к антибогу и неприроде, создал под себя совершенно человеческий мир, его же — человека — ныне усердно отрицающий. Теперь человеком преобразуется не природа, не природный материал, а сам же человек, причем преобразуется с участием созданного человеком же кибер-нето-генно-мира, даже и под водительством этого совершенно искусственного, но по-своему уже и «интеллектуального», мира. Теперь кругом искусственные сети — вплоть до интеллектуальных, а человек в этом глобально сетевом мире (нетомире) не более чем «мушка», правда, под приглядом центров-«пауков». И какое же теперь сознание у этих «мушек» и этих «пауков»? Не *пост* ли это уже сознание, а-а?

Европа через «дружеское» посредство США влезла в Постмодерн, который в реальности есть не более чем иллюзия человеческого мира, его нечеловеческий симулякр, доминирующая над реальностью искусственная ирреальность. Этот передовой и во всех отношениях прогрессивный мир, возвысившийся над планетой Земля и как бы расположившийся в мертвом космосе, не может существовать сам по себе, ибо он нетелесен, бескровен, пуст, а может существовать только паразитарно за счет миров Премодерна и Модерна, существующих на планете ныне в основном за пределами мира Постмодерна. Отсюда потребность эксплуатации миром Постмодерна всего остального, не столь еще зараженного постмодерном планетарного мира.

В итоге мы имеем сегодня разделение планетарного мира на два больших «полумира»: на империльный *передовой мир*, он же мир

Постмодерна, и на эксплуатируемый передовым миром и от него же защищающийся *остальной мир*, чуть ли по меркам ЕвроАмерики не отсталый. Первый мир — мир угрожающей античеловеческой *новизны*, во многом уже и обезумевшей, второй мир — мир сохраняющей человека *Традиции*, хоть еще и не безумной, но тоже весьма уже обезумливаемой.

Отсюда, хочешь, не хочешь — *война*, но уже не так привычная всем мировая война, как совершенно новенькая *война миров* (не народов, не государств, не империй, не цивилизаций как таковых, даже не культур как таковых, а именно *миров*).

Но это не все: постмодерн привнес в мир не что иное, как *антимир*, перевернув мир, вывернув его, оборотив (антимир — мир-оборотень, хотя и полный всякой привлекательной и прельстительной новизны).

Отсюда война между двумя гигантскими планетарными мирами: передового и остального, т. е. как бы война по горизонтали, дополняется *войной мира и антимира*, или войной как бы по вертикали, когда все еще живой мир борется за себя с миром уже погребальным — как раз антимиром. И ежели современный зёмный мир есть *мир-война*, то, как не трудно при желании убедиться, война здесь на просто необычная, а напрямую уже эсхатологическая, бездна. Последняя!

И вот Россия!

Да, она вместе со странами БРИКС в остальном мире. Присоединиться к Западу России, или же присоединить Россию к западному миру, не удалось. Россия — великая, пусть и переживающая упадок и острый внутренний кризис, держава. Международный вассалитет не для нее. Украинские события и акция по воссоединению Крыма подтвердили все сразу: великодержавность России, ее реальную суверенность, ее самобытность (незападность). Более того, они показали, что Россия, хоть и не преодолела еще свои *по*-реформенные социохозяйственные проблемы, но, приступив к своему подъему, нацеливается на их *пост*-реформенное преодоление. «Вызывающее» поведение России не могло быть одобрено сильными мира сего вроде США и ЕС, а поэтому России была навязана война, пусть и не очень-то формально объявленная, хотя санкции по сути есть не что иное, как объявление войны.

Россия сегодня в войне! За свое «Я» и за свою *правду*! Во мгновение ока всё в мире изменилось, мир после Крыма и начатой (вновь продолженной) войны против России вдруг стал *другим* — более, кстати, себе реально соответствующим. Но в мир через Россию пришла и *всемирная правда*. Сразу стало ясно, кто в мире кто — «ху из ху» и что в мире что — «уот из уот»! Межмировая планетарная война

уже стала историческим фактом, пусть еще во многом латентным и мало еще заметным.

России ничего не остается, кроме как, опираясь по возможности на своих условных и безусловных союзников, сосредоточиваться на себе и себя же отмобилизовывать, как и решительно идти своим путем, живя, уже по явной необходимости, своим, а не чужим, умом. Россия сегодня двинулась к самой себе — к России! Но Россия, как это было и всегда, не сама по себе: она в мире — что враждебном, что дружественном, что сочувствующем, что нейтральном, что вопрошающем, что надеющемся, что ненавидящем. И что тут особенно поразительно: Россия ныне... в *центре мира*, однако не столько в материально-обыденно-воспроизводственном плане, сколько в духовно-морально-идейном. Нет, Россия вовсе не благополучный райский уголок, ибо тут все совсем наоборот — скорее... ад, но она зато очаг каких-то *альтернативных разрешений*: антизападных, контрпостмодерновых, апокатастических (антиапокалиптических). Странно это для всего мира, наверное, но это так: никто более так сегодня не свободен, так не импровизиационен и не продуктивен в духовно-идейном плане, как Россия! Не зажатая плотно Традицией и не прельщенная накрепко Новизной, способная к творчеству, стимулируемому правдой — российской и мировой. *Этакое неожиданное явление России миру!*

Любопытно, что Постмодерн, где бы он себя не проявлял и чем бы ни казался, насквозь пронизан фальшью, симуляцией, ложью. И все его «штучки» не просто присутствуют в мире, в культуре, в интеллект-сфере, а угнездились в постмодерновом мире-антимире в самом его основании, заявляя о себе антигуманизмом, антикультурой, нэжитью. Насколько это понимают на Западе, в Европе, в США, это, конечно, дело самих западнителей, европейцев, американцев, но в России это уже неплохо понимают и, исключая адептов, если не агентов, взбесившегося Постмодерна, желают преодоления постмодерновой напасти, но вовсе не через возвращение к Средневековью, а через движение за Постмодерн, опираясь на Традицию, ее переосмысливая, но имея в виду уже и что-то *Иное*. Россия так или иначе призвана к этому Иному, как кажется, но вполне уже спасительному Иному, дающему человеку шанс остаться *человеком*. В России сейчас тяжело, но не вообще тяжело, что само собой, и по-особому тяжело — *софийно!* — что хоть и не обходится без уныния, но вселяет в людей российских кое-какую надежду на российское же будущее!

Из благого рая любое новое, еще и спасительное, конструктивное и жизнеспособное, не выходит, такое рождается только в аду и исходит из ада, каковым по сути Россия уже четверть века и является. Сопровождение аду и выход из него приводят не в рай вовсе, а всего лишь к

новой жизни, преодолевающей адовую тенденцию к гибели и обеспечивающей пусть и не самую, быть может, «роскошную», но все-таки полноценную в духе жизнь!

P.S. Доклад, сделанный в соответствии с вышеприведенным материалом, вызвал у ученых слушателей неоднозначную реакцию. Если большинство не без немалого интереса выслушало докладчика, всерьез задумавшись над сказанным, отдавая должное необычным авторским (!) размышлениям, то нашлись и те, кто не только недоуменно и недовольно что-то в рядах проговаривал, но и в знак искреннего протеста выразительно (не без шума) покинул аудиторию. Все происшедшее не особенно удивило докладчика, включая и нарочитую демонстрацию всезнающих и амбициозных «темных», не способных выдерживать столкновения с непонятной им и непроявляемой ими человеческой мыслью. Можно было бы, конечно, обо всем этом и не говорить, как принято у «православного люда», скорбно и вежливо промолчать, держа наготове вторую щеку, но ведь... *Дом ученых* все-таки, увы, не избегающий общего апокалиптического расстройства нынешней «интеллект-среды». Век живи, век и получай! Вот тебе и урок, назидание, истина?! Сказок нужно больше, сказок! Впрочем, может, и докладчик выдал слушателям сказку, разве лишь не успокоительную, оттого и вырвалась столь на нее протестная реакция? Хотя, как сказать: дружные аплодисменты по завершении интеллект-события все-таки были, как и имела место искренняя слушательская признательность! Неисповедимы дела и слова твои, человеце, ох как неисповедимы!

* * *

17 марта 2015 г. состоялось очередное заседание семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Этнонациональная проблема современности», на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, И.В. Пшеницын, И.Г. Шевченко, Н.Б. Шулевский; кандидаты наук А.Р. Геворкян, А.А. Соболевская, преподаватель И.А. Горюнов, соискатель И.И. Рудяк.

Е.С. ЗОТОВА

Об этнонациональных проблемах нынешней эпохи

Аннотация. Предлагается обзор состоявшегося 17 марта 2015 г. научного семинара Центра общественных наук и лаборатории фило-

софии хозяйства экономического факультета МГУ «Этнонациональная проблема современности».

Ключевые слова: этнос, нация, государственность, глобализм, Россия, русофобия, историософия, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to scientific seminar of the Center of social sciences and laboratory of philosophy of economy of economics department of MSU «Ethnonational Problem of the Present» taken place on March 17, 2015.

Keywords: ethnos, nation, statehood, globalism, Russia, russophobia, historiosophy, philosophy of economy.

На состоявшемся 17 марта 2015 г. очередном заседании теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» Центра общественных наук и лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ на тему: «Этнонациональная проблема современности» перед участниками были поставлены следующие вопросы для обсуждения.

- Этносы, народы, нации: вчера, сегодня, завтра. Языки, культуры, история.
- Глобализация и нивелировка этнонационального фактора. Определение и самоопределение.
- Обострение этнонациональной ситуации в мире. Этнонациональное (и расовое) доминирование и ему сопротивление. Запад — Восток, Север — Юг.
- Европа: столкновение разнообразия с унификацией. Этнонациональная судьба Европы.
- Россия как мультиэтнонациональное ядро. Русский мир и его нынешний заявительный выход на историческую арену.
- Россия и соседи: взаимопонимание и мир, расхождения и коллизии.
- Украина как очаг этнонационального напряжения и кризиса. Пути-дороги в новый разноплеменный мир.

Со вступительным докладом выступил директор Центра общественных наук при МГУ, д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов**.

Все, что создано человечеством ценного и непреходящего, — сказал Ю.М. Осипов, — создано не космополитами. Апостол Павел говорил в Евангелии, что для Бога нет ни эллина, ни иудея. Но до сих пор эллины остались эллинами, иудеи — иудеями. До сих пор греки метафизически связаны со своими древнегреческими истоками.

Евроамериканская цивилизация работает против этнонационального начала. Если взять Европу, эта цивилизация так передралась внутри

себя, что им уже страшно заявлять себя французами или немцами. Шла борьба за первенство в Европе. Какое? Имперское. Это многовековая империяльная переключка, восходящая к временам Римской империи. Есть народы, сравнительно легко отказывающиеся от своей исторической идентичности, но имперским народам это сделать сложнее — немцам, французам, англичанам, тем же австрийцам, шведам. Все эти народы пробовали стать европейской империей. Кое-что получалось, но в целом нет. И вот сейчас ЕС. Это новая имперская инициатива в Европе. Мы видим, — продолжил Ю.С. Осипов, — что в ЕС имеет место и обострение этнонационального фактора. В тех же США это вроде бы не так заметно, но этнические различия и там остались, но не между народностями и нациями, а как бы между «землячествами». Но феномен этнонациональности присутствует и там: белые остались белыми, англичане англичанами, французы французами, японцы японцами, китайцы китайцами, мексиканцы мексиканцами и даже негры остались неграми, хоть и назвались афроамериканцами — они больше все-таки «афро», чем американцы. Казалось бы, сколько поколений негров сменилось в США, а негры все еще «негры», даже и африканцы (хотя вроде бы они себя считают американцами).

И вот что получается: хотя, по предсказаниям учителей эпохи Просвещения, нации должны были исчезнуть к концу XX в., государства должны были исчезнуть, семьи должны были исчезнуть, межполовые браки, а у нас те же отчества, — ничего этого не происходит. Люди остаются не просто людьми, а людьми, привязанными к своим родовым корням. Так что же такое этнос, национальность?

Вот есть у нас космополиты, — продолжил Ю.М. Осипов, — и очень гордятся этим, уже и русскими себя не считают — причем не без гордости: ну как можно быть этими «паршивыми» русскими, осуждаемыми всеми «добротными» народами мира (даже и православными, вроде болгар, румын, грузин и т. д., может, исключая сербов). Украина это хорошо показала, Польша кое-что демонстрирует, но даже и Казахстан с Белоруссией. В общем, некая неприязнь между этносами, точнее, между этническими элитами, есть, и она сейчас даже обостряется. С одной стороны, идет «стирание» этнонациональных особенностей, глобализация, «однообразие», а с другой — усиливается тенденция к этнонациональному разнообразию. Вот наш коллега Косов выступал как-то у нас и заявил, что мир распадется на тысячу мелких государств — сейчас вроде бы полторы сотни государств в ООН, а будет — тысяча!.. А в той же России — порядка ста... Думаю, — сказал Осипов, — что этого все-таки не произойдет, так как, на мой взгляд, «мелкие» (мелкие условно, конечно) этносы могут выжить только рядом с крупным. То есть сейчас, когда, например, казахи,

украинцы, белорусы грозятся, что они исключительно казахи, украинцы, белорусы, и им наплевать на русских, на Россию (она их, видите ли, притесняет...) — на самом-то деле они существуют как казахи, украинцы, белорусы только благодаря России и русскому оборонному комплексу. Разве интересовали бы Обаму казахи и Абай, когда там — на территории Казахстана — не было бы нефти и золота? Какие такие казахи были до «оккупации» (по Назарбаеву) Казахстана (которого не было) Россией?

Многие народы заявили о себе только потому, что оказались когда-то в составе Российской империи, которая позволила им подняться, стать казахами (записать того же Абая), а уж при Советском Союзе обрести даже и Академию наук с университетом.

Национальный вопрос — серьезный вопрос, — подчеркнул Ю.М. Осипов. — Он является причиной (может, и не основной), которая стимулирует международное напряжение и войны. Он используется в провоцировании мировой войны, войны Запада с Россией. Надеюсь, присутствующие с пониманием к этому относятся: военные планы такого рода есть, хотя и неизвестно, когда и какой из них пойдет в ход, но сами по себе намерения подобных войн существуют.

Вот Россия. Она оказалась сейчас в центре мира, если под «миром» понимать некую идеальную сферу, напичканную идейными конструкциями, идет интеллект-процесс, где пытаются представить, что ожидает человечество впереди, где думают о том, как избежать самоуничтожения. Вот здесь-то Россия и оказалась в центре, причем не только идей, но и событий. Почему? Да потому что ни от Запада, ни от Китая, ни от Индии мы не получим никаких общемировых проектов. Возможен западный проект для Запада, китайский проект для Китая, индийский для Индии... но не для мира в целом, не для всего человечества, которое уже вышло в космос, отрываясь от самого себя. Западная идеология явно в кризисе, она не может ничего человеку предложить, кроме того, что перейти в постчеловеческое существование. Дальше только дальнейшая технизация, вмешательство в геном, переделывание человека. За постмодерном ничего уже не просматривается для европейцев и американцев — кроме захвата всего мира и использования его в качестве ресурса, его эксплуатации ради поддержания своего, в общем-то, уже пустотного состояния. Пустоту нужно наполнять энергией, кровью, даже и плотью, берущимися как раз из премодерна и модерна. Постмодерн не может сам по себе существовать — он ничего не производит, кроме фикций, симулякров, пустышек.

И вот вопрос: где на Земле завязь будущего, где возможен человек будущего? Но и другой: надо ли человека вообще сохранять? Предположим, что надо. Честно говоря, мне абсолютно наплевать, что станет

с китайцами, — заметил Ю.М. Осипов, — американцами, с кем хотите. Это их дело. Но мне совершенно не наплевать на будущее моих соотечественников, которые вокруг меня, рядом со мной, к которым у меня, быть может, масса претензий, но они ведь «свои», а я от «них», — как они все теперь выживут — прошедшие через Гиперборею, Скифию, разные ига — византов, монголов, немцев, большевиков?

Народ наш сейчас в тяжелом состоянии — он ни во что не верит, главное — не верит в правду — она никому вроде бы сейчас не нужна. Русский народ растерян, он не верит в свою русскость, он устал от преследований, от «великой русской литературы», в которой нет ни Скобелева, ни Столыпина, ни генерала Муравьева — победителя турок, ни Сергея Радонежского, ни Филарета Московского, даже и Пушкина нет. В России всегда имеет место антиРоссия, причем совсем не слабая. Но здесь наша родина, это наш народ — такой вот разный, странный, неосознаваемый.

Но сейчас Россия в лице прежде всего своего правительства — единственная страна, которая выдала миру *правду*, — сделал вывод Ю.М. Осипов. — Президент страны сказал, неоднократно причем — в Мюнхенской речи и по другим случаям. Крымское событие — правда, за которую Россию надо бы и распять (Россия встала как бы на место Христа). В то же время у русскости наконец-то появился шанс выступить именно как русскость, для чего надо бы перестать, к примеру, презирать ту же русскую философию (на рубеже XIX—XX вв. Россия обрела мысль «от себя», которая во многом уже перешагнула западную). Это наше достояние, наша гордость, предложенное именно для человека — не западное и не восточное (мы никогда не станем ни рерихианцами, ни тибетцами), — подчеркнул Осипов. — Русские сейчас — самые свободные в мире люди — даже православие не является для них ограничителем. Они могут сейчас думать *свободно*, как и *свободно* импровизировать. Все это нужно хорошенько осознать. Русским нужно почувствовать себя людьми — не лучше и не хуже других — просто людьми. Живущими на своей земле (правда, сейчас идет фактическое огораживание, вытеснение последних русских крестьян — надо видеть и эту похабную реальность).

Далее Ю.М. Осипов сказал, что Господь послал нам события на Украине, в Крыму, на Донбассе, те же санкции, ту же на Россию и ее президента ложь, чтобы мы вспомнили о себе, ощутили самих себя: на Украине, между прочим, стреляют православные в православных и русские в русских!.. Ситуация очень сложная, но как-то надо из нее выбираться. Ни марксизм, ни религиозные догмы, ни научные изыскания с их «истинами» из учебников нам не помогут — ничего относя-

щегося к текущей реальности там нет. Исключительный исторический момент, который надо серьезно осмыслить.

В заключение Ю.М. Осипов заметил, что несколько дней назад было сообщение, что президент наш издал указ о создании Агентства по делам национальностей. А мы свой семинар запланировали как уже полгода назад. Как вам это нравится? Есть у нас чутье на актуальность или нет? Разве это не концептуальный мониторинг? Не социальное предвидение? Не бытие в текущем смысловом потоке?..

Далее выступил д.э.н., профессор **И.В. Пшеницын** (РЭА имени Г.В. Плеханова). Он поблагодарил за приглашение на семинар, поскольку считает, что эта тема является самой важной для нас сегодня. Понимание того, что такое народ, в чем его принципиальное отличие от общества, гражданского общества, крайне необходимо, — сказал И.В. Пшеницын. Это понимание начинается с выявления самых важных для человека отношений. Традиционно признают первичность экономических отношений, производственных отношений, и это верно по отношению к юридическим, надстроечным отношениям. Однако в народе самыми важными являются отношения между поколениями. Для возникновения человека очень важны отношения со старшими поколениями. То, что в него вкладывают, прежде всего, его ближайшие родные в семье, собственно и делает человека человеком. В то же время смысл жизни человека определяют его отношения со следующими поколениями: что он может передать своим детям, ученикам? Когда человек утрачивает связи с последующими поколениями, он утрачивает смысл жизни. Трагедия человека проявляется в утрате или отсутствии духовных связей с народом, его эгоизме, крайнем индивидуализме.

И.В. Пшеницын отметил, что тесная связь поколений характеризует специфику народного хозяйства, хозяйственный уклад. Это придает особый смысл «философии хозяйства», подчеркивает сохранение в хозяйстве смысла жизни для человека.

Напротив, в обществе, в экономике отношения между поколениями оказываются несущественными. Разрушение духовных скреп народа связано с развитием экономических отношений между людьми, с разрушением хозяйственного уклада жизни. Развитие экономики связано с отчуждением человека от народа, становлением гражданского общества. Это видно по превращению семьи из центра народной жизни, из хозяйственной единицы в институт потребления и распределения собственности. Экономический человек является центром принятия решений, не нуждающимся в каких-либо духовных скрепах, сказал в заключение И.В. Пшеницын.

Д.ф.н., профессор **Н.Б. Шулевский** (философский факультет МГУ) назвал свое сообщение «Пассионарность и золотой телец». Любое действие в известном нам мироздании вызывает противодействие, оппозицию, которая, в свою очередь, порождает новое действие уже в купе с противодействием, — отметил Н.Б. Шулевский. — Закон этот имеет мощный эвристический и смысловой потенциал, позволяя изучать мир, вещи, человека, мысли как противодействие неизвестным действиям или — как действия на противодействия любителей халявы. А действия будут равны противодействиям, по Ньютону, лишь в отдельных случаях.

И если в мире появляется глобализация, утюжащая своим катком все народы планеты, стирая их этно-национальные и культурно-хозяйственные особенности, их экзистенциальное своеобразие, — подчеркнул Н.Б. Шулевский, — то неизбежно возникновение столь же объективного противодействия глобализму, внутри которого укрывается и набирает тук золотой телец. И это противодействие антиглобализму незаметно возникло вместе с «глобвейником», получив в гипотезе этногенеза Л.Н. Гумилева название «пассионарность», ставшее движущей силой этносов.

Но странное дело! Будучи перводвигателем этносов, источник и содержание пассионарности находятся за пределами не только сознания, не только индивидов, но и за пределами даже истории, представляя собой космическую биохимическую энергию, которая незаметно внедряется в страсти своих избранников и делает их лидерами, вождами бунтов, восстаний, революций. И пассионарность преодолевает сопротивление инстинкта самосохранения, разума, законов, избегая при этом патологических бездн.

Конечно, в любом деянии человека есть «биохимия», но реально, кажется, пассионарность выражает бунт нереализованной энергии, потенций человека и хозяйства против удушающих циклов экономики и золотого тельца. Не вмещается творческое изобилие хозяйственной жизни и философских смыслов в механизме экономики и через пассионарность мстит за свою непризнанность.

В заключение Н.Б. Шулевский сказал, что, учитывая масштабы социальных переворотов в России, мировые войны, именно она является центром пассионарности «здесь» и «там», возглавляя действия и противодействия пассионариев жизни против глобализма и военного рева золотого тельца.

Далее к.ф.н. **А.Р. Геворкян** (философский факультет МГУ) отметил, что этнонациональная проблема современности во всей своей глубине вряд ли может быть понята вне историософского понимания глобальных проблем нашего времени. В этой связи необходимо

вспомнить, что XX столетие началось не в нулевом — 1900-м — году, а 1 августа 1914 г. Это тем более актуально, что в своих глобальных проектах, с точки зрения выстраивания более или менее длинной исторической парадигмы, Первая мировая война еще не завершена. Все XX столетие, включая Вторую мировую войну и последующие десятилетия «холодной войны», было попыткой реализации тех или иных установок, заложенных в 1914 г.

Сегодня, уже с определенной исторической дистанции, — отметил А.Р. Геворкян, — можно сказать, что судьбоносными в XX в. оказались два события: приход фашизма к власти в Германии в 1933 г. и распад Советского Союза в 1991 г. Вне всякого сомнения, падение Германии произошло не в 1945, а в 1933 г. Хотя история сослагательно не склоняется, но, если бы немецкому народу удалось в начале 1930-х избежать наваждения фашизма, был бы немислим современный мир со своими потребительскими установками погружения в животное состояние. Однако — после германского краха — дорогу американскому оккультному материализму перешла русско-советская идея, предложившая миру иной метафизический принцип развития. При всех ее недостатках в ней была заложена возможность освобождения человека от рабства экономизму. Одновременно должны были быть решены остальные вопросы, и в первую очередь судьбоносная для человечества проблема: обеспечение его реального единства при реализации бесконечно множественных его потенциалов. И первой попыткой реализации этой идеи было формирование общности нового типа — советского народа.

Однако события 1991 г. привели, казалось бы, к безальтернативному торжеству американского либерализма, — заметил А.Р. Геворкян. — Вместе с тем происшедшее на Украине с 2014 г., с одной стороны, ознаменовало начало XXI столетия, а с другой — привело к тектоническим сдвигам внутри исторического процесса, что объективно должно реанимировать на новом его витке русско-советскую идею, основанную на соборности и ратующую за духовное измерение бытия, единообразие заменяющую единством многообразия.

Развертывающаяся ныне борьба, — заключил А.Р. Геворкян, — приведет или к полной реанимации советской модели и ее зрелому историческому воплощению (семьдесят лет Советской власти были прелюдией к реализации, а не самой реализацией советской модели), или же к торжеству американизма — с нацеленностью на достаточно долгую историческую перспективу.

Исход этой борьбы (независимо от результатов) — окончательное историческое завершение Первой мировой войны. Он определит собою «лицо» XX столетия.

В своем выступлении д.э.н., профессор **И.Г. Шевченко** (РАНХиГС) представил источники возрождения русской идентичности. Первый источник — нежелание русского народа исчезнуть с лица земли под напором враждебных сил. Распад Советского Союза и изгнание миллионов русских из якобы дружественных республик, массовое истребление в локальных конфликтах заставили значительную часть в прошлом советских людей вспомнить о своей русской идентичности и о важности защиты национальных интересов.

Второй источник — стремление антироссийских сил оболгать русскую идею, снова внушить русским ложный комплекс вины перед другими народами и заставить ради мифических целей разбазаривать природные ресурсы страны.

Если в 1990-е гг. шельмование русских происходило на пути их отождествления с фашистами, — сказал И.Г. Шевченко, — то возникшая в нулевые годы мода на нефтедолларовый патриотизм уже не позволяла открыто заявлять, что быть русским плохо, и способствовала разработке заклятыми партнерами альтернативного направления борьбы с русским самосознанием — с помощью пропаганды средствами массовой информации наиболее карикатурных и одиозных представителей русского национального движения.

Несмотря на мощное сопротивление русской национальной идее и деградацию промышленного потенциала, процесс возрождения русского духа усиливается и уже выходит за рамки границ Российской Федерации, ополченцы Донбасса (как русскоговорящие, так и украиноязычные) кровью подписывают свое право именоваться русскими людьми.

Вера в правду, традиционные ценности, отрицание антихристианской духовной агрессии, — заключил И.Г. Шевченко, — делают русскую явлением планетарного масштаба, и уже никого не удивляют русские греки и русские немцы. А военнослужащие французской армии и бундесвера с оружием в руках, презрев опасность уголовного преследования у себя на родине, принимают православную веру и встают на защиту мирного Донбасса.

В своем выступлении к.э.н. **А.А. Соболевская** (ИМЭМО РАН) поделилась размышлениями о русофобии. В последнее время, из-за событий на Украине и объявленных против России санкций, — отметила она, — началось обсуждение проблемы русофобии, понимаемой по большей части как отношение со стороны других государств, главным образом США, Западной Европы и Украины. Еще Ф.И. Тютчев задавался вопросом, за что в Европе не любят Россию, и саркастически отвечал, что найдутся безумцы, готовые с самым серьезным видом заявить: «Мы обязаны вас ненавидеть; ваши устои, само начало вашей

цивилизации противны нам, немцам, людям Запада; у вас не было ни *Феодализма*, ни *Папской Иерархии*, вы не пережили войн *Священства* и *Империи*, *Религиозных* войн и даже *Инквизиции*; вы не участвовали в *Крестовых* походах, не знали *Рыцарства*, четыре столетия назад достигли единства, которого мы ищем; ваш жизненный принцип не дает достаточной свободы индивиду и не допускает разделения и раздробления».

Такими «безумцами» стали те, кого впоследствии большевики возьмут себе в учителя — Маркс и Энгельс, — продолжила А.А. Соболевская. — В суждениях молодого Маркса о России проглядывает враждебность не только к монархии, но вообще ко всему русскому. По Марксу, революция «разобьет вдребезги русский колосс». Любопытно, не царский режим разобьет, не империю, а всю нашу «полуазиатскую» страну, именуемую Россией. Недаром он одновременно говорит о «деспотическом правительстве» и о русской «варварской расе». Ему нужна революция именно на погибель России. К тому же, оба основателя марксизма отказывали славянам в революционности. Их последователи в России взяли на себя ответственность за воспитание в русских этого качества.

Большевики, преуспевшие в этом более других, добившись власти, с большим воодушевлением стали выколачивать «русский дух», и в этом деле особенно преуспели поляк Дзержинский и Троцкий-Бронштейн. В 1920-е гг. при его активном участии сформировались и «теория», и практика национальной политики ВКП(б), в основе которой лежала идея «выравнивания». Она сохранялась в течение всего периода существования СССР. «Выравнивание» предполагало искусственное создание привилегий для всех народов, кроме русского, и, естественно, за счет русского. В 1923 г. на XII съезде РКП(б) по национальному вопросу была заложена концепция борьбы с «великорусским шовинизмом» и подъема отсталых наций и народностей за счет русских. Нагнеталась формула о России как «тюрьме народов», причем русский народ выступал как бы в качестве «тюремщика» и теперь должен был отдавать «долги». Между тем и до 1917 г. наибольшей эксплуатации в России подвергался именно русский народ, подчеркнула А.А. Соболевская. — Показательно, что «разработкой» теории национального вопроса у нас занимались в то время, да и позднее, почти исключительно нерусские. В сущности, эта русофобия и геноцид, ставшие основой троцкизма с его провозглашением контркультуры как базы революционного переустройства общества, никогда не исчезали: троцкистов было всегда предостаточно даже в годы самой яростной борьбы с ними. Это было во времена военного коммунизма, в годы раскулачивания, в годы индустриализации, в годы хрущевского прав-

ления с его передачей Крыма Украине, яростной борьбой против РПЦ и т. д. В годы «застоя» произошли такие «странные» вещи, как укрупнение деревень средней полосы, строительство водохранилищ и затопление исконных хозяйственных территорий, попытка поворота северных рек, пагубная политика в отношении сельского хозяйства, насильственное, хотя и скрыто насильственное, переселение русского населения в республики СССР, миграция в центральные районы нерусского населения и многое другое, что привело к деградации русских сел, снижению жизненного уровня в РСФСР по сравнению с другими республиками, превращению ее в донора для других республик.

Можно утверждать, что в годы строительства «нового общества» в «лихие» 1990-е возрождение троцкизма произошло в форме либерализма как системной русофобии. Не удивительно, что один из его лидеров, Чубайс, открыто провозгласив свою ненависть к Достоевскому, сфотографировался рядом с памятником Троцкому. Этим жестом он подчеркнул свое единомыслие с человеком, люто ненавидевшим культурно-историческое наследие России.

Сегодня по поводу выжимания соков из русских, — отметила А.А. Соболевская, — во имя процветания «элиты», говорит открыто только Жириновский: ему можно. Недавно, правда, главный редактор «Московского комсомольца» Павел Гусев в передаче «Структура момента» у В. Фадеева, посвященной именно русофобии, вдруг высказал мысль, что нынешнее правительство РФ вполне русофобское.

Но ведь дело не только в экономическом выживании, дело в том, что русских практически убрали из всех реальных ступеней власти, включая и средства массовой информации, из культурного пространства. Если же иногда русским дают сказать слово, то тут же обвиняют в отсутствии толерантности. Как пишет В. Бондаренко, «иной раз кажется: придет время — и само обозначение себя русским будет приравнено к “экстремизму”, “шовинизму” и “фашизму”. В России быть русским — очень трудно».

И все-таки что-то меняется, — заключила А.А. Соболевская. — Появляются книги, продолжающие русскую традицию («Обитель» Прилепина, «Мысленный волк» Варламова), общественно-политические передачи с новым, нелиберальным, наполнением. И здесь Крым сделал свое дело: вдруг стало возможным говорить о русском мире, проводить семинар об этнонациональной проблеме современности и высказываться о русофобии, предъявлять претензии правительству по этому поводу, слышать слова о русской истории и даже помечтать о будущем русского народа.

Соискатель философского факультета МГУ **И.И. Рудяк** сделала сообщение о национальном вопросе в современной России, рассматри-

вая его в свете учений Бахтина о Я, Другом и Самости, Франка — о внутреннем Мы и Юнга — о двойственной природе личности. Она отметила, что в национальном вопросе вначале крестьянская община, а потом и государство фактически выступают в роли Другого, который наделяет конкретного человека национальностью как обязательным пунктом самоидентификации его личности. Сегодня в мире большая часть населения живет в городах, зачастую в мегаполисах (имеющих очень пестрый национальный состав), участвуя при этом именно в промышленном, а не в общинном сельскохозяйственном производстве, и с каждым годом число горожан все более и более увеличивается. Особенно это актуально именно для современной России, задача которой — слезть с нефтяной иглы и расширить собственное промышленное производство, а также для Москвы как для гигантского мегаполиса. Поэтому сегодня сельскохозяйственная община не может наделять конкретную личность национальным духом, как это было в древности с ее малочисленным населением. Однако отказаться от национального духа Россия сегодня никак не может, так как само промышленное производство происходит во вполне конкретных и чрезвычайно уникальных географических условиях (как писал Андрей Паршев: в самых холодных условиях в мире), да и политическая обстановка вынуждает современную Россию к национальной консолидации. Поэтому сегодня встает вопрос о наделении конкретного человека национальностью в новых, городских, промышленных, условиях. Лев Гумилев полагал, что человек наделяет себя национальностью сам. При этом согласовать учение Бахтина с учением Гумилева в принципе возможно только через учение Юнга (эманлирующее от учения Ницше) о двойственной природе человеческой личности, — считает И.И. Рудяк. — На практике это может выглядеть так: человек имеет, помимо государственного, также еще и приватный паспорт как «паспорт самоидентификации» (который он не обязан показывать никому, но может показать по собственному желанию). Пункты самоидентификации в приватном паспорте человек не только заполняет по своему разумению, но также и по своему разумению выбирает их как важные именно для себя. Внутрличностный выбор конкретным человеком собственной национальности опирается на метафизическое «внутреннее Мы» Франка и предполагает объективное наличие нации как совокупности отдельных личностей, сделавших точно такой же выбор. Таким образом, в рамках истории наделение каждого конкретного человека национальностью сегодня изменяет свой вектор на полярно противоположный, — заключила И.И. Рудяк.

Преподаватель **И.А. Горюнов** (Московский финансово-юридический институт) высказался об «имперской литературе свободы».

А.С. Пушкин — «поэт империи и свободы», — сказал он. — Так его назвал религиозный мыслитель и историк Г.П. Федотов. Осознавая эту свою роль в русской истории, А.С. Пушкин сознательно создавал современный русский язык как язык глубокой мысли и максимальной свободы. И как имперский язык, на котором можно было бы выразить все многообразие имперской интеллектуальной и хозяйственной деятельности. Как и все многообразие жизни ведущего полноценную производственную и творческую деятельность русского-российского народа, ищущего и жаждущего небесного града Китежа на русской земле.

А.С. Пушкин, — как отметил И.А. Горюнов, — описывая свое время, констатировал: «русская поэзия достигла уже высокой степени образованности... но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись; метафизического языка у нас вовсе не существует. Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны». А.С. Пушкин создал формы (а точнее язык) метафизики, поэзии, прозы, философии и науки, язык великой нации, не только способной решать великие имперские мыслительные и хозяйственные задачи, а искать истину и правду, отстаивать свою свободу.

Образно говоря, — подчеркнул И.А. Горюнов, — вся русская литература, как минимум, с А.С. Пушкина и до наших дней, остается литературой империи и свободы, а также русскости — как творческого соединения свободы с империей (свободного полета мысли с размахом реализуемых проектов и ответственностью перед своей совестью).

И.А. Горюнов привел пример современной американской русистики и русофобки Эвы Маевски Томпсон (урожденной Маевски), которая в своей вызвавшей лестные отзывы видных американских русистов книге «Имперские знания: русская литература и колониализм» (Thompson E.M. «Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism») претендует на новое «нетривиальное» прочтение русской классической литературы. Ни много ни мало Э.М. Томпсон обвиняет русскую литературу в соучастии и содействии русскому колониализму и империализму. По мнению видного американского русиста, профессора Колумбийского университета Х. Сигела, — отметил И.А. Горюнов, — это «своевременный вызов привычному подходу к чтению и обучению русской литературе».

Идея книги Э.М. Томпсон проста: великая русская словесность XIX столетия вызвана не чем иным, как «потребностями российского колониализма и в свою очередь усердно обслуживала его хищные нужды». Особое раздражение у Э.М. Томпсон вызывает «имперская эпопея» — роман Л.Н. «Война и мир». По ее мнению, именно это произведение сыграло решающую роль в формировании образа Российской империи в русском самосознании. Почему? Все дело в том, что Л.Н. Толстой создал привлекательный образ Российской империи и русских. И с этим, с сожалением констатирует Э.М. Томпсон, сделать уже ничего нельзя. Помимо всего прочего, — сказал И.А. Горюнов, — одним из следствий созданного Л.Н. Толстым «мифа о русской имперской невинности», стало, по мнению Э.М. Томпсон, закрепление в национальном сознании представления, что именно Россия выступает как единственная спасительница Европы от мирового зла. Потенциальным критикам России трудно что-либо противопоставить «эстетическому обаянию текста» и созданным Л.Н. Толстым образам и мифам, констатирует Э.М. Томпсон. Роман представил «российским и иностранным читателям страстное и эффективное прославление русской нации».

Это-то как раз и не устраивает Э.М. Томпсон и других дружных с ней и во многом стоящих за ней польских историков-русофобов, — отметил И.А. Горюнов. — Поэтому, как минимум, необходимо изменить восприятие России и отзывы о России в мире. На достижение данной цели и работает американская русистка.

Переходя к современности, — продолжил Горюнов, — Э.М. Томпсон утверждает: нынешняя Россия, унаследовавшая ментальность, столь ярко запечатленную Л.Н. Толстым, не способна отказаться от своей имперской сущности. И в этом России надо помочь. При этом Э.М. Томпсон отдает себе отчет в том, что «явление, называемое “Россией”, есть интеллектуальная реальность, и ее трансформация, естественно, будет медленной». Но, как говорится, надо работать. Как отмечает И.Л. Волгин, надо доказывать, что «если даже лучшие русские писатели обозревали происходящее “со своего колониального шестка”, то в конечном счете грош цена такой литературе. Она лишь может вводить в заблуждение — как иностранных читателей, так и собственных граждан».

Из этого и других подобного рода исследований И.А. Горюнов делает следующий вывод. Русская культура и сегодня оказывает огромное воздействие не только на русско-российскую нацию, на русский, постсоветский и постсоциалистический мир, но и на мировое сознание. В современном мире Постмодерна (борющемся с культурой как таковой) это многим не нравится. Сильная, своеобразная и свободная русская культура должна быть дискредитирована, предана забвению и

в конечном счете аннигилирована. Удар по культуре — это удар в сердце нации. Чтобы лишить русских и россиян свободы, мысли, русскости и имперскости, а мир способности сопротивляться удушающим практикам Постмодерна, — надо аннигилировать русскую культуру и литературу. Прежде всего классическую. А раз так, — заключил И.А. Горюнов, — то для сохранения нашей русскости, имперскости, свободы и мысли мы должны оберегать и развивать русскую культуру и литературу. Знакомить с ее волшебством и праздником молодое поколение России, молодежь и граждан других стран и континентов.

Закljučая заседание, **Ю.М. Осипов** сказал: «Мы обстоятельно и плодотворно поговорили. Этнонациональная проблема есть, и она ищет, как это было всегда в истории человечества, своего нового разрешения. Обострилась эта проблема и в России, но не в плане межэтнических противоречий, а в аспекте обращения русских к русскости. Уверен, что без русских и русского мира никакой России не будет, как, кстати, не будет и гордящихся своей нерусскостью наших “братских” соседей. Мы не можем не уважать стремления украинцев быть украинцами (язык, письменность, культура), но мы никогда не согласимся на то, чтобы это делалось в противовес и за счет русских, русскости, русского мира. Украинским националистам неплохо было бы осознать, что избранный “бандеровцами” путь — самоубийственный путь, как раз для украинцев. Этнонациональная проблема — сложная и очень тонкая проблема: становись собою, но не в ущерб другому, иначе — сопротивление, борьба, поражение.

Общемировое разрешение этнонациональной проблемы — дело общемировой истории. Трудно сказать, как все пойдет. Мне, к примеру, интересно быть русским, как и интересно не с космополитами, а с французами, итальянцами, немцами, американцами, — по той простой причине, что в них во всех — содержание, история, самобытность, характер, а что в космополите, кроме пустоты? Разве лишь какая-то ненужная мне информация. Опять же, я — как русский — интересен французу, итальянцу, немцу, американцу, что меня тоже устраивает. За этнонационалом — вкус, проблема, суть, а что за космополитом? Или то же искусство: что может дать искусству космополит? Перформанс, инсталляцию, черный квадрат? Несть человека вне народа, этноса, нации, — *несть!* В том-то и вся штука!

Мир идет к полицентрическому устройству, по-своему и имперiallyному. Избави Бог Землю от любого моноцентризма: хоть американского, хоть китайского, хоть христианского, хоть марксистского!

Жизнь возможна только в разнообразии, но и в солидарной кооперации тоже. Да будет!».

* * *

25—26 марта 2015 г. в г. Москве под эгидой Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова состоялся III Московский экономический форум. 26 марта 2015 г. в рамках Московского экономического форума был проведен круглый стол: «Россия в зазеркалье мировой экономики». С основным докладом выступил директор ЦОН, д.э.н. Ю.М. Осипов. В работе круглого стола приняли участие доктор наук А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), С.Г. Ковалев (СПб.), П.В. Павлов (Ростов н/Д), И.В. Пшеницын, В.Т. Рязанов (СПб.), И.Г. Шевченко, М.Р. Элоян (Ростов н/Д); кандидаты наук О.В. Добročеев, Е.С. Зотова, преподаватель И.А. Горюнов, экономический обозреватель газеты «Правда» В.И. Дектерев, научный сотрудник А.А. Антропов, координатор проекта «Диалог цивилизаций» С.П. Шевчуков, соискатель И.И. Рудяк.

Ю.М. ОСИПОВ, Т.Г. ТРУБИЦЫНА

Россия в пучине мировой экономики

Аннотация. Предлагаются обзор и краткие итоги круглого стола «Россия в зазеркалье мировой экономики», проведенного в рамках III Московского экономического форума (25 — 26 марта 2015 г., МГУ имени М.В. Ломоносова). Модератор — директор Центра экономических наук при МГУ профессор Ю.М. Осипов.

Ключевые слова: мировая экономика, неэкономика, мировой кризис, экономические войны.

Abstract. Offers an overview and brief summary of the round table «Russia in Wonderland world economy» held in the framework of the III Moscow economic forum (25 — 26 March 2015, Moscow state University named after M. V. Lomonosov). Moderator — Director of the Center for Economic Sciences at MSU Professor Y. M. Osipov.

Keywords: global economy, neoeconomy, the global crisis, the economic war.

С основным докладом на заседании круглого стола выступил д.э.н. **Ю.М. Осипов.** Он поставил ряд вопросов для обсуждения. Мировая экономика сегодня — безобидное конкуренционное деловое поле или арена тотальной войны без правил? Экономика рыночная или же управляемая деловито и весьма произвольно в интересах способных на

такое управление центров? Национальные экономики как целостные массивированные субъекты — есть они или нет? Не перманентен ли уже кризис мировой экономики и есть ли из него выход? Кризис российской экономики и проблема российского антикризиса. Россия — зеркало или «зазеркалье»? «Зазеркалье» мировой экономики — миф, мечта или реальность?

Ю.М. Осипов отметил, что мировая экономика сегодня — это именно «зазеркалье», полное тайн, уловок и разбоя. Это уже не объективная система, а сетевая иерархическая среда, снабженная управляющими центрами. Выходы из текущих кризисов очень проблематичны, они почти невозможны, ибо ставят под сомнение сам нынешний экономический, вполне уже и «зазеркальный», мир. Отсюда и затяжная экономическая война (или же война на экономическом фронте) с вовсе пока непредсказуемым результатом.

Ю.М. Осипов подчеркнул, что стоимость — это идеальная субстанция, сидящая в людских головах. Только в сознании и через сознание товар оказывается товаром. Сегодня деньги утратили свое реалистичное основание — привязку к золоту. Оценка денег стала свободной — она ни с чем не связана (конец Бреттон-Вудской системы). Сейчас все в мире ориентируется на доллар, а он живет себе своей собственной жизнью. Стоимость потеряла связь с реальностью. Она — сама себе сущность, сама себе и причина. Доллар тоже.

Реальный сектор перестал зависеть от пространства, места и времени — это важнейшая примета постиндустриальной эпохи. Виртуально-финансовая часть экономики господствует над реальной, из обслуживающей она стала доминирующей. Это на языке философии хозяйства и есть финансомика.

Сегодня в мире неэкономика — это как раз экономика, ушедшая в «зазеркалье». Она сама себя осуществляет, не подчиняясь никаким предположениям и законам. Здесь уместна аналогия: экономика — игра — правила вроде бы есть, но они так свободно нарушаются, что их как бы и нет. Главное — игра, а не правила (как в футболе).

Экономика — среда, поле, вселенная — здесь что-то происходит, есть игроки, есть хищники и травоядные, командоры и рядовые. Неэкономика всегда в состоянии кризиса, это кризисная экономика, даже когда она вроде бы процветает. Здесь уже перманентный кризис.

Россия «влезла», или ее «втасили», в это «зазеркалье». Российской экономике отведено в этом «зазеркалье» определенное место. Она стала вполне зависимой: энерго-сырьевые доходы текут куда надо через систему разных «уловочек».

Раньше хозяйство «сидело» в реальности, сейчас же экономика сама по себе, она ничем не ограничена. Деньги — фикция, симулякр, пустышка.

Россия решила освободиться от глобальной зависимости. Страна «зашевелилась» — и сразу же началось на нее силовое давление. Оказалось, что экономическую независимость надо поддерживать и неэкономической силой. На Россию пошли санкции, фактически ей была объявлена экономическая война.

Куда же идти России? — ставит вопрос Ю.М. Осипов. — И отвечает: к полноценному хозяйству. Нужно национализировать («империализовать») экономику, хозяйство, саму жизнь. Россия соблазнилась «зазеркальем». Но не до конца! *Автократура с мобилизацией* — именно это необходимо сегодня для управления страной, ее выживания, ее суверенитета.

Далее выступил д.э.н. **С.Г. Ковалев** (СПб.). Он отметил, что стратегические интересы России — это прежде всего самосохранение себя как самовоспроизводящейся цивилизационной целостности в многополюсном и меняющемся мире. Современный мир — глоболизирующийся мир, в котором одновременно идут процессы и региональной глобализации, и глобальной регионализации. Усиливающая тенденция изоляции России от Западного мира, оказываемое на нее экономическое и политическое давление (санкции, проблемы внутри Таможенного союза) безусловно сужают поле эффективного развития, возможности диверсификации ее экономики.

Успешное развитие страны в условиях сжимающихся возможностей будет зависеть в первую очередь от умения использовать социальное время. Национальная элита страны, опираясь на знание ростков будущего, его наметившихся тенденций у более исторически продвинутых систем, может строить свое настоящее исходя из наметившегося будущего: беря его позитивные моменты, усиленно их развивая и блокируя негативные моменты, отсекая их от своего формирующегося настоящего. Получая тем самым скачкообразное, спрямленное (без прохождения всех побочных, тупиковых линий и их ответвлений) развитие.

Кроме того, в условиях открытой экономики необходимо перейти от экспорта сырья к экспорту продуктов сырьевой переработки. В настоящий момент прямой переход к инновационно-прорывному развитию невозможен, шансы упущены, требуется более сложная траектория развития. Цель системы социальной и экономической организации российского общества в начале XXI в. заключается в том, чтобы обеспечить рост информационной емкости производственных технологий при условии сокращения расхода ресурсов. Общество должно

стимулировать развитие энерго- и ресурсосберегающих технологий, интенсивного земледелия. Это может сделать только государство, создав социальный механизм предоставления конкретных, дееспособных и всем понятных экономических преимуществ наукоемким и ресурсосберегающим технологиям. Стратегической целью государства должно стать создание комфортабельной инфраструктуры жизнеобеспечения для работника и благоприятной бизнес-среды для развития экономики, — подчеркнул Ковалев.

В последние годы в России утрачивались многие высокотехнологические отрасли. Их сохранение и развитие невозможны из-за отсутствия платежеспособного спроса и рынков сбыта. Реален только один путь — построение на первом этапе неоиндустриализационного цикла (прежде всего для добывающих и энергетических отраслей) кластера: добыча сырья — переработка — транспортировка — экспорт готовых продуктов. Этот кластер должен быть реализован на основе собственного национального машиностроения, что потребует развития многих наукоемких и высокотехнологичных отраслей, подготовки высококвалифицированных кадров, развития фундаментальных и прикладных исследований и предполагает создание новых технологий в сфере энергетики, развития всех видов транспорта, энергетического машиностроения, контрольно-измерительных приборов и т. д. При таком варианте страна останется энергетическим экспортером, но экспортером не сырья, а готового продукта.

Данный путь позволит также сохранить отечественную науку, обеспечить спрос на ее продукцию, как за счет государственной поддержки фундаментальных исследований, так и за счет спроса на ее научную продукцию. Прежде всего, для секторов: нефтегазодобывающего, оборонного (работающего как на внешний, так и на внутренний рынок) и секторов, работающих на воспроизводство населения (сельское хозяйство, пищевая и легкая промышленность, ЖКХ). Только такой путь позволит с наибольшей выгодой для себя использовать естественные преимущества страны.

В своем выступлении д.э.н. **И.В. Пшеницын** подчеркнул: экономика развитых стран — это самостоятельно движущаяся стоимость. Она самодостаточна и не управляема, а значит, договориться с ней невозможно. По своей природе экономика, находящаяся в состоянии кризиса всеобщего перепроизводства, требует разрушений, освобождения площадей для инвестиций и экономического роста, для движения стоимости. Это мы и наблюдаем в политике США. Вместе с тем Россия, отметил Пшеницын, является самостоятельным центром силы, не относящимся к развитой экономике. У России свой путь, своя судьба, что подтверждает последовательное отторжение ею программ по-

строения коммунизма и рыночной экономики (капитализма). На территории России должно быть восстановлено целостное хозяйство, воспроизводящее человека. Необходимо отметить, что экономика воспроизводит рабочую силу и только народное хозяйство воспроизводит человека, сберегая народ и возрождая в нем русскость. События же последнего года ярко демонстрируют войну мировой экономики с иными хозяйственными мирами.

Антагонизм экономики и хозяйства проявляется в различной природе денег. В России деньги имеют товарную природу, они являются бумажными знаками настоящих денег и основаны на внешних золотовалютных запасах. В развитой экономике деньги основаны на торговле перепроизведенными товарами, порождающей частные векселя, обращение которых создало банкноты и кредитные деньги. Основанием кредитных денег является оборот товаров и доходов на территории развитой экономики, самостоятельное движение стоимости.

Д.э.н. **М.Р. Элоян** (Ростов н/Д) напомнила, что русский экономист С.Н. Булгаков в своем труде «Капитализм и земледелие» говорил о России как о великой аграрной державе, способной на основе уникального аграрного потенциала, не истощенного агрохимической революцией Ю. Либиха, прокормить полмира и обеспечить себе экономическое могущество и процветание. Хотя уже тогда Булгаков предсказал, что человечество стоит на пороге изобретения искусственных продуктов питания, которое будет иметь прямое отношение к странам аграрного сектора и породит совершенно другую реальность.

Сегодня мы живем в эпоху ГМ-революции, последствиями которой будут: 1) демонтаж традиционного земледелия, если под традиционным земледелием понимать такую систему сельскохозяйственного производства, основу которой составляют два базовых фактора: «земля» и «труд»; 2) ликвидация крестьянства, как главной производительной силы сельскохозяйственного производства, а деревни, как основы его благополучия; 3) уничтожение «аграрного сектора мира», если под аграрным сектором понимать аграрные страны, решающие проблему человеческого существования, в которой главное — пропитание. Причем каждая из этих аграрных стран пройдет этот период по-разному.

Элоян обратилась к опыту Китая — колыбели традиционного земледелия, где создана уникальная система «аграрного коммунизма», согласно которой земля принадлежит тем, кто на ней живет и кто ее обрабатывает, т. е. крестьянам, являющимся собственниками небольших участков земли, которые с точки зрения извлечения прибыли считаются неэффективными и нерентабельными и индустриальным капитализмом, и ГМ-агробизнесом. И в ближайшие годы мы будем наблюдать разрешение противоречия (или поиск примирения их) между «аг-

рарным коммунизмом», который во многом составил экономическую основу коммунистического государства Китая, и ГМ-индустрией, требующей крупных земельных площадей для высадки ГМ-культур, что предполагает уничтожение китайской системы земледелия и крестьянства, как класс.

В России все проще — здесь уже создан плацдарм для засева ГМ-культуры и никаких объективных ограничений нет. Два этапа подготовили такую возможность: «сгон крестьян с земли» в конце XX в. и вступление России в ВТО в XXI в., членство в котором автоматически означает закупку ГМ-семян и уничтожение семенного фонда страны, а значит и продовольственной безопасности государства. Если Китаю ГМ-агробизнес грозит, возможно, сменой политического строя, то для России это означает потерю национальной экономики и, как следствие — национальной независимости.

Сегодня налицо конец науки политэкономии как инструмента познания новой экономической реальности. Теперь уже не земледелец-крестьянин, обеспечивающий сам себя семенным фондом и обрабатывающий землю, является основной производительной силой сельскохозяйственного производства, а генетики-демиурги, которые проводят генетические манипуляции с традиционными семенами на средства фонда Рокфеллера, в союзе с которым ГМ-агробизнес выстраивает торговую сеть по распространению ГМ-семян по всему миру. Это приведет, по мнению Элоян, к формированию совершенно другой науки, где уже не будет места таким понятиям, как теория земельной ренты, абсолютная и дифференцирована земельная рента, имеющих отношения к качеству земли и интенсивности труда, а будет формироваться совершенно иной категориальный аппарат, который незамедлительно будет поставлен адептами ГМ-культуры.

В выступлении д.э.н. **В.Т. Рязанова** (СПб.) отмечалось, что одним из ярких проявлений наступления эры «зазеркалья» в мировой экономике стала санкционная война в отношении России, формальным поводом для которой послужили события на Украине. Речь идет о нарастающем геополитическом давлении на Россию из-за ее стремления проводить самостоятельную внешнюю политику и защищать свои национальные интересы. Для нашей страны потери определяются не столько прямыми издержками от санкций, сколько усиливающимся геополитическим противостоянием. Приходится считаться с тем, что экономика и даже взаимовыгодные интересы чаще всего приносятся в жертву геополитики, когда страны-лидеры видят опасность для созданного ими режима доминирования и властвования в мире. Не следует тешить себя надеждой, что при нормализации международной экономической ситуации, которая все еще теоретически возможна и

предпочтительна, для нас будет создан по-настоящему режим благоприятствования в торговле и технико-экономическом сотрудничестве. В любом случае законы конкурентной борьбы ограничат нашу возможность получать новые технологии и прямые инвестиции в лидирующих отраслях и наукоемком производстве.

Может ли существовать российская промышленность без иностранного участия? — поставил вопрос в своем выступлении д.э.н. **П.В. Павлов** (Ростов н/Д). Он отметил, что текущая экономическая обстановка, применение антироссийских санкций, отказ ведущих европейских стран от поставки продукции по уже заключенным и оплаченным контрактам показали, что значат современные обещания в угоду сложившейся политической конъюнктуры. Отечественное производство остается без французских и украинских авиадвигателей для самолетов SSJ-100 и Ан-148, металлообрабатывающих станков, специальных алюминиевых и титановых сплавов, производимых на территории нашей страны иностранными компаниями. Но ведь это можно было предвидеть и избежать! Разве не могли мы в отечественном авиапроме производить самолеты Ту-204 и Ил-96 с пермскими двигателями, покупать металлообрабатывающие станки с ЧПУ ступинского машиностроительного завода, обходиться силами собственной металлургической промышленности? Могли, но были втянуты в заранее кабальные условия международной кооперации, основанные на обещаниях сбыта отечественной продукции на мировых рынках. Но не судьба... Никто из иностранных инвесторов не будет выращивать конкурентов, а особенно российских, чтобы отдать свою долю рынка. Нынешний кризис и санкционные войны показали это. Но ведь теперь, «прозрев», может, стоит развернуть вектор промышленного развития на 180 градусов и возродить собственное производство? Тем более что опыт и навыки для этого у нас уже есть.

Соискатель **И.И. Рудяк** отметила в своем выступлении, что, пребывая в тени сети глобализации, Россия как бы находится в «затерянности». Но сеть глобализации не является равномерной, а имеет именно кластерную природу. Дело в том, что на планете есть регионы, особенно удобные для экономической деятельности, которые перемежаются огромными регионами, малопригодными для подобной деятельности. В лакомых местах как предметах спора в конце концов обычно и образуются локальные и зачастую именно межгосударственные производственно-культурные, хозяйственные кластеры, похожие на ловчие сети пауков. Постепенно центробежная относительно страны сила данного кластера все более центростремительно втягивает кластер в себя, как бы превращая его в черную дыру. При этом возникает новое качество по принципу киномонтажного «эффекта Кулешова» (вплоть

до возникновения «кластерного патриотизма»). В принципе много «кластеров глобализации», расположенных по периметру огромной страны, могут разорвать ее на клочки. В подобной ситуации спасти государство может лишь центростремительная относительно страны сила, втягивающая страну внутрь, центробежно относительно кластеров растягивающая эти кластеры изнутри наружу. Для быстрого достижения подобного эффекта, чтобы сnivelировать огромные расстояния, страну необходимо срочно покрыть похожей на сеть муравьиных путей сетью скоростных железных дорог (возможно, с поездами на воздушной подушке), используемых именно для экономического производства. Логистический расчет этой транспортной сети следует провести в соответствии с принципом обратной связи, характерной именно для коллективного разума муравьев (как это уже происходит в США в бизнесе доставки и при освоении космоса), — отметила Рудяк.

Д.э.н. **И.Г. Шевченко** подчеркнул, что в России исторически сложилась и развивается христианская цивилизация, гармонично сосуществующая со всеми формами ведущих мировых религий, главными задачами которой являются моральное и физическое здоровье нации, жизнь и порядок. Шевченко в своем выступлении затронул проблему возможностей мозга человека воспринимать внешнюю информацию. Основная часть поступающей информации интерпретируется как шум, если человек концентрируется на краткосрочных задачах обретения материальных благ, стратегические же задачи и усилия по их достижению воспринимаются в шумовом режиме. Если же человек концентрируется на стратегических задачах, краткосрочные цели воспринимаются в шумовом режиме и, как правило, игнорируются. Такой человек будет восприниматься в обществе как неудачник, а доминирующим мотивом общественного поведения станет погоня за сиюминутными удовольствиями и максимизацией потребления материальных благ.

В заключение Шевченко сказал, что общество погружается в пучину планетарной катастрофы истощения ресурсов не потому, что люди глупы, а потому, что сама биологическая природа человека требует концентрации на краткосрочных задачах. Так как такая практика чревата, в конечном счете, разрушением общественных институтов в целях самосохранения общество вынуждено использовать систему аксиом, отражающих стратегические задачи общественного развития, или веру.

К.э.н. **О.В. Доброчеев** отметил, что поведение субъектов экономики часто бывает неопределенным. Поэтому цена товара может быть какой угодно, хотя и не любой. Неопределенность экономических изменений (ΔE), по оценкам А.Н. Клепача, можно измерить по аналогии

с принципом Гейзенберга, согласно которому она тем выше, чем быстрее протекают изменения $\Delta E \sim 1/\Delta T$, — напомнил Доброчеев.

Действительно, экономическая неопределенность возрастает в острых кризисных периодах экономики, к которым субъект не успевает адаптироваться. Если в качестве меры неопределенности взять отношение прироста ВВП к его средневзвешенному значению $Ne = \Delta \text{ВВП} / (\Delta \text{ВВП})_{\text{сред}} - 1$, то получим численную оценку того, насколько актуальные изменения экономики отличаются от тенденции (тренда).

Анализируя динамику американской экономики, мы обнаружили, что в течение 45 лет с 1963 по 2008 г. (от Кеннеди до Обамы) уровень неопределенности ее развития был много меньше 1, а в последние годы поднялся до 3. Сравнивая же этот показатель с численными значениями неопределенности развития Украины (14) и России (2), приходим к выводу о большей устойчивости России по сравнению с США и максимальной неопределенности (и перспектив развития) Украины.

Далее выступил научный сотрудник **А.А. Антропов**, который рассказал, что в августе 2001 г. он разработал экономико-математическую модель хозяйственных циклов — на примере ВВП США (в ценах 1929 г.). По его прогнозам, экономику США ждут две фазы депрессии: в 2014—2016 и в 2017—2018 гг. Современная экономическая статистика США не достоверна, — отметил Антропов. Свой спад в расширительном значении 1997—1998 гг. США «спихнули» на страны Юго-Восточной Азии (в первый и последний раз); спад 2001—2004 гг. — на Афганистан и Ирак. Спад же 2008—2010 гг. они хотели «перекинуть» на РФ, но политический стратег президент В.В. Путин этого не позволил; спад в расширительном значении 2014—2016 гг. они снова хотели «свалить» на РФ, но этого им опять не позволили сделать.

Кроме того, здесь еще один важный фактор: в 2008 г. общий объем деривативов, рискованных спекулятивных контрактов, составлял 500 трлн дол. (5×10^{14}), а к концу 2014 г. эта цифра приблизилась к 2×10^{15} (два квадриллиона) дол., т.е. произошел рост в 4 раза. Таким образом, общий объем деривативов превосходит ВВП США в 111,11 раз. Как это можно списать? И на кого это можно «повесить»? По мнению Андропова, дело идет к войне, и Йемен — только начало. В результате же США окончательно утратят статус великой политико-экономико-военной державы.

Преподаватель **И.А. Горюнов** в своем выступлении поставил вопрос: экономика «зазеркалья» — есть ли выход? Концепция «зазеркалья», предложенная Ю.М. Осиповым, для описания современной мировой экономики, — отметил Горюнов — весьма плодотворна, так как позволяет увидеть многие реалии, не замечаемые современными эко-

номическими теориями, и рассеять сознательно нагоняемый на людей словесный морок, скрывающий истинную реальность и истинных дирижеров нынешней экономики.

Современная экономика глобальна не только по географии и степени взаимосвязанности ее секторов, но и по степени обобществления. Управление современным глобальным хозяйством как сложной нелинейной системой может осуществляться только из единого центра, который прежде всего задает некую (часто весьма абстрактную) цель развития. Доминирующим (т. е. управляющим) элементом в современной хозяйственной системе является финансовая сфера. Сегодня именно мировая финансовая элита устанавливает правила (создает институты), по которым функционирует глобальная экономика.

Современное общество имеет множество названий: постиндустриальное, информационное, когнитивный капитализм и др. Для его обозначения нами используется термин «финансомика», как понятие, в наибольшей степени претендующее на раскрытие сущности этого общества. Общество, в котором осуществляется не просто доминирование финансового капитала над всеми остальными видами капитала, а приватизация государства финансовой элитой — можно назвать посткапиталистическим. Экономическая же суть посткапитализма, или финансизма, состоит в переходе от частной собственности к корпоративно-элитаристической, или олигархической.

Для перехода к VI технологическому укладу руководство США во многом сознательно осуществляет процессы дестабилизации в мире: насаждения хаоса на периферии современной мир-системы, управляемого хаоса в странах-регионах второго уровня (БРИКС, ЕС, Япония, Южная Корея) и усиления упорядоченности-управляемости (процессов реиндустриализации, научно-технических и образовательных прорывов и т. д.) в центре современной мир-системы — США.

Окончательное оформление посткапитализма как экономической реальности, идеологической конструкции и неодирижистской системы состоялось во времена президентства Р. Рейгана. Именно в годы правления Р. Рейгана была создана общественная система, получившая название рейганомика. Она не только окончательно покончила с капитализмом как государством частных собственников, взаимодействующих в рамках устанавливаемых государством правил, но и «разделалась» с экономикой как таковой.

Произошедшая во второй половине XX в. научно-техническая революция и созданный на ее базе когнитивный капитализм (когда главным капиталом стали знания, прежде всего научно-технические) это зеркало разбили на множество осколков-симулякров, или осуществили прорыв экономики в область «зазеркалья», где такой категории, как

«стоимость» (как и других традиционных экономических категорий), не существует и цены в принципе могут быть абсолютно любыми. Такими, какими захотят их установить те, кто может это делать или имеет на это соответствующие полномочия.

Сегодня человечество при минимальных затратах труда может превращать «камни в хлеба» — производить все необходимые для человека блага (порядка 10–15% работников способны обеспечить всем необходимым все население нашей планеты). Соответственно современная экономика освободилась от «крепостной зависимости» от труда и стоимости. И в принципе дала возможность большинству людей современного мира жить не работая (этот факт был зафиксирован и оформлен в концепции постиндустриализма).

Общество, освободившееся от необходимости тяжелого и повседневного труда по производству благ для своего выживания, должно было найти какую-то модель своего существования. Рейганомика и предложила одну из возможных моделей для существования человечества, вырвавшегося из тисков материальной нужды: традиционная экономика (с ее законами) была заменена виртуальной экономикой — «фабрикой грез» или «экономикой грез».

Именно интеллектуальный центр современного западного мира, с его конвергирующим кластером банков и фондов, Голливудом, ВПК, СМИ, ИТ, университетами, индустрией моды и т. д. создал современную экономику. Для создания своей (понятной им экономики) Калифорнии был нужен свой человек. Таковым и оказался бывший киноактер (а бывших актеров, как известно, не бывает — они служат своему ремеслу всю жизнь) и перспективный на тот момент политик, губернатор Калифорнии Р. Рейган. Именно он смог перенести-внедрить методы Голливуда в реальный мир.

Все это не было серьезно воспринято советским руководством и советской элитой, высокомерно смотревшей на «артистические чудачества и декадентство американского капитализма-империализма». Голливуд же в прямом (кино для периферийных стран) и переносном (в виде периферийной экономики, функционирующей по написанным за рубежом сценариям) смысле пришел и на постсоветское пространство. В виртуальном мире, мире Голливуда, возможно все. Соответственно в виртуальной экономике, «экономике грез», тоже возможно все, так как традиционные экономические законы-закономерности в ней не действуют.

В экономике Постмодерна самое главное — формирование правильного сознания населения,— подчеркнул Горюнов — прежде всего сознания потребителей, как, впрочем, и сознания работников и менеджеров. А кто кроме кино-телевидения-интернета (вкупе с маркетин-

гом-рекламой — опять же, прежде всего визуально-клиповой) может делать это лучше всего? Кино, отмеченное В.И. Лениным, как важнейшее из искусств, позволяет быстро и доходчиво распространять-вдалбливать в сознание людей любые мысли-идеи.

Как результат победы рейганомики в мире создана экономика, точнее, «фабрика грез, страстей и фантазий», с доминирующим финансовым сектором, абсолютно оторванным от реальности и каких-либо материально-экономических законов-закономерностей. В современной экономике царит произвол управляющих-неолибералистов. Изучать современный неолиберализм или виртуальную экономику зазеркалья («экономику грез») надо уже не посредством методолого-категориального аппарата экономических наук, а посредством инструментария киноведения в его постмодернистской интерпретации. Или выходить, точнее, выводить экономику из «зазеркалья», так как только это дает возможность человечеству сохраниться как человечеству.

Далее выступил экономический обозреватель газеты «Правда» **В.И. Дектерёв**. Он подчеркнул, что К. Маркс вполне здраво судил о сущности процессов в экономике XIX в., полагая, что на каждом этапе развития производительных сил складываются соответствующие им производственные отношения — те, которые сложились в середине XIX в., он и описал в своих трудах.

Сегодня же производительные силы принципиально иные. Как уже здесь отмечалось, 10–15% работающих могут полностью удовлетворить разумные потребности всех остальных работников и неработающей части населения. Поэтому и производственные отношения на этом этапе развития производительных сил принципиально иные. Главная проблема — «придумывание», чем занять остальных 85–90% работающих. Поэтому с точки зрения устоявшихся в научной среде взглядов на экономику эти новые производственные отношения и воспринимаются как «зазеркалье».

Конечно, это «зазеркалье» возникло не вдруг. Первые его элементы появились еще в конце XIX в. Последовательно накладываясь друг на друга, они пришли к нынешнему виду. Их апофеозом можно считать выпуск деривативов на 1,5 квадриллиона дол. При этом каждый владелец этих виртуальных финансовых инструментов стремился получить на них нечто вполне материальное, что и завершилось финансовым кризисом 2008 г.

Но это происходит в странах так называемого «золотого миллиарда», которые выкачивают из остального мира природные, материальные, инвестиционные и интеллектуальные ресурсы. Ради этого на планете и устраивается хаос. Так, суть «арабской весны» свелась к передаче власти самым разрушительным силам, резко снизившим как лич-

ное, так и производственное потребление ресурсов, «отнимаемых» у стран «золотого миллиарда».

Что же делать России? В первую очередь прекратить пользоваться западными «рекомендациями». Как заметил еще Маркс, экономическая наука — не наука — это идеология, позволяющая сделать в массовом сознании более приемлемым то, что реально происходит в экономике. Она основана на аксиомах, уводящих в сторону от анализа реальных процессов. Чтобы понять то, что реально происходит, нужен совсем иной понятийный аппарат.

Кстати, то, что на Западе называется бизнесом, у славян всегда делилось на два противоположных по своей сути вида деятельности: хозяйствование и наживу. Если всемерно поощрять тех, кто занят хозяйствованием, и душить тех, кто занят наживой (сейчас делается наоборот), можно быстро решить все реальные, а не высосанные из пальца проблемы.

В принципе, и в сегодняшней России можно построить нормальную финансовую систему, эффективно обеспечивающую главную функцию современных денег — инвестиционную — сказал в заключение Дектерёв. Для этого и нужно-то совсем немного — изменить законодательство, касающееся финансовых институтов страны и регулирования денежного обращения

В заключительном слове **Ю.М. Осипов** подчеркнул — важно осознание — мир меняется, уже изменился. Выталкивая из жизни человека, мир становится антигуманным. Сегодня Россия заявила о себе — в стране есть думающие люди, и это вселяет надежду.

Ю.М. ОСИПОВ

Россия в мировом экономическом зазеркалье

Аннотация. Пора понять, что экономика ныне совсем другая, чем это полагает теоретическая наука. Сегодня на экономическом дворе — постмодерновое зазеркалье. И Россия там же — в зазеркалье! Может, хватит?

Ключевые слова: экономика, постмодерн, зазеркалье, Россия, философия хозяйства, теоретическая экономия.

Abstract. The article is devoted to the economy that is nowadays absolutely another, than theoretical science believes it. Today there is a post-modern world behind the looking-glass on the economic «yard» and Russia is in the same place! Will this be enough?

Keywords: economy, postmodern, world behind the looking-glass, Russia, philosophy of economy, theoretical economy.

Экономика, а это в философско-хозяйственной интерпретации есть однеженное (стоимостное) хозяйство — не более того! — долгое время, возможно, и была... *экономикой*, о которой можно было иметь какое-то, пусть и немало мифологизированное, мировоззренческое суждение, не без участия которого возникло то, что до сих пор именуется *экономической теорией* (или *теоретической экономией*, что звучит лучше, но почему-то научным сообществом упорно не воспринимается).

И все было бы ничего, если б деньги не лишились своего собственного стоимостного основания (так называемого «золотого стандарта» — слышите: *стандарта!*), после отмены которого (а именно, обмена «ходячих» денег на «неходячее» золото) деньги перестали быть... собственно деньгами (самоценностью, главным и надежным товаром, «непоколебимым» всеобщим эквивалентом, «краеугольным камнем» экономики, неукоснительным в ней всего и вся мерилom, «постоянной величиной» и т. д.) и превратились в... денежный по виду... симулякр, в квазистоимостную фикцию, пустой знак и пустой звук, в нечто «несуветное», лишь принимаемое экономическим сообществом за деньги. Деньги, которые вовсе и не деньги; не деньги, но... вроде бы и... деньги! Важнейшее обстоятельство, за которым уже стояли во всеоружии неопределенность, пустотность, непостоянность, произвольность, обманность, искаженность, неверность и т. д., что было усилено неоиндустриализмом (постиндустриализмом), глобализмом, разгосударствлением экономики и самих денег, информатизмом, преодолением реальных пространства и времени, высочайшей производительностью и мобильностью реального производства, виртуализацией (иррационализацией) бытия, усиливавшимися безумием, бессмыслием и абсурдностью всей человеческой экзистенции, резким возрастанием игровой составляющей в жизнеотправлении человека, а ежели кратко и по-философски — *постмодерновой революцией!*

На смену *модерновой экономики* XVIII, XIX и XX вв. пришла на рубеже XX—XXI вв. *постмодерновая экономика*, или *неоэкономика*, имевшая только одну связь с уже прошлой экономикой, или уже археэкономикой, — однеженность, но и резко по этому же главному параметру от прошлой экономики отличавшуюся, ибо однеженность теперь была по сути своей фиктивной, а потому не так уже авторитетно ведущей, как авторитарно (нахально) господствующей. Экономика перешла в *финансомику*, в которой в доминирующем положении оказались уже не деньги как таковые, а заменившая их *финансовая ин-*

ституция, исходившая «по преимуществу не из потребностей уже внешней для нее» реальности, а из своих собственных, им имманентных, потребностей. Псевдоденежная финансовая система подмяла под себя экономическую и хозяйственную реальность, вогнала ее в долговое (хоть и фиктивное по сути) рабство, установила над реальностью свою неограниченную власть, заставила реальность сгибаться с ирреальным произволом.

Переход от модерновой экономики к постмодерновой ознаменовался и отходом от собственно экономики с насыщением ее всякой постэкономической атрибутикой. Неоэкономика в значительной мере уже и *постэкономика*! А все почему? Из-за утраты прежде всего реального экономического атрибута — «золотого стандарта» и обретения вместо него вполне уже «пустышного стандарта», что означало уже полное господство произвола в экономике, а не просто его присутствие в экономической среде. Разумеется, произвол этот постэкономический довольно управляемый (из тех же ФРС с Уолл-стрита), но все-таки это *произвол* — как для «обессиленных» ими управляемых, так и для всего постоянно насилуемого, но при этом и своевольного, неустанно экономического (а также уже и постэкономического) контекста.

И вот теперь самое интересное в характеристике современной экономики (неоэкономики, постэкономики, финансомики): неоэкономика полностью погружена в *зазеркалье*, где уже полно призрачности, произвола, непредсказуемости, искаженности, ну и... *безумия с бредом*! Экономика стала вдруг *безумно-бредовой экономикой*, или попросту... *бредом*! Все люди экономику хорошо-де знают, все в ней рачительно участвуют, все о ней задиристо говорят, но никто ничего в этой бредовой алхимии не понимает! Раньше хоть мифы кое-какие помогали что-то различить и обозначить, а ныне вместо мифов, более или менее обоснованных, стройных и убедительных, лишь один... *бред*, от которого, кстати, никому и никуда уже не деться!

Что, скажите нам, не бред в современной экономике: деньги, цены, кредиты, деривативы, «золотые парашюты», инвестиции, гонорары, откаты, распилы... что? Никак не согласные с нами «экономисты» (они же и презренные алхимики) непременно будут нам рассказывать про успешный бизнес, звездные капиталобороты, потрясающие ум и сердце банкротства, мало того, приводить показательные цифры, бряцать «достоверными» данными, звенеть «убедительнейшими» доказательствами, забывая о том, что все цифры в современной псевдоэкономике не то что условны, они попросту... *никакие*, точнее, какие-то, но... всего лишь на какой-то фальшь-момент в какой-то фальш-ситуации! Разумеется, есть реальное мегапроизводство реальных

мультиблаг, из которых столько сейчас ненужных, излишних, фальшивых, фиктивных, показных, престижных, гедонистических, бесполезных, вредных, убийственных и т. д., но не об этом тут речь, а об экономике, все это производство порождающей, разгоняющей и обесмысливающей. Производство абсурда — тоже ведь производство! О какой же экономике идет речь? В том-то и дело, что о воистину *зазеркальной*, которая уже не смотрится умиленно в зеркальце «золотого стандарта», подмечая там свою *меру*, выходы *за нее* и необходимости обратного обретения. Неэкономика ориентируется ныне в беснующемся сонме там и сям внезапно возникающих и внезапно же пропадающих зеркал (картинок), но при этом еще и кривых зеркал, а потому ориентируется... как бы не ориентируясь, а точнее — ориентируясь, наверное, но лишь на воображаемую и кривоносную, а вовсе не реальную и правдоподобную картину, а вот какую... э-э... да черт же ее знает... *какую!*

Современная экономика живет не так реальностью, как воображением, не так действительностью, как возможностью (точнее — невозможностью!), а если и расчетом, то мало того, что виртуальным, приблизительным и своевольным, но еще и каким-то... внезапным, моментным, «мигающим», то бишь, в общем-то... *недостоверным*.

Что за чепуха, заявят нам адепты точного экономического расчета? А мы ответим, ничтоже сумняшеся: *наобум* живет экономика, *наобум!* Хотя это вовсе не значит, что экономика при этом не может быть. Совсем даже наоборот, она есть, и есть как самая что ни на есть достоверная экономика! Просто обоснование каждой цифры... в самой же этой цифре и сидит, а не в каком-то внешнем для нее и законно-де обоснованном распорядке. Плевать экономической цифре на какой-либо там обязательный для нее законный порядок!

Любая экономическая цифра свободна сама по себе, хотя и не свободна от других цифр — столь же как будто бы свободных. Цифровая свобода и цифровая несвобода, но именно их — этих «цифер» — свобода и именно их — этих «цифер» — несвобода. Это-то и надо хорошенько усвоить всем добропорядочным экономистам, грезящим о законах цифрообразования, объективных рыночных цифрах, «справедливых» цифрах, рационально обоснованных цифрах и тому подобной мифологической чепухе. Цифра бывает такой, какой ей надо: сначала надо самой, а потом и всему миру цифр!

Достоверна ли экономическая статистика (как раз цифро-стоимостная)? И да и нет, и нет и да! Нет, поскольку это не более чем статистический миф об экономической реальности, которой по сути-то нет; да, поскольку это... все-таки миф, и миф все-таки о реальности, т. е. как нечто внутри себя, для себя и для реальности обоснованное

(брéдовый это миф, быть может, но все-таки не один же только в нем бред, а ежели и только один бред, то как раз тот самый — достоверный).

Экономические цифры служат экономике, ее виртуально-игровой реализации, что очень и очень здóрово, хотя и не очень-то здорóво; и ежели что цифирь эта отражает, то не более, чем... *призрак экономики*, причем во вполне зазеркальном исполнении — причем искусно, виртуозно и даже изящно исполняемом; этакий зазеркальный экономический мегафокус, он же и мегапокус!

Мы вовсе не утверждаем, что экономики нет, наоборот, мы всячески подтверждаем, что она есть, но... вовсе не такая, какой нам ее изображает (именно изображает) та же теоретическая экономия. Мир современной экономики — это сначала *постэкономический антимир*, а затем уже собственно *экономический мир*. И важно иметь в виду, что все главное решается как раз там — в антимире, а в мире как таковом лишь показывается, криво при этом преломляясь.

По внешним показателям никакого достоверного суждения о работе экономики не составить, а главное — не так уж и надо! Экономика в большой судейской достоверности не нуждается — она нуждается более всего в своей недостоверной активности, вызываемой и вполне недостоверными решениями. Что же касается человека, обзоревающего экономику, то он испытывает нужду лишь в достоверном мифе об экономике, чем, собственно, и живет, не имея возможности и в самом этом мифе быть вполне уверенным (не уверовавшим, что и в самом деле есть, а именно уверенным). Отсюда и весь комментаторский бред, мало того, и весь исследовательский бред, еще более — и весь деловой бред, ежели он претендует на отражение *реальной реальности*, которой, увы, в экономических окаямах попросту нет и быть не может, хотя онтологический бред по поводу экономики налицо, пусть и на кривое, пардон — несмотря на кривое, лицо.

Экономика — игра, игра тотальная и в основе своей «без-правильная»: тут лишь произвол на произвол с подчинением одного произвола другому. Доллар — произвол стоимостной: долларизация — произвол долларовый; подчинение доллару, его всеобщее признание, погашение долларовых долгов — долларовая кабала. Вот, собственно, и все! Играет тут доллар, а все остальное ему лишь подыгрывает. Игра в одни ворота — как раз недолларовые! Доллар — «золотой мячик» в руках, ногах, головах Уолл-стрита, которым Уолл-стрит увлеченно и играет, а судьей в игре этой «без-правильной» служит... э-э... тот же Уолл-стрит. Сила силы ломит!

Игра, но игра жесткая, вполне и войновская! Экономика сегодня — *война*, причем война *всемирная*, в которой есть заведомые и перма-

нентные победители, а также заведомые и перманентные проигравшие. Этаким мировым поддавки!

Экономика ныне — *перманентно кризисная*! Иной она в зазеркалье просто быть не может. Кризис — условие жизнеспособности зазеркальной экономики, потребный образ ее инфернального бытия. Вне тотального кризиса доллару неуютно, его господство сразу скукоживается и неумолимо исчезает. Кризис — выручалочка для доллара, как и всего, что под долларом.

Глобальная финансомика — *долларовая* (сестринство евро не лишает доллар братского надо всем превосходства — в рамках одного евроамериканского монетарно-финансового семейства). То доллар «ослабевает», то евро, то евро «усиливается», то доллар, а власть монетарно-финансовая — как раз евроамериканская — всегда на месте и в действии.

Власть в экономике — великое дело! Есть власть «гражданская», гражданская, политическая (государственная, имперская); есть власть идейно-духовная (идеологическая, религиозная); а есть власть стоимостная, денежная, капитальная, финансовая (долларо-евровская). И все эти власти владеют людьми, ресурсами, производством, хозяйством, жизнью, реальностью, бытием. Экономика — властная сфера: есть власть над экономикой; есть власть экономики над хозяйством, жизнью и бытием; есть власть внутри экономики. И хотя экономика — это что-то вроде самодействующего гигантского сознания, гипермозга, монструозного счетно-решающего устройства, бескрайнего ноосферного поля, а попросту — безграничного и бесподобного «морья-океана», как раз того, чего ничем не заменить и никак глобально не смоделировать, — что фундаментально волево, самовольно и самопроизвольно, — она — экономика — не просто не лишена властного момента, но еще и является многогранным властным феноменом-происшествием, не реализующимся без и вне действия властной составляющей, хотя и несмотря на то, что власть в экономике и над экономикой вовсе не абсолютна, не тотальна, не перманентна, не незыблема — мало того, что экономика беспредельна и сложна, она еще и глубока, таинственна, инфернальна! Попробуй-ка повластвуй там, где главное все отчего-то в зазеркалье, в темени, в самой, знаете ли, преисподней!

Доллар — власть, но и над долларом есть власть, хотя эти власти и относительно, и в обнимку с неопределенностью, и в сцепке с непредсказуемостью. Власть там вкупе с невластью! Отсюда постоянная борьба за власть (власти), как и непрерывная борьба с властью (властями). Отсюда и кризисы, и реформы, и революции, и те же войны!

Россия по итогам революции 1990-х гг. влезла, как и была туда втащена, в глобализированное мировое геополитическое зазеркалье, став там зависимой, энерго-сырьевой, вспомогательной, ну и, конечно, обыгрываемой, частью. Россия со своим «деревянным» рублем и поспешно сотканной «стеклянной» финансовой системой быстро подпала под власть хитроумного доллара вкупе с лукавым евро. И сидит она внутри глобальной экономики, обогащая зазеркальные верхи, держа в экономической узде российские низы, позволяя некрепкий средний класс, потребительски даже процветая, не обеспечивая при этом ни развития, ни полноценности бытия, ни творчества, ни уверенности в будущем, переживая системный кризис, кажется, уже бесконечный. Этакая *экономическая апокалиптика*, сочетающая *абсурдное процветание с безумным прозябанием!*

Однако Россия — *империя* (для себя и в себе империя), наследница великой и славной истории, той же Победы! И как-то неловко ей сидеть в глобальном зазеркальном коконе, хоть и много там жуя «полезностей», но зато мало думая и самостоятельно созидая. Отсюда внутренний дисбаланс и соответствующее ему внутриорганизменное напряжение. А выход только один: суверенитет, великодержавность, опора на себя и для себя. Рано или поздно любое внутреннее напряжение прорывается наружу, вызывая те или иные практические «роковины».

Чувствуя «напряг» России ради самой России, Запад, Россию в 1990-е не добивший (не захотел, не решился, не смог), приступил к новому и «окончательному» давлению на Россию, воспользовавшись недоброжелательством к России ее бывших «провинциальных территорий», а ныне «независимых государств». Самым подходящим звеном оказалась Украина, которую Западу удалось легко разыграть против России и нанести через посредство Украины чувствительный удар России. Последняя не могла стерпеть натовской перспективы Украины, как и взятого на вооружение властями Украины действенного русофобства, и, пойдя на выручку подмятому Украиной русскому миру, решила на разрыв с Западом как со своим незванным «партнерским гегемоном». Запад же, воспользовавшись крымским инцидентом, объявил России войну, точнее — активизировал было уже замерзшую антироссийскую войну, которую, в общем-то, ведет давно, еще с эпохи «псов-рыцарей» и Александру Невского.

Итак, в среде глобализированной мировой экономики, впавшей в зазеркальное и общевойновское существование, имеет место особая война — против взбунтовавшейся России, захотевшей самостоятельности, целостного развития, сохранения и процветания отечественного (русского, российского) мира.

Что делать России, кроме того, что повседневно с Западом воевать?

Программа минимум: взять *власть* над своим экономическим и хозяйственным пространством, его *национализировать*, для чего от- мобилизоваться волево, интеллектуально, творчески, действенно в целях совершения *постреформенного перестроения* через посредство *государственно-корпоративного неодирижизма* в хозяйственной сфе- ре с поддержанием необходимого *неолиберализма* в экономике.

Программа максимум: взять власть над экономикой, впавшей в зазеркальное (безумное, абсурдное, антигуманное) существование, ограничить ее роль в человеческой экзистенции, перейти к гуманисти- ческому (при этом *софийно-гуманистическому*) хозяйствованию, отве- чающему потребностям человека, общества, жизни, будущего.

Здесь не приводится программ в буквальном смысле, здесь лишь намечены концептуальные ядра программ. Россиянин знает, что ему делать, элита, быть может, на все это еще не решается, правительство медлит, но жизнь, борьба за жизнь, развернувшаяся на планете война миров требуют действия, возможно, и не совсем того, что предполо- жено приведенными выше стратегическими соображениями. Но делать что-то подобное все равно придется — такова металогика историче- ского промышления. Сказать, что русский человек как человек всея России ничего не понимает и совсем не знает, что ему делать, никак уже нельзя: подобное утверждение можно расценивать сегодня лишь как предательство России, своих предков и своей истории, своего непревзойденного будущего!

Е.С. ЗОТОВА, Т.С. СУХИНА

Европейско-российские экономические и политические отношения в новых мировых реалиях

Аннотация. Дается обзор выступлений на польско-российском симпозиуме «Европейско-российские экономические и политические отношения в новых мировых реалиях», состоявшемся в Варшавском университете 1 апреля 2015 г.

Ключевые слова: Запад, Европа, Польша, Россия, Украина, поли- тика, экономика, глобализм, разделенно-совместный мир, кризис, пра- вовая система, мультикультурность.

Abstract. The article presents the review of performances on the Polish-Russian symposium «The European-Russian economic and political rela-

tions in new world realities» that is taken place at Warsaw university on April 1, 2015.

Keywords: West, Europe, Poland, Russia, Ukraine, policy, economy, globalism, split and joint world, crisis, legal system, multiculturalism.

В апреле 2015 в Варшавском университете состоялся традиционный польско-российский симпозиум на тему: «Европейско-российские экономические и политические отношения в новых мировых реалиях». В преддверии симпозиума рассматриваемые проблемы были сформулированы следующим образом: «Мир, Европа, Россия и Польша переживают крутые перемены, ведущие к созданию новой международной конфигурации, питающейся духом “холодной войны” и переживающей неслабые межстрановые коллизии. Не обошли эти — вовсе не эволюционные, а сознательно волевые — процессы Европу, Россию и Польшу, чему формальной причиной послужили события, связанные с Украиной. Однако худой мир лучше хорошей войны, да и у Европы, России и Польши нет никаких серьезных оснований для перехода к режиму перманентной международной конфронтации. Какими бы болезненными и неприятными не были сегодня вопросы международной жизни на европейском континенте, их надо ставить и обсуждать, искать взаимопонимания — возможно, и компромиссного — и эффективного взаимодействия, особенно в экономике и научно-техническом сотрудничестве. Заметим, что даже во времена “холодной войны” 1950—1980-х гг. межстрановые отношения в Европе не были столь негативными и жесткими, как это имеет место сейчас. Задача европейских интеллектуалов — обеспечить снижение накала возникающей конфронтации и обеспечить переход к мировому взаимообусловленному существованию в рамках Большой Европы».

С приветственным словом к участникам симпозиума обратился декан факультета управления Варшавского университета, д-р, профессор **Я. Турина**.

Открыл симпозиум проректор Варшавского университета д-р, профессор **А.З. Новак**. Он выразил удовлетворенность продолжающимися связями между Варшавским и Московским университетами, а также отметил важность поставленной для обсуждения на симпозиуме проблемы, остроту происходящих сегодня политических, экономических, в том числе и монетарных, процессов в мире, в Европе, в частности, в Польше и в России.

С основным докладом «Запад и Россия — последняя конфронтация» выступил директор ЦОН МГУ, д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов**. В начале своего выступления он подчеркнул давнее — уже 25-летнее

— сотрудничество наших университетов, у истоков которого стояли уже ушедшие, к сожалению, из жизни профессора ВУ М. Липец-Зайховска, М. Добровичинский, М. Костшевский. Я не просто вспоминаю о них со светлой печалью и превеликой благодарностью, — заметил Ю.М. Осипов. — Я бы очень хотел услышать, что бы они сказали о происходящих сегодня событиях — в мире, России, Польше, на Украине. Могли ли мы еще недавно предполагать ситуацию, которая сейчас сложилась в Европе? Пришел момент истины для всех, и для науки тоже. Может ли она (наука) дать хоть какой-то адекватный ответ на происходящее в мире, что-то реально посоветовать? — Это большой вопрос. Хорошо, когда все хорошо: слегка изменяются цены, чуть-чуть колеблются валютные курсы, можно рассуждать о разных нюансах, но сейчас все стало совершенно другим. Мы столкнулись не с отдельными проблемами, а прямо-таки с негативной стороной бытия. Одно дело, когда этот «негатив» просто присутствует в мире, и «позитив» его более или менее контролирует. Совсем другое дело, когда «негатив» выходит наверх и «позитив» едва ему сопротивляется. Такова ситуация, которая сейчас возникла в мире. Надо принять во внимание вот что: со времен (по крайней мере) Великой французской революции Европа находится в состоянии войны, и из этого состояния она, в общем-то, мало когда выходила — Наполеоновские войны — войны внутри Европы за главенство в Европе, две мировые войны, которые провела Европа, пусть и в лице главным образом Германии, за подчинение России, превращение ее в «колонию». Европа сама дралась внутри себя и двигалась со своей дракой на Восток. После Второй мировой войны произошло вроде бы «замирение», но война все-таки оставалась, пусть и «холодная», пусть и уже от лица США.

И когда смотришь на все происходящее в исторической ретроспективе, видишь, что все повторяется: опять борьба за гегемонию кого-то над кем-то, опять Западный мир является главным раздражителем и опять Запад против России.

Дело не в конкретных действиях, которые сейчас происходят, дело не в конкретных людях... Дело в каких-то более серьезных мировых процессах, обстоятельствах, мировых тенденциях, которые, может, почти и не улавливаются официальной наукой — как нечто, выходящее за пределы привычной для науки фактологии. Но это есть: мир никак не может успокоиться и прийти к нормальному стабильному состоянию. И вот сейчас — кто вообще в мире хочет мира? Мне вот, например, кажется, что сейчас «мир-война» более подходящ, чем «мир-мир». Где этот мир-мир? По всей планете идет война. Она разная — есть горячая, более понятная, а есть войны «холодные», подковерные, тайные...

Что случилось в 2014 г.? Вдруг произошло изъятие всего этого «негатива». Мгновенно все стало ясно: оказалось, все уже готовы к войне — при всех этих ООН, «Диалогах цивилизаций» и т. п. Как, например, понимать беспрецедентную атаку на президента РФ — в рамках мира, который борется за мир? Я никого ни в чем не обвиняю, я говорю о том, что происходит в мире, — мир, видимо, нуждается в чем-то таком — негативном, конфронтационном.

Что характерно сейчас для мира, для его состояния? Возник новый мир — искусственный мир, мир технологический, «прогрессивный», мир, который подавил природу, мир, который отказался от Господа Бога — человек принял на себя миссию Творца, демиурга, устроил *свой* мир — Европа как раз все это и совершила... И вот этот самый «передовой» мир, который уже возник, уже торжествует, благодаря которому мы здесь сейчас сидим, говорим, вступил в конфликт с тем миром, который на планете был даден человеку «кем-то»... Человек этот данный ему мир не создавал, он его принял готовым, и теперь человек, мало того, что активно переделывает этот данный ему мир, но и подошел к моменту, когда этот «старый» мир человеку-демиургу мешает — и идет война «передового» мира со всем остальным — уже ненужным — миром. Война миров! — таково теперь мое представление о мире-войне. Я опять повторяю: я не хочу расставлять никаких оценок, все мы так или иначе на одном корабле, называемом планетой Земля, где идет сейчас большая, может, и последняя, межчеловеческая «разборка».

Не мы придумали глобализм. Была когда-то интернационализация мирового хозяйства. В 1980-е гг. появляется мондиализм... и вдруг теперь глобализм. Почему стали употреблять это слово? Чтобы показать, что мир попадает под контроль глобального центра. Это не мир, интегрированный мировым хозяйством, а мир, где ты должен подчиняться установкам, идущим из определенного центра. Так возник именно глобализм. Мы — я имею в виду нашу «замечательную» науку — ничего не поняли, стали писать диссертации с добавлением «в условиях глобализации...», ничего понятного в своих головах при этом не имея.

Сегодня что мы видим? — Кризис глобализма: он хочет установить контроль над миром, но не может! Мир уже сопротивляется, идет война между миром глобализма и остальным миром. Чтобы не быть голословным, достаточно вспомнить, например, БРИКС. Дело не в том, что образовался какой-то фронт... но раз такие объединения возникают, значит, в этом есть какая-то необходимость. Остальной мир объединяется... Разворачивается всемирная схватка...

Конечно, все, что произошло с Европой, Украиной, Россией — это все проявление того состояния войны, в котором сейчас находится мир. Малейшая попытка выйти из-под глобального контроля вызывает сразу же атаку на того, кто пытается это сделать. Собственно, сейчас это и происходит.

И очень жаль, что это все происходит. Мне кажется, сейчас самое главное — не столько искать виноватых, сколько понять, в какой «игре» мы все находимся, как-то сориентироваться, не быть в ней пешками. Это понимание, которое могла бы дать интеллектуальная часть населения, сейчас чрезвычайно важно. Может, я не совсем верно, адекватно, приемлемо понимаю возникшую ситуацию, может, нужно понимать ее по-другому, но мне кажется, что, когда фактически сожжены все мосты и никакие правила не соблюдаются, инициатор этого напряжения... т. е. уже сам созданный человеком передовым искусственный мир, не нуждается более в человеке, он его из себя выталкивает, он ему не нужен... Идет борьба за планету — борьба за выживание, за ресурсы, за будущее... Какая-то сила хочет превратить человека в «другого человека», удобного для этого мира, с другой стороны — избавить от тех, кто ему не подходит. А другая часть пытается сохранить все-еще-человека. Борьба идет за человека, внутри человека... и это — самая серьезная борьба, пожалуй, сравнимая с той, которая имела место при явлении Христа и зарождении христианства.

Очень важен интеллект. Но чем он напичкан — этот интеллект? Догмами всякими или все-таки пониманием чего-то нового? Сейчас острый момент: или мы что-то поймем, или будем «жевать жвачку» старых представлений... Короче говоря, я стою за новое миропонимание. И нынешние события по-своему хороши, поскольку заставляют задуматься над этим, расстаться с тем, что не работает, и оставить то, что работает, осмыслить, создать что-то такое, что разрешит мировую ситуацию.

Нынешний кризис — это, бесспорно, кризис мировоззрения.

Заканчиваю тем, что мы принадлежим все еще к слою интеллектуалов, против которых, вообще-то, ведется активная борьба, потому что *не нужны* сейчас интеллектуалы, не нужны. Но иного выхода нет, как осмыслить все, что вдруг на нас навалилось, и многое прояснить — с экономикой, с общежитием народов, с глобализмом...

Многое, что я говорил, я предназначал прежде всего для профессора Новака, который находится в центре современных интеллектуальных тенденций, надеюсь, он меня услышал... — заметил Ю.М. Осипов.

Профессор **К. Рычъ** (ВУ): Мне все-таки не очень ясно с этим глобальным контролем и локальным контролем... Мне бы хотелось, что-

бы границы оставались, чтобы жить можно было в каждой стране, как ей удобно. Есть ли возможность получить согласие в этом «глобальном контроле»? Как совместить глобальный контроль, локальный контроль и свободу?

Ю.М. Осипов: Всякое согласие достигается тогда, когда появляются победитель и побежденный. Победитель диктует условия побежденному, как это сделали Рузвельт, Черчилль и Сталин... Они продиктовали миру (и даже тем, кто не воевал) его новое устройство. Сейчас ситуация такова, что нет таких победителей и нет побежденных. Могут ли сейчас договориться разные силы, которые имеют разное представление о мире? — Сейчас борьба идет не за себя, не за свое государство, а за свой *мир*. Мир, который регулировался ООН, кончился. Сейчас ООН никому не нужна фикция. Пан Казимеж, я не хочу мировой войны! Но, первое — она идет; второе — победителя и побежденного еще нет, чтобы перейти в новое состояние. Наши прогнозы (я имею в виду мыслителей в нашей стране) направлены на полицентризм, или многополюсный мир. Я думаю, что эта концепция имеет промежуточный характер, что позволяет сейчас как-то успокоить умы... На самом деле будет что-то другое, и произойдет это в результате «большой разборки». К сожалению, но это, наверное, так!

Член-корреспондент НАН Украины **А.А. Гриценко:** Безусловно, то, что сейчас происходит, это результат конкретных действий субъектов, лиц, их ошибок... Ситуация могла бы развиваться так или иначе, но все это сопряжено с некими процессами, которые осуществляются достаточно строго — по строгой логике, так же как, скажем, развитие натурального хозяйства — где бы оно ни происходило — на смену ему приходит рыночное хозяйство.

Далее в своем докладе «Разделенно-совместный мир: современные формы существования» А.А. Гриценко раскрыл основное противоречие современной эпохи, которым, по его мнению, является противоречие между глобализацией, реализующейся посредством финансовых механизмов, и пространственно-территориальной локализацией материальных и трудовых ресурсов. Это противоречие является развернутой исторической формой внутренней противоречивости совместно-разделенного труда как исходного экономического отношения, из которого развились, с одной стороны, многообразие современных видов труда и его продуктов, с другой — способы их комбинации и соединения.

Глобализация институализируется посредством транснациональных корпораций, поддерживающих их государств-глобализаторов, межгосударственных экономических объединений и союзов, а локализация институционализируется посредством национальных госу-

дарств-оппортунистов, пытающихся противодействовать транснациональным корпорациям и защитить национальных производителей. Частным проявлением этого противоречия является противоречие по линии ЕС—Украина— (Россия—ЕврАзЭС), принявшее острые формы. Основополагающими способами разрешения противоречия между глобализацией и национально-государственной локализацией экономических ресурсов являются градуалистическая межгосударственная интеграция и регионализация.

При недостаточной степени градуализма переход к единой валюте в еврозоне привел к утрате странами таких стабилизационных инструментов национальной экономики, как инфляция и девальвация. Без этих инструментов все проблемы несбалансированности государственных бюджетов и платежных балансов стали концентрироваться в росте долга. Особенно остро это ощущают страны с более низким уровнем развития относительно стран-лидеров (например, Греция).

На основе проведенного анализа основополагающих проблем современного разделенно-совместного мира А.А. Гриценко сформулировал адекватные ему принципы разделенно-совместного существования: 1) учет рефлексивности отношений; 2) разделенно-совместный суверенитет; 3) взаимопризнание прав на особенности поведения (стран, регионов, социальных групп и пр.) и наличие общих ограничений; 4) компромисс как главное средство разрешения противоречий; 5) разделенно-совместную ответственность; 6) мирное сосуществование; 7) отрицание отрицания разделенно-совместного существования.

К. Рычъ: Вы сказали, что в условиях, когда есть какой-то монетарный суверенитет, есть местная государственная валюта, мы можем облегчить дефицит бюджета путем девальвации. Но мы, работая над этой проблемой с профессором Новаком, пришли к выводу, что девальвация в таких условиях — не лекарство, а плацебо. Она просто откладывает решение проблемы в долгий ящик. Ни монетарный суверенитет, ни совместная валюта не приводят страну к конкурентоспособности. Девальвация не является стимулом к повышению конкурентоспособности национальной экономики.

А.А. Гриценко: Я согласен. Если иметь в виду страны с неодинаковым уровнем развития, то вы абсолютно правы: девальвация никогда не была средством решения этой проблемы. Это механизм ее смягчения. В странах с разным уровнем развития он превращается в средство компенсации. Конкурентоспособность страны, в которой производительность труда в два раза ниже, чем в других странах, нельзя быстро повысить. Ей нужно «продержаться», пока она решит эти вопросы. Здесь применим механизм девальвации. Почему Польша — очень умная страна — до сих пор не ввела евро? А потому что знает —

с введением евро появились бы серьезные проблемы в финансовой сфере, а сейчас их нет.

Я.В. Турлуковски, к.ю.н., доцент (ВУ): К вопросу о повышении коммунальных платежей на Украине: низкие коммунальные платежи — это была дармовщина, которая и привела к современной ситуации. Трагедия сегодняшней Украины в том, что вместо постепенного введения современных технологий, правительство просто резко подняло тарифы и принудило людей чуть ли не топить дровами. Но что считать негативом — факт увеличения коммунальных платежей или то, что это не было сделано раньше?

А.А. Гриценко: Ненормально, что коммунальные платежи не обеспечивают существование этой системы, проблему нужно было решать, и уже давно. Но не повышением в три раза коммунальных платежей и одновременным снижением заработной платы. Нужна градуалистическая политика постепенного повышения цен, приведения их в соответствие в течение нескольких лет. Резкий обвал непременно выразится в социальных конфликтах, которые мы, к сожалению, увидим в ближайшее время. Вы правы, решать это надо, но иначе.

Я.В. Турлуковски: Второй вопрос лежит не в экономической плоскости — по поводу Бандеры. Да, было такое историческое движение — организация украинских националистов, которая в 1929 г. приняла радикальные манифесты. Но не кажется ли вам, что это разделение общества — для одной части он герой, для другой — не совсем герой — на самом деле не имеет ничего общего с этой идеологией?

С точки зрения социально-политических доктрин вся идеология этого движения строится на книгах Дмитрия Донцова — русского человека, который был до Революции социалистом, а после Революции 1917-го г. стал украинским националистом. Но то, что написано в его книгах, не имеет ничего общего с тем, что хочет сегодня украинская молодежь, его книг никто не знает. Разделение не просто искусственно, это некий символ сопротивления и борьбы за независимость. Реальной идеологии УПА, Бандеры и т. п. сейчас нет. Парадокс, но это так. Мне жаль, что именно Бандера стал символом украинского движения за независимость.

А.А. Гриценко: Современное мышление мифологизировано. Дело не в том, что что-то чему-то соответствует, а что-то нет, важно, что в общественном сознании в силу определенных причин именно так, как есть. И оно представлено конфронтационно. А было ли реальное основание, о чем вы правильно говорите, это уже другой вопрос.

М.Л. Хазин (Фонд экономических исследований Михаила Хазина, Москва): Я бы хотел добавить к рассуждениям о противоречии между глобальной и региональной системами. В силу глобальности рынков и

технологических процессов отдельные элементы одной технологической цепочки раскиданы по разным регионам, по разным финансовым системам. Ключевой момент, который при этом возникает, чисто экономический: как в доле этой технологической цепочки перераспределяется прибыль, которая образуется на ее конце. Выясняется, что одни страны намного «более равны», чем другие, потому что у них есть доступ к дешевому кредиту, к изменению правил, а у других нет. В результате при экономическом кризисе возникает ситуация, при которой прибыль перераспределяется вдоль этой технологической цепочки, что радикально меняет всю картину. И когда речь шла о девальвации, это очень часто инструмент, попытка удержать у себя хотя бы часть прибыли, которая образуется на твоей территории. И это не попытка поддержать производителя, это попытка вернуть статус кво в рамках тех изменений, которые происходят независимо. Технологически возможны разные вещи. Если говорить о задолженности, то это инструмент повышения частного спроса, инструмент стимулирования жизненного уровня населения через государственный долг. Государство стимулирует социальные программы, т. е. через рост долга увеличивает покупательную способность населения. И проблема сегодня состоит не в том, что долг слишком большой — любой долг можно обслуживать, реструктуризировать и т. д. Проблема сегодня в том, что невозможно его увеличивать. Есть государственный долг, который вызван целенаправленной политикой МВФ.

А.А. Гриценко: Вне всякого сомнения, это важно: сейчас проблема такая: во-первых, встроиться в цепочку добавленной стоимости и, во-вторых, эту частичку дохода, который возникает, у себя удержать.

М.Л. Хазин: О Бандере: проблема в том, что все человечество вступает за очень опасный порог, который последний раз был в 1930-е гг., период долгосрочного (более 10 лет) этапа устойчивого снижения жизненного уровня. Когда жизненный уровень устойчиво снижается, резко возрастает требование общества справедливости, т. е. общество говорит, что не нужен нам закон, так как он не может обеспечить нормальную жизнь, нам нужна справедливость. А справедливость бывает трех типов:

- религиозная — это исламское государство;
- национальная — в 1930-е гг. это нацизм во всех его формах;
- коммунизм.

Коммунизм в Европе пока не актуален, поэтому Европа сегодня будет ареной схватки между национализмом и исламом, потому что христианские конфессии явно отстают. Бандера — просто символ национализма. В Евросоюзе уже есть страны, в которых национализм сильнее, чем на Украине, например, Венгрия. И все это будет разви-

ваться, и здесь ничего нельзя сделать. К этому нужно подходить как к некоторому объективному процессу, которым нужно управлять.

Ю.М. Осипов: Хорошо, что обратили внимание на Бандеру — действительно нужно разобраться, что это такое. Насколько это национализм? Почему это взялось именно там? Это серьезный вопрос, требующий глубоких размышлений. Возможно, что он в матрице каких-то заведомых вещей, но не вписывается в ту клеточку, в которую его поставили.

А.А. Гриценко: В принципе я согласен с этими рассуждениями, почти что достигнут консенсус.

Далее выступил д.э.н., профессор **В.Т. Рязанов** (СПбГУ), который проанализировал характер мирового кризиса 2008—2009 гг. и его последствия для мирохозяйственного переустройства. Он отметил, что кризис представляет собой кризис глобализации, порожденный исчерпанностью спекулятивно-финансовой модели экономического роста и неспособностью наднациональных регуляторов предотвратить кризисные процессы в мировой экономике. Трудности выхода из кризиса объясняются торможением назревших реформ и неполным преодолением кризисных факторов. С этим связана неустойчивость восстановительного роста, которая подтверждается сохраняющимся высоким уровнем безработицы в большинстве развитых капиталистических стран. Особое внимание В.Т. Рязанов обратил на кредитно-долговой кризис в США и ЕС, который снижает возможность опереться на растущий спрос в обеспечении экономического роста. В свою очередь, возросшее неравенство в уровне благосостояния еще более осложняет проблему выхода экономики в фазу устойчивого роста.

В своем выступлении В.Т. Рязанов подчеркнул, что неполное снятие системных ограничений создает реальные угрозы возобновления острой фазы системного кризиса в глобально устроенной капиталистической экономике. Если с кризисом боролись, используя масштабные денежные инъекции, то трудности выхода из него пытаются разрешить усилением геополитического противостояния, опираясь на жесткие силовые методы в переделе рынков и в борьбе за сферы влияния. В этих условиях снять остроту геополитического противостояния, значит, вернуть экономическую мотивацию при принятии решений в международной сфере, поскольку она предполагает использование мирного и компромиссного способа разрешения противоречий и конфликтов, опираясь на переговорный механизм и взаимный учет национальных экономических интересов, — заключил профессор Рязанов.

В своем докладе «Трансформация современного мирового хозяйства в координатах Евросоюза и России» к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (Государственный морской университет имени Ушакова, г. Ново-

российск) отметил, что основной научно-практической методологией современной мирохозяйственной трансформации является процесс реструктуризации и формирования макрорегиональных рынков, генерирующих объективную базу кристаллизации того или иного инварианта матрицы полицентричной глобализации.

Поэтому в данном ключе идет напряженный поиск и имеет место жесткая борьба в части формирования контуров соответствующих макрорегиональных рынков как центров экономической силы и полюсов генерации долгосрочных интересов.

Традиционной критической массой подобного рода процессов является контролинг определенного качества и количества сочетания основных системообразующих рыночных факторов экономического развития, предполагающих определенный уровень, характер, структуру и масштабы развития производительных сил. А это, прежде всего, население численностью 250 — 500 млн человек, структурно-сбалансированное в координатах шести технологических укладов производство, развитая рыночная инфраструктура, диверсифицированная и глубокоэшелонированная наука и образование, неограниченный доступ ко всем видам ресурсов и современный мощный военно-стратегический потенциал. Но особняком, на первый план, здесь выдвигается в роли главной проблемы-фактора фактор адекватности механизмов регулирования этим процессам, где накопленный новейший исторический опыт формирования подобных рыночных группировок предполагает необходимость более пристально к нему присмотреться.

История, состояние и перспективы формирования и трансформации подобных группировок — центров силы формализуются в опыте развитых и развивающихся стран — рынков и их объединений. Сегодня это, прежде всего, США, Евросоюз, Китай, Россия, Индия, Бразилия, Арабский мир и т. д. А анализ данного опыта позволяет заключить, что устойчивость и перспективность того или иного макрорегионального рынка (например, ЕС и Евразийского экономического союза) зависят прежде всего от того, насколько последовательно нивелируются дифференциация, диспропорции и неравенство среди субъектов объединения (например, в течение развития ЕС дифференциация доминирует над выравниванием в уровне развития — опыт Бразилии, Испании, Италии, Греции, Кипра и новых восточноевропейских стран); на первый план выдвигается ли эффект саморегулирования (субъектности) по отношению к внешнему регулированию (другие центры силы, мировой рынок и т. д.); и насколько гармонично сочетаются экономические и внеэкономические факторы в развитии, а также внутрирегиональные (доминантность) с глобальными, — заключил В.В. Кашицын.

Свое выступление к.ю.н., доцент **Я.В. Турлуковски** (ВУ) начал со сравнительной характеристики польской и российской правовых систем, которые в принципе успешно прошли этап первоначальной правовой и организационной трансформации после изменения политической системы.

Он обратил внимание на общие «юридические корни» на примере известных ученых, работавших как в Польше, так и России, и их вклада в доктрины обеих стран. Имеются в виду теоретики права и цивилисты Г.Ф. Шершеневич, Л.И. Петражицкий, Е.В. Васильковский и др. (жаль, что работа в этом направлении недостаточна, особенно что касается переводов на русский и польский языки).

Далее в своем выступлении Я.В. Турлуковски затронул практические проблемы, возникающие при взаимодействии польской и российской правовых систем.

Во-первых, это проблема с исполнением судебных решений, вынесенных польскими судами и касающихся российских субъектов предпринимательской деятельности. Речь идет о частичном отсутствии механизма взаимодействия между правовыми системами, что зачастую проявляется в невозможности вручения решения суда или же невозможности принятия юридической фикции вручения на основании АПК Российской Федерации при уклонении от получения контрагента. Без сомнения, такая ситуация негативно влияет на инвестиционный климат.

Во-вторых, это вопрос исполнения и отмены решений третейских судов. Общеизвестной мировой практикой является замещение так называемой арбитражной оговорки в международных контрактах с участием иностранных лиц, что дает право в случае возникновения конфликта обратиться именно в третейские суды, минуя обычно более медлительные государственные суды. Решение третейских судов может быть отменено государственным судом кроме как в отдельных, исключительных случаях. К сожалению, в России можно встретить практику отмены решений третейских судов только на основании несогласия составом государственного суда с толкованием закона, принятым арбитрами третейского суда, что якобы нарушает «публичный порядок». Данная практика является недопустимой и не имеет под собой никакого теоретического обоснования, — заключил Я.В. Турлуковски.

В своем выступлении **М.Л. Хазин** отметил, что современная ситуация в мировой экономике характеризуется принципиальным моментом — распадом Бреттон-Вудской финансовой системы со всеми ее институтами — МВФ, Мировым банком и ГАТТ/ВТО. Причины этого

явления носят объективный характер и преодолены за счет изменения макроэкономической политики быть не могут.

Рассматривая эту ситуацию более подробно, М.Л. Хазин разъяснил, что экономический смысл Бреттон-Вудской системы — расширение зоны обращения доллара США, включение в нее все новых и новых активов, ранее котирувавшихся в других валютах. При этом под новые активы печатались (эмитировались) новые доллары, что создавало эффект дополнительного, «эмиссионного» дохода для субъектов долларовой экономики.

Этот процесс — с точки зрения появления реальных активов — завершился к 2000 г., когда были окончательно «переварены» активы, находящиеся на территории бывшего СССР. Это привело к кризису «доткомов» весной 2000 г. и обвалу рынков осенью 2001 г., после чего эмиссия продолжалась уже под виртуальные активы (будущий спрос домохозяйств). Этот пузырь рухнул в 2008 г., но еще несколько лет эмиссия продолжалась без инфляции под изменение структуры денежной массы (кредитный мультипликатор в США упал с 17 до 4). Сегодня и этот инструмент исчерпан — если сегодня продолжить эмиссию, начнется высокая инфляция.

Проблема в том, — продолжил М.Л. Хазин, — что с 1981 г., вначале в США, затем и по всему миру, действовала политика «рейганомии», направленная на стимулирование частного спроса. В результате сегодня частный спрос практически во всех странах мира существенно превышает реально располагаемые доходы населения. Для США это превышение можно точно оценить — это около 3 трлн дол. в год. Ранее эти деньги брались из эмиссии, сейчас — практически невозможно себе представить, чтобы совокупный спрос оставался на прежнем уровне, и мировую экономику ждет существенный спад.

Кроме того, снижение спроса означает, что резко сокращается потенциал возврата для инвестиций. Фактически в мире исчез инвестиционный капитал в том смысле, который в него вкладывался последние десятилетия: деньги у потенциальных инвесторов есть, но вложить их с прибылью невозможно. Это тоже создает серьезные проблемы для развития, особенно для периферийных стран.

Столь мощный спад (в ЕС и США он будет в 2—2,5 раза превышать кризис, который привел к Великой депрессии 1930-х гг.) неминуемо разрушит всю систему правил (основанную на Бреттон-Вудских соглашениях), в том числе законодательную. Кризиса такого масштаба человечество не видело уже давно — и к нему нужно готовиться, — подытожил М.Л. Хазин.

А.З. Новак, д-р, профессор, проректор ВУ: Если говорить о проблеме ликвидности, то этой проблемы нет.

В обороте сегодня находится около 650 трлн дол. активов. Сейчас имеется около 5 тыс. разных финансовых инструментов. Если говорить о наличных, то вы правы, но наличные — это не только деньги.

Сколько денег нам сейчас нужно и на что? На товары, на покупку ценных бумаг, на «черный» день. И все это — валовый национальный доход в мире — в 2014 г. около 65 трлн дол. плюс деньги на черный день — примерно 10%, т. е. 6,5 трлн дол. В разных странах это разная доля.

А в обороте денег в 10 раз больше, чем нужно. Почему?

Есть среди этих активов нехорошие, токсичные, которые никто не хочет. Эти токсичные активы — среди ценных бумаг, кредитов для предприятий и сельского хозяйства.

Какова их доля в активах вообще? От 10 до 50%. В среднем около 30% — токсичные активы, т. е. 185 трлн дол. Никто не хочет их покупать, продавать и просто показывать.

Банкам дают деньги, если объем токсичных объемов так высок, что банк не может обеспечить выплат по своим обязательствам.

Правительство и ЦБ видят это. Как с этим справиться?

1. Купить токсичные активы. Это может государство. Где взять деньги? Из налогов или выпустить другие ценные бумаги (облигации и др.). Но сейчас никто в этом не заинтересован, так как правительство может обанкротиться (пример Греции, Ирландии).

2. Проблема в том, что сейчас в мире дефицитные бюджеты, поэтому можно выпускать наличные деньги разными способами, и первым был Центральный банк Великобритании — пять или шесть лет назад выпустил около 100 млн фунтов стерлингов. Их очень раскритиковали, так как при расчетах по формуле Фишера, если много денег, то будет инфляция. Но инфляции не было, мы же наблюдаем дефляцию. То же самое делают ФЭТ и Европейский банк.

Но никто не знает, что будет в будущем.

Сегодня у нас есть реальная экономика и нереальная экономика. В реальной — все в деньгах, реальных товарах.

Ю.М. Осипов: Реальная жизнь управляется и подавляется фиктивным капиталом, и вот этот «фиктив» зашел в тупик, что означает конец экономики, живущей для себя.

М.Л. Хазин: В заключение я приведу цитату из Ландау — есть науки естественные, неестественные и противоестественные, такие как экономика.

Ю.М. Осипов: Раньше было золото, был обмен денег на золото, был естественный ограничитель. Золото было искусственной постоянной величиной для экономики. Сейчас этого нет, не на что опереться.

Но к золоту вернуться невозможно. Мир экономики существует сам по себе, нет реальной опоры. Отсюда все и вытекает.

Доклад директора Фонда экономических исследований Михаила Хазина **А.Д. Заточной** был посвящен юридическим конфликтам, вызванным экономическими процессами. Как показывает современная действительность, отметила докладчик, вопросы строгого соблюдения либо игнорирования основных принципов международного права становятся все более актуальными. Международный политический конфликт, как и любой внутренний, представляет собой столкновение противоположных интересов, целей, ценностей, взглядов и связанных с их реализацией действий. В международном политическом конфликте противостоят не частные интересы и цели, а общие государственные интересы. В первую очередь интересы, связанные с обеспечением безопасности и суверенитета государства, с защитой его территории, экономического, социокультурного и информационного пространств.

Национальный конфликт — конфликт между национально-этническими общностями или их частями. Резкое ухудшение условий на национальном уровне может потребовать довольно сильных изменений законодательства, как это было в России. Однако ограничения, внесенные на уровне ЕС, законодательно изменить на национальном уровне будет не возможно. Так как вся система хозяйственных отношений выстроена на экономической базе, которая определяется на следующих факторах: правовой базе, общепринятой практике (как кодифицированной, так и нет), личном опыте участников, — отметила **А.Д. Заточная**.

Однако есть еще один фактор, который играет свою роль, — это неявные правила, навязанные государством. Дело в том, что законодательство ЕС состоит из двух слоев: национального законодательства и общеевропейского законодательства. Последнее, с одной стороны, жестко ограничивает хозяйственную деятельность на национальном уровне, с другой, дает различные преференции и финансирование.

Все это требует принципиального пересмотра системы отношений в рамках приведенных четырех факторов с целью обеспечения большей эффективности в условиях резко негативных изменений экономики, — заключила **А.Д. Заточная**.

Свое выступление на тему «Экономические кризисы в Крыму начала XXI века: глобальный, украинский, российский» **Л.А. Миргородская** (ВУ) посвятила характеристике и анализу экономических аспектов событий, произошедших в 2014 г. на территории Крыма.

По прогнозу социально-экономического развития Республики Крым на 2015 г., ожидается рост валового регионального продукта Крыма на 10% за счет развития базовых отраслей экономики, ориенти-

рованных на экспорт предприятий, реализации инвестиционных проектов, улучшения транспортного потенциала.

При анализе данных 2014 г. наблюдаются падение промышленности, сельского хозяйства и туризма, снижение транспортного потенциала, реализации инвестиционных проектов не ожидается, только дотации. В целом дотационный уровень экономики Крыма — около 80%. Деловая активность снизилась существенно. Национализированы 250 объектов — в том числе крупные бюджетобразующие предприятия полуострова.

При росте средней номинальной заработной платы на 70% инфляция составляет более 50%, что приводит к реальному росту заработной платы только на 19%.

Таким образом, по мнению Л.А. Миргородской, темп падения экономики в Крыму после разрыва хозяйственных связей с Украиной выглядит удручающе. Крым теряет в развитии даже больше, чем воюющая Украина. Единственный выгодный показатель в виде более высоких зарплат и пенсий обеспечен не собственными экономическими достижениями, а дотациями из бюджета. Нет внутренних точек экономического роста, — заключила Л.А. Миргородская.

Выступление к.и.н. **И.П. Смирнова** (ЦОН при МГУ) было посвящено актуальным изменениям во внутривосточной и культурной жизни Центральной Европы. Распространенный в литературе геополитический термин (*Mittleuropa*) обозначает сектор континента, включающий Германию и балтийско-черноморский пояс восточных соседей, периодически теряющих и обретающих независимость, отделяющий ее от России. В нынешних геополитических реалиях к этой группе стран в известном смысле присоединилась Украина.

Докладчик охарактеризовал положение как кризис идеи мультикультурного общества и крах диктатуры политкорректности. В западной части региона свою несостоятельность показывает германский концепт «конституционного патриотизма», исламская часть немецкого социума все более демонстрирует нежелание встраиваться в единое мультикультурное целое, напротив, в нарушение норм политкорректности выступает как самостоятельная, мощная и динамично растущая сила, имеющая собственные интересы в Германии и в целом в Европе. На востоке региона ситуация симметричная, но более острая. Основанная на мирном сосуществовании жизнь вполне мультикультурного и относительно политкорректного государства опрокинута украинской «национальной революцией». Очень разные по истории, менталитету и политическим традициям области — Донбасс с частью Области Войска Донского, Слобожанщина, Малороссия, Новороссия, Северная Буковина и Южная Бессарабия, Закарпатская Русь, наконец, территория

Волыни, Подолья и Галиции (польские Kresy Wschodnie) — уживались в рамках внезапно возникшей в этих границах страны, пока влияние ни одной из них в культурно-политическом и идеологическом отношении не было подавляющим. Силовое навязывание одной из частей страны своей региональной культуры, своей трактовки истории и нужного вектора развития, своего понимания врагов и друзей и вытекающего из него набора местных исторических героев и антигероев, привело к сопротивлению и гражданской войне.

Парадокс, по наблюдению И.П. Смирнова, заключается в том, что остальная Европа предпочла не заметить в украинских событиях нарушение принципов политкорректности, толерантности и других мультикультурных ценностей, более того, всячески это нарушение поддержала. Что, с позиции докладчика, подтверждает крах названной концепции в самом ее европейском сердце и указывает на его необратимый характер.

В заключительном слове **Ю.М. Осипов** сказал, что мы видим крушение глобалистской утопии. Нация складывается с большим трудом, но нация это не этнос, это собрание этносов. Бывает, конечно, когда нация совпадает с этносом, но в Швейцарии, Германии, Франции, Испании это не так. И в России тоже. Есть этнические ядра, вокруг которых все остальные и собирается. На Руси с момента нашего разрыва с татарами-монголами стал складываться русский — единый — этнос, хотя внутри себя он очень разный.

Вот она Русь. Поезжайте в нашу любую русскую губернию и спросите любого человека, кто он такой. Он даже не станет отвечать, а лишь удивится такому вопросу.

Украина как нация еще не сложилась. Если избран путь насильственного становления нации, значит придется умыться кровью. Ничего не поделаешь — никто ведь своего просто так не уступит. Одно дело быть украинцем по принадлежности к государству, совсем другое — оставаться русским человеком. И у нас была русификация, и тоже была глупость. На Украине нет еще государственной нации, нет людского материала, который служил бы государству. Национальная государственность — бремя, а не удовольствие. Все уже сложившиеся нации, которые стали национальными субъектами, прошли через эти тернии.

Что нас волнует? То, что на Украине верх взял не украинский народ, а определенная часть населения, весьма далекая от собственно украинского народа. Это новые «господа», желающие покорить страну. И будет еще разборка, когда народ поймет, под кого он попал, насколько он «быдло» относительно этой агрессивной верхушки.

Ни одна нация, ни одно государство не существуют вне иерархии. Мы наблюдаем не внешнее завоевание, а внутреннее. Нет ни законов, ни принципов — ничего! И этот завоеватель может сделать только одно — продать страну с потрохами.

Легче всего сейчас на Украине во всем винить Россию. Враг есть — он-де вторгся! Но никто не вспоминает, сколько Россия дала Украине. Никакой Украины не было бы, если бы не было России.

Проблема «укров» состоит в том, что им обязательно нужно «отчалить» от русских. Пока есть русские — нет-де украинцев. Чтобы стать «украином», надо не быть русским. Трагедия Украины в этом.

НАТО на Украине не должно быть, что относится и к Польше тоже. Это плохая затея. Есть мир западноевропейский и мир восточноевропейский. И восточноевропейский мир никогда себя не сдаст.

Симпозиум получился совсем не плохой, мы всерьез поговорили о многих проблемах, смогли услышать друг друга. Такой симпозиум три года назад не получился бы. Не зря мы приехали в Варшаву из России и с Украины.

Искренняя благодарность варшавским организаторам и всем участникам, — заключил Ю.М. Осипов.

С.С. НИПА

Международная хозяйственная кооперация в евразийском строительстве: практика межгосударственного дирижизма

Аннотация. Приведен обзор научного симпозиума, проводимого лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ и Центром общественных наук при МГУ. На симпозиуме обсуждались вопросы современного экономического и международного положения России, были затронуты проблемы евразийства, кризиса и международной кооперации, предложены возможные пути изменения и улучшения ситуации в стране.

Ключевые слова: Россия, кризис, евразийство, кооперация, хозяйство, дирижизм, концептуальный мониторинг, постреформенные перемены.

Abstract. The article presents the review of the scientific symposium which is carried out by philosophy of economy laboratory of MSU, faculty of economics and the Center of social sciences at MSU. Questions of modern economic and world situation of Russia were discussed on the symposium, issues of eurAsianism, crisis and international cooperation are touched

as well; possible ways of change and improvement of the situation in the country were offered.

Keywords: Russia, crisis, eurasianism, cooperation, economy, dirigism, conceptual monitoring, postreform changes.

16 апреля 2015 г. на экономическом факультете МГУ лабораторией философии хозяйства и Центром общественных наук при МГУ был проведен научный симпозиум на тему «Международная хозяйственная кооперация в евразийском строительстве: практика межгосударственного дирижизма».

Открывая своим вступительным докладом симпозиум, д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** напомнил, что, отчитываясь на Ученом совете экономического факультета о деятельности лаборатории философии хозяйства, он использовал понятие «концептуальный мониторинг», означающий, что текущую реальность можно и нужно рассматривать через призму концептуального видения, особой мировоззренческой основы. Многие мероприятия лаборатории и ЦОНа посвящены именно такому анализу текущей реальности. Философия хозяйства дает возможность по-другому посмотреть на реальность, не так, как это делает политэкономия или обычная философия, а вполне уже по-своему. Мы уже не одно десятилетие находимся со своим видением в потоке исторического времени, наши предсказания не просто достоверны, но и весьма точны. Мы опережаем размыслительно время. То, что только сейчас вокруг активно обсуждается, нами уже было осмыслено и проговорено, причем 5, 10, 15 лет назад. Это-то и есть эффективный концептуальный мониторинг.

В декабре 2013 г. мы провели конференцию по евразийской интеграции, в декабре 2014 г. — по российскому антикризису. Мы решили, что в апреле 2015 г. уместно вернуться к этой проблематике и посмотреть, что же происходит в реальности. У нас есть свое представление о евразийской интеграции, о российском кризисе и российском антикризисе, а теперь полезно сопоставить эти представления с текущей реальностью. Этим, в частности, мы можем заняться на симпозиуме.

Страна сейчас находится в странной ситуации — своеобразной паузы, но паузы тревожной, неясной. В декабре мы еще думали, что стране нужна смена курса, на что ей необходима мобилизация, но ни смены курса, ни мобилизации мы не наблюдаем, как не наблюдаем и смены действующих от имени и во благо страны лиц. Идет не более как текущий ремонт системы, которая уже возникла, но которая, собственно, никого не устраивает, ни один слой не доволен созданной моделью хозяйства. Пореформенная система находится не просто в трудном положении, а в системном кризисе. Кое-какие перемены

имеют место, но они мало что меняют. Например, укрепление рубля, скорее всего, конъюнктурная штука, которая решается мировыми финансовыми силами. Геополитическая вспышка, которая вдруг случилась (Крым, Украина), не дала толчок к серьезным переменам внутри страны. Сейчас самое время пойти навстречу ожиданиям общества и продемонстрировать какой-то конструктивный замысел, но его пока нет.

В общем, ситуация псевдореволюционная — низы хотят, а верхи не могут, низы хотят перемен, а верхи делать это не собираются. Это серьезное противоречие между низами и верхами. Это не просто разные трактовки, это вопрос интересов, настоящего и будущего, быть или не быть этой стране и в этой стране. Из противоречия вырастает противостояние. Это значит, что власть сейчас рискует остаться без поддержки народа, пусть и всего лишь моральной. Ситуация в стране схожа с затишьем, но не с затишьем ли перед бурей?

В настоящее время кажется, что с помощью медиа, интернета и т. п. штучками власть владеет сознанием людей, но на самом деле это не так. В 1990-е гг. народ, признавая переворот, просто спасался, выживал, приспособливался. Сейчас ситуация другая — народ не спасается, а хочет достойной, полноценной жизни. Это уже не тот народ, который дружно отступил, а тот, который, пусть пока и не дружно, но наступает. Это иллюзия, что народу все безразлично, что он ничего не видит. Все он видит. Уже сложились новые характеры, представления, убеждения. Россия уже другая страна, и в ней уже другие люди.

Риск нарастает. Это важный исторический момент, который верхи то ли недооценивают, то ли что-то недопонимают, то ли уже не могут ничего конструктивного предложить. Элиты сформированы, властные структуры тоже, ничего радикально менять не надо. Грустное заблуждение!

Ю.М. Осипов предложил выступающим оценить настоящую ситуацию, высказать свои соображения по возможному разрешению возникающих проблем.

Далее выступил д.э.н., профессор Международного института (в Москве) **Г.Н. Цаголов**. В своем докладе он отметил, что согласен с Ю.М. Осиповым по поводу кризисной ситуации в стране. Самый главный вопрос при этом — вопрос смены модели. Вопрос о кризисе тоже важный. Необходимо понять природу кризиса. Какой кризис? Что это за санкции? Падение цен на нефть? Или это рукотворный кризис, который устроил наш экономический блок правительства? По мнению Г.Н. Цагорова, основной виновник кризиса — экономический блок правительства. Экономика в данный момент находится в противофазе. Западная экономика все-таки вышла из кризиса 2008 г., хотя там есть

еще проблемы долговые и другие. У нас экономика сжимается, как шагреновая кожа. Если имеет место сжатие — значит есть кризис, если есть кризис — надо искать виновников. Экономические и внутренние проблемы страны должно решать правительство. Сейчас внутренняя политика готовит революцию. Проблема в том, что у нас не слушают ученых, академиков. Какая должна быть модель? Существует плановое и рыночное хозяйство. Дирижизм — атрибут хозяйства, близкого к плановому. Дела идут хорошо в тех странах, где в той или иной мере существует плановое хозяйство (Китае, Вьетнаме, Индии, а также Белоруссии и Казахстане, как и во Франции, и в Японии). А мы все, что было наработано при социализме, «выкинули и сожгли». Большевизм — но наоборот. Мы от социализма перешли не к демократическому социализму, а к бюрократическому олигархическому капитализму. Наш капитализм приобрел несозидательный характер, спекулятивный и позорно-компрадорский. Нам надо вернуться к планово-рыночному хозяйству, такому хозяйству, где присутствуют план и рынок, их симбиоз. Это самая жизнеспособная модель, что и демонстрирует Китай. Они добавили капитализм к социализму, причем созидательный. Поэтому вопрос о дирижизме самый важный вопрос, то, чего нам не хватает. Не централизованное плановое хозяйство и не монополистический рынок, а сочетание того и другого. Когда у нас появится модель общества, появится и идеология, которая будет наполовину социалистическая, а наполовину капиталистическая.

Некоторые моменты экономической ситуации в стране обозначил д.э.н., профессор РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина **А.К. Шуркалин**. Он отметил, во-первых, что природа нашего кризиса рукотворная, но не совсем. Природа кризиса — в заимствованных институтах, заложенных в 1992—1995 гг., которые мы считали единственно верными и они создавались на безальтернативной основе; во-вторых, элементы дирижизма есть, но их сдерживает магнетизм мощных монополий; и, в третьих — какие возможности есть у нас в стране для выхода из данной ситуации. Один из путей — налаживание хозяйственных связей. Не только в добыче и продаже сырья, но и в их обработке. Например, в Белоруссии 20% поставляемой нефти перерабатывают на Борисовском и Мозырском заводах. Туркмения построила два крупных нефтеперерабатывающих комбината, но они не загружены. Можно было бы поставлять им нефть. Таким образом, возможности хозяйственных связей есть, важно понять их необходимость и цели, а также нужны люди, которые мыслят дальше и глубже и готовы принимать решения.

Д.э.н., профессор Ростовского филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ **И.Р. Бугаян** проанализировал идею развития социализма в разных

странах. Больше всех потратили сил на социализм два народа — русский и германский. Мы шли согласно марксистско-ленинской теории, Германия — национал-социализму. В итоге ни мы, ни они социализма не достигли, точнее, не достигли на основе вышеназванных концепций. Социализм же возникает в странах, которые никогда не называли себя социалистическими, никогда на это не ориентировались. Сейчас в мире часто говорят о шведском социализме и его шведскоподобных вариантах. Надо сказать, что ни одна из стран бывшего социалистического лагеря не отказалась от социализма — в смысле социальной защиты, но никто не достиг такой социальной защиты, которая имеется сейчас в странах, которые были против социализма, но он у них возник не благодаря, а вопреки. Далее докладчик высказал свое мнение по поводу вопросов, поднятых на симпозиуме. Ответы на них нельзя найти в рамках экономики. Единственный вариант рассмотрения этой проблемы — с точки зрения хозяйства, хозяйствования. Что касается модели, Бугаян считает, что будущее за социализмом, который будет возникать в отдельных странах. По мнению докладчика, социальная защита возможна только в тех обществах, где доминируют факторы производства человеческого происхождения. Сейчас в мире доминирующий фактор базируется на современном предпринимательстве, основанном на информационных технологиях. Социализм возможен там, где существует современное предпринимательство. Если мы хотим исправить ситуацию в нашей стране, то одно из условий — заниматься предпринимательством во главе с государством. Фундаментальные исследования должны проводиться государством, а частные предприятия должны исполнять последующие стадии производства.

И.В. Пшеницын, д.э.н., профессор РЭУ имени Г.В. Плеханова, сказал следующее. В течение всего XX в. руководители России стремились реализовывать планы. Всем памятна Программа построения коммунизма для всей страны. Потом были планы построения рыночной экономики. Тоже не получилось. Казалось бы, ясно, что никакого строительства по плану быть не должно; что у России есть свой путь, своя судьба. Однако планы множатся. И очень хорошо, что наш президент не претендует на роль Господа Бога, определяющего судьбу России, что он — прагматик, который следует логике русского народного сознания: «Иди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что», но обязательно иди, и тогда найдешь то, что ищешь. Кредо В.В. Путина — прагматизм.

В чем проблема преобразования плановой экономики в рыночную? Может ли экономика России стать инновационной развитой экономикой в результате, например, реиндустриализации? В плановой экономике производственные мощности должны соответствовать удовле-

творяемым потребностям. Производят столько, сколько нужно для страны. Осуществив индустриализацию, благодаря огромным усилиям всего народа, создали ВПК и победили в войне, что оправдывает эти огромные человеческие потери. Но рыночную экономику не создавали, создавали плановую экономику. Рынок в развитой экономике представляет собой систему рынков отдельных товаров. Для создания рынка одного товара необходимо перепроизводство этого товара и создание постоянного непотребляемого запаса. А для этого необходим кризис перепроизводства, после которого загрузка производственных мощностей снижается и поддерживает созданный запас. Плановая экономика не может создавать рынки, даже если провести приватизацию и ликвидировать плановые органы. Частная собственность в экономике, где нет рынков ресурсов, будет зависеть от распределителей ресурсов. Если государство уходит из такой экономики, то его место займет преступность, что и произошло в 1990-е гг. Возвращение государства в экономику в качестве регулятора распределения ресурсов неизбежно, хотя с точки зрения развитой экономики связь государства с экономикой порождает коррупцию.

Провести повторную индустриализацию в России невозможно из-за отсутствия свободных человеческих ресурсов. Необходимо сбережение народа, а не новая индустриализация. Будущее России — в развитии народного хозяйства, где экономика является лишь средством в решении конкретных задач, а не самоцелью.

Д.э.н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ **И.Г. Шевченко** рассмотрел с исторической точки зрения две стороны интеграции Евразии. Сложившаяся в течение веков территориальная конфигурация Российской империи имела глубокий смысл и закономерный характер: враждебные Руси государства постепенно поглощались, а их население ассимилировалось русской культурой и из недавних врагов превращалось в союзников и соратников по строительству и защите Общего дома. Путь создания компактного, мононационального государства с границей по реке Оке был отвергнут в пользу создания государства-цивилизации, самодостаточной и от Востока, и от Запада. За этот выбор русские люди заплатили еще одним столетием ордынского рабства. В годы большевистской революции появилась ложная идея «дружбы народов», редуцировавшая целый народ к отдельно взятой личности и игнорировавшая социальную неоднородность и противоречивость интересов внутри любого этноса. И хотя эта идея вырвала из дикости миллионы граждан национальных окраин, в 1960-е гг. она резко усилила укрепление национальных элит, что привело в итоге к формированию квазигосударств на границах России и реанимировало существовавшую столетия назад геополитическую напряженность.

В погоне за краткосрочными успехами интеграции на постсоветском пространстве национальная элита добивается лишь краткосрочного экономического и пропагандистского эффекта, усиливая при этом сепаратизм на временно утраченных территориях и дестабилизируя обстановку внутри страны развитием долгосрочных центробежных тенденций.

Ю.М. Осипов: мы смотрим на нынешнюю ситуацию; от евразийства толку нет, дирижизма нет — того, которого мы хотели, кризис продолжается, противоречия нарастают. Ситуация серьезная. Отсюда исторические аналогии. Это не значит, что надо повторять исторический опыт, речь идет о переориентации элиты, ее перемещении, освобождении территории от нее. Эта историческая задача вываливается на президента — справится он или нет, — иначе он — «Николай II». Российская империя находится сейчас в очень не простом положении для самой себя. И дело не во врагах, проблема — как разобраться в своей «берлоге».

Д.э.н., доцент экономического факультета МГУ **Т.Н. Юдина** в своем выступлении изложила философско-хозяйственные и практические аспекты институционально-экономического сотрудничества России и Китая в контексте двух концептов экономического пояса «Великого шелкового пути» (сухопутного и морского). ЕврАзЭС (ЕАЭС) и китайский проект Великого шелкового пути становятся знаковыми в условиях геополитических и геохозяйственных перемен в глобализирующемся мире, который часто похож на зазеркалье (это знак или образ иной реальности или параллельного метафизического измерения, которые невидимым способом пронизывают нашу реальность). Созидательный концепт экономического пояса великого шелкового пути будет основной темой российско-китайских переговоров, которые состоятся между Президентом России В.В. Путиным и Председателем Госсовета КНР Си Цзиньпином в мае 2015 г. в Москве. Эти переговоры институционально и экономически приведут к усилению стратегического партнерства между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и экономическим поясом «Шелкового пути». Данный формат сотрудничества требует серьезных институционально-экономических и политических изменений как в России, так и в Поднебесной.

История вопроса такова. Китайский лидер КПК и руководитель государства КНР Си Цзиньпин впервые представил в конце 2013 г. два мегапроекта: 1) создание экономического пояса Великого шелкового пути — сухопутный через Центральную Азию (Казахстан, Астана, 7 сентября 2013 г.); 2) через водные пространства Южно-Китайского и соседних морей — организация «Морского Шелкового пути XXI в.» (Индонезия, Джакарта, 10 октября 2013 г.). Идея разработки «Шелко-

вого пути XXI» появилась следующим образом. Ведущий китайский эксперт по России, профессор Фэн Юйцзюнь, анализируя специфику китайских мегапроектов на сайте газеты «Жэньминь жибао», отмечает, что речь не идет о создании интеграционной зоны. Фэн Юйцзюнь констатирует: «Экономический пояс Шелкового пути — это не искусственно продвигающийся интегрированный проект, а естественно сформировавшаяся идея о сотрудничестве». Под «искусственно интегрированным проектом» профессор имел в виду Таможенный союз и его превращение в Евразийский союз в 2015 г. Другие эксперты пишут о том, что появление проекта сухопутного «Шелкового пути» напрямую связано с недовольством руководства КНР неэффективностью и «неповоротливостью» ШОС, в частности, ролью России в этой организации. «Великий китайский шелковый путь» — это фактически новая модель ШОС, но в исключительно китайском формате. Отдельные аналитики утверждают, что Россия, Казахстан, Белоруссия, Армения вольно или невольно подтолкнули Китай к разработке «шелкового варианта» в Евразии. Они считают, что китайская модель евразийской кооперации «гораздо шире и по количеству стран — от 12 до 20, и по экономическим масштабам». В странах Центральной Азии и даже в РФ появилась масса сторонников таких оценок. Главная идея всех этих высказываний и комментариев в том, как «Китай ловко обошел Россию в Центральной Азии».

В России попытались использовать по-своему китайский проект экономического пояса Великого шелкового пути. Еще в 2013 г. В.В. Путин во время своего визита в Южную Корею предложил проект непрерывного железнодорожного сообщения между Южной Кореей и Европой как нового «железнодорожного Шелкового пути». Однако этот проект еще только прорабатывается также, как и «арктический Шелковый путь» (2015 г.). Дмитрий Рогозин на заседании Правительства РФ по Арктике 14 апреля 2015 г. говорил о 222 млрд р., которые могут быть направлены на развитие этого региона в контексте «арктического Шелкового пути». Используя свои финансовые ресурсы, Китай способен создать определенный «экономический пояс» стран от Тихого океана до Европы, включая прежде всего государства Центральной и Южной Азии, Закавказья. Участники данного мегапроекта смогут получать китайские торговые, инвестиционные и инфраструктурные услуги и потоки. Все это позволит, как утверждают официальные СМИ КНР, «достичь взаимной выгоды и взаимного выигрыша».

Анализ показывает, что в обосновании обоих мегапроектов шелкового пути (и сухопутного, и морского) фигурирует термин «взаимный выигрыш» как взаимный экономический интерес всех участников вышеназванных мегапроектов. Этот «взаимный выигрыш» довольно зна-

чительный, поскольку речь идет о перемещении многомиллиардных китайских капиталов. Китай обещает странам АСЕАН в рамках морского «Шелкового пути» к 2020 г. поднять уровень взаимной торговли с нынешних 400 млрд до 1 трлн дол., а инвестиции увеличить в 2,8 раз.

Наша философско-хозяйственная оценка данных проектов следующая. Два инновационных концепта Си Цзиньпина — «Экономический пояс Великого шелкового пути» и «Морской Шелковый путь» — это, во-первых, новая модель региональной и глобальной политики в контексте и российских, и китайских инициатив, во-вторых — новая модель созидательного хозяйственного строительства (домостроительства) в РФ и в КНР; в-третьих, реализация китайской мечты — возрождения Великого Китая и великой китайской нации с позиций геохозяйственного и философско-хозяйственного, а также геополитического стратегирования; в-четвертых, новая возможность международного институционально-экономического сотрудничества, например, стран Европейско-Азиатского Экономического Союза (ЕАЭС) и КНР, а также многих стран Центральной Азии и др.

Н.А. Винокурова, к.и.н., доцент ВШБ МГУ, отметила значимость социально-гуманитарной сферы в международной хозяйственной кооперации. Социально-гуманитарная область — не просто одна из сфер взаимодействия субъектов. Она может использоваться ими и в качестве ресурса влияния, а значит, и ресурса управления. Инструментом мобилизации этого ресурса выступает, прежде всего, «мягкая сила», представляющая собой, по определению Дж. Ная, способность государства (хотя и не только государства, а и любого бизнес-предприятия) демонстрировать привлекательность собственного опыта. *Создание атмосферы мягкого позитивного влияния способствует устойчивой международной кооперации.* Международная хозяйственная кооперация невозможна без коммуникации. Коммуникативные навыки представителей российских деловых кругов часто проигрывают зарубежным коллегам, что часто препятствует эффективной кооперации. Одна из причин этого проигрыша скрывается в разнице подходов к преподаванию социально-гуманитарных дисциплин в бизнес-образовании. Современный бизнес за рубежом просто не может существовать без системы бизнес-образования, так как высокий уровень конкуренции заставляет постоянно совершенствовать методы ведения бизнеса, поэтому бизнес-образованию от бизнес-структур формируется соответствующий запрос.

Гуманитарные знания — главный источник знаний о построении эффективной коммуникации, способах правильного убеждения и мотивации деловых партнеров, деловых кругов, заинтересованных лиц, клиентов, политиков, лоббистов, общества в целом. В американских

бизнес-школах активно практикуется системный подход к изучению бизнес-дисциплин, в него включается в обязательном порядке гуманитарный компонент. В хозяйственной системе Китая бизнес-процессы, бизнес-образование становятся, так или иначе, частью мировой политики, а иногда и политико-образующим фактором в мировой политике. Китайско-европейская международная бизнес-школа (CEIBS) — это совместное начинание Евросоюза и Правительства КНР. В 2005 г. CEIBS предложила совместную программу с американской школой Wharton School. Проект CEIBS позволяет европейцам и американцам формировать в Китае лояльную к европейскому и американскому бизнесу китайскую бизнес-элиту и лоббировать свои экономические интересы в данном регионе. С 2009 г. в MBA CEIBS добавились четыре обязательных китайских компонента: китайский язык, управление персоналом в Китае, Китай в мире, современные проблемы развития бизнеса в Китае. Китай через социально-гуманитарный компонент транслирует свои ценности зарубежным деловым партнерам.

Ситуация с преподаванием гуманитарного компонента в Российском бизнес-образовании неоднозначная. Социально-гуманитарному компоненту уделяется очень скромное место. Программы большинства российских бизнес-школ направлены, в большей степени, на узко-экономико-управленческий подход. Причин такого подхода может быть несколько. Одна из них связана с природой российского бизнеса. Российский бизнес чаще всего непрозрачен. Серьезная конкуренция наблюдается в весьма ограниченном числе отраслей, в среде бизнес-образования тоже очень слабая. Нет соответствующего финансирования на поиск и создание новых востребованных образовательных программ и полноценное проведение научных исследований. Развитие ведущих западных школ бизнеса базируется на использовании доходов, формируемых с помощью фондов целевого капитала (эндаумент-фонд Гарвардской школы бизнеса в 2008 г. составлял 3 млрд дол.).

Новое политическое социально-гуманитарное направление в российском бизнес-образовании можно начать с расширения вариативности курсов по выбору. В рамках новой тематики студентам бизнес-школ можно предложить такие курсы, как: 1) «Национальная модель Soft Power как инструмент формирования государственного бренда: опыт США, азиатских и европейских стран»; 2) «Менеджмент и благотворительность в американской истории как инструменты мягкого влияния на международной арене». Задачи этих курсов состоят в том, чтобы познакомить студентов с примерами использования мягкой силы как действенного инструмента эффективной коммуникации и в мировой политике, и в мировом бизнесе, позволить будущим бизнес-

менам найти новые независимые пути создания международной хозяйственной кооперации.

Гуманитарное образование способствовало экономическому и инновационному развитию, а гуманитарное знание считалось необходимым источником движения по этому пути. Френсис Бэкон, английский философ конца XVI — начала XVII в., образно подчеркнул эту роль, сказав, что сила заключается в обладании информацией. Позднее мысль Ф. Бэкона, превратившись в формулу «знание — сила», стала афоризмом. В этом случае, стоит подчеркнуть, что спасение российского бизнеса, напрямую связано с погружением в социально-гуманитарную сферу образования. Западную систему преподавания в России уже хорошо знают и, более того, используют ее сильные стороны. Однако сами представители этой системы пишут о кризисных явлениях, в ней наблюдающихся. Может быть, стоит подумать о решениях, которые позволят не строго копировать путь развития, пройденный западным бизнес-образованием, а предложить решения с учетом российской действительности, адекватные российскому обществу методы получения управленческих знаний?

Соискатель философского факультета МГУ **И.И. Рудяк** сравнила модель дирижизма и квантовый компьютер. По ее мнению, квантовый компьютер представляет собой наиболее адекватную модель дирижизма. Кубит (квантовый бит) квантового компьютера является суперпозицией (одномоментным существованием) ноля и единицы, поэтому кубит — модель суперпозиции двух явлений. Если создать подобную суперпозицию из разных явлений (например, из экономических производств в пределах одного государства), то сходные фрагменты этих разных явлений, встретившись в суперпозиции, зазвучат резонансно. Выстроившаяся последовательность резонансных точек создает резонансный контур системы — как внутреннюю структуру экономики государства. Все то, что не войдет в резонансный контур, превратится в диффузный распыл на структуре. В подобном смысле в пределах резонансного контура экономики одного конкретного государства возможен дирижизм как стратегический план. В пределах же диффузного распыла на контуре возможен и свободный рынок как тактика. Подобная модель разумно объединяет государственный дирижизм и частное предпринимательство.

Доклад о дирижизме как феномене глобализации представил к.т.н., ведущий научный сотрудник РНЦ «Курчатовский институт» **О.В. Доброчеев**. Дирижизм (мягкая подстройка саморегуляции) в современной экономике является не отлаженной практикой, а искусством. Поэтому его последствия могут быть любыми. От чуда сотворения нового миропорядка — до социальной катастрофы. (Вожделен

ный многими проект коммунизма закончился в СССР крахом, а вот фантастические проекты — выход человека в космос и высадки на Луну — вполне удались.) Поскольку плоды мягкой подстройки саморегуляции критическим образом зависят не столько от наших желаний и устремлений, сколько от их глубины (устойчивости на научном языке, или взвешенности) и сиюминутной и долговременной согласованности, которая определяет как смысл, так и содержание наших действий. Согласованность, в свою очередь, связана с ритмами и близостью фаз развития субъектов экономики. В случае гармоничного сочетания ритмов и совпадения фаз развития может происходить многократное резонансное усиление отклика, а в случае противоположности фаз — его полное гашение.

А смысл и содержание управления определяются целеустремленностью субъекта и объекта экономики и ее адекватностью окружающим условиям. Если цели гармонизируются между собой, а, кроме того, еще и отвечают насущным потребностям окружающих, то взаимодействие может быть чрезвычайно плодотворным. В противном же — крайнем — случае оно окажется бесплодным или даже фатальным. Сами же смыслы управления содержатся в трендах долговременных волн развития человека и общества, т. е. в истории семьи, государства и этноса. Все эти рассуждения основаны на представлениях о волновой природе роста и развития человека и общества (в древности эти знания, если судить по дошедшим до нашего времени фрагментам, вероятно, содержались в астрологии, а в нынешнее время они изучаются в синергетике, теориях сложности и турбулентности). И для того чтобы сегодня предметно обсуждать возможности и ограничения дирижизма в экономике, целесообразно вначале опытным путем определить закономерности взаимодействия лидера и общества, региона и государства, государства с государством, которые определяют результативность стратегического управления объектами экономики. И на этой основе разработать эффективные методы регулирования экономики в стратегической перспективе.

Актуальная потребность в такого рода исследованиях обусловлена появлением нового феномена — глобальной экономики, которая генерирует новые, не имевшие место ранее, риски: ее глобальные волны (продолжительностью в 140 лет) обладают намного большей энергией (инерцией), чем имперские волны прошлого (которые можно оценить 60-ю годами); она обладает пониженной степенью экономического разнообразия (а, значит, пониженной жизнестойкостью, согласно Эшби) вследствие унификации структуры мировой экономики (путем подстройки размеров и объемов деятельности ее субъектов под глобальные волны и их гармоник); отличается повышенной чувстви-

тельностью к слабым возмущениям вследствие существования у разных субъектов мировой экономики одинаковых частот колебаний (гармоник глобальных волн 70/35/17/9...), что создает предпосылки для резонансов с катастрофическими последствиями.

Дирижизм в этих условиях является необходимым средством понижения рисков глобализации. Его задачи: поддержание (или создание искусственного) разнообразия экономических систем (экономическая экология) как по физической структуре, так и механизму существования; торможение экономической глобализации путем регулируемых асинхронизмов (искусственной турбулентности — социальных экспериментов); регулирование с помощью малых параметров (идей, планов, организационных решений) уровня экономической турбулентности (масштаба потрясений путем их диверсификации, структурной перестройки хозяйства с целью повышения его устойчивости и понижения неопределенности).

Д.ф.н, профессор философского факультета МГУ **Н.Б. Шулевский** назвал свой доклад «Неодирижизм — гибридная форма сознания». Неодирижизм (дирижизм) есть форма (метод), посредством которой власть управляет, властвует над самой собой. Власть, управляя, может не ведать, что и ею управляют, причем зачастую так управляют, что она в своих управленческих потугах достигает обратного результата или же терпит жалкое рабское крушение. Гегель писал, что сквозь всякую вещь светится ее высшее и благородное содержание. Вот так и всякая власть светится сама в себе неведомой силой, которая делает ее властью, а может в любой миг сделать ее жертвой хаоса. Неодирижизм (дирижизм) в общем плане есть уникальная форма целостного сознания. В качестве дирижизма сознание действует как смысловые и практические, символические и сакральные, жизненные и вещественные, властные и произвольные, организующие и телеологические, эсхатологические и метафизические императивы реальности. Власть сознания, ума, души и слова осуществляется посредством их дирижерских избирательных воздействий на материю, хаос, inferнальные реалии и человека. Дирижирование — силовая, властная технология мысли, воли, сознания, души и слова.

В целом неодирижизм есть феномен смысловой, творящая смысловая реальность, непрерывно преобразующая хаос, распад в созидательно продуктивные формы. Это своеобразный перводвигатель, который движет других, движется сам, но при этом его смысловая матрица остается неизменной, сохраняя в себе идеи и оригиналы управляемых им предметов. Внешние управленческие структуры, институты, действия лишь выражают смысловую активность неодирижизма, состав-ляя его метасоциальное тело.

В неодирижизме, как и в любом сложном феномене, имеется множество уровней, образующих в своем ансамбле скрытую иерархию.

Есть *социально-управленческий дирижизм*, который решает системные проблемы, подчиняя экономику, образование, науку и другие сферы жизнедеятельности общества его стратегическим целям и проектам. Его главная задача — сохранять в социуме равновесие масс людей, денег и рабочих мест. Этот тип дирижизма имеет множество вариаций, охватывая мелкие, средние предприятия, корпорации и др. Есть *государственный дирижизм*, который решает задачи сочетания, регулирования взаимодействий рынка и планомерности, произвола субъектов с общими законами и задачами власти. Этот тип дирижизма, например, в КНР, в настоящее время срастается с функциями Генерального штаба армии. Управление экономикой, планирование масштабных хозяйственных проектов, регулирование свободы, необходимостью для их реализации, неизбежно переходит в руки главного дирижера общественной безопасности — военной власти, постоянно решающей вопрос жизни и смерти.

Есть *философско-метафизический дирижизм*, который решает задачи поиска форм и методов синтеза, интегрирования различных видов и типов сознания в целостные картины мира видениями, образами, с различными смысловыми уровнями и слоями. Метафизический дирижизм интегрирует эти особые и обособленные виды сознания в целостных картинах религиозных, мифологических, художественных, магических, научных мировоззрений, посредством которых упорядочивается, организуется, творится и воспроизводится индивидуальная и общая жизнь людей. Этот благостный и незримый дирижизм сохраняет инициативность, свободу, творчество, вменяемость людей даже среди диктата бессознания. Коллективное творчество, коллективные иллюзии и проекты, из которых плетется ткань истории, невозможны без метафизического дирижизма, превращающего сознание в самодействующее бытие, заряжая их смыслами духа. Его девиз: «Духа не угашайте!» (Фес: 5. 19—20).

Но в любой своей форме дирижизм представляет творящее сознание, которое служит высшим типом детерминизма — центральной причинностью, питающей энергиями центра все его следствия. В качестве сознания дирижизм есть и причина (субъект), и условие, и объект, и целевая реальность. В дирижизме единое сознание сохраняет свой центр, транслируя его мудрость во все многообразные реалии, инициируя их спонтанное творческое исполнение замыслов центра. Посредством дирижизма сознание не только отражает мир, не только творит его, не только упорядочивает его своими законами, но и непрерывно творит смысловую субстанцию, дающую каждой реалии ее цель, ее

роль в мистрии бытия. Сознание всегда остается дирижером, которому подчиняются материальные и виртуальные исполнители его императивов. Сознание — разведчик, классификатор, организатор, сетификатор, центрофикатор, наблюдатель, оператор, судия элементов, из которых формируются вещи и реальность. Но само сознание остается таинственным криптократором запускаемых им проектов и планов.

С краткими докладами выступили сотрудники лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ и ЦОН: к.э.н., ведущий научный сотрудник Е.С. Зотова, к.с.-х.н., научный сотрудник С.С. Нипа, научный сотрудник Т.С. Сухина.

Е.С. Зотова, к.э.н., в своем сообщении «Неодирижизм как актуальный антикризисный фактор» отметила, что дирижизм — управление — есть всегда и никуда из экономики уйти не может — ни на корпоративном, ни на государственном, ни на международном уровне. И современная практика это наглядно демонстрирует.

С.С. Нипа, к.с.-х.н., отметила важность государственного регулирования в использовании природных ресурсов, в частности лесных. Государственное управление лесным хозяйством должно быть направлено на повышение потенциала отрасли при сохранении и приумножении лесных ресурсов с учетом хозяйственного значения и средообразующей роли лесов.

В заключение **Ю.М. Осипов** отметил, что духовная субстанция существует, она влияет на человеческое бытие. В настоящее время отмечается момент всеобщей устремленности, всеобщего желания перемен, пусть еще не ясно к каким, но это устремление в стране есть. Интенции, которые рождаются в сознаниях человеческих, а наше сознание включено в общее ноосферное сознание, обязательно срабатывают. Сегодняшняя пауза, возможно, вызвана тем, что наш президент еще не осознал что правительству и стране делать. По принципу: «Не навреди». Но сама эта пауза опасна. Идет война, но и складывается новая международная общность. Впереди большие перемены!

На симпозиуме мы вновь высказались за необходимость обновления модели развития экономики и общества, за неизбежность дирижизма и за высокую значимость интеграционных связей. Не стало бы поздно!

* * *

Анонсы

РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ СИМПОЗИУМ
на тему

**«XXI век — феномен нового человека:
Европа, Россия и мир»,
к 90-летию Свято-Сергиевского Православного
богословского института**

Меняется мир, меняется и человек, его сознание и поведение, как и наоборот — мир меняется за изменяющимся человеком. Сегодня, в расцвет эпохи Постмодерна, можно с уверенностью говорить о становлении нового человека — в социокультурном аспекте. Прежде всего это касается Европы со всем европеизированным Западом, включая и первенствующие США, но антропологическая эволюция затрагивает весь мир, в частности Россию. На арену бытия выходит уже другой по качеству человек — технизированный информационный, глобализированный, мобильный, «туристический», стандартизированный, обладающий виртуализированным сознанием и демонстрирующий игровое и «летучее» поведение. Изменения здесь настолько велики, что современная философия уже ставит вопрос о движении к постчеловечеству. Так ли всё происходит на самом деле? С другой стороны — имеют ли место локальные антропологические процессы, ведущие к «региональному» разнообразию нового человека, включая и «национальное»? Тут и масса частных проблем: соотношение поколений, отцов и детей, полов, этносов, стран, идеологий, религий, культур, цивилизаций. В общем — сложная, занимательная и не берущаяся просто так проблематика!

15 мая 2015 г.

Свято-Сергиевский Православный богословский институт
(Париж, Франция)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
на тему:

Сознание как фактор хозяйственного бытия

Человек это сознание, а где сознание — там человек. Сознание как дар и как время. Сознание и бессознание, разум и инстинкт. Ноосфера, или общественное сознание. Разнообразие сознания, его уровни.

Сознание в реализации бытия, жизни, хозяйства, культуры, истории. Сознание и демиургия. Экономика и сознание. Феномен экономического сознания. Эволюция сознания. Перемены в сознании и в человеке. Сознание как фактор эволюции человека, его созидательной деятельности. Управление сознанием, его оснащение и переоснащение. Неоэкономика и сознание. Нео-сознание: миф или реальность, возможность или уже действительность?

18 — 19 июня 2015 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус

* * *

**X ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ
Публичная дискуссия на тему:**

Нужна ли экономистам философия?

Ведущий: д.э.н., профессор Ю.М. Осипов

Большинство студентов-экономистов скорее всего ответит, что нужна, но задумаемся над тем: какая философия, для чего, с каким сроком и объемом преподавания, наконец — с какой возможностью и перспективой применения? Но можно поставить вопрос и иначе: можно ли быть серьезным экономистом-практиком без философской подготовки, как и экономистом-теоретиком, не погружающимся в философию? Достаточно ли экономисту математики, информации, моделирования, компьютерных технологий? Интересно все-таки — надо прийти!

Октябрь 2015 г.

* * *

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная 25-летию Центра общественных наук
при МГУ имени М.В. Ломоносова**

***Российская философско-хозяйственная,
обществоведческая и экономическая мысль сегодня:
итоги, проблемы, перспективы***

Современность творит мысль, но мало обращает внимание на ее текущую характеристику и временную оценку. А это не совсем правильно, если вообще неправильно: современная мысль делает много ценного, развивая предшествующую мысль, ее корректируя, предлагая

и новые решения, нередко основательно обновляющие ранее накопленное знание и начертанные предшественниками представления о реальности. Эпоха сменяется эпохой — соответственно изменяются алгоритмы реальности и отражающие их ментальные конструкты. Современность всегда творит что-то новое, не бывшее ранее, а кое-где и кое-когда и принципиально новое, просто не имевшее возможности осуществиться в прошлом.

25-летие Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова — хороший повод для выверки именно современной мысли: обществоведческой, философской, экономической, а также, что особенно важно для юбиляра, родной ему философско-хозяйственной, как раз той самой мысли, в области которой Центру и объединенному им ученому сообществу удалось сделать действительно качественный скачок, ознаменовавшийся и рождением научной школы философии хозяйства.

Задача конференции — отдать должное современной отечественной мысли, подвести кое-какие итоги, высветить проблемы, наметить перспективы. Абсолютно нужная, актуальная и благородная задача!

В рамках конференции уместно провести и празднование 25-летнего юбилея Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова. Центр и его ученый актив этого заслуживают!

Секции:

1. Философия хозяйства как развивающаяся область мысли.
2. Обществоведение и философская антропология сегодня.
3. Современная экономическая мысль: между политэкономией и экономиксом к новой интерпретации.

Торжественное заседание по случаю 25-летия Центра общественных наук: «Четверть века служения науке, Отечеству и миру».

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2015 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (lab.phil.ec@mail.ru) до 15 января 2016 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>, <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2015 г.

Контактный телефон: +7(495)939-4183

2—4 декабря 2015 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, философский факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

ПОГРЕБНЯК АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, философский факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (*aapogrebnyak@gmail.com*).

ЛЕМЕЩЕНКО ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики, экономический факультет, Белорусский государственный университет (г. Минск, Белоруссия) (*liamp@bsu.by*).

СИДОРОВА АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА,

аспирант, кафедра теоретической и институциональной экономики, экономический факультет, Белорусский государственный университет (г. Минск, Белоруссия) (*ale9088@yandex.ru*).

БУГАЯН ИЛЬЯ РУБЕНОВИЧ,

академик-секретарь АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Ростов-на-Дону) (*bugayn43@mail.ru*).

МЕРЗЛЯКОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,

научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ (*merzlyakovss@mail.ru*).

НОВАК АЛОЙЗЫ ЗБИГНЕВ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, проректор, Варшавский университет (Польша) (*ANowak@wz.uw.edu.pl*).

РЫЧЬ КАЗИМЕЖ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, факультет управления, Варшавский университет (Польша) (*ANowak@wz.uw.edu.pl*).

ХАЗИН МИХАИЛ ЛЕОНИДОВИЧ,

действительный член АФХ, действительный государственный советник РФ (в отставке), президент Фонда экономических исследований Михаила Хазина (*khazin@yandex.ru*).

КОВАЛЕВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой, Санкт-Петербургский государственный университет экономики (*kovalev@finec.ru*).

САБИНИН ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ,

к.хим.н., старший научный сотрудник, ОАО «НИИ Оптико-электронного приборостроения» (г. Сосновый Бор) (*octatis@mail.ru*).

АНДРЕЕВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА,

к.э.н., доцент, докторант, кафедра экономики и финансов, факультет экономики, управления, права, Ростовский государственный университет путей сообщения (*a_o_v@mail.ru*).

ЩЕРБАКОВ ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономического образования, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара) (*ig063@mail.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антропологии и проблем комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*nnrostova@yandex.ru*).

ГЕВОРКЯН АРТУР РУДОЛЬФОВИЧ,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра онтологии и теории познания, философский факультет МГУ (*argevorkyan@yandex.ru*).

РОДЗИНСКИЙ ДМИТРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ,

действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ (*rodzinskiy66@mail.ru*).

ЛАБАНОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,

к.ф.н., доцент, кафедра истории и философии, Московский государственный строительный университет (*sergeylabanov@mail.ru*).

СИЗОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., к.ф.н., профессор, ректор, Вятский социально-экономический институт (г. Киров) (*rektor@vsei.ru*).

ВОРОНИН ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

к.и.н., доцент, кафедра археологии и исторического краеведения, исторический факультет, Томский государственный университет (*voronin-tsu@yandex.ru*).

ШИРОКАЛОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА,

д.соц.н., профессор, заведующая кафедрой философии, социологии и политологии, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия (*shirokalova@list.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

КУЗНЕЦОВА ЛИЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философии и социально-политических дисциплин, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (*Spring1982@rambler.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

академик-секретарь АФХ, член-корреспондент АГН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, экономический факультет МГУ; заместитель директора Центра общественных наук при МГУ; первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства» (*eszotova@mail.ru*).

ТРУБИЦЫНА ТАМАРА ГЕННАДЬЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет МГУ (*trubitsina@inbox.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет МГУ (*tsmsu@mail.ru*).

НИПА СВЕТЛАНА СТАНИСЛАВОВНА,

член-корреспондент АФХ, к.с.-х.н., научный сотрудник, экономический факультет МГУ (*nipa-ss@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2015 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.

